

Министерство здравоохранения Украины
Крымский государственный медицинский университет
им. С.И. Георгиевского

Романько Олег Валентинович

ЛЕГИОН ПОД ЗНАКОМ ПОГОНИ

*Белорусские коллаборационистские формирования
в силовых структурах нацистской Германии
(1941 – 1945)*

Монография

Симферополь – 2008

УДК 94:323.13 (= 161.3) (475) «1941/1945»

ББК 63.3(4Белорус)622.58

Р 697

*Монография рекомендована к печати
Ученым советом Крымского государственного
медицинского университета им. С.И. Георгиевского*

Протокол №10 от 27.11.2008

Рецензенты:

Потрашков С.В., доктор исторических наук, профессор

Романцов В.Е., доктор исторических наук, профессор

Романько О.В.

Р 697 Легион под знаком Погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941 – 1945). – Симферополь: Антиква, 2008. – 304 с.

В монографии рассматривается комплекс вопросов, связанных с историей создания и деятельности белорусских коллаборационистских формирований в силовых структурах гитлеровской Германии. На базе обширного исторического материала из архивов Украины, Белоруссии, России, Германии и США прослеживается процесс организации, подготовки и боевого применения белорусских частей и подразделений в составе полиции, Вермахта и войск СС.

Книга рассчитана на специалистов-историков, преподавателей ВУЗов, студентов и всех, кто интересуется историей Второй мировой войны.

Романько О.В.

Р 697 Легіон під знаком Погоні. Білоруські колабораціоністські формування в силових структурах нацистської Німеччини (1941 – 1945). – Сімферополь: Антіква, 2008. – 304 с.

У монографії розглядається комплекс питань, пов'язаних з історією створення і діяльності білоруських колабораціоністських формувань в силових структурах гітлерівської Німеччини. На базі численного історичного матеріалу з архівів України, Білорусії, Росії, Німеччини і США простежується процес організації, підготовки і бойового застосування білоруських частин і підрозділів у складі поліції, Вермахту і військ СС.

Книга розрахована на фахівців-істориків, викладачів ВНЗів, студентів і всіх, хто цікавиться історією Другої світової війни.

ISBN 978-966-2930-56-6

© Романько О. В. Текст, 2008

© Издательство «АнтикВА».

Оригинал-макет, 2008

ВВЕДЕНИЕ

В советской литературе, посвященной Великой Отечественной войне, за Белоруссией прочно закрепилось название «партизанской республики». В этом названии отразилось все: и прекрасные условия для «малой войны», и количество партизанских отрядов, и героизм «народных мстителей» в их борьбе против немецких оккупантов. Давая Белоруссии такое название, историки и публицисты как бы подразумевали, что всё, без исключения, население этой республики либо было партизанами, либо сочувствовало им. Во многом оно так и было. Но, и это сейчас уже не является секретом, были и те, кто вполне искренне мог идти на сотрудничество с врагом во имя каких-то своих целей.

В исторической литературе деятельность этих лиц определяется однозначно – коллаборационизм. Однако эту проблему нельзя рассматривать только с чисто академической точки зрения. Многие общественно-политические «вызовы» современности, на которые вынуждено «отвечать» все наше постсоветское общество, уходят своими корнями именно в годы Второй мировой войны и связаны именно с проблемой коллаборационизма. Более того, эти «вызовы» не просто связаны с ней, а являются прямым следствием тех неоднозначных и трагических событий, когда более миллиона советских граждан разных национальностей встали в ряды германской армии и сражались против своих соотечественников до самых последних залпов войны.

Советские историки трактовали выбор коллаборационистов однозначно отрицательно. Такая позиция не давала возможности даже приблизиться к объективному пониманию данной проблемы. Тем не менее, на то были свои причины. Как сейчас известно, большинство коллаборационистских проявлений имели в своей основе национализм и антикоммунизм. И это другая сторона проблемы сотрудничества советских граждан с военно-политическими структурами Третьего рейха. Кто-то делал это, исходя из социальных мотивов, а кто-то, руководствуясь установками своей идеологии.

Сейчас трудно сказать, что в тех условиях было лучше: замалчивать или всесторонне обсуждать эту болезненную тему. Фактом остается только то, что в непростых социально-политических условиях, сложившихся после распада СССР, национальная подоплека коллаборационизма проявилась полностью. Во многом это было связано с национальным возрождением в бывших советских республиках. Зачастую, этот процесс сводился к пе-

ресадаке на постсоветскую почву тех идей, которые идеологические предшественники нынешнего поколения националистов выработали до Второй мировой войны, а уже развили и попытались реализовать при содействии нацистов. Так, например, произошло во всех странах Балтии. В Украине вопрос признания коллаборационистов национальными героями был поставлен на повестку дня, но из-за неоднозначного отношения общественности, так и не сдвинулся с «мертвой точки». В Белоруссии после прихода к власти президента А. Лукашенко этот вопрос закрыли окончательно.

В связи с этим следует подчеркнуть, что всестороннее изучение вопроса белорусских коллаборационистских формирований, научный, а не идеологический подход к нему, не является исключительно белорусской проблемой. В целом, это – часть проблемы военного коллаборационизма советских граждан в годы Второй мировой войны. И она, наряду со своими нюансами, имеет много общего с подобными явлениями в других советских республиках и среди других наций и народностей СССР. Поэтому, научно-практическая и общественно-политическая актуальность данного исследования не вызывает сомнений.

В центре внимания данного исследования – проблема белорусского военного коллаборационизма и его использование во внешней, оккупационной и национальной политике нацистской Германии в годы Второй мировой войны.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1941 по 1945 г. Начальный рубеж – лето-осень 1941 г. – связан с созданием первых формирований, укомплектованных белорусами, – разведывательно-диверсионных и полицейских частей, и первым опытом их боевого применения в составе Вермахта и сил охраны правопорядка. Конечный рубеж – май 1945 г. – связан с капитуляцией Германии, ее вооруженных сил и, таким образом, всех коллаборационистских формирований, находившихся к этому моменту в их составе.

Территориальные рамки данного исследования охватывают места организации, подготовки и боевого применения белорусских коллаборационистских формирований, среди которых, в целом, можно выделить следующие регионы: Белоруссия, Западные районы России, Польша, Германия и Франция.

Целью работы является комплексное изучение проблемы белорусских коллаборационистских формирований и, в связи с этим, осмысление их роли во Второй мировой войне, не только с военной, но и с политической точки зрения. Поэтому, в соответствии с данной целью, автор поставил перед собой следующие задачи:

- проанализировать особенности военного коллаборационизма советских граждан в годы Второй мировой войны и выделить его характерные черты;

- определить военно-политические причины и условия, которые способствовали созданию в системе иностранных добровольческих формирований такой категории, как белорусские коллаборационистские формирования;
- выяснить роль белорусского национального движения в процессе создания и использования белорусских коллаборационистских формирований;
- рассмотреть межнациональные отношения на территории Белоруссии и их влияние на проблему коллаборационизма;
- проанализировать и сравнить особенности системы организации белорусских коллаборационистских формирований;
- проанализировать и сравнить особенности боевой и политической подготовки белорусских коллаборационистских формирований;
- проанализировать и сравнить особенности системы боевого применения белорусских коллаборационистских формирований и те принципы, которые были положены в основу этой системы;
- сравнить численность личного состава белорусских коллаборационистских формирований, как внутри этой категории, так и в отношении численности личного состава иностранных добровольческих формирований и германских вооруженных сил.

Проблема сотрудничества советских граждан с германскими военно-политическими органами относится к числу наиболее сложных в истории Второй мировой войны. Многочисленные дискуссии вызывает все: от самого феномена коллаборационизма до терминологии, которой пользуются исследователи при его изучении. Одной из причин этого и, одновременно, другим аспектом проблемы, является сильный идеологический фон, который сопровождает большинство работ, посвященных данной проблеме. Не являются исключением и белорусские коллаборационистские формирования, немногочисленная литература о которых предлагает, в целом, четыре основных взгляда на них: советский, постсоветский, восточноевропейский и западный.

Советская историография, без сомнения, была наиболее зависимой от идеологических факторов, так как уже само упоминание проблемы коллаборационизма ставило под сомнение постулат о морально-политическом единстве советского народа в годы войны. В белорусской ситуации отход от этого постулата мог привести к ревизии утверждения о «партизанской республике», коей считалась БССР весь послевоенный период. Поэтому в работах советских историков, посвященных Второй мировой войны, не находилось места для таких явлений, как коллаборационизм (во всех его проявлениях), националистическое партизанское движение или антисоветские настроения среди населения временно оккупированных немцами территорий. Однако и не говорить об этих явлениях вообще также было невозможно.

В результате, подход к проблеме, например, военного коллаборационизма осуществлялся согласно марксистской теории о перманентной классовой

борьбе. Масштабы этого явления скрывались, а его социальная база сводилась к классово враждебным светскому народу элементам – эмигрантам, бывшим белогвардейцам, кулакам и уголовникам. Был ограничен и сюжетный ряд, в рамках которого советские историки касались указанной проблемы. Как правило, проблема «восточных» добровольцев возникала в связи с немецкой оккупационной политикой на советских территориях, партизанской борьбой в тылу врага и деятельностью советских органов госбезопасности.

В целом, точка зрения советской историографии на проблему коллаборационизма не менялась на протяжении всех 46 послевоенных лет. Тем не менее, нельзя сказать, что в каких-то моментах она не претерпевала изменений. Главным образом, менялись подходы к этой проблеме и ее место в событиях Второй мировой войны. В связи с этим, можно выделить три основных периода, в ходе которых происходили такие изменения. Рассмотрим их на примере белорусских коллаборационистских формирований.

Работы первого периода – с 1945 по 1955 г. – носят, в основном, историко-публицистический характер. Их центральная тема: разоблачение немецко-фашистских захватчиков и их пособников из числа представителей местного населения. А методологические принципы, выработанные авторами этих публикаций, легли в основу всех дальнейших советских исследований по данной проблематике. Во-первых, это подход к коллаборационизму, как к проблеме уголовной, а не политической. И, во-вторых, намеренное объединение деятельности собственно коллаборационистских частей и формирований, созданных сторонниками некоммунистического движения Сопrotивления. Именно в таком ключе написана двухтомная работа народного комиссара внутренних дел БССР Л. Цанавы, посвященная партизанской войне на территории Белоруссии. Во втором томе этой работы описываются условия, в которых действовали советские партизаны и подпольщики. В том числе, здесь идет речь и о тех, против кого они действовали: немцы, польские националисты из Армии Крайовой (АК) и белорусские коллаборационисты. Им посвящена отдельная глава – «Белорусские буржуазные националисты – злейшие враги белорусского народа»¹. Вскоре после выхода книги Цанавы был арестован. Была спрятана в спецхран и его работа. Тем не менее, идеологические штампы, поставленные в книге, ее общая направленность и подходы к работе с материалом, просуществовали, за редким исключением, до сегодняшнего дня.

В период с 1955 по 1985 г. происходит дальнейшее углубление изучения истории Второй мировой войны. Появляется значительное количество работ, посвященных немецкому оккупационному режиму на советской территории и партизан-

¹ Цанавы Л.Ф. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков: В 2 т. – Мн., 1951. – Т.1-2.

скому движению. Большинство из этих работ были основаны на документальных источниках, которые в ограниченном количестве начинают вводиться в научный оборот. В целом, советская историография продолжает оставаться на тех же методологических основах, которые были выработаны в первый период. Информация относительно коллаборационистских формирований является фрагментарной и бессистемной. Наиболее популярный сюжет – разложение и вывод на советскую сторону частей из «восточных» добровольцев. Однако данные об их организации и подготовке отсутствуют полностью, нет анализа боевого применения. Крайне редко указывается численность этих формирований (как общая, так и частная). В данном случае, наиболее характерными являются работы М. Загорулько, И. Ивлева, И. Кравченко, А. Юденкова и некоторых других авторов, в которых идет речь о таких белорусских коллаборационистских формированиях, как Корпус белорусской самообороны (КБС), Союз белорусской молодежи (СБМ) и Белорусская краевая оборона (БКА)².

Для вышеуказанных работ белорусский коллаборационизм являлся только фрагментом, причем, разумеется, неглавным. И в этом – органическая связь второго периода советской историографии с первым. Однако, его основной особенностью, в данном случае, является появление работ по проблеме коллаборационизма, которые уже можно назвать условно-специальными исследованиями. Речь идет о монографии В. Романовского «Соучастники в преступлениях», поднявшей изучение этой проблемы на качественно иной уровень. Как и работы предыдущих авторов, ее основная цель и методический принцип – разоблачение белорусского национализма. Тем не менее, монографию Романовского отличает системность изложения и использование ранее не публиковавшихся архивных документов. Впервые указана связь коллаборационистских формирований с белорусскими коллаборационистскими организациями – Белорусская народная самопомощь (БНС), Белорусский совет доверия (БРД) и Белорусский центральный совет (БЦР). Наконец, положительным моментом следует назвать отсутствие некоторых идеологических штампов еще сталинской эпохи³.

Попыткой белорусских историков подвести итог под 40-летним изучением периода Второй мировой войны является трехтомное исследование «Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчи-

² Загорулько М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург»: (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). – М., 1980; Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР, 1941-1944 гг. – М., 1988; Кравченко И. Формы и методы политической работы Компартии Белоруссии в тылу немецко-фашистских захватчиков // Из истории борьбы белорусского народа за Советскую власть и победу социализма. – Мн., 1957. – С.200-234; Немецко-фашистский оккупационный режим (1941-1944). – М., 1965.

³ Раманоўскі В. Саўдзельнікі ў злачынствах. – Мн., 1964.

ков в годы Великой Отечественной войны». Несмотря на то, что материал книги «идеологически выдержан» и не выходит за рамки господствующих стереотипов, проблема белорусских коллаборационистских формирований рассмотрена в ней несколько по-новому. Впервые в советской историографии они показаны как часть системы немецкого оккупационного режима, что дает некоторое представление об их генезисе, развитии и роли в борьбе с советскими партизанами и подпольщиками. При этом центральное внимание уделено сюжетам, связанным с разложением партизанами и подпольщиками коллаборационистских формирований⁴.

Перестройка и общая либерализация общественно-политической жизни позволила сделать значительный шаг вперед в деле изучения проблемы коллаборационизма. Начиная с 1985 г., уже можно говорить о том, что этот феномен становится самостоятельным сюжетом в историографии Второй мировой войны. При этом, необходимо отметить следующие тенденции. Появляется новая точка зрения на коллаборационизм, которая серьезно отличается от официальной. Нельзя не отметить, что это происходит под воздействием зарубежной (и, в том числе, эмигрантской) историографии, многие работы которой стали теперь доступными для советских историков. Еще одним серьезным толчком для такой идеологической переориентации стало то, что были открыты многие, ранее недоступные, архивные материалы. Все это привело к существенным методологическим изменениям в изучении проблемы коллаборационизма. Например, военный коллаборационизм стали исследовать, как в целом, так и по его отдельным аспектам. В результате, к 1991 г. в советской историографии Второй мировой войны, наряду с официальной точкой зрения на проблему сотрудничества советских граждан с германским военно-политическим руководством, сформировалась новая позиция. Применительно к теме диссертационного исследования они были представлены, соответственно, Б. Мартыненко и А. Колесником. Именно в работах этих историков, указанные тенденции прослеживаются наиболее четко⁵.

Направления и тенденции, которые только наместились в поздней советской историографии, получили свое развитие в работах историков стран СНГ. На данный момент в каждой из них имеется своя школа, представители которой, в той или иной степени, разрабатывают проблему «восточных» коллаборационистских формирований. Для темы данного исследования наибольший интерес представляют работы белорусских, российских и украинских историков.

⁴ Аржаева Л.В., Доморада К.И., Игнатенко И.М. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т. – Мн., 1984. – Т.1-3.

⁵ Колесник А.Н. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. – Харьков, 1991; Мартыненко Б.А. Нацистские военные преступники в США и других странах НАТО. – К., 1988.

По понятным причинам, лидирующее положение в этом процессе занимает белорусская историческая школа. Начиная с 1991 г., ее представители подготовили значительное количество публикаций, связанных с историей белорусских коллаборационистских формирований. При этом четко оформилось три направления, в рамках которых белорусские исследователи продолжают работать над этой темой. По способу постановки проблемы и подходам к ее разрешению их можно условно назвать просветским, ревизионистским и нейтральным.

Первое направление представляет собой вышедшую на качественно новый уровень позднюю советскую историографию. Историки этого направления отличаются от своих предшественников более глубоким знанием предмета, разнообразием сюжетов, использованием архивных материалов и работ зарубежных авторов. Однако, в целом, их методология осталась неизменной и является такой же, как в 1950-е гг. Всех участников коллаборационистских формирований они считают предателями. Ярким примером и, одновременно, крайним проявлением такого рода историографии являются публицистические работы А. Бадулина. Не являясь научными в строгом смысле этого слова, они, тем не менее, задают тон и направление профессиональным авторам⁶.

Как правило, указанная проблема разрабатывается такими исследователями в рамках тем, связанных с немецким оккупационным режимом на территории Белоруссии, Холокостом, борьбой партизан и подпольщиков, деятельностью органов советской госбезопасности в период войны или после нее. Кроме того, значительное место в публикациях этих историков отводится белорусской эмиграции и ее деятельности в годы Второй мировой войны. Именно об этом идет речь в работах И. Валахановича, К. Доморада, Э. Иоффе, Н. Рыбака, А. Соловьева и А. Стука⁷.

⁶ Бадулин А. Германские нацисты и белорусские фашисты создали СБМ, чтобы развратить молодежь // Советская Белоруссия. – 1995. – 6-10 июня; Его же. «Второй белорусский конгресс». Под Борисовом уже проходили советские пушки, а в Минске кучка негодяев строила замки на песке // Советская Белоруссия. – 1995. – 27-28 июня; Его же. Фашиствующие националисты из белорусской «рады доверия» на деле были слугами палачей из СС, такова правда // Советская Белоруссия. – 1995. – 9 августа; Его же. Германские наци создали «Белорусскую краевую оборону» для уничтожения людей // Советская Белоруссия. – 1995. – 25 августа.

⁷ Валаханович И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944-1951 гг. – Мн., 2002; Доморада К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области. 1941-1944. – Мн., 1992; Его же. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941-1944. – Мн., 1995; Иоффе Э.Г. К вопросу о роли коллаборационистов в катастрофе на белорусской земле // Евреи Беларуси. История и культура. – Мн., 1998. – Вып.3-4. – С.164-178; Его же. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранцы армии – Востоку» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939-1945 гг. – Мн., 2007; Рыбак Н.А. Беларуская антысавецкая падполье ў заходніх абласцях БССР у пасляваенныя гады // Заходні рэгіён Беларусі вочыма гісторыкаў і краязнаўцаў: Зб. навук. артыкулаў. – Гродна, 2006. – С.131-135; Соловьев А.К. Еще раз о послевоенном бандитизме в Беларуси // Беларуская думка. – 1997. – №1. – С.145-151; Стук А. Вильгельм Кубе – нацист высокой пробы в роли правителя Белоруссии // Беларуская думка. – 1996. – №5. – С.150-175.

Наибольший интерес с точки зрения рассматриваемой проблематики представляет монография А. Соловьева «Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах». Как уже ясно из названия, она посвящена истории этой коллаборационистской организации, которая функционировала на территории Белоруссии и Германии в 1944-1945 гг. Как известно, одной из сторон деятельности БЦР были попытки по созданию национальных вооруженных сил. В монографии идет речь о первой из таких попыток – БКА и ее недолгой истории. Структура, приведенный фактический материал и методология исследования выгодно отличают книгу Соловьева от работ предыдущих авторов. Кроме того, в предисловии к ней он отмечает, что при написании монографии пользовался материалами из закрытых фондов архива госбезопасности. Тем не менее, видно, что книга написана с определенных идеологических позиций, и это значительно снижает ее научную ценность⁸.

Ревизионистское направление представляет собой зеркальное отражение предыдущей точки зрения. Как правило, отправной точкой в исследованиях его представителей и их главным методологическим посылом является тот факт, что коллаборационисты – это, за редким исключением, герои и борцы за свободу Белоруссии. Нельзя не отметить, что это направление белорусской исторической школы находится под сильным воздействием западной историографии, особенно работ, вышедших из среды белорусской диаспоры. Именно оттуда ими взяты практически все формулировки и подходы к изучению проблемы. А многочисленные архивные документы, которые эти историки используют даже больше, чем представители предыдущей школы, призваны только подтвердить уже заранее известные выводы. Такая зависимость от идеологии и выборочный подход к архивным материалам, разумеется, снижают, научную значимость работ историков-ревизионистов. Но, и это следует признать, тематика исследуемых ими сюжетов гораздо шире и глубже, чем у исследователей просоветской точки зрения.

Среди исследователей этого направления, прежде всего, следует назвать С. Ерша, которому принадлежат многочисленные публикации разного уровня научной ценности. Центральной темой его исследований является история белорусского националистического движения Сопrotивления. Однако в силу того, что оно было самым тесным образом связано с пронемецкими организациями, автор не мог не коснуться проблемы коллаборационизма. По сути, в его работах очень трудно понять, где заканчивается коллаборационизм, а начинается Сопrotивление. Именно в таком ключе подготовлено большинство его публикаций биографического характера, в которых идет речь о судьбах таких

⁸ Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах. – Мн., 1995.

белорусских националистов, как М. Витушка, И. Зыбайло, К. Езовитов, В. Радько и другие. Остается добавить, что все они, одновременно с подпольной борьбой, занимали те или иные должности в коллаборационистских организациях и «восточных» формированиях. О некоторых из них довольно подробно рассказано у Ерша: полиции, самообороне, БКА, батальоне «Дальвиц» и 30-й гренадерской дивизии войск СС⁹.

История создания и деятельности СБМ содержится в работах Т. Клыковской, К. Романовича и А. Чигрина. Авторы, наряду с общественно-политической характеристикой этой организации, раскрывают роль ее членов в военных планах и практической деятельности белорусских коллаборационистов. Одновременно в их исследованиях дан очень подробный анализ степени участия рядовых СБМовцев в вооруженных силах нацистской Германии: противовоздушной обороне, разных вспомогательных формированиях и войсках СС. Кроме того, Т. Клыковской принадлежит практически единственная в историографии Второй мировой войны небольшая публикация, в которой идет речь о Новоградском кавалерийском эскадроне¹⁰.

Важным вкладом в разработку проблемы является публикация историка Ю. Грибовского, посвященная организации и использованию такого малоизвестного белорусского коллаборационистского формирования, как 1-й штурмовой взвод, созданный под эгидой Абвера. Ему же принадлежит статья, рассказывающая о белорусско-польском конфликте на территории генерального округа «Белоруссия». Помимо анализа национальных отношений на этой территории, в этой работе показано отношение польского населения (как обычных граждан, так и партизан АК) к белорусским коллаборационистам. Приведен интересный фактический материал о деятельности последних, направленной на белорусификацию административного аппарата и полиции¹¹.

⁹ Ерш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусветнай вайны // Пагоня. – 1995. - №33, 34, 36, 37; Еро же. Забыты беларускі вайсковы дзеяч // Голас Камбатанта. – 2000. - №5. – Лістапад – снежань; Еро же. Рыгор Зыбайла не загінуў у Францыі, а прайшоў саветкія канцлягеры // Голас Камбатанта. – 2000. - №3. – Жнівень; Еро же. Усевалод Родзька. Правадыр беларускіх нацыяналістаў. – Мн., 2001; Еро же. Пра лёс архіву генэрала Езавітова // Беларус. – 2003. - №480. – Студзень; Ерш С., Горбiк С. Беларускі супраціў. – Львоў, 2006.

¹⁰ Клыковская Т. Обреченный эскадрон: в 1942 г. они мечтали создать национальные белорусские войска // Имя. – Мн., 1998. - №173. – 15 октября; Еро же. Как это было: шаг к проклятию // Имя. – Мн., 1999. - №206. – 24 июня; Еро же. Саюз беларускай моладзі – вяртаньне з забыцця. – Беласток, 2004; Рамановiч К. Што такое СБМ? // Пiнскi веснiк. – 1994. – 4 мая; Чыгрын С. Саюз беларускай моладзі // Нiва. – 1995. - №28. – 9 лiпеня.

¹¹ Грыбоўскі Ю. Першы беларускі штурмовы зьвяз // Беларускі Рэзыстанс. – 2005. - №1. – С.3-6; Еро же. Польска-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941-1944 гг.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2006. - №25. – S.116-167.

О политической деятельности белорусских коллаборационистов, направленной, в том числе, на создание собственных вооруженных сил, идет речь в публикациях историка О. Гордиенко¹².

Одному из авторов этого направления – А. Гелогоаеву – принадлежит попытка сделать обобщающую работу по истории белорусского военного коллаборационизма. В 2002 г. он опубликовал небольшую брошюру под названием «Белорусские национальные воинские формирования в период Второй мировой войны». Отмечая несомненные достоинства этой книги (методология, фактический материал, архивные данные), нельзя сказать, что эта попытка была удачной. Исследователь затронул только те белорусские части, которые были созданы в период с 1941 по 1944 г., практически проигнорировав заключительный период войны. Наконец, в работе практически отсутствует анализ общественно-политических причин и условий появления белорусского военного коллаборационизма¹³.

Нельзя не отметить, что представители первых двух направлений белорусской историографии находятся под сильным влиянием идеологических стереотипов и обслуживают определенные общественно-политические группы. Поэтому, проблема признания коллаборационистов предателями или героями является для них политическим вопросом. Историки третьего, нейтрального, направления старались подходить к проблеме коллаборационизма с чисто научных позиций, избегая давать идеологические оценки. В основной своей массе их работы представляют собой строго документальные исследования, опирающиеся на архивные документы и последние достижения зарубежной историографии.

Главным образом, это направление связано с именем историка А. Литвина. В своих публикациях он одним из первых среди белорусских исследований проанализировал целый ряд коллаборационистских формирований – полицию, самооборону, БКА, показав их связь с политической деятельностью белорусских националистов. Несмотря на то, что он это делал на основе белорусских архивов и публикаций эмигрантских авторов, его методология, фактический материал и выводы относительно этих частей не устарели и по сей день. Положительным моментом работ этого историка является тот факт, что он рассматривает белорусские формирования не изолированно, а в сравнении с другими коллаборационистскими

¹² Гардзіенка А. Беларуская народная самапомач: ад пачаткаў да рэарганізацыі // Спадчына. – 2002. - №1. – С.36-65; Его же. Вайсковец // Наша ніва. – 2000. - №15(172). – 10-16 красавіка; Его же. Другі ўсебеларускі кангрэс: пад нямецкім кантролем // Наша ніва. – 2000. - №26(183). – 26 чэрвеня – 4 ліпеня; Его же. Бэрлін як асяродак беларускага жыцця першай паловы 40-х гг. XX ст. // Запісы БІНІМ. – 2003. - №26. – С. 89-92.

¹³ Гелогоаў А. Беларускія нацыянальныя вайсковыя фармацыі ў часе Другое сусветнае вайны. – Мн., 2002.

частями, действовавшими на территории этой советской республики (например, украинскими и казачьим подразделениями). В целом, все указанные методологические подходы автора нашли свое отражение в его монографии «Оккупация Белоруссии (1941-1944). Вопросы Сопrotивления и коллаборационизма», опубликованной в 2000 г.¹⁴

Другому автору этого направления – А. Ковалене – принадлежит неидеологический взгляд на историю СБМ. Несомненным достоинством его работ является то, что этот исследователь анализирует создание и деятельность этой организации через призму немецкой молодежной политики и в сравнении с другими подобными организациями, которые существовали на территории Белоруссии с 1941 по 1944 г.¹⁵

С этих же позиций проблему военного коллаборационизма освещают такие историки, как О. Баранова, С. Жумарь, Д. Кривошей, И. Сервачинский, Е. Семашко и Р. Черноглазова¹⁶.

Первоначально все направления белорусской историографии развивались равномерно, однако, после прихода к власти в Белоруссии А. Лукашенко, явное предпочтение стало отдаваться историкам, рассматривающим проблему коллаборационизма с советских позиций. Так, их точка зрения является теперь официальной во всем, что касается изложения проблемы коллаборационизма в высших и средних учебных заведени-

¹⁴ Литвин А.М. К вопросу о восточных воинских формированиях на Беларуси в годы Великой отечественной войны (1941-1944) // Старонкі ваеннай гісторыі. – 1992. - №1. – С.163-173; Его же. Калабарацыя на Беларусі ў час Вялікай Айчыннай вайны // Усебеларуская канфэрэнцыя гісторыкаў. – Мн., 1993. – Ч.1. – С.195-197; Его же. Беларуская Краевая Оборона. К вопросу о создании белорусского национального войска в годы Второй мировой войны // Нёман. – 1994. - №4. – С.170-191; Его же. Беларуская Самаахова: да пытання стварэння і дзейнасці // Старонкі ваеннай гісторыі. – 1998. - №2. – С.39-72; Его же. Украинские полевые батальоны на территории Беларуси (1941-1944 гг.) // Сторінкі ваеннай історыі Украіны: Зб. наук. статей. – 2001. – Вып.5. – С.136-143; Его же. Акупацыя Беларусі (1941-1944). Пытанні Супраціву і калабарацыі. – Мн., 2000.

¹⁵ Каваленя А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941 – 1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. – Мн., 1999; Его же. Молодежная политика германских оккупационных властей // Беларусь в годы Великой Отечественной войны: Сб. статей и материалов. – Мн., 2005. – С.167-175.

¹⁶ Жумарь С.В. Оккупационная периодическая печать на территории Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. – Мн., 1996; Кривашэй Д. Польская супольнасць Беларусі пад час акупацыі // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў. – Мн., 2005. – С.139-148; Сервачынскі І.Ю. Калабарацыянiзм на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941-1944) // Весті Беларускага Дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. – 1997. - №3. – Серыя 3. – С.11-14; Сямашка Я. Армія Краёва на Беларусі. – Мн., 1994; Чарнаглазава Р.А. Беларуская паліцыя // Беларусь у гады Другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць. – Мн., 1995. – С.73-75; Baranova O. Nationalism, anti-Bolshevism or the will to survive? Collaboration in Belarus under the Nazi occupation of 1941-1944 // European Review of History. – 2008. – April. – Vol.15. – Issue 2. – P.113-128.

ях¹⁷. Нейтральная позиция приветствуется только тогда, когда ее авторы выступают с критикой коллаборационистов. На данный момент ее представители, фактически, слились с первым направлением. Что же касается историков-ревизионистов, то их работы выходят либо в самиздате, либо публикуются за рубежом незначительными тиражами.

Проблема белорусского военного коллаборационизма не является приоритетной для российских исследователей. Как правило, она не подробно рассматривается в работах общего характера, посвященных «восточным» добровольческим формированиям. Примером такого подхода могут быть монографии и публикации К. Александрова, С. Дробязко, Н. Кирсанова, А. Огорокова, К. Семенова, М. Семиряги, Н. Урвола, С. Чуева и В. Шункова¹⁸.

Некоторые аспекты проблемы белорусского коллаборационизма анализируются в исследованиях, посвященных Холокосту, немецкому оккупационному режиму, движению Сопротивления и деятельности советских спецслужб в годы войны¹⁹.

История создания и деятельности белорусских коллаборационистских формирований представляет определенный интерес и для украинских историков. Главным образом, если имеются точки соприкосновения с украинскими частями и подразделениями германских вооруженных сил. На-

¹⁷ См. например: *Гісторыя Беларусі: У 2 ч.* – Мн., 1998. – Ч.2.

¹⁸ Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. – СПб., 2003; Его же Армия генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945: Материалы к истории Вооруженных сил КОНР. – СПб., 2004; Дробязко С.И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых: Сб. статей студентов, аспирантов, молодых ученых. – М., 1997. – С.127-134; Его же. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. – М., 2000; Его же. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945. – М., 2005; Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: национальные и добровольческие воинские формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. – 2001. - №6. – С.60-75; Огороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. – М., 2000; Семенов К.К. Войска СС. – М., 2004; Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. – М., 2000; Урвол Н. Войска СС. Кровавый след. – Ростов-на-Дону, 2000; Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: В 2 кн. – СПб., 2003. – Кн.1-2; Чуев С.Г. Проклятые солдаты. – М., 2004; Шунков В.Н. Солдаты разрушения. Организация, подготовка, вооружение, униформа ваффен СС. – М., 2001.

¹⁹ Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941-1945 гг. – М., 2002; Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования, 1941-1944. Малоизученные страницы истории. – М., 2008; Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941-1945. – М., 2005; Лавренов С.Я., Попов И.М. Крах третьего рейха. – М., 2000; Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.). – Жуковский – М., 2001; Пленков О.Ю. Третий Рейх. Вермахт, война и немецкое общество: В 2 кн. – СПб., 2005. – Кн.1; Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. – М., 2003; Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. – М., 2002; Солженицын А.И. Двести лет вместе: В 2 ч. – М., 2002. – Ч.2.

пример, таким общим местом является история 30-й гренадерской дивизии войск СС, личный состав которой состоял из белорусов, украинцев, русских и поляков. Организации, подготовке и использованию этой дивизии посвящены работы И. Дерейко, А. Дуды, В. Старика и А. Русака. Несмотря на то, что главное внимание в этих публикациях посвящено, все-таки, украинскому персоналу, ряд приведенных авторами фактов позволяет уточнить и некоторые моменты истории белорусских подразделений дивизии²⁰.

Историография стран бывшего социалистического лагеря, в целом, повторяли путь советской, а потом и постсоветской исторических школ. Однако в работах ее представителей имеется целый ряд особенностей, без которых изучение проблемы коллаборационизма было бы неполным. Во-первых, несмотря на обычную для советских историков тенденциозность в освещении этой проблемы, историки из Восточной Европы, пользовались сравнительно большей свободой в отборе фактического материала. Во-вторых, объем приводимой ими информации был на порядок выше, чем у их советских коллег. Тем не менее, нельзя не отметить, что до конца 1980-х гг. их исследования представляли собой, скорее, адаптацию западных источников для отечественного читателя. Например, таким подходом к проблеме белорусского коллаборационизма отличаются обзорные работы историков Н. Мюллера (ГДР) и Ч. Мадайчика (Польша)²¹.

Распад советского блока привел к определенным изменениям в исторической науке стран Восточной Европы. Также как и в случае с постсоветской историографией, она разделилась на несколько направлений. Просоветское направление практически сразу же исчезло, а ревизионистское и нейтральное остались. По понятным причинам, ведущая роль в изучении проблемы белорусского коллаборационизма перешла к польским историкам. Как правило, она изучается ими в рамках тем, связанных с польским движением Сопротивления на территории Южной Литвы и Западной Белоруссии. Так, в исследованиях, посвященных деятельности АК в указанных регионах, освещаются, например, такие вопросы: взаимоотношения польского и белорусского населения, отношение польских партизан и белорусских коллаборационистов, участие поляков в структурах немецкого

²⁰ Дерейко І.І. Від колаборації до резистансу: діяльність 115/62-го українського батальону штурманшафту на теренах Білорусі і Франції у 1942-1944 рр. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2003. - №1. – С.179-193; Дуда А., Старик В. Буковинський Курінь в боях за українську державність. 1918-1941-1944. – К. – Чернівці, 1995; Русак А.В. Союзники гитлеровської Німеччини в війні проти СРСР 1941-1945. – К., 1998.

²¹ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. – М., 1974; Madajczyk Cz. Faszyzm i okupacje 1938-1945. Wykonywanie okupacji przez państwa Osi w Europie: U 2 t. – Poznań, 1983-1984. – Т.1-2.

оккупационного режима. Несмотря на антикоммунистическую направленность этих публикаций, подавляющее большинство польских историков отрицательно относятся к самому факту белорусского коллаборационизма. Главная причина такого отношения: коллаборационисты являются предателями Речи Посполитой, гражданами которого они были до начала Второй мировой войны. Примером такой точки зрения могут являться работы З. Борадына, Т. Гаштольда, К. Краевского, а также коллективный труд польских и немецких историков под названием «Польская Армия Крайова. История и мифы», опубликованный в 2003 г.²²

Все предыдущие польские исследователи рассматривают проблему белорусского коллаборационизма в контексте истории своего движения Сопротивления. И, как можно убедиться, с определенных идеологических позиций. Польский историк белорусского происхождения Ю. Туронек, наоборот, анализирует, прежде всего, политический коллаборационизм, как центральную проблему периода оккупации Белоруссии. Причинам возникновения последнего, взаимоотношениям его представителей с немцами, между собой, другими коллаборационистскими организациями и польским Сопротивлением посвящено большинство работ этого автора²³.

Туронек практически не рассматривает военный коллаборационизм как таковой. Тем не менее, ряд его публикаций и монографий представляют собой важный шаг для понимания политических причин и условий создания и деятельности белорусских формирований. Например, таких, как самооборона, БКА, СБМ и вспомогательные формирования Вермахта и войск СС²⁴.

Наконец, этапным событием для понимания процессов, которые происходили на территории Белоруссии в период Второй мировой войны,

²² Boradyn Z. Armia Krajowa na Nowogródzczyźnie i Wileńszczyźnie (1941-1945). – Warszawa, 1997; Boradyn Z. Niemen rzeka niezgody: polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogródzczyźnie 1943-1944. – Warszawa, 1999; Gasztold T. Nad Niemnem i Oszmianką: z dziejów Armii Krajowej na Nowogródzczyźnie i Wileńszczyźnie. – Koszalin, 1991; Krajewski K. Na ziemi nowogródzkiej: “NÓW” – Nowogródzki Okręg Armii Krajowej. – Warszawa, 1997; Die polnische Heimatarmee: Geschichte und Mythen der Armija Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg. – München, 2003.

²³ Туронак Ю. Фабіян Акінчыц – правядыр беларускіх нацыянал-сацыялістаў // Беларускі Рэзыстанс. – 2003. - №10. – Сш.1-2(18-19). – Сьнежань. – С.145-161; Туронак Ю. Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі. – Мн., 2006; Его же. Мадэрная гісторыя Беларусі. – Вільня, 2006; Turonek J. Kwestia białoruska w polityce obozu londyńskiego (1941-1944) // Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. – Wrocław, 1983. – Т.ХІХ. – С.131-158; Turonek J. Weißbruthenien: Zweifrontenkrieg der Ideologien // Anpassung – Kollaboration – Widerstand: kollektive Reaktionen auf die Okkupation. – Berlin, 1996. – S.191-198.

²⁴ Туронак Ю. Падзея невыгадная для усіх // Запісы БІНІМ. – 2003. - №26. – С.83-89; Его же. Саюз беларускай моладзі ў Нямеччыне // Беларускі Рэзыстанс. – 2004. - №11. – Сш.1-2(20-21). – Сьнежань. – С.198-218; Его же. Людзі СБМ. – Вільня, 2006; Turonek J. Geneza i działalność Białoruskiej Centralnej Rady (grudzień 1943 – czerwiec 1944) // Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. – Wrocław, 1985. – Т.ХХІ. – С.99-120.

следует признать монографию Ю. Туронка «Белоруссия под немецкой оккупацией». В ней автор обобщил все свои предыдущие выводы и методологические подходы. В результате, центральной мыслью этой книги является утверждение, что с 1941 по 1944 г. главным врагом советского движения Сопротивления являлись не немецкие оккупанты, а белорусские националисты. Они соперничали в острой идеологической и вооруженной борьбе, тем самым поляризуя белорусское общество. Однако, и автор постоянно делает на этом акцент, это белорусское национальное движение находилось под полным контролем немцев, а говорить о его, якобы, самостоятельности, значит идти против существующих фактов²⁵.

Работы западных историков представляют собой последний по списку, но не последний по значению, взгляд на проблему коллаборационизма. Начиная с конца 1940-х гг., когда советские власти еще старались скрыть наличие огромного количества «восточных» добровольцев, западноевропейские и американские исследователи уже активно работали над этой темой. В отличие от их советских коллег, западные историки имели возможность свободно пользоваться архивными источниками, воспоминаниями коллаборационистов, беседовать и интервьюировать, как рядовых участников «восточных» частей, так и лидеров национальных движений, которые после окончания войны обосновались в Западной Европе и Америке. Наконец, просто свободно высказывать свою точку зрения на данную проблему. Однако, несмотря на такие благоприятные условия, и у западных историков имелись свои трудности, связанные, например, с подбором неопубликованных источников. По понятным причинам им был закрыт доступ в советские архивы. Еще одним препятствием для объективного изучения темы была политическая ангажированность многих авторов, вовлеченных в идеологическое противостояние «холодной войны». Последнее утверждение объясняет центральный тезис многих западных историков, рассматривающих коллаборационизм советских граждан как массовое Освободительное движение народов России (ОДНР) против сталинского режима.

В западной историографии одним из первых эту тему поднял американский историк А. Даллин. В своей фундаментальной монографии «Немецкая власть в России 1941-1945» он самым подробным образом рассмотрел и проанализировал практически все аспекты нацистской «восточной» политики. Используя при написании своего исследования трофейные немецкие документы, автор пришел к целому ряду выводов, актуальность которых не вызывает сомнений даже сейчас. Например, он обнаружил значительные противоречия между различными ветвями германского военно-политического руководства в их борьбе за осуществление «восточ-

²⁵ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecka. – Warszawa, 1993.

ной» политики, влияние на оккупированных территориях и по отношению к народам СССР. Проблеме коллаборационизма советских граждан в книге Даллина посвящен специальный раздел – «Политическая война», – в котором он рассматривает попытки некоторых немецких органов власти использовать в своих целях антисоветские настроения на оккупированных территориях. Следует отметить, что Даллин, анализируя феномен сотрудничества советских граждан с германским военно-политическим руководством, уделяет внимание только наиболее значимым его проявлениям. Это, на его взгляд: власовское движение и национально-освободительные движения украинцев, казаков и кавказских народов. Белорусскому коллаборационизму он уделяет значительно меньше внимания²⁶.

По сути, Даллин явился родоначальником целого направления в западной историографии проблемы коллаборационизма. Затрагивая, в той или иной степени, эту проблему, его представители ввели в научный оборот целый ряд тезисов. Например, наиболее популярными среди них являются утверждения о «потерянном русском шансе», наличии среди коллаборационистов так называемой «третьей силы», выступавшей как против коммунистов, так и против нацистов, «неразумной оккупационной политике Гитлера» и некоторые другие. В 1950-1990-е гг. эти тезисы получили свое развитие в работах таких американских и западноевропейских авторов, как О. Бройтигам, М. Буддрус, А. Буллок, М. Геллер, А. Некрич, Д. Литтлджон, Т. Мюллиган, Х.-В. Нойлен, Д. Риди, Д. Рэйтлинджер, Ю. Торвальд и Р. Херцог. Анализируя различные стороны проблемы коллаборационизма, эти авторы пришли к выводу о значительном военно-политическом потенциале этого явления. И только неразумная политика Гитлера и пресловутая «борьба полномочий» между структурами Третьего рейха не позволили использовать этот потенциал в полной мере. В частности, к такому выводу приходят большинство из этих авторов, когда рассматривают позицию оккупантов по отношению к белорусскому коллаборационизму. Это, а также слабость и разобщенность белорусского национального движения, привели, на их взгляд, к тому, что при хороших стартовых возможностях оно было, фактически, выключено из борьбы за симпатии местного населения, оставив его польским националистам и коммунистам. Своеобразным итогом такого подхода к проблеме можно назвать коллективную монографию европейских и американских авторов «Оккупация и коллаборационизм (1938-1944)», опубликованную в Берлине в 1994 г.²⁷

²⁶ Dallin A. German Rule in Russia 1941-1945: A Study of occupation policies. – London, 1957.

²⁷ Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. – Смоленск, 1998. – Т.2; Геллер М.Я., Некрич А.М. История России 1917-1995: В 4 т. – М., 1996. – Т.1; Buddrus M. Totale Erziehung für den totalen Krieg. Hitlerjugend und nationalsozialistische Jugendpolitik: In 2 bd. – München, 2003. – Bd.1-2; Bräutigam O. Überblick über die besetzten

Необходимо подчеркнуть, что работы Даллина и его последователей не являлись специальными исследованиями по проблеме белорусского коллаборационизма. Тем не менее, их методология наложила значительный отпечаток на все последующие работы по этой разновидности коллаборационизма, которые стали появляться с 1990-х гг., и определила основные ее направления. В целом, сотрудничество белорусского населения с германским военно-политическим руководством изучается в рамках следующих тем: немецкий оккупационный режим на территории Белоруссии, проблема уничтожения мирного населения, антипартизанская война и межнациональные отношения.

Авторы, работающие над проблемой немецкого оккупационного режима, обращают, прежде всего, внимание на его силовые структуры и их функции. Так, общим вопросам деятельности белорусской полиции, созданной под эгидой этих структур, системе ее организации, численности личного состава посвящены публикации американских историков Р. Брейтмана, Ф. Мак Лина и А. Муньоса, английских Р. Ламсдена, Д. Стейнберга и Н. Томаса, немецких Р. Михаэлиса и Х. Руса²⁸.

Из функций немецких силовых структур наибольший интерес вызывает проблема Холокоста и, вообще, уничтожения мирного населения. Роль белорусских коллаборационистских формирований, принимавших участие в этих событиях, рассмотрена в исследованиях В. Куриллы, Х. Краус-

Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. – Tübingen, 1954; Herzog R. Besatzungsverwaltung in den besetzten Ostgebieten – Abteilung Jugend. – Tübingen, 1960; Littlejohn D. The Patriotic traitors: The History of Collaboration in German Occupied Europe, 1940-1945. – New York, 1972; Mulligan T. The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942-1943. – New York, 1988; Neulen H.-W. An Deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. – München, 1985; Ready J.L. The Forgotten Axis: Germany's Partners and Foreign Volunteers in World War II. – Jefferson, NC, 1987; Reitlinger G. Ein Haus auf Sand gebaut: Hitlers Gewaltpolitik in Russland, 1941-1944. – Hamburg, 1962; Thorwald J. Wen sie verderben wollen. Bericht des grossen Verrats. – Stuttgart, 1952; Okkupation und Kollaboration (1938-1945): Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik. – Berlin, 1994.

²⁸ Рус Г. СД у Баранавічах (1941-1943) у кантэксце лакальнага акупацыйнага рэжыму // БГА. – 1998. – Т.5. – Сш.1(8). – Чэрвень. – С.67-87; Breitman R. Himmler's Police Auxiliaries in the Occupied Soviet Territories // Simon Wiesenthal Center Annual. – Los Angeles, CA, 1990. – Vol.7. – P.23-39; Mac Lean F.L. The Cruel Hunters. SS Sonderkommando Dirlwanger. Hitler's Most Notorious Anti-Partisan Unit. – Atglen, 1999; Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions: In 2 vols. – New York, 1996-1997. – Vol.1-2; Munoz A.J. Hitler's Green Army: The German Order Police and their European Auxiliaries, 1939-1945: In 2 vols. – New York, 2006. – Vol.1; Lumsden R. The Allgemeine SS. – London, 1994; Steinberg J. The Third Reich Reflected: German Civil Administration in the Occupied Soviet Union, 1941-1944 // The English Historical Review. – 1995. – June. – Vol.110. – Issue 437. – P.620-651; Thomas N. Partisan Warfare 1941-1945. – London, 1996; Michaelis R. Das SS-Sonderkommando Dirlwanger: Beispiel deutscher Besatzungspolitik in Weißrußland. – Berlin, 1999.

ника, Х. Вильгельма (Германия), Л. Рейна (Израиль), Е. Хабера (Канада) и Ш. Чолавского (Нидерланды)²⁹.

Среди публикаций, посвященных проблеме коллаборационизма в ее связи с Холокостом, необходимо выделить монографию американского историка М. Дина «Коллаборационизм и Холокост. Преступления местной полиции в Белоруссии и на Украине, 1941-1944». Написанная на значительном фактическом материале, эта книга является единственной в западной историографии работой, в которой дан сравнительный анализ процесса организации и деятельности украинской и белорусской полиции³⁰.

Вопрос немецких усилий, направленных на подавление партизанского движения в оккупированной Белоруссии, рассмотрен в исследованиях таких американских и западноевропейских историков, как Д. Армстронг, Л. Гренкевич, Ч. Диксон, О. Гейлбрунн, Д. Каров, М. Купер, В. Ределис, Е. Хессе, С. Хитон, Е. Хоувелл и другие. Анализируя теорию и практику антипартизанских операций, эти авторы в обязательном порядке указывают на роль и значение формирований, созданных из представителей местного населения. В данном случае, наибольший интерес представляют количественные характеристики таких формирований и оценка их боеспособности, данная немецким военным командованием или полицейским руководством³¹.

Наконец, проблемы диссертационного исследования тем или иным образом касаются авторы, которые изучают межнациональные отношения на территории оккупированной Белоруссии. Примером могут быть публикации немецких историков Г. Симона и Л. Хармута, американцев Р. Лукаса, Т. Пи-

²⁹ Cholawsky Sh. The Jews of Byelorussia during World War II. – Amsterdam, 1998; Curilla W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weissrussland 1941-1944. – Paderborn, 2006; Krausnick H., Wilhelm H.-H. Die Truppe des Weltanschauungskrieges: die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938-1942. – Stuttgart, 1981; Haberer E. German police and genocide in Belorussia, 1941-1944 // Journal of Genocide Research. – 2001. – Vol.3. – Issue 1. – P.13-29; Issue 2. – P.207-218; Issue 3. – P.391-403; Rein L. Local Collaboration in the Execution of the “Final Solution” in Nazi-Occupied Belorussia // Holocaust and Genocide Studies. – 2006. – Vol.20. – Issue 3. – P.381-409.

³⁰ Dean M. Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Byelorussia and Ukraine, 1941-1944. – New York, 2000.

³¹ Армстронг Д. Советские партизаны. Легенды и действительность. 1941-1944. – М., 2007; Диксон Ч., Гейлбрунн О. Коммунистические партизанские действия. – М., 1957; Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941-1945 гг. – Мюнхен, 1954; Cooper M. The Nazi War against Soviets partisans, 1941-1944. – New York, 1979; Grenkevich L. The Soviet Partisan Movement, 1941-1944: a critical Historiographical analysis. – London, 2006; Heaton C.D. German anti-partisan warfare in Europe, 1939-1945. – Atglen, PA, 2001; Hesse E. Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfweisungen und Befehle. – Göttingen, 1969; Howell E.M. The Soviet Partisan Movement: 1941-1944. – Washington, DC, 1956; Redelis V. Partisanenkrieg. Entstehung und Bekämpfung der Partisanen- und Untergrundbewegung im Mittelabschnitt der Ostfront, 1941 bis 1943. – Heidelberg, 1958.

отровского и Р. Эпштейн и израильтянина Л. Смиловицкого. Рассмотренные ими вопросы позволяют дать оценку роли национального фактора в процессе создания и использования коллаборационистских формирований³².

Нельзя не отметить, что все вышеуказанные аспекты тесно переплетаются между собой. Этот факт обусловил появление обобщающих работ по проблеме белорусского военно-политического коллаборационизма. Их авторы постарались дать полную картину немецкой оккупации на территории этой республики. В данном случае, к числу таких фундаментальных исследований следует отнести монографии и статьи немецких историков Б. Кьяри и К. Герлаха и книгу американского историка А. Муньоса (подготовлена в соавторстве с автором данного исследования). Несмотря на указанный общий замысел, работы этих авторов отличаются методологическим подходом к проблеме военного коллаборационизма. Внимание Кьяри и Герлаха сосредоточено на тех белорусских и других коллаборационистских формированиях, которые участвовали в уничтожении мирного населения. Что же касается Муньоса, то главным предметом его исследования являются антипартизанские части и подразделения, и их операции против советских и польских партизан³³.

Западная историография имеет специальное направление, авторы которого занимаются историей войск СС. Это обусловлено тем, что пос-

³² Хармут Л. Жизненное пространство на Востоке: немцы в Белоруссии, 1941-1944 // Неман. – 1993. – №5. – С.119-160; Epstein B. Allies in Resistance: Jews and Belarussians in German-Occupied Minsk // Collaboration and Resistance During the Holocaust: Belarus, Estonia, Latvia, Lithuania. – Bern, 2004. – P.431-458; Lukas R. The Forgotten Holocaust: The Poles under German Occupation 1939-1944. – New York, 1997; Piotrowski T. Poland’s Holocaust: Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918-1947. – Jefferson, NC, 1998; Simon G. Nationalism and Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion: von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. – Baden-Baden, 1986; Smilovitsky L. Antisemitism in the Soviet Partisan Movement, 1941-1944: The case of Belorussia // Holocaust and Genocide Studies. – 2006. – Vol.20. – Issue 2. – P.207-234.

³³ К’яры Б. Гісторыя як паслядоўнась катастроф. Беларускі рэгіён як акупаванае грамадства: 1939-1944/47 // БГА. – 1996. – Т.3. – Сш.2. – С.199-211; Chiari B. Deutsche Zivilverwaltung in Weißrußland 1941-1944. Die lokale Perspektive der Besatzungsgeschichte // Militärgeschichtliche Mitteilungen. – 1993. – Bd.52. – H.1. – S.67-89; Chiari B. Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941-1944. – Düsseldorf, 1998 (К’яры Б. Штодзённасьць за лініяй фронту: Акупацыя, каляборацыя і супраціў у Беларусі (1941-1944 гг.). – Мн., 2005); Chiari B. Das Schicksal der weißrussischen Juden im „Generalkommissariat Weißrußenland“. Eine Annäherung an das Unbegreifliche // Solidarität und Hilfe für Juden während der NS-Zeit: In 7 bd. – Berlin, 1999. – Bd.3. – S.271-309; Chiari B. Deutsche Herrschaft in Weißrußland. Überlegungen zum lokalen und historischen Umfeld // Täter im Vernichtungskrieg. Der Überfall und der Völkermord an den Juden. – Berlin; München, 2002. – S.137-159; Gerlach Ch. Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. – Hamburg, 1999; Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler’s White Russians: Collaboration, Extermination and Anti-Partisan Warfare in Byelorussia, 1941-1944. – New York, 2003.

ледние были единственными в своем роде воинскими формированиями. В данном случае, особый интерес вызывают так называемые иностранные соединения этих войск, среди которых была 30-я гренадерская дивизия, укомплектованная в основном белорусами. Как правило, история создания и использования этого формирования рассматривается в контексте общей истории войск СС, реже – среди других «восточных» эсэсовских частей. Еще меньше работ, посвященных непосредственно этой дивизии. В данном случае можно назвать следующих авторов, в работах которых имеется информация о ее белорусском персонале. Это англичане Г. Уильямсон и М. Виндрои, американцы Р. Дитер, В. Одегард, Р. Ландвер, Д. Литтлджон и А. Муньос, немцы Р. Михаэлис, П. Хауссер и Х. Хёне и канадец Р. Сороби. В целом же, следует сказать, что история 30-й гренадерской дивизии относится к числу наименее изученных сюжетов истории войск СС, а сама она, по словам американского историка А. Муньоса, все еще является «забытым боевым формированием»³⁴.

Много интересной информации об отдельных белорусских коллаборационистах, их деятельности во время оккупации республики и обстоятельствах послевоенной судьбы содержится в книге американского юриста Д. Лофтуса «Белорусский секрет», которая была опубликована в Нью-Йорке в 1982 г.³⁵

Наконец проблема коллаборационизма в годы Второй мировой войны нашла свое отражение в общих работах по истории Белоруссии и белорусского народа. В качестве примера таких работ можно привести монографии эмигрантских историков И. Любачко, Я. Найдзюка, И. Косяка и Н. Вакара. Как правило, эти авторы рассматривают белорусский коллаборационизм времен войны, как продолжение национально-освободительного движения еще дореволюционного периода. В идейном плане их работы являются отражением взглядов послевоенной белорусской эмиграции, отстаивавшей тезис, что в период с 1941 по 1944 г. на территории Белоруссии началось создание национального государства и его вооруженных сил. Летом 1944 г. этот, в целом удачный, процесс был насильственно прерван новой советской оккупацией. Нет необхо-

³⁴ Залесский К.А., Хауссер П. Черная гвардия Гитлера. Ваффен-СС в бою. – М., 2007; Уильямсон Г. СС – инструмент террора. – Смоленск, 1999; Хёне Х. Черный орден СС. История охранных отрядов. – М., 2005; Landwehr R. 30. Waffen-Grenadier-Division der SS "Russia Nr.2" or "Weissruthenien" // Siegrunen. – 2002. – Spring/Summer. – Issue 72. – P.30-35; Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich: In 4 vols. – San Jose, CA, 1987. – Vol.4; Michaelis R. Russen in der Waffen-SS. – Berlin, 2002; Munoz A.J. Forgotten Legions: Obskure Combat Formations of the Waffen-SS. – New York, 1991; Odegard W., Deeter R. Foreign Volunteers of Hitler's Germany. – Los Angeles, 1968; Sorobey R. Ukrainians' Fight for France // World War II. – 2004. – September. – Vol.19. – Issue 5. – P.42-48; Windrow M. The Waffen-SS. – London, 1995.

³⁵ Loftus J. The Belarus Secret. – New York, 1982.

димости говорить, что факты под этот тезис подбираются тоже соответствующим образом³⁶.

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет сделать вывод, что проблема белорусского военного коллаборационизма уже неоднократно было предметом исторических исследований. Тем не менее, она нуждается в дальнейшем изучении и требует ответа на ряд вопросов, которые в комплексе или частично еще не поднимались ни одним из направлений историографии. А именно: сравнительный анализ процесса организации, подготовки и боевого применения белорусских коллаборационистских формирований; роль политического коллаборационизма в этом процессе; значение фактора национальных отношений и т.п. Кроме того, существенного уточнения требуют количественные и качественные показатели белорусских частей и подразделений в составе силовых структур гитлеровской Германии. Все эти и другие аспекты проблемы белорусского военного коллаборационизма автор попытался рассмотреть и проанализировать в процессе своего исследования.

Данное исследование было подготовлено на основе широкого и разнообразного круга источников, которые можно сгруппировать по следующим категориям:

- опубликованные документы и материалы;
- архивные (неопубликованные) материалы;
- воспоминания и дневники участников описываемых событий;
- периодическая печать, выходившая за указанный период.

Учитывая их содержание, происхождение и авторство, весь комплекс опубликованных документов и материалов можно условно сгруппировать следующим образом. Это документы и материалы: (а) органов государственного руководства Германии, (б) командования германских вооруженных сил; (в) органов военно-политического руководства СССР и советского движения Сопротивления; (г) организаций белорусского национального движения, коллаборационистских организаций и добровольческих формирований; (д) других национальных антисоветских организаций, коллаборационистских организаций и добровольческих формирований.

Первая группа опубликованных источников представляет собой официальные документы и материалы высших органов власти нацистской Германии, отвечавших за формирование различных направлений «восточной» политики. Главным образом, это информация о политических и военных целях германского руководства в войне против СССР, роли

³⁶ Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сёння. – Мн., 1993; Lubachko I. Belorussia under Soviet rule, 1917-1957. – Lexington, 1972; Vakar N.P. Belorussia: The Making of a Nation. – Cambridge, Mass., 1956.

национального фактора в этих целях, структуре и функциях оккупационного режима³⁷.

Значительное место в материалах официальных органов руководства нацистской Германии занимают документы различных учреждений оккупационной администрации, которые отвечали за проведение «восточной» политики на местах. В данном случае, это официальная переписка между Министерством по делам оккупированных восточных областей и рейхскомиссариатом «Остланд» и генеральным округом «Белоруссия», переписка между руководством этих административных единиц и их представителями на местах и т.п. В целом, эта переписка касается политического и социального положения на оккупированных территориях, противоречий между ветвями оккупационной администрации, их отношения к деятельности коллаборационистских организаций, взаимоотношений различных групп как белорусского, так и других национальных движений. Значительное место в этих документах уделяется развитию партизанского и подпольного движения (главным образом, советского и польского), и их влиянию на ситуацию в оккупированной Белоруссии³⁸.

В вышеуказанных документальных источниках речь идет, в основном, о причинах создания белорусских коллаборационистских формирований и влиянии на этот процесс общественно-политической ситуации на территории Белоруссии. Из следующей группы источников – документов и материалов командования германских вооруженных сил – можно узнать о самом процессе создания и применения этих формирований. Но, следует подчеркнуть, не всех, а только полицейских частей, некоторых вспомогательных подразделений и соединений войск СС³⁹.

Опубликованные документы и материалы второй группы источников, в целом, представляют собой официальную и неофициальную переписку между центральными органами, партизанскими отрядами и подпольными

³⁷ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Исторические очерки: В 2 т. – М., 1973. – Т.1; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. – М., 1958. – Т.2; Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. – М., 1991. – Т.5; Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944). – М., 1985.

³⁸ Белорусские оstarбайтеры: Документы и материалы: В 2 кн. – Мн., 1996-1998. – Кн.1-2; СС в действии. Документы о преступлениях СС. – М., 2000; Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918-1945: Aus dem Archiv des Auswärtigen Amts: Serie E: 1941-1945: In 8 bd. – Göttingen, 1969-1979. – Bd. 2, 5, 6, 8; Deutsche Propaganda in Weißrußland: 1941-1944. – Berlin, 1996.

³⁹ Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939-1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht. – Frankfurt-am-Main, 1962; Kliemann K.G. Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. – Osnabrück, 1965; KTB des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab): In 4 bd. – Frankfurt-am-Main, 1961-1965. – Bd.1-4.

организациями на местах. Это с одной стороны. С другой – это переписка между различными уровнями партизанского движения на территории Белоруссии. Особо следует выделить контакты между представителями партизанским движением и его агентурной сетью в органах немецкого оккупационного режима, коллаборационистских организациях и добровольческих формированиях. Документы и материалы этой группы источников являются основными при изучении отношения советского военно-политического руководства и движения Сопротивления к проблеме коллаборационизма. Однако, вследствие того, что эти материалы во многом тенденциозны, использовать их надо крайне внимательно и только в комплексе с другими видами источников. Например, это касается любой информации по таким вопросам, как: немецкий оккупационный режим, национальный вопрос на оккупированных территориях, взаимоотношения партизан и местного населения, местного населения и коллаборационистов⁴⁰.

Документы и материалы «немецкого» и «советского» происхождения органически дополняются опубликованными источниками, вышедшими из среды белорусского национального движения. Например, таких коллаборационистских организаций, как Белорусский центральный совет (БЦР), сыгравший значительную роль в процессе организации добровольческих формирований⁴¹.

Несмотря на то, что эта группа опубликованных источников носит, в целом, ограниченный характер, без ее использования невозможно раскрыть многие темы. Так, целый ряд небольших тематических сборников документов являются, по сути, единственным источником по истории антинацистского крыла белорусского движения Сопротивления, сыгравшего немаловажную роль в процессе создания коллаборационистских частей и подразделений⁴².

Наконец, некоторые сведения о белорусских коллаборационистских формированиях содержатся в документах и материалах последней группы опубликованных источников. Обычно, они упоминаются в связи с их взаимоот-

⁴⁰ «Бригада Родионова, получившая наименование 1-й антифашистской партизанской бригады...» // ВИЖ. – 2003. - №12. – С.20-23; В непокоренном Минске: Документы и материалы о подпольной борьбе советских патриотов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). – Мн., 1987; Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июль 1941 – июль 1944): Документы и материалы: В 3 т. – Мн., 1967-1982.–Т.1-3; На оккупированных территориях // Коммерсантъ (Власть). – 2001. - №29. – 24 июля. – С.50-54.

⁴¹ Другі Усебеларускі Кангрэс. Матар’ялы. – Мюнхен, 1954; За Дзяржаўную Незалежнасць Беларусі. Дакументы і матэрыялы. – Лендан, 1960.

⁴² Ёрш С. Вяртаньне БНП. Асобы і дакументы Беларускай Незалежнай Партыі. – Мн. – Слонім, 1998; Его же. Генэрал вызвольнага фронту. – Менск, 2002; Его же. Рыцар Свабоды. Ксендз Вінцэнт Гадлеўскі як ідэоляг і арганізатар беларускага нацыянальнага антынацыскага Супраціву. – Мн., 2004.

ношением с коллаборационистами из представителей других национальных групп, действовавших в описываемый период на территории Белоруссии. Так же, как и опубликованные источники белорусского национального движения, эта группа документов носит весьма ограниченный характер и может быть использована только в комплексе с другими источниками⁴³.

Важнейшей категорией исторических источников, на которых базируется исследование, являются неопубликованные документы из архивов Белоруссии, России, Украины, Германии и США. Из них наибольший интерес представляют следующие материалы.

В Национальном архиве Республики Беларусь содержится значительная коллекция архивных документов, позволяющая раскрыть все основные этапы создания и деятельности коллаборационистских формирований. Условно все фонды этого архива по данной проблематике можно разделить на четыре группы. Первая из них представлена документами и материалами учреждений немецкого оккупационного режима, а именно: генерального комиссариата «Белоруссия» (ф. 370) и минского окружного комиссариата (ф. 393). Помимо всего прочего, они содержат информацию о структуре немецкого оккупационного режима, общественно-политической ситуации на территории республики, настроениях местного населения, советском и польском партизанском движении, отношении оккупантов к белорусским коллаборационистам.

Вторая группа – это документы и материалы коллаборационистских организаций. В данном случае наибольший интерес представляют фонды Белорусского совета доверия (ф. 380), Белорусского центрального совета (ф. 381), Белорусской народной самопомощи (ф. 384) и Боевого союза борьбы с большевизмом (ф. 854). Здесь содержится подробная информация о деятельности этих организаций, их месте в немецких оккупационных структурах, взаимоотношениях коллаборационистов и оккупантов, а также «белорусский» взгляд на ситуацию в республике и положение местного населения.

Документы и материалы коллаборационистских формирований представляют собой третью группу. Так, в фонде Главного управления войсковых дел Белорусского центрального совета (ф. 383) – приказы, инструкции и отчеты этой организации, в целом касающиеся причин создания, процесса организации, подготовки и боевого применения белорусских частей в составе Вермахта, полиции и войск СС. Более конкретная информация о некоторых отдельных формированиях, их численности, кадровом составе, настроениях бойцов и командиров, результатах боевых операций содержится в фондах Белорусской краевой обороны (ф. 382), Главного штаба Союза белорусской молодежи (ф. 385) и Корпуса белорусской самообороны (ф. 465).

⁴³ Науменко В.Г. Великое предательство. – СПб. – М., 2003; «Уничтожить как можно больше русских» // Источник. – 1998. - №2. – С.74-75.

Сведения о ситуации на территории республики, партизанском движении и его борьбе с оккупантами и коллаборационистами находится в фонде Белорусского штаба партизанского движения (ф. 3500).

Логическим дополнением к информации предыдущего архива служат материалы Белорусского государственного архива кино-, фото- и фонодокументов. Например, в фондах немецкой трофейной кинохроники и фотографий, сделанных немецкими фотографами и лицами, сотрудничавшими с оккупантами, содержится ценная визуальная информация о коллаборационистских формированиях. Анализ этих материалов позволяет раскрыть некоторые стороны организации, подготовки и использования частей полиции, самообороны, БКА и СБМ.

Сведения об отношении советского военно-политического руководства к проблеме коллаборационизма вообще и его проявлениям на территории Белоруссии в частности, мероприятиях, направленных на разложение и уничтожение добровольческих формирований, были почерпнуты в фондах Российского государственного архива социально-политической истории. В данном случае, наибольший интерес представляют фонд Центрального штаба партизанского движения (ф. 69) и личный фонд его бессменного руководителя П. Пономаренко (ф. 625).

Фонды Государственного архива Российской Федерации являются очень важным источником для понимания взаимоотношений внутри организаций национального движения накануне и в ходе Второй мировой войны и для анализа их контактов с германским военно-политическим руководством. Документы, раскрывающие суть этих взаимоотношений, содержатся в фондах Общеказачьего объединения в Германской империи (ф. Р-5761), Канцелярии Казачьего национально-освободительного движения (ф. Р-5762) и в коллекции отдельных документов различных эмигрантских организаций (ф. Р-9145).

Другую группу фондов этого архива представляют собой документы и материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ф. Р-7021) и Международного трибунала для главных немецких военных преступников (ф. Р-7445). Эти источники представляют интерес, прежде всего, для понимания сути немецкой «восточной» политики, мероприятий по ее формированию и методов реализации.

Определенный интерес для изучения проблемы белорусских коллаборационистских формирований представляют материалы Государственного архива Автономной Республики Крым. Так, в фондах Крымского обкома Компартии Украины (ф. П-1), Крымского штаба партизанского движения (ф. П-151) и Крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны (ф. П-156) находится много немецких трофейных документов, пред-

ставляющих собой приказы и инструкции по борьбе с партизанским движением. Как правило, это документы общего характера, централизованно рассылавшиеся на все оккупированные территории. Однако есть и такие документы, которые различные немецкие инстанции, занятые антипартизанской борьбой, посылали друг другу с целью обмена опытом. Например, с 1942 по 1943 гг. такая устойчивая связь существовала между крымским Штабом по борьбе с бандитизмом и структурами Главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр», в зону ответственности которого входила Белоруссия. Следует отметить, что значительное место среди этих документов занимают всевозможные инструкции по использованию в борьбе против партизан местного населения.

Немецкая точка зрения на проблему белорусских коллаборационистских формирований представлена документами и материалами соответствующих фондов Федерального военного архива ФРГ. Комплекс этих материалов является очень обширным и охватывает значительный круг вопросов, касающихся темы диссертационного исследования. В целом, его можно разделить на три группы. В первой группе представлены фонды высших органов командования германских вооруженных сил: Верховного командования сухопутных войск (RH 2), генерала восточных и иностранных формирований (RH 58), отдела пропаганды Вермахта (RW 4) и отдела военной разведки и контрразведки – Абвера (RW 5). В этих фондах содержится общая информация о коллаборационистских формированиях по родам войск, приведена их классификация, структура и численность за разные периоды.

К следующей группе можно отнести фонды военной администрации на территории оккупированной Белоруссии. В данном случае, наиболее интересными представляются фонды командующего тыловым районом группы армий «Центр» (RH 22) и командующего войсками Вермахта в рейхскомиссариате «Остланд» (RH 41). Анализ информации, хранящейся в этих фондах, позволяет осветить такие вопросы, как: организация и функции немецкой военной администрации на территории Белоруссии, ее силовые структуры, борьба с партизанским движением, привлечение к сотрудничеству местного населения и его участие в поддержании порядка. Очень подробно освещается участие структур Вермахта в создании и использовании белорусской полиции, самообороны и других формирований.

Последняя группа фондов представлена документами и материалами по истории частей и соединений войск СС. Для диссертационного исследования наибольший интерес представляет фонд 30-й гренадерской дивизии войск СС (RS 3-30). В материалах фонда содержатся приказы, инструкции и отчеты командования дивизии, ее полков и батальонов, относящиеся к периоду боевых действий на Западном фронте. Для анализа ситуации на территории оккупированной Белоруссии определенный интерес представ-

ляют документы из фондов Специальной команды «Дирлевангер» (RS 3-36) и Восточно-мусульманской дивизии войск СС (RS 3-39).

Наконец, в коллекции этого архива нельзя не отметить так называемый фонд генерала В. Позднякова (MSg 149). Главным образом, это документы по истории власовского движения, которые на протяжении всей своей жизни собирал этот ближайший соратник бывшего советского генерала. Собственно, документы этого фонда не затрагивают истории оккупированной Белоруссии. Однако они являются незаменимыми при рассмотрении проблемы взаимоотношений власовского движения и белорусских национальных организаций за период с 1944 по 1945 г. Например, при воссоздании полной картины переговоров между руководством Комитета освобождения народов России (КОНР) и БЦР.

Проблема взаимоотношений внутри лагеря коллаборационистов, но с точки зрения представителей нерусских национальных движений, может быть освещена при помощи информации, хранящейся в архиве мюнхенского Института современной истории. Для данного диссертационного исследования наибольший интерес представляют документы и материалы из так называемого «фонда Ю. Торвальда». Главным образом, это рукописи участников описываемых событий или интервью с ними, собранные после войны этим известным немецким историком.

Значительный интерес представляют документы Собрания рукописей Управления военно-исторических исследований Министерства обороны ФРГ. Здесь речь идет, прежде всего, о послевоенных воспоминаниях, памятных записках и интервью участников процесса создания и использования коллаборационистских формирований. Как правило, эти материалы можно условно разделить на те, которые вышли из немецкой среды и те, которые были написаны либо бойцами добровольческих формирований, либо представителями национальных организаций, имевших непосредственное отношение к этим формированиям. К числу первых следует отнести документы, авторами которых были такие немецкие военные деятели, как Р. фон Хайгендорф и Э. Кестринг. Во вторую группу входят материалы, подготовленные уже упоминавшимся власовцем В. Поздняковым. Для данного исследования они представляют наибольший интерес.

Документы по истории немецкой оккупационной политики на территории СССР вообще и Белоруссии в частности, сведения об оккупационном режиме и его силовых структурах, информация о некоторых коллаборационистских формированиях находится в фондах Национального архива США. Главным образом, они представляют собой комплекс трофейных немецких документов и материалов, захваченных американцами после капитуляции Германии. С точки зрения проблемы диссертационного исследования наиболее интересными являются фонд рейхсфюрера СС и шефа германской полиции (T-175)

и фонд войск СС (Т-354). В первом из них содержится довольно подробная информация о немецких полицейских структурах на территории Белоруссии и участии в них местного населения. Во втором – сведения о создании и использовании 30-й гренадерской дивизии войск СС.

Наконец, диссертант имел возможность пользоваться документами и материалами из личного архива известного немецкого историка д-ра И. Хоффманна – автора многочисленных работ по проблемам военного коллаборационизма граждан СССР. Собранные им документы и материалы представляют определенный интерес при рассмотрении ряда вопросов, связанных с темой исследования. Например, их анализ позволяет уточнить некоторые моменты истории белорусской полиции и БКА, а также – суть и принципы взаимоотношений власовского движения и других коллаборационистских организаций.

Следующей по значимости категорией источников являются воспоминания и дневники государственных, политических и военных деятелей. Это, главным образом, (а) деятели белорусского национального движения, (б) руководители и рядовые участники советского партизанского движения, (в) представители военно-политических кругов нацистской Германии, (г) коллаборационисты из числа других народов СССР и (д) участники польского движения Сопротивления.

Наиболее полно представлена первая группа воспоминаний – деятели белорусского национального движения, участники коллаборационистских организаций и добровольческих формирований. Чрезвычайный интерес вызывают те из них, авторы которых имели непосредственное отношение к организации, подготовке или боевому применению белорусских коллаборационистских частей. Прежде всего, это автобиографическая повесть курсанта Минской офицерской школы БКА, а потом – офицера 30-й гренадерской дивизии войск СС К. Акулы, воспоминания организатора белорусской полиции и, одновременно, одного из лидеров националистического партизанского движения Д. Космовича, командующего БКА Ф. Кушеля и офицера белорусской самообороны П. Пархуты. К такому типу источников также относится сборник воспоминаний, подготовленный к печати Л. Юревичем⁴⁴.

Значительный комплекс воспоминаний и дневников оставили после себя руководители и рядовые члены СБМ. Так, среди них следует назвать воспоминания А. Голубицкого, Н. Ганько, Я. Жамойтина, А. Каткович, В. Каткович-Клентак, К. Романовича и В. Сенкевича. Кроме того, уже упоминавшийся

⁴⁴ Акула К. Змагарныя дарогі: Аповесць. – Мн., 1994; Касмовіч Д. За вольную і сувярэнную Беларусь. – Вільня, 2006; Кушал Ф. Спробы стварэння Беларускага войска. – Мн., 1989; Пархута П. Слоні́мская самаахова // Голас Камбатанта. – 2001. - №1(6) – Вясна; Юревіч Л. Жыццё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі. – Мн., 1999.

Л. Юревич, подготовил еще один сборник, куда вошли воспоминания и интервью членов СБМ, собранные этим автором в эмиграции⁴⁵.

Наконец, ценная информация по теме диссертационного исследования также имеется в воспоминаниях и дневниках деятелей белорусского национального движения и членов коллаборационистских организаций: Л. Голяка, Л. Гениуш, А. Колубовича, Е. Кипеля, И. Мелецкого, С. Хмары и других⁴⁶.

Анализ этой группы мемуарной литературы позволяет раскрыть значительный комплекс аспектов проблемы исследования. Среди них: (а) цели немецкой оккупационной политики на территории Белоруссии; (б) национальный фактор в этой политике; (в) взаимоотношения немцев и коллаборационистов; (г) их место в структуре оккупационного режима; и (д) деятельность на территории Германии после освобождения Белоруссии. Однако наибольший интерес эта группа воспоминаний представляет с точки зрения истории создания и использования целого ряда белорусских коллаборационистских формирований.

Мемуарная литература, вышедшая из среды советского партизанского движения, по количеству не уступает предыдущей группе. Как правило, она представлена воспоминаниями и дневниками руководителей партизанского движения на территории Белоруссии, командованием партизанских отрядов и подпольных групп и рядовых участников движения Сопротивления. Так, в первом случае наибольший интерес представляют воспоминания начальника Белорусского штаба партизанского движения П. Калинина⁴⁷.

Среди руководства среднего звена наиболее интересные воспоминания оставили С. Ваупшасов, П. Воробьев, И. Захаров, В. Козлов, Г. Линьков, В. Лобанок, К. Мазуров, Р. Мачульский и другие⁴⁸.

⁴⁵ Галубіцкі А. Шляхі беларускіх дзяцей у вапошнюю вайну // Бацькаўшчына. – 1955. - №24(254) – №34(264); Ганько М. Каб сведчылі пра Беларусь: жыццё й дзейнасць Міколы Ганька. – Мн., 2005; Жамойцін Я. З перажытага // Лёс аднаго пакалення / Пад рэд. Я. Мірановіч. – Беласток, 1996. – С.50-170; Катковіч А., Катковіч-Клентак В. Успаміны. – Беласток, 1999; Рамановіч К. У СБМ я загартуваўся ў спраўднага патрыёта // Наша ніва. – 1997. - №33(94) – 17 лістапада; Его же. За волю Беларусі. Успамін пра сябе і сваіх сяброў. – Слонім – Мн., 2005; Сянькевіч В. З успамінаў пра СБМ // Зважай. – 1993. - №2(70). – Красавік. – С.4-5; Юревіч Л. Вырваныя бачыны: Да гісторыі Саюза Беларускай Моладзі. – Мн., 2001.

⁴⁶ Галяк Л. Успаміны: У 2 кн. – Б.м. (ЗША), 1982-1983. – Кн.1-2; Гениуш Л. Сповідзь. – Мн., 1993; Калубовіч А. Крокі гісторыі: даследаванні, артыкулы, успаміны. – Мн., 1993; Кіпель Я. Эпізоды. – Нью Ёрк., 1998; Малешкі Я. Пад знакам Пагоні. – Таронта, 1976; Хмара С. Беларуска-Сялянска-Работніцкая Грамада // Беларускі голас. – 1962. - №232. – Красавік; Его же. Пад гітлераўцамі // Беларускі голас. – 1970. - №181. – Сакавік.

⁴⁷ Калинин П.З. Партизанская республика. – Мн., 1973.

⁴⁸ Ваупшасов С.А. Партизанская хроника. – Мн., 1971; Воробьев П.С. Именем комсомола: Воспоминания командира отряда «Комсомол» 1-й Минской партизанской бригады. – Мн., 1984; Захаров И.К. Война в краю озер. – Мн., 1973; Козлов В.И. Люди особого склада. – Мн., 1973; Линьков Г.М. Война в тылу врага. Записки участника партизанского движения в Бело-

Из рядовых участников движения Сопротивления, воспоминания которых представляют определенный интерес, следует назвать А. Белевича, Г. Будая, Г. Капустенка, И. Колоса, А. Короткевича и других⁴⁹.

Фактический материал, который содержится в этих изданиях, может быть полезным при освещении таких вопросов, как немецкая оккупационная политика и положение местного населения, взаимоотношения последнего с партизанами и подпольщиками и т.п. Следует сказать, что информация, которую можно почерпнуть из партизанских воспоминаний, не может быть достоверным источником по проблеме коллаборационизма (например, что касается отношения к ним различных слоев белорусского общества). Тем не менее, ее ценность по некоторым аспектам этой проблемы отрицать нельзя. Так, в данном случае, наибольший интерес представляет официальная позиция Советской власти по отношению к участникам коллаборационистских формирований, а также работа партизан и подпольщиков по их разложению.

Нельзя не отметить, что при всей важности ее позиции, немецкая сторона в этой категории источников представлена значительно слабее. Ни один из главных руководителей немецкого оккупационного режима на территории Белоруссии не оставил, в силу разного рода причин, воспоминаний. Поэтому, белорусская тема вообще и проблема белорусского коллаборационизма в частности представлены в воспоминаниях и дневниках немецких военно-политических деятелей только косвенно. Например, учитывая эту точку зрения, наиболее информативными следует признать воспоминания руководителей и сотрудников Министерства по делам оккупированных восточных областей А. Розенберга, О. Бройтигама, П. Кляйста и Х. фон Херварта. В них содержится общая информация относительно деятельности этого министерства в Берлине и на местах, в том числе и генеральном округе «Белоруссия»⁵⁰.

Отдельные аспекты немецкой «восточной» политики, ее формирование

руссии. – М., 1959; Лобанок В.Е. В боях за Родину. – Мн., 1964; Его же. Партизаны принимают бой. – Мн., 1976; Мазуров К.Т. Незабываемое. – Мн., 1984; Мачульский Р.Н. Страницы бессмертия. – Мн., 1972; Его же. Люди высокого долга. – Мн., 1975; Его же. Вечный огонь. Партизанские записки. – Мн., 1978.

⁴⁹ Белевич А.П. У батьки Миня. – М., 1978; Будай Г.В. Свинцом и словом: Записки журналиста. – Мн., 1981; Капустенка Г.В. Отряд меняет название: Воспоминания партизана-разведчика спецотряда «Боевой» НКГБ БССР. – Мн., 1990; Колос И.А. По заданию Центра. Записки разведчика. – М., 1991; Короткевич А.Т. Обелиск у дороги. – Мн., 1971.

⁵⁰ Розенберг А. Мемуары. – Харьков, 2005; Bräutigam O. So hat es sich zugetragen... Ein Leben als Soldat und Diplomat. – Würzburg, 1968; Kleist P. Zwischen Hitler und Stalin. Aufzeichnungen, 1939-1945. – Bonn, 1950; Herwarth H. v. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. – Frankfurt-am-Main, 1982.

и реализацию отражают воспоминания и дневники нацистских политиков Й. Геббельса и Г. Раушнинга, военных деятелей Ф. фон Бока, В. Варлимон-та, Ф. Гальдера, Г. Гудериана и В. Кейтеля⁵¹.

Роль немецких спецслужб в деле организации и подготовки коллаборационистских частей освещена в воспоминаниях руководителей немецкой разведки Р. Гелена и В. Шелленберга⁵².

Наконец, определенную ценность при рассмотрении проблемы немецкой национальной политики представляет собрание так называемых застольных речей Гитлера, подготовленных к публикации его секретарем Г. Пикером⁵³.

Воспоминания, оставленные представителями небелорусских национальных движений и коллаборационистских организаций, представляют собой существенное дополнение к белорусской и немецкой точке зрения. Как правило, эти издания являются незаменимыми при освещении взаимоотношений внутри лагеря коллаборационистов, как в период оккупации Белоруссии, так и на территории Германии. Среди авторов этого типа воспоминаний ведущее положение занимают руководители и рядовые участники так называемого власовского движения – по сути, главные соперники белорусских националистов в борьбе за влияние на белорусское население. Это, прежде всего, Ф. Богатырчук, А. Казанский, К. Кромиади, В. Поздняков и В. Штрик-Штрикфельдт⁵⁴.

В воспоминаниях представителей украинского национального движения также содержится определенная информация, полезная при рассмотрении проблемы белорусского коллаборационизма. Так, атаман Т. Бульба-Боровец оставил интересные записки о совместной операции его «Полесской сечи» и белорусской полиции порядка, которую они провели летом 1941 г. против остатков советских войск в районе Мозыря. Интересные факты о деятельности СБМ в период 1944-1945 гг. приводит в своих воспомина-

⁵¹ Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. – М., 1993; Бок, Ф. фон. Дневники. 1939-1945 гг. – Смоленск, 2006; Варлимон В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. – М., 2005; Гальдер Ф. Военный дневник. 1939-1942: В 3 т. – М., 2002-2003. – Т.2-3; Гудериан Г. Воспоминания солдата. – Смоленск, 1998; Кейтель В. Размышления перед казнью. – Смоленск, 2000; Goebbels J. Tagebücher 1924-1945: In 5 bd. – München, 1992. – Bd.3-5.

⁵² Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942-1971. – М., 1999; Шелленберг В. Секретная служба Гитлера. – К., 1991.

⁵³ Picker H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941-1942. – Bonn, 1951.

⁵⁴ Богатырчук Ф.П. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. – Сан-Франциско, 1978; Казанцев А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. – М., 1994; Кромиади К.Г. За землю, за волю... На путях Русской освободительной борьбы, 1941-1947 гг. – Сан-Франциско, 1980; Поздняков В.В. Андрей Андреевич Власов (документы и воспоминания). – Сиракузы, США, 1973; Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. – М., 1993.

ниях Т. Белостоцкий – один из руководителей украинской молодежи на территории Германии⁵⁵.

Наконец, нельзя не упомянуть о последней группе мемуарной литературы – воспоминаниях и дневниках участников польского движения Сопротивления. Фактически, это единственный источник по такому сложному вопросу, как белорусско-польский конфликт на территории генерального округа «Белоруссия». О том, как этот конфликт отразился на общей ситуации в генеральном округе, к чему привел в сфере межнациональных отношений, и какое имел влияние на проблему белорусских коллаборационистских формирований, подробно рассказано в книге одного из руководителей польской подпольной организации АК Й. Правдзича-Шляского. Интересная информация о белорусско-польских отношениях в Новогрудском округе имеется также в сборниках воспоминаний рядовых участников АК⁵⁶.

При написании монографии был использован значительный комплекс материалов периодической печати, выходящей за указанный период. В целом, исследование базируется на следующих группах периодики: (а) пресса коллаборационистских формирований; (б) коллаборационистская печать общей направленности; (в) немецкая периодическая печать; (г) советская периодическая печать.

Первая группа периодики, представляющая собой печатные органы отдельных коллаборационистских формирований, является не самой многочисленной, но очень богатой фактическим материалом. В ней можно почерпнуть самую разностороннюю информацию, касающуюся истории создания, организации, подготовки и боевого применения тех или иных добровольческих частей. Например, к числу таких изданий можно отнести газету для белорусских полицейских «Беларус на варце», орган бобруйской охранной полиции «Для стражников» и газету для жителей оборонных деревень «Плуг и меч».

Коллаборационистская периодика общей направленности – это пресса местного самоуправления и всевозможных коллаборационистских организаций. Однако, несмотря на свою многочисленность, проблема коллаборационистских формирований освещалась в этих газетах и журналах бессистемно и наряду с другими темами политического, экономического, культурного и т.п. характера. Только в некоторых из них имелись рубрики, специально посвященные тем или иным добровольческим частям и под-

⁵⁵ Беластоцкі Т. Сьветлы ўспамін пра шэфа-правадніка СБМ // Голас Камбатанта. – 2001. – №1(6). – Вясна; Бульба-Боровец Т. Армія без дзяржавы. Слава і трагедыя повстанскаго руху. – Вінніпег, 1981.

⁵⁶ Prawdzic-Szlaski J. Nowogródzczyzna w walce 1940-1945. – Londyn, 1976; Tak jak pamiętam: АК – Ziemia Konecka i Nowogródzka 1939-1945. – Łódź, 1995; Ze wspomnień żołnierzy АК, Okręgu Nowogródek. – Warszawa, 1988.

разделениям. Тем не менее, информация из этой группы периодики является важной при освещении таких вопросов, как место коллаборационистских формирований в оккупационных структурах, отношение оккупантов и местного населения к ним, взаимоотношения между коллаборационистами разных национальностей, коллаборационисты и партизанское движение. В данном случае следует выделить такие издания, как орган минского городского самоуправления «Белорусская газета», главный печатный орган СБМ «Жыве Беларусь!», орган берлинского Белорусского представительства газета «Раніца» и ряд других.

Кроме того, ряд печатных органов добровольческих формирований, местного самоуправления и коллаборационистских организаций, выходявшие от имени других национальных групп, также могут служить источником информации для темы исследования. Так, проблемы белорусского коллаборационизма на своих страницах касались такие газеты власовского движения, как «Доброволец» и «Заря», политический орган КОНР «Воля народа», его главный военный орган «За Родину!», печатные органы местного самоуправления «Мозырские известия», «Новый путь», «Свободный пахарь», «Голос Крыма» и другие.

Третья группа периодической печати представлена немецкими изданиями. В некоторых из них просто помещались отдельные материалы, посвященные процессу создания и использования коллаборационистских формирований. Другие специально были созданы некоторыми немецкими инстанциями (например, Министерством пропаганды и отделом пропаганды Вермахта) для идеологической обработки населения оккупированных территорий или для воздействия на участников добровольческих формирований. Здесь следует назвать еженедельную газету для советских военнопленных «Клич», берлинские издания «Material für Funk-Nachrichten», «Ostpressedienst. Material für russische Zeitungen» и некоторые другие.

Используя коллаборационистскую и немецкую периодику, следует помнить, что главной целью ее материалов являлась, прежде всего, пропаганда соответствующего набора идей. Поэтому к сведениям, опубликованным в этих газетах и журналах нужно относиться осторожно и внимательно, перепроверяя их по другим категориям источников.

В советской периодической печати 1941-1945 гг. практически нет упоминаний об иностранных добровольческих формированиях вообще и из граждан СССР в частности. Единственная информация, которая здесь содержится, это краткие отчеты о судебных процессах по делу немецких военных преступников и их пособников из числа местного населения. Как правило, такая информация публиковалась в газетах, выходявших на советской территории. От них несколько отличалась (но не намного) пресса партизанского и подпольного движения. Значительное место в ней

занимали перепечатки из центральной прессы, но был и «местный» материал. Иногда в нем приводилась информация о тех, с кем партизаны и подпольщики вели борьбу – о немцах и коллаборационистах. Очень часто в прессе движения Сопротивления печатались обращения к работникам органов самоуправления, полицейским, «власовцам» и другим, в которых им предлагалось переходить на сторону Советской власти. Естественно, все эти типы материалов были соответствующим образом «идеологически выдержанными» и имели пропагандистский характер, являясь, по сути, зеркальным отражением коллаборационистской и немецкой периодики. В них нет упоминаний, ни о каких «добровольцах», а только об «уголовниках, бывших кулаках, белогвардейцах и заблуждающихся», которых, к тому же, было незначительное меньшинство по сравнению с советскими сторонниками. Надо сказать, что тон, заданный советской прессой периода войны, лег в основу всех вышеуказанных концепций послевоенной советской историографии данной проблемы.

Таким образом, анализ и сопоставление всех вышеперечисленных категорий источников дает возможность объективно и всесторонне осветить различные аспекты процесса создания и использования белорусских коллаборационистских формирований в годы Второй мировой войны.

* * *

Автор выражает глубокую признательность всем тем, кто любезно согласился предоставить свои материалы и помощь для подготовки данной работы. Прежде всего, хотелось бы поблагодарить Антонио Муньоса (Нью-Йорк, США), без всесторонней поддержки которого этот проект был бы вряд ли осуществим. Кроме него большая помощь была оказана со стороны следующих лиц: Бернд Бонвеч (Москва, Российская Федерация), Эдгар Бюттнер (Фрайбург, Германия), Карел Беркхофф (Амстердам, Нидерланды), Джордж Нэйфziger (Уэст-Честер, Огайо, США), Самуэль Митчем (Монро, Луизиана, США) и, к сожалению, ныне покойный доктор Иоахим Хоффманн (Эбринген, Германия).

Отдельную большую благодарность автор выражает всем сотрудникам Государственного архива Автономной Республики Крым (Симферополь, Украина), Национального архива Республики Беларусь (Минск, Беларусь), Белорусского государственного архива Кино-, Фото- и Фонодокументов (Дзержинск, Беларусь), Федерального военного архива ФРГ (Фрайбург, Германия) и Российского государственного архива социально-политической истории (Москва, Российская Федерация), которые оказали неоценимую помощь в подборе документов и материалов для этой книги.

Глава 1

ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ БЕЛОРУССКИХ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ

«Восточные» добровольческие формирования в годы Второй мировой войны

В советской исторической литературе всех, кто сотрудничал с военно-политическими структурами нацистской Германии, было принято изображать только с негативной стороны и одновременно крайне упрощенно. Это, естественно, не способствовало пониманию такого общественно-политического явления, каким был коллаборационизм. В реальности это явление было намного сложнее и на всем протяжении своего существования завесило от целого ряда факторов, которые оказывали на него то или иное влияние.

На наш взгляд, к понятию «коллаборационизм» подходит следующее определение: это добровольное сотрудничество с нацистским военно-политическим руководством на территории Германии или оккупированных ею стран, с целью установления или укрепления нового административно-политического режима. Значит, «военный коллаборационизм» – это участие в военных усилиях нацистской Германии, в рамках ее армии и прочих силовых структур¹.

Другой крайностью, свойственной, например, западной историографии, является попытка поставить советский коллаборационизм в один ряд с похожими явлениями, которые имели место в оккупированной нацистами Европе². Действительно, между ними есть много схожего. Тем не менее, и это следует подчеркнуть, советский коллаборационизм был, по сути, продолжением событий гражданской войны 1918-1920 гг., а его предпосылками послужили особенности общественно-политического развития предвоенного СССР. Среди них, прежде всего, следует назвать репрессии, коллективизацию, фактическую нерешенность национального вопроса, религиозные притеснения и т.п. К началу 1940-х гг. эти предпосылки при-

¹ Романько О.В. ОУН і УПА в Другій світовій: боротьба за національне визволення чи громадянське протистояння // Історичний журнал. – К., 2007. - №3. – С.3-4.

² Okkupation und Kollaboration (1938-1945)... – S.33-86; Littlejohn D. The Patriotic traitors... – New York, 1972. – P.297-329; Neulen H.-W. Op. cit. – S.39-49; Seidler F.W. Die Kollaboration: 1939-1945. – München; Berlin, 1995. – S.8-42.

вели к тому, что в определенной части советского общества оформились стойкие протестные настроения, вылившиеся в ряде случаев в повстанческое движение³.

Все перечисленное можно назвать внутренними предпосылками. Однако были еще внешние факторы, которые сыграли свою роль. К таким факторам можно отнести немецкие геополитические планы по поводу Советского Союза, деятельность антисоветской эмиграции и ее место в рамках этих планов. После начала Великой Отечественной войны к ним прибавилось еще два существенных фактора: особенности немецкого оккупационного режима на той или иной территории СССР и положением на фронтах⁴.

Причины, приведшие к созданию коллаборационистских формирований, были двух типов – немецкие и причины представителей той или иной национальной группы. Привлекая добровольцев из числа населения оккупированных советских территорий, немецкое военно-политическое руководство, во-первых, рассчитывало пополнить людские ресурсы, в использовании которых к зиме 1941 г. наметился явный кризис. Во-вторых, оно планировало создать эффективные силы для борьбы с набирающим мощь партизанским движением. Причем, следует отметить, что, наряду с чисто военным вопросом, здесь имелся и определенный пропагандистский эффект – заставить партизан сражаться с их соотечественниками. В-третьих, на определенном этапе привлечение добровольцев стало символизировать начало «новой» немецкой политики. Известно, что перед наступлением на Кавказ были созданы многочисленные формирования из числа представителей населявших его народов. Наконец, в-четвертых, создание коллаборационистских формирований по национальному признаку было действенным инструментом национальной политики нацистов⁵.

Таким образом, немецкая сторона была явным инициатором этого процесса. Однако роль второго типа причин также нельзя недооценивать. В ряде случаев, представителям национальных движений принадлежала не менее активная роль. Как правило, определяющими в данном случае были следующие мотивы: коллаборационистские формирования, как инструмент давления на немцев, как средство борьбы против своих идеологи-

³ Віцьбіч Ю. Антыбальшавіцкія паўстанні і партызанская барацьба на Беларусі. – Вільня, 2006. – С.153-195; Лялюкоў І. Да пытання аб пранямецкіх і антысавецкіх настроях у БССР перад II сусветнай вайной // БГА. – 2002. – Т.9. – Сш.1-2(16-17). – Снежань. – С.1-6; Попов А.Ю. 15 втрет с генералом КГБ Бельченко. – М., 2002. – С.99-118;

⁴ Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941-1945. – М., 2008. – С.7-8.

⁵ Bräutigam O. Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges... – S.84-90; Simon G. Op. cit. – S.217-228.

ческих противников, и, на заключительном этапе войны, как предмет торга с западными союзниками⁶.

Следует подчеркнуть, что среди германского военно-политического руководства не было единого мнения относительно советского коллаборационизма. По сути, дискуссии шли до самого конца войны. В целом, немецкую политику по привлечению к сотрудничеству населения оккупированных советских территорий можно условно разделить на три этапа. Проводя оккупационную политику на первом из них (июнь 1941 – декабрь 1942 г.) немцы в качестве основного ее метода использовали террор и принуждение: пока Вермахт одерживал на фронтах победы, а в тылу еще не развернулось мощное партизанское движение, союзники среди местного населения Гитлеру нужны не были. «Даже если в конкретных обстоятельствах окажется проще обратиться за военной помощью к каким-нибудь завоеванным народам, - заявил он на одном из совещаний, - это будет ошибкой. Рано или поздно они обратят оружие против нас...»⁷.

Поэтому, привлечение населения к сотрудничеству было ограничено, в целом, следующими моментами: разрешением на очень урезанное самоуправление и культурную деятельность; созданием разведывательно-диверсионных подразделений, использованием «добровольных помощников» при армейских частях или набором контингента в части вспомогательной полиции; и некоторыми послаблениями в сфере землепользования⁸.

Точка зрения Гитлера была доминирующей и отражала реальные воззрения большинства членов нацистской партии на проведение «восточной» политики⁹. С ней, разумеется, соглашались почти все, во всяком случае, внешне. Например, самыми последовательными сторонниками гитлеровской версии политики были М. Борман, Г. Геринг, рейхскомиссар «Украины» Э. Кох и, до определенного момента, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер¹⁰. Однако, несмотря на всю тоталитарность немецкой государственной машины, существовало, как минимум, еще четыре точки зрения, отличных от мнения Гитлера. В целом, за основу был взят общий тезис: население оккупированных восточных областей надо активнее привлекать к сотрудничеству. Вся же разница этих точек зрения заключалась только в методах, средствах, масштабах предполагаемого использования.

Первую из них назвать политически или идеологически обоснованной позицией трудно. Эта точка зрения была вызвана к жизни сиюминутным

⁶ Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941-1945... – С.14.

⁷ Цит. по: Бетелл Н. Последняя тайна. – М., 1992. – С.85.

⁸ Dallin A. Op. cit. – P.538-542.

⁹ Hnytzkyj R. Deutschland und die Ukraine 1934-1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik: ein Vorbericht: In 2 bd. – München, 1958. – Bd.1. – S.15-30.

¹⁰ Розенберг А. Указ. соч. – С.356-358.

стечением обстоятельств. Тем не менее, не упомянуть ее нельзя, так как на низовом административном уровне роль свою она, безусловно, сыграла. Так, некоторые чиновники и офицеры военной оккупационной зоны полагали, что советские граждане станут лояльнее, если относиться к ним «по-джентельменски». Как правило, это были далекие от политики люди, убеждения которых базировались на опыте Первой мировой войны¹¹.

Следующая точка зрения на «восточную» политику получила в историографии наименование «утилитаризма». От первой позиции она отличалась уже тем, что ее носителем была вполне обособленная (хотя и далеко не единая) группа лиц (как убежденных гитлеровцев, так и не принадлежащих к нацистской партии), которая предполагала действовать по определенной программе. Как уже понятно из самого названия этой группы, идеологии и политики в ее действиях было чуть больше, чем у предыдущей. Главной же целью сторонников политики «утилитаризма» была максимальная польза, которую могла извлечь Германия из сотрудничества с местным населением. Интересно, что негласным лидером нацистского крыла «утилитаристов» являлся такой хитрый политик как министр пропаганды и народного просвещения Третьего рейха д-р Й. Геббельс. В частности он считал, что, прежде всего, надо усилить пропагандистскую обработку «восточных» народов, изъев из нее все упоминания об их неполноценности, колониальном характере войны Германии против СССР и т.п. На место этих тезисов должны были быть поставлены туманные обещания свободы и независимости, но только в будущем, после окончания войны¹². Такие, например, указания содержатся в одном из документов его министерства, озаглавленном «О пропагандистской обработке европейских народов», и разосланном 15 февраля 1943 г. всем высшим функционерам нацистской партии и местным руководителям пропаганды. В нем, в частности говорилось: «Нельзя называть восточные народы, ожидающие от нас освобождения, скотами, варварами и т.д. и в этом случае ждать от них заинтересованности в германской победе»¹³.

«Утилитаризм» доктора Геббельса был больше связан с психологической войной и не шел дальше обычных пропагандистских лозунгов. Тем более было неясно, как скоро такая политика принесет желаемые плоды. Однако у этой группировки было еще одно крыло – военное, adeпты которого обращали внимание исключительно на практическую сторону сотрудничества с населением оккупированных советских территорий и советскими гражданами вообще. Прежде всего, ими были высшие офицеры Вермахта,

заинтересованные в как можно большей эффективности этого сотрудничества. Причем, в кратчайшие сроки. Так, наиболее масштабной акцией данной группы лиц стало привлечение советских военнопленных в ряды так называемых «добровольных помощников» или «хиви», речь о которых пойдет ниже. Остается добавить, что наиболее выдающимся выразителем этой точки зрения являлся генерал-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск генерал-майор Э. Вагнер¹⁴.

И сторонники отношения к советскому населению «по-джентельменски», и «утилитаристы» сыграли, конечно, свою определенную роль в возникновении и развитии военного коллаборационизма. Однако их значение не стоит преувеличивать. Во-первых, обе эти позиции были всего лишь модификациями (пусть и несколько неожиданными) гитлеровской политики и поэтому уже *априори* не рассматривали «восточные» народы как равноправных партнеров. Во-вторых, несмотря на то, что носителями этих точек зрения были весьма влиятельные и близкие к Гитлеру люди, их идеи так и остались на периферии «восточной» политики. В лучшем случае они выступали продолжением или составной частью двух следующих позиций, борьба между которыми и являлась определяющим моментом в сотрудничестве германского руководства с советскими гражданами.

Носителями еще одной точки зрения был ряд офицеров Вермахта среднего звена и немецкие политики и дипломаты «старой школы», которые считали, что «восточные» народы надо использовать самым активным образом, привлекая их, как к военной, так и политической борьбе против большевизма. Они также считали, что с гражданами оккупированных советских территорий надо обходиться по-человечески, но дать им какую-нибудь реальную перспективу надо уже сейчас. Следует сказать, что многие из этих офицеров оказались замешанными в неудавшемся заговоре против Гитлера (июль 1944 г.). Одним из проектов этой группы было так называемое власовское движение и Русская освободительная армия (РОА), в которых они видели не только инструменты в войне против СССР, но и будущих союзников ненацистской Германии¹⁵.

Главным отличием этой группы от двух предыдущих было то, что особое внимание они уделяли национальному вопросу в «восточной» политике. Так, один из ее лидеров граф К. фон Штауффенберг считал, что, прежде всего, надо завоевать симпатии русского народа. Другие же народы СССР он считал полностью подчиненными русскому, а их национальные движения – слабыми и незначительными. По его мнению, они вряд ли могли бы

¹¹ фон Бок, Ф. Указ. соч. – С.202-203; Гудериан Г. Указ. соч. – С.206, 207.

¹² Загорюлько М.М., Юденков А.Ф. Указ. соч. – С.138-142.

¹³ Мюллер Н. Указ. соч. – С.377-380.

¹⁴ Fischer G. Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. – Cambridge, Mass., 1952. – P.14-15.

¹⁵ Steenberg S. General Wlassow: der Führer der russischen Befreiungsarmee – Verräter oder Patriot. – Rastatt, 1986. – S.71-75.

стать серьезными союзниками Германии, а «все заигрывания с ними могли только помешать союзу с русским народом, который очень болезненно относится к территориальной целостности своего государства»¹⁶.

Во многом благодаря усилиям этой группы, которая пользовалась определенной поддержкой в Верховном командовании Вермахта (ОКВ), 6 июня 1941 г. был составлен документ «Указания по применению пропаганды по варианту “Барбаросса”». Интересно, что в этом, сугубо специальном документе, наряду с тем, что «противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство», было подчеркнуто, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение СССР на отдельные государства»¹⁷.

Главный теоретик нацизма и эксперт по внешнеполитическим вопросам рейхслайтер А. Розенберг считал по-другому. Как и все предыдущие, он имел свою точку зрения на «восточную» политику. В принципе, она не отличалась от мнения Гитлера, который был уверен, что восточные территории являются жизненным пространством германской нации. Поэтому перед ней стоит только три задачи: захватить, управлять и эксплуатировать их. Розенберг соглашался с этой генеральной линией, но считал, что достигнуть этой цели можно только, при условии тесного сотрудничества с населением. В его взглядах причудливо переплетались тезисы предыдущих групп. Он также считал, что с местным населением надо обращаться «по-джентельменски», много ему обещать и привлекать его к активной политической и вооруженной борьбе. Однако главное отличие его точки зрения заключалось в том, что все эти блага должны были распространяться только на нерусские народы СССР (особенно на украинцев). То есть, в отличие от оппозиционно настроенных офицеров Вермахта, он считал, что опираться надо именно на национальные движения, которые традиционно не любят русских и коммунистическую власть, как продолжение русского империализма. В теории все выглядело довольно привлекательно, так как выполнялась главная цель «восточной» политики – уничтожить СССР путем использования внутренних противоречий¹⁸. Однако главным недостатком Розенберга было то, что он не имел серьезного политического веса в глазах лидеров нацистской партии. Более того, его зачастую не слушали даже его подчиненные. И сторонников проведения своей точки зрения Розенберг имел значительно меньше, чем антигитлеровские оппозиционеры. Тем не менее, его теории вполне успешно конкурировали с идеями фон

¹⁶ Dallin A. Op. cit. – P.502-503.

¹⁷ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 7 т. ... – Т.2. – С.573, 574.

¹⁸ Ilnytzkyj R. Op. cit. – S.3-14.

Штауффенберга, поскольку даже среди противников Розенберга было достаточно русофобов¹⁹.

После краха надежд на молниеносную войну ситуация изменилась коренным образом. Лидеры всех указанных группировок пришли к выводу, что необходимо предпринять какие-нибудь шаги для выработки общей концепции, хотя бы временной. 18 декабря 1942 г., накануне Сталинградской катастрофы, в Берлине состоялась конференция представителей нацистского военно-политического руководства, отвечавших за проведение «восточной» политики. Основной темой конференции был вопрос о возможности более широкого привлечении советского населения к сотрудничеству с немцами. Целым рядом мер предполагалось обеспечить Вермахт пополнением, увеличить отряды по борьбе с партизанами и решить вопрос с нехваткой рабочей силы в самой Германии²⁰. «Вывод, сделанный на конференции, – пишет английский историк А. Буллок, – был выражен двумя предложениями: сложность создавшегося положения делает настоятельным позитивное сотрудничество населения. Россия может быть сокрушена только русскими»²¹. В данном случае под русскими подразумевались все народы Советского Союза.

Исходя из этих установок, нацисты были вынуждены провести некоторые «реформы» в своей оккупационной политике на территории СССР. В целом, они были сведены к следующим моментам:

- населению оккупированных территорий давалась какая-нибудь «политическая цель» (иногда, вплоть до обещания независимости) и делались определенные уступки в обращении с ним. Обычно эта цель заключалась в разрешении на ограниченное участие в решении управленческих и административных вопросов;
- политическим лидерам того или иного национального движения, которые считали себя союзниками Германии, обещалось создание собственных вооруженных сил. Сначала эти силы должны были находиться под немецким контролем, а затем перейти под национальное командование;
- в качестве стимула при создании подобных вооруженных сил всем, кто соглашался вступить в них, обещались всевозможные льготы и привилегии экономического характера: начиная от денежного вознаграждения и заканчивая наделением земельными участками семей добровольцев²².

¹⁹ Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941-1945. – Santa Monica, CA, 1982. – P.6.

²⁰ Madajczyk Cz. Op. cit. – Т.2. – S.34-40; Mulligan T. Op. cit. – P.47-56.

²¹ Буллок А. Указ. соч. – Т.2. – С.368.

²² U.S. National Archives (далее – NARS), Record Group 242. National Archives Collection of Seized Enemy Records 1941-1945, T-78. Fremde Heere Ost, roll 556, frames 536-552.

Эти изменения начали активно внедряться с весны 1943 г. Правда, не все руководители немецкой оккупационной администрации восприняли их однозначно. Например, в Прибалтике и Белоруссии такая политика принесла определенные плоды. На Украине же ее полностью заблокировал рейхскомиссар Э. Кох²³.

Второй этап продолжался до лета 1944 г. Его основной рубеж – полное освобождение территории СССР от немецких оккупантов. Примерно с осени этого года начался новый этап во взаимоотношениях немецкого военно-политического руководства и коллаборационистов. Среди его характерных особенностей можно назвать следующие моменты. Во-первых, эти отношения приобрели еще более политический характер. То есть, теперь, что бы получить любых союзников, немцы были готовы признать лидеров национальных движений единственными и законными представителями их народов. Например, в марте 1945 г. таковыми были признаны грузинское и крымско-татарское национальные движения²⁴.

Во-вторых, чтобы придать этим движениям больше политического веса, немцы пошли на создание национальных армий из разрозненных коллаборационистских формирований соответствующей национальности. В результате были «созданы» Туркестанская национальная армия, Кавказская освободительная армия и Украинская национальная армия. Слово «созданы» здесь намеренно взято в кавычки, так как все эти «армии» остались только на бумаге. Единственным исключением является Украинская национальная армия, которая за несколько дней до капитуляции Германии была передана под руководство Украинского национального комитета²⁵.

Наконец, в-третьих, если на предыдущих этапах конфликт между точками зрения на «восточную» политику не носил такой острый характер, то теперь он достиг своей кульминации. Представители «прорусской» концепции при активной поддержке рейхсфюрера СС Гимmlера предприняли попытку объединить все коллаборационистские организации под эгидой власовского движения, создав Комитет освобождения народов России (КОНР). А все коллаборационистские формирования должны были стать основой вооруженных сил этого комитета. Этой попытке категорически воспротивился Розенберг. А сотрудничавшие с ним лидеры национальных

²³ Reitlinger G. Op. cit. – S.232-257.

²⁴ Романько О.В. Крымско-татарская эмиграция в годы Второй мировой войны и ее сотрудничество с военно-политическим руководством Третьего рейха // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали 2-ї Всеукраїнської наукової конференції. – К., 2007. – С.109; Privatarchiv des Joachim Hoffmann (далее – PAJH), Reichsminister Rosenberg an Georgischen Verbindungsstab. – 17.3.1945 // Intelligence Division. – DRS (51)42. – P.1.

²⁵ Гунчак Т. У мундирах ворога // Військо України. – 1993. - №9. – С.82-88; Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. – М., 2004. – С.79.

движений попросту отказались вести переговоры с генералом Власовым, на том основании, что создание его комитета является очередным проявлением русского империализма²⁶.

На протяжении всей своей истории коллаборационистские формирования действовали в определенной среде и в определенных условиях, подвергаясь влиянию целого ряда факторов. В данном случае, наиболее значительным следует признать влияние, которое исходило со стороны: (а) немецких военно-политических органов разного уровня; (б) коллаборационистских организаций той же национальной группы, представителями которой были укомплектованы личный состав формирования; (в) коллаборационистских организаций и добровольческих формирований представителей других национальных движений; (г) партизанского и подпольного движения, которое действовало на данной территории; (д) местного населения, проживавшего на данной территории.

Все эти факторы можно условно назвать внутренними. К внешним факторам следует отнести военную обстановку на том или ином участке Восточного фронта или на этом фронте в целом²⁷.

Коллаборационистские формирования из числа советских граждан, несмотря на определенную уникальность, не были, как таковые, отдельной категорией германских вооруженных сил. Однако такая характеристика является несколько абстрактной и нуждается в дальнейшем разъяснении.

В нормативных документах германского военного командования и полицейского руководства по использованию «местных вспомогательных сил на Востоке» все контингенты добровольцев из числа советских граждан строго различались. В целом, выделялись следующие категории:

1. Формирования разведывательно-диверсионного назначения, созданные немецкими специальными службами;
2. Вспомогательные и специальные формирования:
 - «добровольные помощники» или «хиви» (*Hilfswillige / Hiwi*);
 - формирования специального характера (строительные, инженерные, транспортные, хозяйственные и т.п.);
 - части и подразделения в составе германских вспомогательных формирований (Организация Тодта и т.п.).
3. Формирования полицейского характера:

²⁶ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. – Ставрополь, 1992. – С.309-310; Frölich S. General Wlassow. Russen und Deutsche zwischen Hitler und Stalin. – Köln, 1987. – S.202-206.

²⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg: In 9 bd. – Stuttgart – München, 1979-2007. – Bd.9. – Halbbd.2. – S.906-976.

- формирования по поддержанию общественного порядка, созданные под эгидой военной оккупационной администрации;
 - формирования по поддержанию общественного порядка, созданные под эгидой полиции порядка или полиции безопасности;
 - формирования в составе частей порядка Вермахта (тайная полевая полиция, полевая жандармерия и т.п.).
4. Линейные (фронтовые) формирования:
- формирования в составе Вермахта;
 - формирования в составе войск СС²⁸.

Первые коллаборационистские формирования из представителей «восточных» народов были созданы при поддержке германских спецслужб (а именно военной разведки – Абвера), накануне нападения на Советский Союз. Главная цель – диверсионно-разведывательные мероприятия в приграничных районах или ближнем тылу советских войск. Весной-летом 1941 г. по такой схеме были организованы украинские батальоны «Нахтигаль» и «Роланд», эстонский батальон «Эрна» и 1-й белорусский штурмовой взвод. Как правило, после выполнения своего задания, эти части расформировывались, а их личный состав шел на комплектование полицейских или других подразделений. Необходимо отметить, что первые диверсионно-разведывательные формирования состояли, как правило, из эмигрантов или военнопленных Польской армии. Собственно советских граждан в них практически не было. Однако, после того как появилось значительное количество советских военнопленных и добровольцев с оккупированных территорий, эта диспропорция исчезла²⁹.

Следующий этап в создании таких частей относится к осени-весне 1941-1942 гг. Планируя наступление на Кавказ, немцы создали несколько подразделений, целью которых были диверсия, разведка, пропаганда и организация восстаний в тылу советских войск. Так были сформированы Туркестанский батальон и батальон (затем полк) «Бергманн», соответственно – из представителей народов Средней Азии и Кавказа. Эти части и подразделения создавались с целью их использования за линией фронта. Однако немецкими спецслужбами был организован еще целый ряд частей, целью которых были специальные операции против партизанского движения. Так, осенью 1942 г. почти одновременно были созданы Специальный

²⁸ Классификация проведена по: Archiv des Institut für Zeitgeschichte (далее – IfZ), Sammlung «Thorwald-Material», Köstring (Ernst, General der Kav. a.D.), Erfahrungen mit den Freiwilligen aus dem russischen Raum im Kampf mit den Bolschewismus 1941-1945, 13.07.1954. – S.1-48; Sammlung des Militärgeschichtlichen Forschungsamt der Bundeswehr (далее – MGFA), Heygendorff, R. v., Oberst. Die landeseigenen Verbände im Kampf gegen die S.U., Vortrag, 18.04.1943. – S.1-10.

²⁹ Дробязко С.И. Под знаменем врага... – С.121-132.

штаб «Россия» и 13-й белорусский полицейский батальон при СД, сыгравшие значительную роль в борьбе против партизан³⁰.

Наконец, на заключительном этапе войны Абвер и СД приступили к созданию специальных частей, которые после своей заброски в советский тыл должны были организовать там партизанское движение. Наиболее характерным примером такого формирования является белорусский десантный батальон «Дальвиц». В силу рода своих функций, эта категория добровольцев была самой малочисленной. За всю войну через ряды этих частей прошло не более 10 тыс. человек³¹.

Что касается второй категории добровольцев, то это были лица, завербованные командованием немецких частей и соединений, стремившихся таким образом покрыть недостаток в живой силе. Первоначально они использовались в тыловых службах в качестве шоферов, конюхов, рабочих по кухне, разнорабочих, а в боевых подразделениях – в качестве подносчиков патронов и саперов. Со временем их стали использовать и в боевых операциях наравне с немецкими солдатами. Следует сказать, что численность «хиви» постоянно увеличивалась при фактическом уменьшении штатов немецкой пехотной дивизии. Так, штаты пехотной дивизии, установленные со 2 октября 1943 г., предусматривали наличие 2005 добровольцев на 10708 человек немецкого персонала, что составляло около 15% от ее общей численности. В танковых и моторизованных дивизиях численность «хиви» должна была составлять соответственно 970 и 776 человек, что тоже равнялось 15%. Несколько позднее, чем в сухопутных силах, вспомогательные формирования появились в ВМФ, ВМС и других структурах Вермахта³². В результате, к концу войны эта категория «восточных» добровольцев насчитывала 665-675 тыс. человек и являлась самой многочисленной³³.

Появление третьей категории добровольческих формирований – попытка оккупационных властей решить проблему отсутствия достаточного количества охранных частей. То есть, подразделения вспомогательной полиции создавались в целях поддержания общественного порядка на оккупированных территориях и для борьбы с партизанским движением. Первой начала создаваться вспомогательная полиция в зоне ответственности воен-

³⁰ Ненахов Ю.Ю. Войска спецназначения во второй мировой войне. – М., 2000. – С.616-635; Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в вермахте и СС. – М., 2006. – С.378-382.

³¹ MGFA, Pozdnjakov V. German Counterintelligence Activities in Occupied Russia (1941-1944). Historical Division, U.S. Army Europe, 1953, Ms. Nr. P-122. – P.168-187.

³² NARS, Record Group 242. National Archives Collection of Seized Enemy Records 1941-1945, T-78. Fremde Heere Ost, roll 417, frames 6386595, 6386598; Seidler F.W. Die Organisation Todt: Bauen für Staat und Wehrmacht, 1938-1945. – Koblenz, 1987. – S.133-136.

³³ NARS, Record Group 242. National Archives Collection of Seized Enemy Records 1941-1945, T-78. Fremde Heere Ost, roll 501, frames 6489700-6489707.

ной администрации. Главной особенностью этой полиции было то, что ее подразделения были абсолютно не унифицированными во всех смыслах и создавались без всякой системы. И хотя в тыловых районах групп армий «Север», «Центр» и «Юг» ее формирования назывались соответственно «местные боевые соединения» (*Einwohnerkampfverbände*), «служба порядка» (*Ordnungsdienst*) и «вспомогательные охранные части» (*Hilfswachmannschaften*), на местах все зависело от вкуса начальника немецкой администрации или фантазии руководителя самоуправления, при котором они создавались. Так, на территории Белоруссии и Западной России эта полиция могла называться: «местная милиция» (*Ortsmiliz*), «служба порядка» (*Ordnungsdienst*), «гражданское ополчение» (*Bürgerwehr*), «местное ополчение» (*Heimwehr*) или «самооборона» (*Selbstschutz*)³⁴.

6 ноября 1941 г. рейхсфюрер СС Гиммлер издал приказ, согласно которому все «местные полицейские вспомогательные силы», действовавшие на территории, перешедшей под юрисдикцию гражданской оккупационной администрации, были реорганизованы в части «вспомогательной полиции порядка» (*Schutzmannschaft der Ordnungspolizei* или «*Schuma*»)³⁵. Функции новой полиции ничем не отличались от функций формирований, созданных для охраны тыла армий или групп армий. Единственным отличием в данном случае было то, что они подчинялись не военным, а полицейским властям (зачастую происходило обычное переподчинение частей «милиции», «самообороны» или «ополчения» от местного армейского коменданта местному полицейскому чиновнику – соответствующему фюреру СС и полиции). В зависимости от их назначения, принято выделять следующие категории «вспомогательной полиции порядка»:

- полиция индивидуальной службы в городах и сельской местности (*Schutzmannschaft-Einzeldienst*);
- батальоны «вспомогательной полиции порядка» (*Schutzmannschaft-Bataillone*);
- вспомогательная пожарная полиция (*Feuerschutzmannschaft*);
- вспомогательная охранная полиция (*Hilfsschutzmannschaft*).

Всего же к концу войны эта категория «восточных» добровольцев насчитывала 390-400 тыс. человек³⁶.

Последней категорией «восточных» коллаборационистских формирований являлись их боевые части. Это были либо отдельные соединения

(дивизии и корпуса, что было крайне редко), либо полки и подразделения (батальоны и роты) в составе Вермахта и войск СС. Они создавались с целью их применения на фронте, однако зачастую могли использоваться и как формирования предыдущих категорий, главным образом, в качестве охранных частей. Наиболее значительными из них следует признать Вооруженные силы КОНР, 15-й Казачий кавалерийский корпус, 162-ю Тюркскую пехотную дивизию, а также шесть национальных дивизий войск СС. К концу войны в них проходило службу 470-475 тыс. «восточных» добровольцев³⁷.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что в течение Второй мировой войны в германских вооруженных силах и охранных структурах прошло службу от 1,3 до 1,5 млн. советских граждан – большинство добровольно, остальные же – в результате различной степени призывных компаний³⁸. Такое количество, несомненно, следует признать значительным вкладом коллаборационистов из числа народов СССР в военные усилия нацистской Германии.

Белоруссия в геополитических планах нацистского руководства

Изменение политического статуса советских республик являлось основной целью войны Германии против СССР. В том, что этот статус будет изменен, не сомневался ни один из лидеров Третьего рейха. Однако на практике будущее устройство гражданского управления на оккупированных территориях Советского Союза вызывало наибольшее количество споров среди нацистского военно-политического руководства. Если военное управление могло носить только временный характер, а аппарат СС, в принципе, не имел права вмешиваться в вопросы администрирования, ограничиваясь выполнением исключительно полицейских функций, гражданская администрация, напротив, должна была стать переходной формой на пути к будущему политическому устройству всего «восточного пространства». Каким оно будет после победы Германии? На этот вопрос надо было ответить как можно быстрее, и с как можно большей политической ясностью.

Устройство будущей гражданской оккупационной администрации напрямую зависело от тех концепций национальной политики, которые име-

³⁴ Bundesarchiv-Militärarchiv (далее – BA-MA), RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/215, bl.63-68.

³⁵ NARS, Record Group 242. National Archives Collection of Seized Enemy Records 1941-1945, T-175. Records of the Reich Leader-SS and Chief of the German Police (Allgemeine-SS), roll 233, frame 2721867.

³⁶ Thomas N. Op. cit. – P.14.

³⁷ Neulen H.-W. Op. cit. – S.342.

³⁸ NARS, Record Group 242. National Archives Collection of Seized Enemy Records 1941-1945, T-175. Records of the Reich Leader-SS and Chief of the German Police (Allgemeine-SS), roll 19, frames 2524101-2524103.

ли хождение среди различных группировок немецкого военно-политического руководства. Фактически, первоначально к этому делу был допущен только главный нацистский теоретик А. Розенберг, который считался признанным экспертом по внешнеполитическим и национальным вопросам. Его же основным оппонентом, как это не покажется парадоксальным, стал сам Гитлер, который также имел свой взгляд на «восточную» политику. Ее основные тезисы будущий фюрер германской нации сформулировал еще в 1920-х гг., когда писал в «Майн Кампф»: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политики довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»³⁹. В целом, это была только генеральная линия. Хотя и ясно сформулированная, она, тем не менее, страдала одним недостатком: не было понятно, как ей следовать.

Взгляды Розенберга на национальный вопрос в Советском Союзе и будущее политическое устройство входивших в него республик хорошо известны. Его идеалом была слабая аграрная «Московия», окруженная со всех сторон санитарным кордоном из зависимых от Германии государств – бывших республик СССР. Мнение Гитлера по этому поводу менее известно. Многие исследователи обычно приводят вышеуказанную цитату, и пишут, что фюрер был сторонником полного подчинения указанных территорий и противником любой национальной политической администрации на них. Отчасти это справедливо. Но, нужно сказать, что это мнение стало таким только перед самым нападением на СССР и продолжало оставаться неизменным на протяжении всей войны. После написания «Майн Кампф» и до самой разработки плана «Барбаросса» взгляды Гитлера на «восточную политику» претерпели значительную эволюцию⁴⁰.

Следует сказать, что, по словам американского исследователя А. Даллина, «фюрер слабо разбирался в нюансах национальных концепций его окружения»⁴¹. Поэтому трудно сказать, какой из них он отдавала наибольшее предпочтение. Это утверждение можно проиллюстрировать следующим примером. Летом 1932 г. в штабе нацистской партии в Мюнхене состоялась конференция, посвященная путям и методам буду-

³⁹ Гитлер А. Моя борьба. – Харьков, 2003. – С.664-665.

⁴⁰ Вторая мировая война. Взгляд из Германии: Сб. статей материалов. – М., 2005. – С.64.

⁴¹ Dallin A. Op. cit. – P.50.

щей колонизации «восточных территорий». Организатором конференции выступил один из нацистских теоретиков В. Дарре, отвечавший в окружении Гитлера за аграрную политику. В целом, все темы, которые обсуждались на этой конференции, не выходили за рамки проблем сельского хозяйства и колонизации. Однако один из сотрудников Дарре сделал очень интересный доклад о «пространственных задачах восточной территориальной политики». Так, он считал, что в Восточной Европе должен возникнуть союз государств, контуры которого были намечены уже в годы Первой мировой войны. В центре – ядро, состоящее из Германии, Австрии, Чехии и Моравии. Затем – «венки» из малых и средних самостоятельных государственных образований. А именно: прибалтийские государства, средних размеров Польша, более крупная Венгрия, разделенные на составные части Сербия и Хорватия, уменьшенная Румыния, Украина, существующая в виде нескольких независимых частей, южнорусские и кавказские государства. На северо-востоке это «федеративное государство», связанное общими вооруженными силами, экономикой, валютой и внешней политикой, должно было простираться до границ Финляндии, на юго-востоке – Грузии⁴².

Несмотря на свой радикализм, Гитлер поддержал такие принципы немецкой «восточной политики». Более того, уже после прихода к власти, в начале 1934 г., он заявил на одном из совещаний, что целью германской политики на Востоке должен быть «альянс с Украиной, Поволжьем, Грузией и т.п. Но не альянс равных партнеров, а союз вассальных государств без отдельной армии, политики и экономики»⁴³.

События 1938-1940 гг. показали, что такой ход событий вполне возможен. Именно в эти годы были созданы протекторат Чехии и Моравии, генерал-губернаторство в Польше и марионеточные правительства в Словакии и Норвегии. Поэтому, когда 22 июля 1940 г. на совещании в Генштабе сухопутных войск обсуждался вопрос о будущей войне против СССР, Гитлер поставил перед своими генералами следующие политические задачи: «Украинское государство, Федерация Балтийских государств, Белоруссия...»⁴⁴.

Поначалу это заявление можно было понимать как угодно, вплоть до того, что Гитлер планировал создание этих независимых государств. Однако уже неделю спустя, 31 июля, он дал более ясно понять, что подразумевает под «независимостью» для этих регионов. Начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер так передал слова фюре-

⁴² Раушнинг Г. Указ. соч. – С.42-47.

⁴³ Розенберг А. Указ. соч. – С.353-354.

⁴⁴ Гальдер Ф. Указ. соч. – Т.1. – С.54.

ра: «Окончательно Украина, Белоруссия, Прибалтика – нам...»⁴⁵. То есть, подразумевалось, что после победы эти территории будут зависимыми от Германии государствами.

Из документов известно, что следующие четыре месяца Гитлер вообще не касался проблемы организации «восточных территорий». И только 5 декабря он вновь вернулся к этой теме, определив будущую роль западных окраин СССР. Как бы развивая свои июльские планы, фюрер высказался в том смысле, что Украина, Прибалтика и Белоруссия должны стать «буферными государствами Великой Германии»⁴⁶.

В начале 1941 г. начальник штаба оперативного руководства Верховного командования Вермахта (ОКВ) генерал А. Йодль подал на рассмотрение Гитлеру проект так называемых «Инструкций по особым вопросам», которые прилагались к Директиве №21 (план «Барбаросса»). В начале марта фюрер вернул этот документ в ОКВ, снабдив его следующими дополнениями и комментариями: «Предстоящая кампания есть нечто большее, чем просто вооруженный конфликт. Это столкновение двух различных идеологий. Ввиду масштаба вовлекаемой в эту войну территории, она не закончится просто разгромом вооруженных сил противника. Вся территория должна быть разделена на отдельные государства, каждое со своим собственным правительством, с которым мы затем сможем заключить мир. Формирование этих правительств требует большого политического умения и должно основываться на хорошо продуманных принципах... Сегодня социалистическую идею в России уже невозможно истребить. С точки зрения внутренних условий образование новых государств должно исходить из этого принципа. Большевикско-еврейская интеллигенция должна быть уничтожена, так как до сего дня она является «угнетателем»... Наша цель – построить как можно скорее и, используя минимум военной силы, социалистические государства, которые будут зависеть от нас. Задача эта настолько трудная, что ее нельзя доверить армии»⁴⁷.

Эти указания Гитлера, которые определяли компетенцию Вермахта в политической сфере, легли в основу окончательных «Инструкций» к плану «Барбаросса», подписанных начальником ОКВ генерал-фельдмаршалом В. Кейтелем 13 марта 1941 г. О политическом устройстве оккупированных территорий СССР в них, в частности, говорилось следующее: «Как только зона боевых действий достигнет достаточной глубины, будет установлена тыловая граница. Оккупированная территория в тылу зоны боевых действий будет иметь собственное политическое управление. Она будет

⁴⁵ Там же. – С.81.

⁴⁶ KTB des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab)... – Bd.1: 1.8.1940-31.12.1941. – S.205.

⁴⁷ Цит. по: Варлимонт В. Указ. соч. – С.168-169.

разделена по этнографическому признаку и в соответствие с разграничительными линиями групп армий. Сначала она будет состоять из «Севера» (Прибалтика), «Центра» (Белоруссия), «Юга» (Украина). На этих территориях политическое управление будет передано рейхскомиссарам, которые получат соответствующие указания от фюрера»⁴⁸.

Известно, что и этот вариант еще не окончательно удовлетворил Гитлера. Поэтому, после ознакомления с ним 17 марта 1941 г., он снова отметил: «Мы должны создать свободные от коммунизма республики. Насажденная Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Руководящий аппарат русского государства должен быть сломан»⁴⁹. Необходимо подчеркнуть, что здесь Гитлер зашел наиболее далеко в своем планировании будущего устройства «восточных территорий». Последующие события показали, что он значительно охладел к идее буферного альянса из вассальных государств – бывших западных республик СССР.

В конце марта 1941 г. вопрос о будущем политическом устройстве Советского Союза был поднят на качественно иной уровень. Следует сказать, что за те полмесяца, которые прошли с утверждения «Инструкций» к Директиве №21, точка зрения Гитлера на обустройство «восточных территорий» приобрела более радикальный оттенок. Он не отказался от идеи административно-политического деления «восточного пространства». Однако теперь фюрер считал, что это не должны быть, пусть и вассальные Германии, но независимые государства (даже, если их независимость будет только фикцией). Всю оккупированную территорию СССР следовало поделить на административные единицы, которые напрямую и полностью будут подчиняться Германии. То есть, предполагалось создать, что-то вроде «древневосточных сатрапий, но на новый лад». По мнению А. Даллина, которому принадлежит взятая в кавычки фраза, такая эволюция во взглядах Гитлера произошла из-за изменений политической и военной обстановки, имевшей место в течение этого года. В 1939 и начале 1940 г. он мог вполне искренне говорить о создании независимых Украины, Белоруссии и Прибалтики, чтобы, таким образом, воздействовать на английскую, французскую и советскую дипломатию, а также оказывать контрвоздействие на политику польского эмигрантского правительства. Теперь такие игры Гитлеру нужны не были: как известно, с лета 1940 г. нацистская Германия была хозяином всего европейского континента⁵⁰.

Свою новую точку зрения Гитлер высказал 30 марта 1941 г. на совещании германского военно-политического руководства, в ходе которого цели

⁴⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 7445, оп. 2, д. 141, л. 115-117.

⁴⁹ Гальдер Ф. Указ. соч. – Т.1. – С.496.

⁵⁰ Dallin A. Op. cit. – P.50-51.

войны против СССР были определены окончательно. С военной точки зрения они должны были заключаться в достижении линии «Архангельск – Астрахань», а в политическом плане следовало сделать так, чтобы «никакая организованная сила не могла противостоять немцам по эту сторону Урала». В заключение своего выступления Гитлер выразился более конкретно: «Наши задачи в отношении России – разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство»⁵¹. Для управления же захваченными советскими территориями фюрер предлагал создать «протектораты»: в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии. Слово «протекторат» здесь взято в кавычки намеренно. Конечно, это не должны были быть протектораты как в Чехии и Моравии. Скорее, речь шла только о политической ширме⁵².

Это мартовское совещание знаменательно еще и тем, что на нем все вопросы будущего административно-политического планирования на «восточных территориях» были переданы в ведомство Розенберга. Теперь только он и его подчиненные могли заниматься этим. Уже 2 апреля 1941 г. Розенберг представил первый меморандум, в котором полностью отразил свои политические взгляды и концепцию решения национального вопроса в СССР. В целом, он предлагал разделить его на семь регионов:

- Великороссия с центром в Москве;
- Белоруссия с Минском или Смоленском в качестве столицы;
- «Балтгеланд» (Эстония, Латвия и Литва);
- Украина и Крым с центром в Киеве;
- Донская область с Ростовом-на-Дону в качестве столицы;
- Кавказский регион;
- Туркестан (российская Центральная Азия).

Согласно концепции, изложенной в этом документе, Россия (или, вернее, то, что от нее оставалось), должна была быть отрезана от остального мира кольцом нерусских государств. Однако это было еще не все: по замыслу Розенберга она еще и теряла целый ряд территорий с русским населением. Так, Курск, Воронеж и Крым отходили к Украине, а Ростов-на-Дону и нижняя Волга – к Донской области. В будущей России «полностью уничтожалась еврейско-большевистская администрация», а сама она «должна была быть подвергнута интенсивной экономической эксплуатации» со стороны Германии. Кроме того, это территориальное образование получало статус гораздо ниже, чем даже у окружающих его «государств», чтобы служить своего рода «приемником» для всех «нежелательных элементов с их территорий»⁵³.

⁵¹ Гальдер Ф. Указ. соч. – Т.1. – С.520, 522.

⁵² Кейтель В. Указ. соч. – С.286-289.

⁵³ Germany and the Second World War: In 9 vols. – Oxford, 1998. – Vol.4. – P.488.

Розенберг, в целом, согласился с предыдущими планами Гитлера о выделении Белоруссии в самостоятельную административную единицу. Тем не менее, следует отметить, что он был очень низкого мнения относительно национальной «спелости» белорусского народа, и поэтому долго не решался сформировать свою окончательную позицию по белорусскому вопросу. Розенберг отмечал в своем меморандуме, что эта советская республика «очень отстает в культурной и хозяйственной сферах», в связи с чем «пробуждение ее национальной жизни и создание полноценного государственного механизма может оказаться весьма трудным делом». Однако ее самостоятельное существование могло быть оправдано хотя бы уже тем, что ослабляло Россию. С этой целью территорию Белоруссии планировалось увеличить за счет западнорусских областей с центром в Смоленске⁵⁴.

Этот план вызвал существенные замечания Гитлера, который считал, что деление будущей оккупированной территории не должно быть таким дробным, а создаваемые административные единицы – искусственными. Например, организация отдельной Донской области не было, на его взгляд, обусловлено ни политически, ни экономически, ни, даже, с точки зрения, национальной политики. Это же касалось и Белоруссии. Фюрер считал, что ее необходимо объединить с Прибалтикой – так будет удобней с административной точки зрения. И такие замечания были высказаны практически по всем пунктам меморандума Розенберга. Однако следует признать, что его генеральной линии они почти не затронули. Гитлер ничего не имел против таких пассажей, в которых шла речь о «дальнейшей дифференциации среди населения оккупированных территорий», «украинском народе и его свободе», «освобождении народов Кавказа» и «спасении эстонской, латышской и литовской наций». Что же касается «России или русских территорий, то о каких-либо изменениях в их судьбе не могло быть и речи»⁵⁵.

Розенберг работал над своим новым меморандумом больше двух месяцев. Судя по его черновым наброскам, только в мае 1941 г. Он признал необходимым соединение Белоруссии и прибалтийских республик в рамках одной административной единицы. Однако, и Розенберг это сам признавал, такое решение могло быть только временной мерой, совершенно не решавшей проблему политического статуса Белоруссии. Не было однозначного ответа и на вопрос о послевоенном будущем этой республики. То она определялась, как территория, которая вместе с Прибалтикой подлежала германизации и включению в состав Третье-

⁵⁴ Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі... – С.540.

⁵⁵ Dallin A. Op. cit. – P.52-53.

го рейха, то, как территория, которая не подлежала вообще какой-либо инкорпорации. Было мнение сделать Белоруссию приемником для «нежелательных элементов» из Прибалтики и Польши, или даже природным заповедником. При этом Розенберг подчеркивал, что не следует отказываться от мысли предоставить Белоруссии в неопределенном будущем «своего рода автономию»⁵⁶.

20 июня 1941 г. в Берлине состоялось совещание высшего военно-политического руководства Германии, на котором Розенберг представил Гитлеру новый план будущего административно-политического устройства «восточных территорий». Согласно этому плану предполагалось создать пять административных единиц – рейхскомиссариатов (*Reichskommissariat*):

- «Московия» (центральные области России),
- «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия),
- «Украина» (большая часть Украины и Крым),
- «Кавказ» (Северный Кавказ, Закавказье и Калмыкия) и
- «Туркестан» (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье и Башкирия).

Эти административные единицы планировалось создавать по мере продвижения линии фронта на Восток и после военно-политического умиротворения указанных регионов⁵⁷.

В целом, Гитлер согласился с таким решением проблемы, и уже 17 июля 1941 г., почти через месяц после нападения на СССР, подписал приказ о введении гражданского управления на оккупированных территориях. Этим приказом было создано Министерство оккупированных восточных областей (*Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete*) – главный руководящий орган для указанных административных единиц. Возглавил министерство А. Розенберг⁵⁸. Провал планов «молниеносной войны» против Советского Союза привел к тому, что удалось создать только два рейхскомиссариата – «Остланд» и «Украина». Юридически они начали функционировать 1 сентября 1941 г. В своем же окончательном виде их территория оформилась только к декабрю 1941 г.⁵⁹

В целом, этим приказом были урегулированы все планы по «организации восточного пространства». Однако, нельзя не отметить, что будущее Белоруссии, сформулированное Розенбергом и его сотрудниками, было очень туманным. Поэтому, когда немецкие войска входили на территорию этой советской республики, ни одна из оккупационных инстанций не имела представления о ее будущем политическом статусе.

⁵⁶ Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі... – С.540.

⁵⁷ ГАРФ, ф. 7445, оп. 2, д. 144, л. 330-332.

⁵⁸ ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 183, л. 45-46.

⁵⁹ Bräutigam O. Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges... – S.4-5.

Белорусская эмиграция в межвоенной Европе

К моменту нападения Германии на Советский Союз белорусское национальное движение существовало уже более 40 лет. Однако, как в идейном, так и организационном плане оно относилось к числу наиболее неразвитых и малоэффективных даже в сравнении с национальными движениями других народов бывшей Российской империи. Именно на счет этой слабости следует отнести полное поражение белорусской идеи в период революции и гражданской войны 1917-1920 гг. Провозглашенная националистами Белорусская народная республика (БНР) так и осталась, фактически, на бумаге, не получив поддержки даже у германских оккупационных властей. Ее лидерам не удалось создать ни полноценной администрации, ни вооруженных сил, ни получить международное признание. Наконец, белорусский народ также оказался полностью равнодушным к идее независимости. В результате, Белоруссия стала полем борьбы между Советской Россией и Польшей. Итогом этой борьбы стало заключение Рижского мира (март 1921 г.), который закрепил разделение белорусских земель и, фактически, «поставил крест» на всех проектах националистов. Восточная часть этих земель вошла в состав СССР под именем Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР). К Польше отошла западная часть с городами Гродно, Барановичи, Белосток, Брест и Пинск. В дальнейшем этот территориальный (и, что не менее важно, религиозный) раскол сыграл значительную роль в развитии белорусского национализма в годы Второй мировой войны. Кроме того, в Восточной Европе осела послереволюционная белорусская эмиграция. Хотя по своим размерам она и не была такой значительной, как, например, русская или украинская (еще меньше там было «сознательных» белорусов), ее роль в дальнейшем развитии белорусского национализма также важна. Еще одним значительным местом проживания белорусской диаспоры была Германия. Естественно, что настоящая белорусская политическая жизнь развивалась только на белорусских землях, а именно, в БССР и Польше. Развивалась она здесь в совершенно противоположных направлениях, но со временем пришла к единому знаменателю – усилению белорусского национализма.

Несмотря на то, что большевики провозглашали своей целью нивелировку всех наций, по выражению историка И. Коринкевича, «их роль в разведении и насаждении разных национализмов хорошо известна»⁶⁰. В 1920-е гг. эта деятельность получила свое выражение в политике так называемой «коренизации». В чем она заключалась? Прежде всего, в

⁶⁰ BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 146.

подготовке преданных идеям коммунизма национальных кадров, и во внедрении языка того или иного народа во все сферы общественной и культурной жизни данной национальной республики. В кратчайшие сроки и в принудительном порядке белорусский язык был введен во всех партийных и советских учреждениях, и даже в армейских частях, расквартированных на территории республики. И советские историки, и даже националисты признают, что в Белоруссии не хватало грамотных кадров, которые бы говорили на белорусском языке. Почти вся белорусская интеллигенция того времени говорила по-русски и не желала переходить на белорусский язык. И недостаток специалистов по белорусскому языку был восполнен отсюда, откуда меньше всего этого было можно ожидать. После объявления амнистии и провозглашения политики «белорусизации» в БССР вернулись многие бывшие деятели БНР, которые почти сразу же включились в проведение этой политики. Так, созданная после окончания гражданской войны Белорусская Академия Наук практически полностью попала в их руки. Именно эти деятели определили советский вариант истории Белоруссии, основной тенденцией которого явилось выпячивание и подчеркивание самых незначительных проявлений сепаратизма в дореволюционное время. В несколько измененном виде этот вариант просуществовал до 1991 г., и, по сути, даже сейчас является базой для всех дальнейших научных (и ненаучных) изысканий в области истории Белоруссии⁶¹.

В конце 1920-х гг., после свертывания НЭПа и всех сопутствующих ей экспериментов в политической и духовной сферах, пришел конец и «коренизации». Большинство вернувшихся белорусских националистов и выращенная ими новая белорусская интеллигенция разделили трагическую участь интеллигенции других народов СССР. Однако посеянные ими зерна белорусской национальной идеи и сепаратизма все-таки дали свои всходы. И произошло это в период Второй мировой войны⁶².

Если политика коммунистов в решении белорусского вопроса была поначалу лояльной по отношению к националистам, то в Польше все было наоборот. Официальная Варшава не считала белорусов каким-то отдельным народом, а только национальным меньшинством, которое необходимо ассимилировать. Такая же политика проводилась и по отношению к западным украинцам, результатом чего стало усиление Организации украинских националистов (ОУН). В результате, вся история Западной Белоруссии 1920-х – 30-х гг. была наполнена борьбой за свое национальное выживание. Не удивительно, что многие из них с надеждой смотрели на

⁶¹ Vakar N. Op. cit. – P.137-154.

⁶² Lubachko I. Op. cit. – P.107-126.

СССР, где, как им казалось, белорусская нация активно развивается и строит свое национальное государство в виде БССР⁶³.

Следует сказать, что польские власти формально не запрещали белорусские политические партии и организации. Однако они делали все для того, чтобы уничтожить их. Сейчас принято утверждать, что польский парламентаризм и режим «санации» был либеральнее сталинского режима: он допускал существование белорусских политических партий и т.п. Но, как это не покажется парадоксальным, белорусы бежали из Польши в СССР, а не наоборот (хотя, многие потом и жалели об этом). В целом, политика Польши по отношению к белорусскому национальному движению привела к тому, что накануне Второй мировой войны оно оказалось расколото на несколько течений. Из них наиболее значительными были следующие.

Так называемое «незалежницькое» течение. Это было довольно пестрое политическое направление, в котором на почве белорусской независимости сосуществовали организации от христианских демократов до национал-социалистов. Историк И. Коринкевич отмечал, что «христианских демократов можно считать единственной в настоящем смысле этого слова белорусской партией за все время существования белорусского сепаратизма»⁶⁴. Возглавлял ее членов, преимущественно белорусов-католиков, ксендз А. Станкевич, по словам современников – человек порядочный, способный и лояльный по отношению к инакомыслящим. Вокруг него группировалось некоторое число белорусских ксендзов, наиболее выдающимся из которых был В. Годлевский, настоятель в селе Жодишки. Белорусское католическое духовенство, безусловно, влияло на своих прихожан, что, конечно, не нравилось польским властям. Поэтому вскоре последовала и расправа. В 1925 г. ксендз Годлевский был арестован и приговорен к двум годам тюремного заключения за антиправительственную деятельность. После этого католические духовные власти постепенно перевели большинство священников-белорусов на приходы во внутренней Польше, в результате чего деятельность христианских демократов замерла сама собой (хотя, формально, партия и продолжала существовать до 1940 г.). Со временем из этой партии выросли некоторые другие организации, наиболее значительной из которых был «Белорусский фронт» вышедшего к этому времени из заключения В. Годлевского. Эта организация была создана в 1936 г., но, несмотря на столь позднее возникновение, сыграла, навер-

⁶³ Vakar N. Op. cit. – P.119-136.

⁶⁴ BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 146rs.

ное, самую значительную роль в истории белорусского национализма. Ее сторонники выступали и против коммунизма, и против полонизации, и против германского нацизма. Их целью было возрождение белорусского народа и его духа на основе исторических традиций⁶⁵.

На правом фланге белорусского «незалежницького» течения находилась Белорусская национал-социалистическая партия (БНСП) Ф. Акинчица. Эта организация была создана в конце 1933 г. на волне общеевропейского увлечения идеями фашизма. Акинчиц и его сторонники считали, что все национальные и социальные проблемы белорусского народа можно решить только путем окончательного отказа от иллюзий демократического строя. А воссоединение разорванных Рижским договором белорусских земель возможно только в результате войны. Нет необходимости говорить, что в последнем пункте своей программы партия ориентировалась на возможную поддержку со стороны пришедших незадолго до этого к власти в Германии нацистов⁶⁶.

Другое течение составляли члены нелегальной Коммунистической партии Западной Белоруссии и их беспартийные сторонники. Естественно, что эта группировка крайне отрицательно относилась к первому течению и всячески боролась против него, так как считало, что идея независимости Белоруссии только « дезориентирует народные массы ». Есть факты, что в своей борьбе против белорусских националистов, коммунисты вполне сознательно шли на сотрудничество с польской политической полицией. Вероятно, об этом знал и Сталин, так как после присоединения Западной Белоруссии к БССР все местные коммунисты были либо уничтожены, либо высланы в Сибирь⁶⁷.

К коммунистам идейно примыкала Белорусская крестьянско-рабочая громада, которую возглавляли Б. Тарашкевич, С. Рак-Михайловский, И. Дворчанин и др. Интересно, что в Громаду некоторое время входили и упоминавшиеся национал-социалист Ф. Акинчиц, и коммунист Р. Островский, который в годы войны стал одним из лидеров белорусских коллаборационистов. Эта организация канализировала все недовольство белорусского общества, которое накопилось в результате социального неустройства и национальных притеснений. В 1926 г. движение Громады, в которое включились явные и тайные коммунисты, приняло характер лавины. В короткий срок ее активистами были созданы сотни сельских комитетов – так называемых «гуртков». Но, в конце концов, польские власти спохватились, и в начале 1927 г. Громаде был нанесен сокрушительный удар. Наиболее

⁶⁵ Пануцэвіч В. Кс. Вінцэсь Гадлеўскі. Дзяржаўны муж і правадыр народу // Беларуская Царква. – Чыкага, 1965. – №28. – С.50-53.

⁶⁶ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... – С.3-4.

⁶⁷ Гісторыя Беларусі... – С.200-201, 208-212.

активные руководители и члены движения были арестованы, а сама организация была распущена и объявлена запрещенной⁶⁸.

Позже, многие осужденные по делу Громады были отправлены, по их желанию в СССР, в обмен на арестованных советскими властями поляков. Практически все, выехавшие в СССР, лидеры Громады были репрессированы здесь по сфабрикованному делу так называемого «Белорусского национального центра» (1933 г.). Например, такая участь постигла С. Рак-Михайловского и И. Дворчанина. А несколько позднее был репрессирован и Б. Тарашкевич. Несмотря на то, что эта организация прекратила свое существование довольно быстро, ее идеи дали свои всходы. Например, в годы немецкой оккупации Белоруссии ее члены попытаются организовать альтернативное коммунистам партизанское движение⁶⁹.

Наконец, третье течение, очень небольшое и невлиятельное, составляли так называемые «полонофилы», которые пытались разрешить белорусский вопрос, сотрудничая с польскими властями. Однако оно не было таким влиятельным, как первые два. Самым значительным представителем этого течения стал Р. Островский. В январе 1927 г. он был арестован и обвинен по делу Громады. В тюрьме этот деятель изменил свои политические взгляды, и стал активным организатором и пропагандистом сотрудничества с польскими властями. Однако, основная масса белорусского населения ни ему, ни его сторонникам не доверяла. И тому были все основания. Как вспоминал один из белорусских националистов И. Малецкий, «польское правительство цинично пророчило, что через 50 лет на территории Польской республики не будет и следа белорусов»⁷⁰.

Такой, в целом, была картина развития белорусского национализма в период между двумя мировыми войнами. Ни Польша, ни СССР не были заинтересованы в создании самостоятельного белорусского государства, а западные демократии не проявляли никакого интереса к белорусскому вопросу, и, прежде всего, из-за слабости национального движения. Поэтому нельзя не согласиться с мнением целого ряда исследователей, что к концу 1930-х гг. белорусский национализм и сепаратизм как таковые исчезли бы вообще, если бы не приход к власти нацистов и развязанная ими Вторая мировая война⁷¹.

Гитлеровские декларации о переделе мира и «Новой Европе», в которой найдут свое место все обездоленные народы, вселили в лидеров белорусских националистов надежды на скорое решение белорусского вопроса. Безусловно, большинство белорусских политиков, которые считали себя

⁶⁸ Егорычев В.Е. Звонкая песня Громады // Заходні рэгіён Беларусі вочыма гісторыкаў і краязнаўцаў: Зб. навук. артыкулаў. – Гродна, 2006. – С.165-168.

⁶⁹ ВА-МА, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 146rs.

⁷⁰ Малецкі Я. Указ. соч. – С.27.

⁷¹ ВА-МА, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 147.

демократами, сначала очень критически относились к заявлениям Гитлера и пропаганде фашизма. Однако, когда в конце 1930-х гг. стало ясно, что Германия взяла открытый курс на передел мира и войны не избежать, даже орган польской Белорусской христианско-демократической партии «Хрысціянская думка» писала в статье «Немецкие намерения и белорусы»: «Последнее время Германия очень интересуется Восточной Европой – СССР, где расположены Украина и Белоруссия... Не потому, что хочет помочь украинцам и белорусам построить свое государство, а потому, что надеется этим развалить СССР, открыть для своей промышленности большой рынок сбыта и добраться до хлебного богатства Украины и лесного богатства Белоруссии... Это однако не значит, что белорусы должны уже теперь бояться немецких планов и уже теперь бороться с ними. Нет! Надо только знать, что никому не будет бескорыстной помощи, и что самая полезная только собственная сила...»⁷².

Это же касается и газеты «Беларускі фронт» – периодического издания одноименной организации ксендза Годлевского. Если в его первых номерах (1937-1938) журналисты врагами Белоруссии считали как коммунизм, так и нацизм, то, начиная с конца 1938 г., в газете ясно прослеживается тенденция ориентации на Германию не только как гаранта передела мира, но и как государство – образец нового порядка⁷³.

Что же касается интересов Германии в отношении Белоруссии, то в будущей войне ее руководство, в целом, не рассчитывала на использование белорусского фактора, поскольку, как было показано выше, белорусские националистические силы были крайне слабы. Как таковым, белорусским вопросом в Польше и СССР интересовались только некоторые партийные инстанции и военная разведка. Ими и был установлен контакт с белорусскими националистическими организациями (прежде всего, в Польше). Приоритет в этом деле принадлежал Внешнеполитическому бюро нацистской партии (*Aussenpolitisches Amt NSDAP; APA*) и его руководителю рейхсляйтеру А. Розенбергу. Взаимоотношения этого бюро с белорусскими организациями не приобрели широкого размаха, однако, оказали заметное влияние на немецкое отношение к белорусской проблеме. Еще летом 1933 г. АПА установило контакт с Ф. Акинчицем – идеологом и лидером небольшой группы белорусских национал-социалистов. В ноябре 1933 г. эта группа при поддержке и на деньги АПА приступила в Вильнюсе к изданию газеты «Новы шлях». Почти одновременно, благодаря стараниям Акинчица, в Берлине был создан Союз белорусских студентов. Тем не ме-

⁷² Цит. по: Гардзіенка А. Бэрлін як асяродак беларускага жыцця першай паловы 40-х гг. XX ст... – С.90.

⁷³ Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі... – С.531.

нее, эти усилия не принесли желаемого результата. Союз студентов так и остался малочисленной организацией, а газета «Новы шлях» не пользовалась у населения популярностью. К тому же этот печатный орган имел весьма жалкий вид: он выходил не более чем один раз в два месяца, небольшим форматом на 8 страницах, а его разовый тираж не превышал 500 экземпляров. Последний факт – лишнее свидетельство тому, что немцы не особенно поддерживали белорусских идеологических союзников. Скорее всего, их поддержка была больше моральной⁷⁴.

Потерпели неудачу и попытки Акинчица добиться популярности для своей партии – БНСП. Это произошло по нескольким причинам. Во-первых, для создания такой организации на западно-белорусских землях не было необходимой социальной базы, увлеченной идеями нацизма. Во-вторых, создание подобной партии было встречено польскими властями без особого энтузиазма: они, и вполне справедливо, полагали, что это будет не политическая партия, отстаивающая права белорусского населения, а обычная организация гитлеровской агентуры. В результате, в октябре 1936 г., почти сразу же после создания БНСП, Акинчиц не получил разрешения польских властей на проведение съезда партии, а уже осенью следующего года ее деятельность была фактически запрещена. Одновременно газета «Новы шлях» также попала под запрет польских властей. Из-за политических преследований ее редакция была перенесена из Вильно в Лиду, где 25 ноября 1937 г. вышел последний номер газеты. Часть членов партии выехала в Германию. Некоторые же во главе с главным редактором партийного органа В. Козловским остались в Вильно и продолжали работать нелегально, вплоть до прихода туда советских войск (1940 г.). Сам же Акинчиц объявил себя больным, вернулся в свое родное село Акинчицы (Минская обл.) и «стал ждать взрыва, который должен был уничтожить созданное в Версале и Риге политическое положение в Европе». В целом, деятельность этой партии не представляет особого интереса, так как ни к каким серьезным последствиям она не привела. Единственным позитивным моментом работы Розенберга с группой Акинчица стало приобретение им (и немецкими инстанциями вообще) ценного опыта по сотрудничеству с белорусскими националистами⁷⁵.

До начала Второй мировой войны германские власти не имели проблем с белорусской эмиграцией. Однако в результате Польской компании (сентябрь 1939 г.) на территории Третьего рейха оказалось около 70 тыс. белорусов – военнопленных Польской армии. Кроме того, на оккупированных немцами территориях, главным образом в Варшаве, Лодзе и Праге, еще с

⁷⁴ Туронак Ю. Фабіян Акінчыц – правадыр беларускіх нацыянал-сацыялістаў... – Сьнежань. – С.145-146.

⁷⁵ Там же. – С.147.

1920-х гг. существовала значительная белорусская диаспора. К концу осени 1939 г. стало ясно, что всю эту массу людей необходимо как-то организовать, а по возможности и использовать. Поэтому в ноябре для объединения эмигрантов и военнопленных, установления над ними опеки и помощи при устройстве на работу, в Берлине при Министерстве внутренних дел было создано Белорусское представительство (*Weissruthenische Vertrauensstelle*), с филиалами в других немецких городах. Руководителем представительства был назначен Акинчиц⁷⁶. При организации был создан печатный орган – газета «Раніца». Ее первый номер вышел 3 декабря 1939 г. Однако, представительство не могло удовлетворить национальных потребностей белорусов, так как его главной и единственной обязанностью была работа с военнопленными⁷⁷.

Летом 1940 г. лидеры белорусской диаспоры в Берлине получили разрешение немецких властей на создание Белорусского комитета самопомощи. Председателем комитета стал бывший консул БНР в Берлине А. Боровский. Одновременно были открыты филиалы этой организации в Познани, Лодзи, Торуне (Польша) и Праге (Чехия). В декабре 1939 – январе 1940 г., независимо от берлинского комитета был создан Белорусский комитет в Генерал-губернаторстве (Польша). Его штаб-квартира располагалась в Варшаве, а два филиала – в Бялой Подляске и Кракове. Согласно уставам этих организаций, которых, в конце концов, было создано более десятка, их члены имели право заниматься только общественной и культурно-просветительской деятельностью. Так, например, они заботились об открытии общественных столовых для белорусского населения и создании для него библиотек⁷⁸.

Все эти комитеты имели статус общественных и вспомогательных организаций, поэтому им было запрещено заниматься политикой. Тем не менее, на их базе возникло несколько политических групп националистов, каждая из которых видела себя единственным выразителем воли белорусского народа. В целом, все они стремились к достижению независимости Белоруссии. Отличало их только то, под каким углом зрения они смотрели на сотрудничество с немцами, и то, на какие немецкие инстанции они делали ставку: партию, правительство, СС или армию. Для достижения своей главной стратегической цели, каждая из этих групп ставила перед собой ряд тактических задач. У каждой из них они были разными. Однако одна была общей – получение политического влияния в Белоруссии после ее оккупации немецкими войсками. Поэтому, почти сразу, между этими группами развернулась острая конкуренция за немецкую благосклонность.

⁷⁶ Вініцкі А. Указ. соч. – С.12.

⁷⁷ Раніца. – 1940. – 20 верасня.

⁷⁸ Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада... – С.99, 102.

Первым приступил к делу И. Ермаченко – бывший офицер Белой армии и один из лидеров белорусской диаспоры в Праге. С целью придать своей миссии характер исторической и политической легитимности, он заручился поддержкой В. Захарко – президента Совета БНР в эмиграции. Почти сразу же после оккупации Чехии немцами, 20 апреля 1939 г., Ермаченко подготовил на имя Гитлера меморандум, лейтмотивом которого была просьба решить белорусский вопрос путем расчленения СССР. Известно, что этот меморандум не остался без внимания, о чем свидетельствует приглашение Ермаченко и Захарко (который только подписал этот документ) на конференцию в МИД Германии (Берлин, 3 августа 1939 г.). В ходе этой конференции оба деятеля белорусской эмиграции получили обнадеживающие заверения, что Германия «выступает против концепции единой и неделимой России»⁷⁹. В дальнейшем эти контакты очень сильно повлияли на карьеру Ермаченко в немецкой оккупационной администрации на территории Белоруссии.

Ф. Акинчиц, наоборот, делал ставку на ведомство Розенберга, так как полагал, что многолетние отношения с этим политиком дают ему основания надеяться на получение руководящей роли среди белорусских эмигрантских организаций Германии и оккупированных ею территорий. Однако шансы Акинчица постепенно уменьшались. Неудачная попытка создания БНСП со служила ему плохую службу. В определенных немецких кругах его стали считать авантюристом, со всеми вытекающими из этого последствиями. На такое мнение также влияло то, что, несмотря на все заявления, Акинчиц имел очень мало сторонников. В конце концов, это привело к тому, что он был снят с должности председателя берлинского Белорусского представительства почти сразу же после назначения. На этом посту его сменил А. Шкутка. Более того, когда в начале 1940 г. Акинчиц отправился в Варшаву, чтобы, под видом Белорусского комитета самопомощи, создать там легальную опору для возобновления деятельности своей нацистской партии, он застал там уже готовый комитет, созданный его идеологическими оппонентами. Началась борьба за власть, которую Акинчиц, несмотря на первоначальный успех, все-таки проиграл и во второй половине 1940 г. был вынужден вернуться в Берлин. Вернее, его туда попросту выслали. Дело в том, что варшавских активистов поддерживала СД, поэтому у Акинчица не было никаких шансов, даже при благожелательном отношении Розенберга⁸⁰.

Конец 1940 г. застал Акинчица в Берлине, где он продолжал борьбу за лидерство в белорусской эмиграции. К этому же времени относятся и его меморандумы Розенбергу (1 ноября 1940 и 10 января 1941 г.), в которых он предложил подробный проект совместной деятельности белорусских

⁷⁹ Раманоўскі В. Саўдзельнікі ў злачынствах... – С.21.

⁸⁰ Туронак Ю. Фабіян Акінчыц – правадыр беларускіх нацыянал-сацыялістаў... – С.148.

национал-социалистов и немецкого руководства. В целом, этот проект предусматривал следующие мероприятия:

- организация курсов с целью подготовки политических, административных и хозяйственных деятелей для будущей оккупационной администрации в Белоруссии;
- военная переподготовка белорусских военнопленных;
- организация курсов с целью подготовки разведывательных и диверсионных кадров для их будущей засылки на территорию СССР;
- подготовка пропагандистов из числа военнопленных белорусской национальности.

Тем не менее, это было не все. По мнению Акинчица, такие политические задачи могли выполнить только его единомышленники (т.е. белорусские нацисты), в связи с чем, им должна быть отведена руководящая роль. «Другая политическая группа, - писал он, - настроена демократически. Ее отношение к коммунистам не вызывает сомнений, они тайно симпатизируют евреям, склонны к панславизму, и относятся к Германии со скрытым недоверием. Эта группа не верит в победу Германии и, судя по ее политической позиции, стремится не скомпрометировать себя ни перед поляками, ни перед коммунистами, или считает, что после поражения Германии коммунисты, а вместе с ними поляки и евреи, будут господствовать в Европе. Эта группа относится к нашей организации очень враждебно, постоянно старается ее уничтожить, и ни в коем случае не допустить, чтобы немецкие учреждения считались с ее взглядами»⁸¹. После такой характеристики независимых от Акинчица группировок шли его доносы на их лидеров – реальных и мнимых конкурентов белорусских нацистов. Главным образом, это были все те, кто лишился власти в комитетах Берлина, Варшавы и Лодзи – все они должны были быть заменены его единомышленниками. Досталось и группе Ермаченко в Праге. Ее членов автор меморандумов-доносов считал настроенными демократично и с левыми взглядами⁸².

Однако и на этот раз Акинчиц потерпел поражение. Дело в том, что в Германии действовал строгий запрет на деятельность каких-либо политических партий, кроме нацистской. Этот запрет касался как Третьего рейха, так и оккупированных им территорий. Поэтому, все проекты по юридическому оформлению партии белорусских нацистов, так и остались проектами, а ее возможные члены должны были выполнять поручения различных немецких властей только в индивидуальном порядке. Например, многие из них вступили в разведывательно-диверсионные группы, которые немцы забрасывали на территорию СССР с декабря 1940 по июнь 1941 г.⁸³

⁸¹ Цит. по: Там же. – С.148-149.

⁸² Там же. – С.149.

⁸³ Найдзюк Я., Касяк І. Указ. соч. – С.255.

Не был допущен Акинчиц и к официальной пропагандистской деятельности. Вероятно, на это решение немецких властей повлияла его бескомпромиссная антикоммунистическая позиция, которая в свете советско-немецкого пакта о ненападении являлась слишком провокационной. По этой причине Акинчиц покинул редакцию «Раніць», но своей пропагандистской активности он не прекратил. Так, в первой половине 1941 г. его сторонники выпустили в Берлине две брошюры – «Как создать нашу силу» и «Дорогой борьбы Белоруссии с Москвой». Брошюры были напечатаны при помощи ротаторной техники и внешне выглядели, как нелегальные публикации⁸⁴.

Период вынужденного бездействия Акинчица закончился в сентябре 1941 г. В этом месяце он был назначен руководителем школы пропагандистов (или «идеологических руководителей»), которая была расположена в городке Вуэтрау недалеко от Берлина. Как руководитель школы Акинчиц был наделен очень широкими полномочиями, вплоть до возможности вести вербовку необходимых ему людей среди военнопленных и рабочих. Это была серьезная победа Акинчица: со временем эти молодые люди должны были войти в будущую немецкую оккупационную администрацию Белоруссии и стать, таким образом, проводниками его влияния⁸⁵.

Лидером третьей группы белорусских националистов был молодой врач Н. Щорс, активный деятель виленского Белорусского студенческого союза, который идеологически был связан с Белорусским фронтом ксендза В. Годлевского. В отличие от двух предыдущих, это была очень влиятельная и разветвленная группа, которая имела своих представителей в Варшаве, Лодзи и Берлине. Со временем, членам этой группы удалось занять все ключевые места в белорусских общественных организациях, о которых говорилось выше, и даже оттеснить людей Акинчица от руководства редакционной политикой газеты «Раніца». К слову, их он, главным образом, и считал своими основными оппонентами. Именно Щорс и его сторонники были перечислены в меморандумах Акинчица, как «тайные враги Германии и друзья коммунистов, поляков и евреев»⁸⁶.

19 июня 1941 г. представители этой группы создали в Берлине Белорусский национальный центр, который формально мог претендовать на роль организации, занимающейся руководством, планированием и координацией деятельности белорусской эмиграции в Германии и Генерал-губернаторстве. Председателем центра стал Щорс, а его членами: Ч. Ханявка, А. Шкутка и В. Тумаш. Нельзя не отметить, что сам факт создания центра за три дня до нападения на СССР указывал на то, что целью его создателей

⁸⁴ Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі... – С.376.

⁸⁵ Вініцкі А. Указ. соч. – С.17; Найдзюк Я., Касяк І. Указ. соч. – С.281.

⁸⁶ Пануцэвіч В. Указ. соч. – С.73-74.

была отнюдь не работа среди эмиграции. Прежде всего, он должен был координировать все усилия националистов в ходе немецкой оккупации Белоруссии. В дальнейшем, при благоприятных обстоятельствах, этот орган мог провозгласить себя временным белорусским правительством⁸⁷.

В отличие от Ермаченко и Акинчица, группа Щорса ориентировалась на военные круги (главным образом, на Абвер) и СД. Их сотрудничество с этими организациями было начато во второй половине 1940 г., и было направлено на вербовку и подготовку агентов с целью их дальнейшей засылки в СССР. Центром такой подготовки стала школа Абвера в местечке Ламсдорф (Германия). А главным вербовочным бюро – филиал варшавского Белорусского комитета в Бялой Подляске. Не позднее весны 1941 г. группа Щорса начала набор добровольцев для диверсионных подразделений Абвера среди военнопленных-белорусов бывшей Польской армии⁸⁸. Подробней об этом будет рассказано ниже.

Следует отметить, что еще один известный белорусский деятель – Р. Островский – стоял в этот период особняком и официально не поддерживал ни одну из вышеперечисленных групп. В этом смысле он был куда более осмотрительным, чем другие претенденты на власть в Белоруссии, чьи инициативы, как потом оказалось, не имели под собой никаких настоящих гарантий и обязательств с немецкой стороны. Наконец, у Островского были и другие причины, чтобы не участвовать в мероприятиях белорусского национального движения перед нападением Германии на СССР. Большинство его сторонников остались на территории Белоруссии, а в эмиграции у него был непримиримый противник – В. Годлевский, который не мог простить ему сотрудничества с коммунистами, а потом – с польскими властями. В такой ситуации Островский решил занять выжидательную позицию. Начало советско-германской войны застало его на незначительной должности руководителя лодзинского отделения Белорусского комитета самопомощи⁸⁹.

Немецкий «новый порядок» на территории Белоруссии: структура и функции

Раздел оккупированной Белоруссии был завершен к середине осени 1941 г. Ее территорию по линии Полоцк – Борисов на востоке, Старые Дороги – озеро Червонное на юге, по р. Зельвянка и восточной кромке Беловежской пуши на западе выделили в генеральный округ «Белоруссия»

⁸⁷ За Дзяржаўную Незалежнасць Беларусі... – С.77-78.

⁸⁸ Пануцэвіч В. Указ. соч. – С.80.

⁸⁹ Seidler F.W. Die Kollaboration... – S.51-52.

(*Generalbezirk Weißruthenien*). Площадь округа составляла лишь ¼ часть БССР и равнялась 53660 км² с населением 2411333 человек (по состоянию на 4 декабря 1941 г.). Генеральный округ «Белоруссия» являлся составной частью рейхскомиссариата «Остланд» (*Reichskommissariat Ostland*). Помимо него, в этот рейхскомиссариат также входили генеральные округа «Литва», «Латвия» и «Эстония». Во главе рейхскомиссариата «Остланд» был поставлен СА-обергруппенфюрер Г. Лозе. Его резиденция находилась в Риге (Латвия). Южные районы Белоруссии, а также часть Брестской области, вошли в рейхскомиссариат «Украина». Белостокская область была выделена в отдельную административную единицу и присоединена к Восточной Пруссии. И, наконец, к генеральному округу «Литва» были присоединены некоторые северо-западные районы республики⁹⁰.

Аппарат гражданской оккупационной администрации состоял из трех ступеней. Высшим органом власти в генеральном округе «Белоруссия» являлся генеральный комиссариат. Возглавлял комиссариат СС-группенфюрер В. Кубе. А после его убийства советскими подпольщиками (23 сентября 1943 г.), исполняющим обязанности генерального комиссара являлся фюрер СС и полиции «Россия-Центр и Белоруссия» СС-группенфюрер К. фон Готтберг⁹¹.

Структура центрального аппарата генерального комиссариата была следующей. Непосредственно генеральному комиссару подчинялись: его заместитель, референт, адъютант, начальник информационной службы и начальник личной канцелярии. К аппарату были прикомандированы фюрер СС и полиции, офицер связи с командованием Вермахта (об этих ветвях оккупационной администрации речь пойдет ниже), уполномоченные МИД, почты и железных дорог. Организация аппарата генерального комиссара повторяла, в целом, структуру рейхскомиссариата «Остланд» и министерства Розенберга и состояла из четырех главных управлений – центрального, политического, хозяйственного и технического:

- Центральное управление состояло из 9 отделов (личного состава, хозяйственного, бухгалтерии, заготовок и снабжения, архивного, учетного, жилищного, питания, главного бюро) и занималось административной работой в генеральном комиссариате;
- Политическое управление включало 14 отделов: общий, поселенческой политики, культуры, хозяйственной, рабочей и социальной политики, молодежи, женский, общей пропаганды, труда, медицинский, ветеринарный, юридический, финансовый, науки и искусства, общего руководства.

⁹⁰ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. – Т.1. – С.170-171.

⁹¹ Залесский К.А. СС. Охранные отряды НСДАП. – М., 2004. – С.186-187; Personen Lexikon 1933-1945. – Wien, 2003. – S.285-287.

Это управление занималось внедрением политических принципов и директив по администрированию;

- Хозяйственное и техническое управления решали вопросы обеспечения, организации производства и использования промышленной и сельскохозяйственной продукции в генеральном округе и имели не менее разветвленную структуру.

Подавляющее большинство отделов главных управлений включала в себя многочисленные подотделы. Например:

- отдел продовольствия и сельского хозяйства: земельно-правовой и земельной политики, государственных имений, рыночный и сельскохозяйственных поселений;
- отдел науки и искусства: школьный, высшей школы, книжный, сценического и изобразительного искусства;
- отдел общей пропаганды: пропаганды, радио, прессы, кино, международных связей, хозяйственной вербовки, выставочный, обслуживания войск⁹².

Среднюю ступень гражданской администрации представляли главные округа (*Hauptbezirk*) в Минске и Барановичах. Во главе этой административной единицы стоял главный комиссар, который должен был руководить несколькими округами (*Gebiet*) – следующим уровнем оккупационной власти. Со временем выяснилось, что главные округа не могут полноценно играть возложенную на них роль, поэтому в марте 1943 г. их упразднили. Территория генерального округа была разделена на 10 округов, в каждом из которых был создан окружной комиссариат. Центры окружных комиссариатов находились в следующих городах: Барановичи, Борисов, Вилейка, Ганцевичи, Глубокое, Лида, Минск, Новогрудок, Слоним и Слуцк. Эти округа, а также городской комиссариат в Минске (*Stadtkomissariat*), являлись третьей ступенью гражданской оккупационной администрации. Структура окружных и городских комиссариатов предусматривала в своем аппарате управления и отделы, одноименные генеральному комиссариату⁹³.

Все эти административные единицы подчинялись друг другу непосредственно снизу вверх. Однако были и свои нюансы. В основном, они касались кадровых назначений на руководящие должности. Так, рейхскомиссары и генеральные комиссары назначались и сменялись исключительно Гитлером, а окружные и городские – Розенбергом⁹⁴.

Территориально-административное устройство генерального округа «Белоруссия» оставалось без изменений до поздней осени 1943 г. Обстановка на Восточном фронте поставила на повестку дня ряд реформ.

⁹² Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. – М., 2004. – С.86-88.

⁹³ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką... – S.86.

⁹⁴ Chiari B. Alltag hinter der Front... – S.96-97.

В целом, этому были две причины. Во-первых, значительно уменьшился тыловой район группы армий «Центр». Во-вторых, к этому времени немцы уже потеряли практически весь рейхскомиссариат «Украина». От него остались только юго-западные белорусские территории, которые до этого являлись его составной частью – Брестский, Пинский и Кобринский округа. Поэтому, новому генеральному комиссару фон Готтбергу была передана гражданская власть и в восточных областях Белоруссии, где она еще формально принадлежала Вермахту. А 25 февраля 1944 г. он, с согласия Гитлера, временно принял под свое управление и оставшиеся от рейхскомиссариата «Украина» три белорусских округа. Несколько позже сюда была включена и часть генерального округа «Литва» вместе с городом Вильнюс⁹⁵. Наконец, 1 апреля 1944 г. Гитлер издал специальный указ, согласно которому генеральный округ «Белоруссия» выделялся из рейхскомиссариата «Остланд» в самостоятельный комиссариат. Теперь фон Готтберг подчинялся исключительно Министерству по делам оккупированных восточных областей⁹⁶.

В отличие от западных и центральных регионов, восточная часть Белоруссии на протяжении всего периода войны являлась тыловым районом группы армий «Центр». К восточной Белоруссии были отнесены: Витебская и Могилевская области, восточные районы Минской области, Гомельская область и северные районы Полесской области. Кроме того, в зону ответственности военной администрации входила большая часть Борисовского округа генерального комиссариата «Белоруссия» (за исключением района Плищаницы). Здесь организация оккупационного аппарата по форме несколько отличалась от районов, где действовала гражданская администрация.

Структура сферы военной оккупации была установлена 3 апреля 1941 г. «Особыми указаниями по обеспечению, часть «Ц»». В соответствии с ними, все советские области, находившиеся под управлением военной администрации и обозначавшиеся как оперативная область сухопутных войск, были разделены на три зоны:

- непосредственный район боевых действий, где командиры дивизий и корпусов и подчиненные им войска фактически сами являлись исполнительной властью по отношению к гражданскому населению;
- находившийся за ним на глубине примерно от 20 до 50 км тыловой армейский район, в котором для каждой армии назначался специальный командант (*Kommandeur der Rückwartigen Armeegebiet*);
- тыловой район групп армий, начальником которого назначал-

⁹⁵ ГАРФ, ф. Р – 7021, оп. 148, д. 222, л. 1.

⁹⁶ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ), ф. 393, оп. 1, д. 534, л. 1-3.

ся один из командиров корпусов (*Befehlshaber der Rückwärtigen Heeresgebiet*)⁹⁷.

Во главе аппарата военной администрации на территории восточной Белоруссии (а также западной России) стоял командующий тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр» (*Befehlshaber der Rückwärtigen Heeresgebiet Mitte*), который одновременно подчинялся командующему группы армий «Центр» и начальнику тыла Главного командования сухопутных войск (ОКХ). По немецкой номенклатуре этот тыловой район имел 102-й порядковый номер. С июня 1941 по июль 1943 г. на этой должности находился генерал пехоты М. фон Шенкендорф, которого сменил генерал горно-егерских войск Л. Кюблер. Однако последний пробыл на этой должности недолго. Уже 10 октября его сменил генерал-лейтенант Э. фон Роткирх-унд-Трах, должность которого стала называться теперь следующим образом: командующий тыловым районом «Белоруссия» (*Befehlshaber im Heeresgebiet Weißruthenien*). Такое изменение в номенклатуре было вызвано тем, что в тылу группы армий «Центр» на тот момент осталась только Белоруссия, а западные области России были уже потеряны⁹⁸.

С целью осуществления всех необходимых полномочий при должности командующего тыловым районом был создан штаб. Организационно этот штаб состоял из нескольких отделов, главными из которых в данном случае были оперативный (I), разведывательный (II) и административный (VII). Через первый отдел шло управление охранными войсками данного тылового района. Через второй – подразделения Абвера – немецкой военной разведки.

Начальник седьмого отдела руководил военно-административными органами, которые состояли из полевых (*Feldkommandantur; FK*) и местных комендатур (*Ortskommandantur; OK*), наделенных всей полнотой власти в зоне своего действия. Полевые комендатуры создавались, обычно, в пределах области. Им подчинялись местные комендатуры, создаваемые в городах, районных центрах, крупных узлах железных и шоссейных дорог и местах дислокации военных гарнизонов. Все комендатуры должны были выполнять две задачи: охранную и управленческую. К первой относилось «обеспечение покоя» в оккупированных районах и охрана тылов действующей армии. Ко второй – создание, руководство и контроль над органами местного самоуправления, а также «мобилизация резервов» для ведения войны. В целом, это сводилось к следующим основным функциям: (а) борьба с партизанами; (б) охрана коммуникаций, военных объектов и

лагерей военнопленных; (в) разведывательная и контрразведывательная деятельность; (г) ведение пропаганды.

Для выполнения указанных функций к каждому типу комендатур прикомандировывались подразделения армейской службы порядка. На территории тылового района группы армий «Центр» они были представлены тайной полевой полицией и полевой жандармерией, выполнявшими в зоне юрисдикции военной администрации соответственно следственные и карательные мероприятия. Подробнее обо всех типах силовых структур оккупационного режима и об их функциях будет рассказано ниже. Всего же за период с 1941 по 1944 год на территории восточной Белоруссии функционировало 11 полевых и 23 местных комендатур (в целом же, на территории всей Белоруссии это соотношение было таким – 18:48)⁹⁹.

После передачи большей части Украины, Белоруссии и республик Прибалтики под гражданское управление, органы военной администрации, как имевшие временный характер, были постепенно свернуты. Однако это произошло не окончательно. Согласно директиве начальника ОКВ генерала-фельдмаршала В. Кейтеля от 13 марта 1941 г., влияние структур Вермахта должно было распространиться и на области, находившиеся под юрисдикцией гражданской оккупационной администрации. Для этих целей в обеих рейхскомиссариатах были введены должности командующих войсками Вермахта с соответствующими контингентами войск и далеко идущими полномочиями. Так, в рейхскомиссариате «Остланд» такая должность была учреждена 24 июня 1941 г. В этот день командующим войсками Вермахта на территории этой административной единицы (*Wehrmachtbefehlshaber Ostland*) был назначен генерал-лейтенант (с 1 сентября 1942 г. – генерал кавалерии) В. Брэмер. Следует сказать, что первоначально в его распоряжении не было никаких войск. Из своей штаб-квартиры в Риге Брэмер руководил деятельностью только трех главных полевых комендатур (*Oberfeldkommandantur; OFK*): №392 (Минск) или «охраняемый район Белоруссия»; №394 (Рига) или «охраняемый район Латвия»; и №396 (Каунас) или «охраняемый район Литва»¹⁰⁰.

Командующий войсками Вермахта подчинялся непосредственно ОКВ и имел право отдавать распоряжения по всем вопросам, которые он считал необходимыми для обеспечения оккупационного режима. Зачастую решение этих вопросов происходило без учета мнения генерального комиссара. Тем не менее, они, однако, ни в коем случае не были ограничены решением только лишь военных задач. Упомянутые указания Кейтеля, напротив, настоятельно требовали:

⁹⁹ BA-MA, RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/215, bl. 12-25.

¹⁰⁰ Tessin G. Verbände und Truppen der deutsche Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939-1945: In 17 bd. – Osnabrück, 1980. – Bd. 14. – S. 188.

⁹⁷ BA-MA, RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/215, bl. 9-11.

⁹⁸ Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler's White Russians... – P.287.

1. Тесного сотрудничества с рейхскомиссарами для оказания им помощи в выполнении политических задач;
2. Использования оккупированной территории для военных целей и обеспечения ее экономическими ресурсами нужд германской экономики;
3. Эксплуатация оккупированной территории для снабжения германских вооруженных сил в соответствии с требованиями ОКВ¹⁰¹.

Выше уже говорилось, что фактически с февраля 1944 г. генеральный округ «Белоруссия» стал самостоятельной административной единицей в системе Министерства по делам оккупированных восточных областей. В связи с этим, на его территории было решено учредить самостоятельную структуру командующего войсками Вермахта, который по вертикали должен был подчиняться генералу кавалерии Брэмеру. В результате, командующим войсками Вермахта в Белоруссии (*Wehrmachtbefehlshaber Weißruthenien*) был назначен генерал кавалерии Э. фон Роткирх-унд-Трах. Это произошло 19 апреля 1944 г., через две недели после того, как Белоруссия (уже юридически) стала самостоятельным округом в системе гражданской оккупационной администрации. Одновременно этот генерал являлся командующим тыловым районом группы армий «Центр» и комендантом главной полевой комендатуры №392 (*Oberfeldkommandantur 392*), которая находилась в Минске. По вертикали ему подчинялись полевые комендатуры в Минске (*FK 812*) и Барановичах (*FK 400*) и местные комендатуры в Минске (*OK 650*), Молодечно (*OK 812*), Слуцке (*OK 343*), Глубоком (*OK 339*), Барановичах (*OK 264*), Лиде (*OK 355*) и Ганцевичах (*OK 352*), контролировавшие территории всех окружных комиссариатов¹⁰².

1 июля 1944 г., после того, как территория Белоруссии была уже очищена от немцев, штаб командующего войсками Вермахта был отведен в Польшу, где на его основе создали Главную команду «Роткирх» (*Generalkommando Rothkirch*). Это подразделение находилось сначала в подчинении командования группы армий «Центр», а с 11 июля была переподчинена командованию 3-й танковой армии. Расформирована 12 ноября 1944 г.¹⁰³

Наконец, согласно приказу Гитлера от 17 июля 1941 г. на рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Г. Гимmlера было возложено «полицейское обеспечение восточных территорий». Последний назначал главных фюреров СС и полиции (*Höhere SS- und Polizeiführer; HSSPf*), которые являлись высшими полицейскими чиновниками в рейхскомиссариатах или, по согласованию с военной администрацией, в тыловых районах групп армий. Хотя фюреры СС и полиции формально подчинялись рейхскомиссарам или находились в

¹⁰¹ ГАРФ, ф. 7021, оп. 148, д. 183, л. 48.

¹⁰² Залесский К.А. Вермахт. Сухопутные войска и верховное командование – М., 2005. – С.370-371.

¹⁰³ Tessin G. Verbände und Truppen der deutsche Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939-1945... – Bd.14. – S.251-252.

оперативном подчинении у командующих тыловыми районами групп армий, реальную власть над ними имел только Гимmlер. Этот последний факт означал, что полицейские структуры действовали параллельно, и в равных правах, с гражданской и военной администрацией¹⁰⁴.

С 29 июня (фактически с сентября) 1941 г. главным фюрером СС и полиции на территории рейхскомиссариата «Остланд» и в тыловом районе группы армий «Север» (*HSSPf Russland-Nord*) являлся СС-группенфюрер и генерал полиции Х.-А. Прютцманн, которого уже 1 ноября сменил СС-обергруппенфюрер и генерал полиции Ф. Еккельн. В генеральных округах, входивших в состав рейхскомиссариата, ему подчинялись местные фюреры СС и полиции. Так, в генеральном округе «Белоруссия» эту должность, со штаб-квартирой в Минске, занимал СС-группенфюрер Я. Шпорренберг, который исполнял свои обязанности с 21 июля по 14 августа 1941 г. Как известно, Белоруссия в отношении соблюдения общественного порядка была очень беспокойным районом. Поэтому главные полицейские чиновники на ее территории менялись довольно часто. В целом, их перечень после Шпорренберга выглядел следующим образом: СС-бригадефюрер и генерал-майор полиции К. Ценнер – 14 августа 1941 – 22 мая 1942 г.; СС-оберфюрер К. Шэфер – 22 мая – 21 июля 1942 г.; СС-бригадефюрер и генерал-майор полиции К. фон Готтберг – 21 июля – 22 сентября 1942 г.; СС-оберфюрер и полковник охранной полиции В. Шимана – 21 июля 1942 – 15 июля 1943 г. (являлся только исполняющим обязанности); и СС-штандартенфюрер Э. Эрлингер – 6 сентября 1943 – 1 апреля 1944 г.¹⁰⁵

Аппарат каждого фюрера СС и полиции, в целом, копировал полицейские структуры Германии. Не был, в данном случае, исключением и аппарат фюрера СС и полиции генерального округа «Белоруссия» (*SSPf Weißruthenien*). Организационно ему подчинялись:

- начальник полиции безопасности и СД генерального округа «Белоруссия» (*Kommandeur der Sicherheitspolizei und SD Weißruthenien*). Этому чиновнику, в свою очередь подчинялись: местные начальники гестапо, СД и криминальной полиции¹⁰⁶;
- начальник полиции порядка генерального округа «Белоруссия» (*Kommandeur der Ordnungspolizei Weißruthenien*). Ему, в свою очередь, подчинялись местные начальники охранной полиции, жандармерии, железнодорожной охраны, а позднее и «вспомогательной полиции порядка», набранной из местных добровольцев¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Преступные цели – преступные средства... – С.54-55.

¹⁰⁵ Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions: In 2 vol. – New York, 1996. – Vol.1. – P.20, 23.

¹⁰⁶ Curilla W. Op. cit. – S.476.

¹⁰⁷ Ibid. – S.398.

В округах и районах генерального округа «Белоруссия» находились структурные подразделения аппарата фюрера СС и полиции, которые возглавляли, соответственно, окружные и районные фюреры. Всего было шесть полицейских округов, которые были несколько крупнее, чем округа гражданской администрации: Барановичи – Ганцевичи, Вилейка, Глубокое, Лида – Новогрудок, Минск – Слуцк и Слоним. Управления полиции безопасности и полиции порядка были представлены в этих округах соответствующими главными и обычными отделами¹⁰⁸.

Следует сказать, что каждое из двух управлений полиции генерального округа «Белоруссия» имело двойное подчинение. С одной стороны им руководил свой фюрер СС и полиции, а через него – главный фюрер СС и полиции «Остланда». С другой – оно подчинялось соответствующему главному управлению в Берлине. Однако, в данном случае, это не играло существенной роли, так как единственным начальником всех управлений СС был Гиммлер. Еще одной особенностью полицейского аппарата на оккупированной советской территории было то, что он не был все-таки таким структурированным, как в Германии. Сказывался недостаток профессиональных кадров. В связи с этим оккупанты были вынуждены создавать комбинированные полицейские органы. То есть сотрудники полиции безопасности и СД выполняли одновременно функции и гестапо, и криминальной полиции. Аналогично обстояло дело и в сфере компетенции полиции порядка¹⁰⁹.

Как уже говорилось выше, кроме территории генерального округа «Белоруссия», разветвленный полицейский аппарат, который также подчинялся Гиммлеру, имелся и в тыловом районе группы армий «Центр». По договоренности с ОКВ его сотрудники должны были выполнять те же функции, что и на территории гражданской юрисдикции.

Так, в июне (фактически 1 мая) 1941 г., в целях «полицейского обеспечения» указанного тылового района, был учрежден специальный пост главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр» (*HSSPf Russland-Mitte*). До 21 июня 1944 г. его занимал СС-группенфюрер и генерал-лейтенант полиции Э. фон дем Бах-Зелевски. Вследствие того, что фон дем Бах-Зелевски был очень занятым человеком – он командовал всеми антипартизанскими частями на Восточном фронте, – функции по полицейскому обеспечению области «Россия-Центр» обычно перекладывались на его заместителей. Так, со 2 января 1942 по 24 марта 1943 г. исполняющим обязанности на этом посту являлся СС-группенфюрер К. фон Пюклер-Бургхаус, с 24 марта по 5 июля 1943 г. – СС-группенфюрер и генерал-лейтенант полиции Г.

¹⁰⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАС-ПИ), ф. 69, оп. 1, д. 862, л. 76-77.

¹⁰⁹ *Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939-1945. Ein Überblick anhand der Feldpostübersicht.* – Osnabrück, 2000. – S.591.

Корземан, а с 5 июля 1943 по 21 июня 1944 г. – СС-бригадефюрер и генерал-майор полиции К. фон Готтберг. Штаб главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр» располагался в Могилеве (с 1943 г. – в Минске) и, в целом, копировал аппарат главного фюрера СС и полиции «Россия-Север». Так, ему подчинялись местные (гарнизонные) фюреры СС и полиции (*SS- und Polizei Standortführer*) в следующих населенных пунктах: Барановичи, Смоленск, Могилев, Витебск и в так называемом районе «Припять» – отошедших к рейхскомиссариату «Украина» южных областях Белоруссии с центром в Пинске¹¹⁰.

1 апреля 1943 г. полицейский аппарат в Белоруссии, западных областях России и, в целом, в рейхскомиссариате «Остланд» подвергся значительной и многоступенчатой реорганизации. В этот день фюрер СС и полиции генерального округа «Белоруссия» был выведен из подчинения главного фюрера СС и полиции области «Россия-Север» и был переподчинен Э. фон дем Бах-Зелевскому. В свою очередь, его должность стала теперь называться главный фюрер СС и полиции «Россия-Центр и Белоруссия» (*HSSPf Russland-Mitte und Weißruthenien*). Произошло это по нескольким причинам. Во-первых, чтобы подчинить единому полицейскому командованию всю территорию Белоруссии, которая к тому времени уже стала ближним тылом группы армий «Центр». А во-вторых, это был один из признаков того, что вскоре Белоруссия станет самостоятельным генеральным округом. Наконец, 21 июня 1944 г. объединенную должность занял СС-группенфюрер и генерал-лейтенант полиции К. фон Готтберг. Таким образом, этот чиновник сосредоточил в своих руках всю полноту полицейской и гражданской власти на территории Белоруссии, получив, фактически, диктаторские полномочия¹¹¹.

Со временем, каждая из ветвей немецкой оккупационной администрации стала, так или иначе, привлекать к сотрудничеству население оккупированной Белоруссии. В гражданской сфере это было первоначально выражено в создании и функционировании органов так называемого местного самоуправления – сельских, районных и городских управлений. Их, соответственно, возглавляли: старосты, начальники районных и городских управлений. Эти органы создавались сразу же по установлению на данной территории немецкой военной или гражданской администрации. В политическом отношении эти органы самоуправления были абсолютно пассивными и бесправными, а их руководители – полностью подчиненными соответствующим немецким чиновникам (окружным или городским комиссарам). Если же такие органы самоуправления создавались в зоне

¹¹⁰ *Ibid.* – S.590.

¹¹¹ Залесский К.А. СС. Охранные отряды НСДАП... – С.130.

действия военной администрации, то их руководители подчинялись шефам полевых или местных комендатур¹¹².

В руках начальника районного управления находилось общее руководство районом. Он нес персональную ответственность за все подчиненные ему учреждения и хозяйство, должен был обеспечивать «покой и порядок» на подведомственной территории, бороться с проявлениями саботажа, диверсиями, неподчинением оккупационным властям, организовывать «изъятие» продукции для нужд Германии и удовлетворять потребности подразделений Вермахта, которые были расквартированы на территории его района. Руководитель района назначался и увольнялся с должности по предложению полевой комендатуры, командующего тыловым районом армии или группы армий, а в генеральном комиссариате – коменданта местной комендатуры или окружного комиссара. Структура районного управления предусматривала такие основные отделы: общего управления, «вспомогательной полиции порядка», школ и культурных учреждений, охраны здоровья, ветеринарный, финансовый, строительства, промышленности, снабжения и обеспечения рабочей силой. Со временем появлялся еще один отдел – пропаганды. Их руководители назначались обычно начальником районного управления по согласованию с местным военным или гражданским немецким начальником¹¹³.

Следующей по значению фигурой органов местного самоуправления был бургомистр. В данном случае этот термин имел два значения: руководитель общинного управления (обычно, бывший советский сельсовет, состоявший из нескольких сел) или руководитель городского управления, которые подчинялись начальнику соответствующего районного управления.

Для своей территории задачи бургомистра были абсолютно те же, что и у начальника районного управления для района. Таким же был порядок назначения и увольнения с занимаемой должности. Аппарат бургомистра состоял из тех же отделов, что и районное управление¹¹⁴.

Низшей инстанцией местного самоуправления было сельское управление, во главе которого стоял староста. Последнего, как правило, назначал бургомистр общины. Практическая работа сельских управлений сводилась, иногда, к обычной бухгалтерской рутине. Однако, в большинстве случаев, и это характерно для Белоруссии, вследствие трудностей со связью, протяженностью территории и, главное, активным сопротивлением

¹¹² BA-MA, RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/215, bl. 36-37.

¹¹³ BA-MA, RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/215, bl. 37-40.

¹¹⁴ BA-MA, RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/215, bl. 41-42.

населения оккупационной политике, работа в селах часто выходила за рамки предусмотренных обязанностей. Дела сельского управления требовали зачастую приложения таких усилий, что в большинстве районов немцам пришлось выплачивать старостам зарплату. Сначала же они работали на общественных началах. Староста со своим помощником, бухгалтером и подчиненными управлению полицейскими должен был проводить в жизнь все распоряжения немецкой администрации, бургомистра и начальника районного управления. Например, в их задачи входило: регистрировать прибывших, вести учет местного населения, собирать налоги, обеспечивать поставки для частей вермахта, предоставлять рабочую силу, гужевого транспорт, квартиры для воинских частей и т.п.¹¹⁵

Как правило, на должности начальников местного самоуправления всех уровней назначались люди, которые уже зарекомендовали себя «политически благонадежными» и активными пособниками оккупантов. При назначении на должность они должны были пройти проверку СД (в гражданской зоне) или тайной полевой полиции (в военной зоне). Однако и в дальнейшем все эти люди продолжали находиться под наблюдением тех или иных немецких органов. Что же касается комплектования исполнительного аппарата управлений (отделы), то немцы старались набрать в них сотрудников, которые были уже знакомы с работой таких органов. Поэтому, нет ничего удивительного, что в этих отделах осталось работать много бывших советских служащих, которые продолжали сочувствовать прежней власти (и, иногда, даже из аппарата НКВД)¹¹⁶.

Другой особенностью кадровой политики при укомплектовании местного самоуправления было то, что на эти должности очень активно старались пробиться представители различных белорусских националистических организаций. Их главной целью было «белорусифицировать» эти органы, и, тем самым, заставить их работать не на немцев, а на белорусскую национальную идею. В целом ряде случаев это было сделать не так просто. Во-первых, немцы поначалу не очень-то жаловали проявления любых видов национализма. Во-вторых, у белорусских активистов появились конкуренты, которые также и с такими же целями боролись за места в местном самоуправлении. В Западной Белоруссии это были поляки, а в восточной – русские. Часто дело доходило до такого, что они писали друг на друга доносы, обвиняя своих оппонентов в скрытом коммунизме. И немцы часто верили таким доносам. Иногда доносы на националистов писали скрытые сторонники советской власти или те, кто работал в самоуправ-

¹¹⁵ BA-MA, RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/215, bl. 42-43.

¹¹⁶ Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение... – С.71-73.

лении по заданию советских спецслужб или партизан, убирая их, таким образом, немецкими руками. Естественно, что все это не способствовало плодотворной работе¹¹⁷.

Вооруженной опорой созданного нацистами на территории Белоруссии режима являлись силы по поддержанию общественного порядка. Под этим общим названием подразумеваются силовые структуры, которые находились в подчинении каждой из указанных форм оккупационной администрации. Это, прежде всего, армейские части, расквартированные в зоне военной администрации, и полицейские формирования, действовавшие и в гражданской, и в военной зоне.

Оккупационные части Вермахта, находившиеся в подчинении командующего тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр», состояли из следующих структур:

- собственно части и соединения Вермахта (охранные дивизии и другие, более мелкие формирования);
- подразделения военной разведки – Абвера;
- подразделения тайной полевой полиции;
- подразделения полевой жандармерии.

Охранные дивизии Вермахта (*Sicherungs Division*) представляли собой главную силу по поддержанию общественного порядка в зоне ответственности военной администрации. Создание этих дивизий началось в январе 1941 г., а их существование как специальных соединений Вермахта было узаконено приказом командующего Армией резерва генерал-полковником Ф. Фроммом от 3 марта 1941 г. На этого основании приказа расформировывались 3 пехотные дивизии, офицерские и унтер-офицерские кадры которых шли на комплектование 9 охранных дивизий. После этого каждый из тыловых районов групп армий получил по 3 из них. На долю группы армий «Центр» достались 213, 286 и 403-я¹¹⁸.

Новые дивизии значительно отличалась от обычной пехотной дивизии Вермахта: они уступали ей, как по организации, так и по вооружению. Например, 286-я охранная дивизия (командир – генерал-лейтенант К. Мюллер) имела следующую структуру:

- 354-й пехотный полк (*Infanterie Regiment Nr.354*) – состоял из трех пехотных батальонов;
- 61-й охранный полк (*Landeschützen Regiment Nr.61*);
- 213-й артиллерийский полк (*Artillerie Regiment Nr.213*) – фактически, только его 2-й дивизион, состоявший из трех батарей;

¹¹⁷ К'яры Б. Штодзённасьць за лініямі фронту: Акупацыя, каляборацыя і супраціў у Беларусі (1941-1944 гг.)... – С.290.

¹¹⁸ Мюллер Н. Указ. соч. – С.107; Группа армий «Север» получила 207, 281 и 285-ю охранные дивизии, а группа армий «Юг» – 221, 444 и 454-ю.

- 704-й охранный (караульный) батальон (*Wach Bataillon Nr.704*);
- 354-я саперная рота (*Pionier Kompanie Nr.354*)¹¹⁹.

Остальные охранные дивизии находились в таком же положении. Естественно, что таких сил было явно недостаточно, чтобы поддерживать порядок на такой огромной территории. Поэтому, число охранных дивизий вскоре пришлось увеличить. Всего за время войны в занятых советских областях действовало 15 таких соединений. На территории собственно Белоруссии уже к декабрю 1941 г. их было четыре: 201-я (штаб в Лепеле); 203-я (штаб в Бобруйске); 221-я (штаб в Гомеле); и 286-я (штаб в Витебске). Помимо охранных дивизий, службу по охране порядка в тыловом районе группы армий «Центр» несли 229 отдельных пехотных рот, 12 противотанковых рот, 9 рот тяжелого оружия и 11 артиллерийских батарей, а также некоторые словацкие части и так называемый Легион французских добровольцев полкового типа¹²⁰.

Выше уже было сказано, что 19 апреля 1944 г. территория генерального округа «Белоруссия» выделялась в специальный тыловой район с собственной системой управления находящимися здесь охранными частями. Ее начальнику генералу кавалерии Э. фон Роткирх-унд-Трах, подчинялись следующие соединения:

- на 15 апреля 1944 г. – 221-я охранный дивизия и 8-й венгерский армейский корпус в составе 24-й смешанной и 23-й резервной дивизий;
- на 15 мая 1944 г. – 52-я охранный дивизия особого назначения, 221-я охранный и 391-я пехотная дивизия;
- на 15 июня 1944 г. – 221-я охранный и 391-я пехотная дивизии¹²¹.

Еще одной структурой Вермахта была военная разведка – Абвер (*Abwehr*), которая на территории генерального округа «Белоруссии» была представлена специальной резидентурой, действовавшей в Минске с марта 1942 по июнь 1944 г. До середины 1942 г. этот орган возглавлял подполковник Кребитц, позднее, до середины 1943 г. – майор Кесснер, которого сменил подполковник Ойлер. Главной задачей резидентуры являлась организация борьбы с разведкой Красной Армии, парашютистами, радистами и подпольщиками в городах и других населенных пунктах. Для этого она имела три специальных представительства на местах (*aussenstelle*). Эти органы располагались при местных комендатурах в Глубоком, Молодечно и Вильнюсе, и имели, в целом, такие же задачи¹²².

¹¹⁹ Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler's White Russians... – P.124-125.

¹²⁰ ВА-МА, RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/225, bl. 12-15; RH 22/230, bl. 3.

¹²¹ Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. – М., 2006. – С.339-348.

¹²² Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха... – Кн.1. – С.36-39, 44.

Весной 1941 г., почти перед самым нападением на СССР, каждой группе армий Вермахта были приданы абверкоманды (*Abwehrkommando*), а армиям – подчиненные этим командам абвергруппы (*Abwehrgruppe*). Согласно своим функциональным обязанностям, каждая из абверкоманд (и абвергрупп) должна была заниматься разведывательной, диверсионной или контрразведывательной деятельностью. Поэтому в своей номенклатуре они имели, соответственно, цифру «1», «2» или «3», которые обозначали номер отдела в Главном управлении разведки и контрразведки (Абвера). Именно эти подразделения и подчиненные им спецшколы являлись основными органами разведки и контрразведки на всем протяжении Восточного фронта.

Из них на территории восточной Белоруссии с 1941 по 1944 г. действовали следующие: штаб группы армий «Центр» – 103, 203 и 303-я абверкоманды; 2-я полевая армия – 105, 205 и 207-я абвергруппы; 4-я полевая армия – 108, 208, 308 и 316-я абвергруппы; 9-я полевая армия – 209, 307 и 309-я абвергруппы; 2-я танковая группа (затем армия) – 107 (вскоре передана в 9-ю полевую армию) и 109-я абвергруппы; 3-я танковая группа (затем армия) – 101, 113, 210, 310 и 318-я абвергруппы; в распоряжении различных комендатур – 215, 315, 325-я и так называемая Люфтгруппа (*Luftgruppe*)¹²³.

Кроме этих подразделений, с марта 1942 г. на территории всей Белоруссии действовал так называемый Специальный штаб «Россия» (*“Sonderstab-R”*) под руководством белоэмигранта майора Б. Хольмстон-Смысловского. Основной целью этой организации являлась борьба с советским партизанским движением, а также подготовка кадров для повстанческого движения в тылу Красной Армии. В конце 1943 г. этот штаб был расформирован. Спустя непродолжительное время в начале 1944 г. был создан новый разведорган с теми же задачами – штаб «Ингвар» (*“Ingvar”*). Его руководителем являлся бывший сотрудник Хольмстона русский эмигрант И. Юнг. Штаб располагался в Минске, а его резидентуры – в Барановичах и Борисове. В июне 1944 г. большая часть сотрудников «Ингвара» ушла вместе с отступающими немецкими войсками¹²⁴.

Особую роль в системе оккупационного аппарата восточной Белоруссии исполняла тайная полевая полиция (*Geheime Feldpolizei; GFP*). Будучи составной частью Вермахта, она осуществляла военно-полицейские функции. По сути, тайная полевая полиция выполняла в зоне военной администрации те же функции, что и полиция безопасности и СД на территории гражданской администрации. В ее задачи входило: (а) организация контрразведывательных мероприятий по охране штабов и личная охрана высшего командного состава; (б) наблюдение за военной корреспонденци-

¹²³ Там же. – С.56-153.

¹²⁴ Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД... – С.210-215.

ей, контроль за почтовой, телеграфной и телефонной связью гражданского населения; (в) содействие в охране почтовых сообщений; (г) розыск оставшихся на оккупированной территории военнослужащих армий противника; (д) проведение дознания и надзор за подозрительными лицами в зоне военных действий¹²⁵.

Подразделения тайной полевой полиции были представлены группами (*Gruppe*) при штабах групп армий, армий и полевых комендатурах, и комиссариатами (*Kommissariate*) – при штабах корпусов, дивизий и некоторых местных комендатурах. Группы и комиссариаты подчинялись шефу тайной полевой полиции соответствующей группы армий и офицеру Абвера соответствующих штабов и или комендатур. Группы и команды тайной полевой полиции, приданные полевым и местным комендатурам, являлись их исполнительными органами. Каждая группа имела в своем составе от 2 до 5 комиссариатов, которые, в свою очередь, делились на внешние команды (*Aussenkommando*). Численность групп была разной. Если в 1939-1940 гг. она состояла из 50 человек (руководитель, 32 сотрудника среднего звена и 17 человек вспомогательного персонала – шоферы, стенографисты, охрана), то во время войны против СССР их численность увеличилась до 95 человек (руководитель, 54 сотрудника среднего звена и 40 сотрудников вспомогательного персонала). Кроме того, при подразделениях этой полиции были группы штатных агентов и небольшие воинские формирования для карательных операций против партизан, проведения облав, охраны и конвоирования арестованных. Все группы были полностью моторизованы. Главным руководящим органом для всех частей тайной полевой полиции была специальная группа отдела военной администрации генерал-квартирмейстера Генштаба сухопутных войск. До самого конца войны ее возглавлял СС-оберфюрер и полковник охранной полиции В. Кирхбаум¹²⁶.

С 1941 по 1943 г. группы тайной полевой полиции располагались в следующих населенных пунктах восточной Белоруссии: Бобруйск, Борисов, Витебск, Лепель, Могилев, Орша, Старые Дороги и Полоцк. В данном случае, руководящими органами для них были штабы таких воинских формирований: 9-я полевая армия – 580-я группа; 3-я танковая группа – 703-я группа; 2-я танковая группа – 639 и 612-я группы; 4-я полевая армия – 570-я группа¹²⁷.

На всей оккупированной территории восточной Белоруссии также действовали подразделения полевой жандармерии (*Feldgendarmarie*), которая осуществляла функции полиции порядка в войсках и в зоне ответственности военной администрации. Обычно, в ее задачи входило: (а)

¹²⁵ BA-MA, RW 5. Oberkommando der Wehrmacht – Amt Ausland / Abwehr, RW 5/283, bl. 1-3.

¹²⁶ BA-MA, RW 5. Oberkommando der Wehrmacht – Amt Ausland / Abwehr, RW 5/283, bl. 7.

¹²⁷ NARS, T-175. Records of the Reich Leader-SS and Chief of the German Police (Allgemeine-SS), roll 225, frames 2764028, 2764136.

борьба с партизанами в районе дислокации; (б) регулировка движения войск на марше; (в) установка контрольно-пропускных пунктов, проверка документов, конвоирование военнопленных; (г) охрана портов и аэродромов; (д) приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов. Кроме того, двигаясь непосредственно за регулярными войсками, полевая жандармерия руководила созданием на захваченных территориях местных органов власти, проводила поиск дезертиров, собирала беженцев и военнопленных, охраняла трофеи от разграбления и контролировала сдачу местным населением оружия¹²⁸.

При группах армий и армиях состояли батальоны жандармерии, находившиеся в подчинении командующего соответствующим тыловым районом, а при штабах корпусов и дивизий – отряды (*Truppe*). Каждый батальон состоял организационно из трех рот. Рота делилась на три взвода, в каждом из которых было 4 офицера, 90 унтер-офицеров и 22 рядовых. Все подразделения полевой жандармерии были полностью моторизованы. Старший по званию офицер всей жандармерии находился в подчинении генерал-квартирмейстера Генштаба сухопутных войск¹²⁹.

На территории восточной Белоруссии полевая жандармерия действовала при соответствующих воинских формированиях и административных структурах: в областных центрах функционировали жандармские управления, в районных центрах – жандармские посты, а в сельской местности за порядком следили служащие опорных пунктов. Например, в 1941-1943 гг. имелись следующие батальоны полевой жандармерии: штаб группы армий «Центр» - 690-й батальон; 9-я полевая армия – 531-й батальон; 3-я танковая группа – 551, 694 и 695-й батальоны; 2-я танковая группа – 591-й батальон; 2-я полевая армия – 581-й батальон; 4-я полевая армия – 695, 696 и 697-й батальоны¹³⁰.

Гражданская и полицейская оккупационная администрации также имели свои вооруженные силы, которые состояли из следующих структур:

- части и подразделения войск СС;
- части и подразделения немецкой военизированной полиции;
- подразделения так называемых оперативных групп СД.

Основой группировки войск СС на территории тылового района группы армий «Центр» послужили части и подразделения при так называемом Командном штабе рейхсфюрера СС (*Kommandostab Reichsführer-SS*). Этот орган был создан в апреле 1941 г. как составная часть Личного штаба рейхсфюрера СС. По сути, это была полевая ставка Гиммлера, в обязанности

которой входило общее руководство войсками СС, а также координация их деятельности с усилиями полиции и Вермахта на оккупированных территориях. Однако помимо чисто административных структур, в распоряжении этого штаба находился также целый ряд частей войск СС, которые 27 июня 1941 г. были переданы в распоряжение главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр» СС-группенфюрера Э. фон дем Бах-Зелевски¹³¹.

28 апреля 1941 г. генерал-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск генерал-майор Э. Вагнер подписал соглашение с рейхсфюрером СС Гиммлером относительно дополнительного использования частей полиции и войск СС в тыловых районах всех трех групп армий. В соответствии с этой договоренностью каждый тыловой район получал моторизованный полицейский полк, а каждая охранная дивизия – моторизованный полицейский (охранный или караульный) батальон. Согласно той же договоренности, все эти части должны были находиться в оперативном подчинении соответствующих начальников сухопутных войск. Например, в тыловом районе группы армий «Центр» они были распределены следующим образом: 213-я охранная дивизия – 703-й (*Wach Bataillon Nr.703*); 286-я охранная дивизия – 704-й (*Wach Bataillon Nr.704*); и 403-я охранная дивизия – 705-й (*Wach Bataillon Nr.705*)¹³².

Кроме этих батальонов в прифронтовой полосе действовал еще целый ряд формирований СС и полиции, которые являлись силовыми структурами аппарата главного фюрера СС и полиции соответствующего тылового района. В данном случае речь идет о главном фюрере СС и полиции «Россия-Центр», который обладал в зоне своей ответственности всей полнотой полицейской власти (армейские начальники могли отдавать его частям приказы только при «срочной необходимости боевого применения», обычно же он слушался только Гиммлера). В июле 1941 г. в его распоряжении находились: полицейский полк «Центр» (*Polizei-Regiment Mitte*); 32, 131, 307, 308, 309, 316, 317, 322 и 323-й полицейские батальоны; 31-я полицейская рота связи (*Polizei-Nachrichten-Kompanie Nr.31*)¹³³.

В апреле – мае 1943 г., в связи с усилением партизанского движения, силы полиции в восточной Белоруссии были значительно увеличены. Теперь их группировка выглядела следующим образом: полицейский полк «Центр» (*Polizei-Regiment Mitte*); 2, 8, 13, 14, 22, 24, 26, 31 и 36-й полицейские полки; 6, 11, 32, 51, 85, 91, 111, 122, 131, 134, 301, 307, 308, 313 и 316-й полицейские батальоны¹³⁴.

¹²⁸ Уильямсон Г. Немецкая военная полиция, 1939-1945. – М., 2005. – С.7-9.

¹²⁹ Там же. – С.8-10.

¹³⁰ Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler's White Russians... – P.124.

¹³¹ Kliemann K.G. Op. cit. – S.395.

¹³² Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler's White Russians.. – P.124-126.

¹³³ Ibid. – P.123-124.

¹³⁴ Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939-1945... – S.591.

13 марта 1941 г. состоялось совещание между начальником Главного управления имперской безопасности (РСХА) СС-группенфюрером Р. Гейдрихом и генерал-майором Э. Вагнером. Результатом этих переговоров стало создание так называемых оперативных групп (*Einsatzgruppe*) Службы безопасности (СД), которые должны были действовать в тыловых районах групп армий и выполнять следующие функции: (а) обеспечивать сохранность документов, архивов, картотек подозрительных лиц, организаций и групп; (б) задерживать лидеров эмиграции, саботажников, террористов; (в) обнаруживать и уничтожать враждебные элементы (обычно, под это определение попадали евреи, коммунисты, цыгане и др.) и предотвращать враждебную деятельность со стороны местного населения; (г) информировать армейское командование о политическом положении на оккупированной территории¹³⁵.

Всего было создано четыре оперативные группы: «А», «Б», «Ц» и «Д», каждую из которых придали соответствующей группе армий. В тыловом районе группы армий «Центр» действовала оперативная группа «Б» (*Einsatzgruppe B*), штаб которой располагался сначала в Белостоке, затем в Минске и Смоленске, а с августа 1943 г. – вновь в Минске. Основной зоной деятельности этой группы были районы Минска и Смоленска. Ее первым начальником стал СС-бригадфюрер и генерал-майор полиции А. Небе, который находился на этой должности с 1 июня по 16 ноября 1941 г.¹³⁶

Обычно состав оперативной группы насчитывал от 550 до 1200 человек, в число которых входили сотрудники СД, гестапо, криминальной полиции, полиции порядка, военнослужащие войск СС и вспомогательный персонал (радисты, мотоциклисты и т.п.). С августа 1941 г. в такие группы стали также принимать и местных добровольцев (в качестве переводчиков и исполнителей «грязной работы»)¹³⁷.

Каждая из оперативных групп состояла из нескольких подразделений. Например, оперативная группа «Б» включала в себя: оперативные команды (*Einsatzkommando*) 8 и 9, специальные команды (*Sonderkommando*) 7-а и 7-б и передовую команду «Москва» (*Vorkommando Moskau*), с января 1942 г. – специальная команда 7-ц (*Sonderkommando 7c*). Каждое из указанных подразделений действовало вполне самостоятельно, так как даже подчинялось разным инстанциям. Например, оперативные команды 8 и 9 и специальные команды 7-б и 7-ц находились в оперативном подчинении начальника полиции безопасности и СД военной зоны оккупации, а опера-

¹³⁵ Krausnick H. Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppen des Weltanschauungskrieges 1938-1942. – Frankfurt-am-Main, 1985. – S.99-100, 135.

¹³⁶ Залесский К.А. РСХА. – М., 2004. – С.249-252, 256-259.

¹³⁷ Krausnick H. Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppen des Weltanschauungskrieges 1938-1942... – S.124-126.

тивная команда 7-а – в распоряжении того же чиновника, но в генеральном округе «Белоруссия». Результатом деятельности оперативной группы «Б» на территории Белоруссии и западной России стало уничтожение более 134 тыс. мирных жителей. После освобождения территории Белоруссии надобность в использовании этой группы отпала, и 29 августа 1944 г. она была расформирована¹³⁸.

Говоря о деятельности оперативных групп полиции безопасности и СД, нельзя пройти мимо еще одной обязанности, возложенной на их командиров. По договоренности с гражданской и военной администрацией, они занимались формированием органов полиции безопасности и СД на оккупированных территориях, предоставив для них свои организационные структуры и кадровый персонал. Так, подразделения оперативной группы А. Небе (штаб, специальные команды 7-б и 7-а) стали, со временем, соответственно, штабом главного начальника полиции безопасности и СД «Россия-Центр», аппаратом главного начальника полиции безопасности и СД «Россия-Центр» и аппаратом начальника полиции безопасности и СД «Белоруссия»¹³⁹.

Силовые структуры фюрера СС и полиции в зоне гражданской администрации начали создаваться несколько позднее – в сентябре 1941 г. В отличие от полицейского аппарата фюрера военной зоны, они были первоначально незначительными и состояли, в основном, из подразделений жандармерии, которые находились в распоряжении начальника управления полиции порядка в Белоруссии. Так, в апреле 1943 г. ему подчинялись следующие подразделения: 6, 7, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 21, 49, 50-й моторизованные взводы жандармерии и комендантская рота при штабе начальника полиции порядка¹⁴⁰.

Следует подчеркнуть, что развитие сил по поддержанию порядка на территории генерального округа «Белоруссия» пошло несколько иначе, чем в зоне военной администрации. Здесь немцы сделали ставку на использование местных и пришлых коллаборационистских формирований. Местные коллаборационистские формирования начали создаваться почти сразу же после первых дней оккупации. Но более подробно об их истории, организации, структуре, боевом применении будет сказано в следующих главах. Здесь же более уместным будет сказать несколько слов о тех «восточных» частях и подразделениях, которые в силу разных обстоятельств оказались на территории Белоруссии.

В силу того, что Белоруссия занимала ключевое положение для тыла всего Восточного фронта, ее умиротворению немцы придавали первостепенное

¹³⁸ Curilla W. Op. cit. – S.476.

¹³⁹ Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler's White Russians... – P.122-123.

¹⁴⁰ NARS, T-175. Records of the Reich Leader-SS and Chief of the German Police (Allgemeine-SS), roll 225, frames 2764136-2764137.

значение. Однако, как было показано выше, собственных сил для этого у них не было. Поэтому для охраны коммуникаций и территории немецкое военное командование и полицейское руководство стало привлекать добровольческие формирования из различных народов СССР, которые стали создаваться ими с августа 1941 г. Со временем, эти и местные добровольческие формирования стали, фактически, костяком всей охраны общественного порядка. С августа 1941 по июль 1944 г. их на территории Белоруссии находилось значительное количество, которое условно можно классифицировать по следующим показателям: (а) национальный признак; (б) тип оккупационной администрации, под юрисдикцией которой они действовали, и, соответственно, какой власти подчинялись; (в) были ли они сформированы на территории Белоруссии, прибыли сюда в качестве усиления местного полицейского аппарата или отступили вместе с немецкими войсками.

Национальный признак является наиболее существенным и охватывает оба последующих показателя. Согласно ему можно выделить следующие части и соединения «восточных» добровольцев (в этом списке приведены все добровольческие формирования, за исключением белорусских):

- русские национальные формирования – это Русская национальная народная армия (РННА), 1-я Русская национальная бригада СС («Дружина») и Русская освободительная народная армия (РОНА или «Бригада Каминского»);
- так называемые «восточные» батальоны (с весны 1943 г. – «батальоны РОА»), фактически, те же русские формирования, но без выраженного национального характера – это 201, 203, 221, 286, 427, 432, 439, 601 – 603, 605, 610, 627, 633 – 635, 637, 642-й восточные батальоны и 1-й Восточный добровольческий полк;
- казачьи формирования – это 600, 622 – 625-й казачьи дивизионы, 4-й и 5-й казачьи полки и так называемый Казачий Стан, в составе 10 пехотных полков;
- украинские формирования – это 53, 54, 55, 56, 57, 62, 63, 115, 118, 201-й батальоны «Schuma»;
- литовские формирования – это 3, 12, 15, 255-й батальоны «Schuma»;
- латышские формирования – это 18, 24, 26, 271, 274-й батальоны «Schuma»;
- эстонские формирования – это 36-й и 45-й батальоны «Schuma»;
- части и подразделения так называемых Восточных легионов (*Ostlegionen*) – это 1-й Восточно-мусульманский полк СС, 786-й туркестанский, 807-й азербайджанский и 825-й волжско-татарский пехотные батальоны¹⁴¹.

¹⁴¹ Зверев Ю.В. «Русские» формирования в структуре вооруженных сил нацистской Германии // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. – Мн., 2002. – С. 29-42; Литвин А.М. К вопросу о восточных воинских формированиях на Беларуси в годы Великой отечественной войны (1941-1944)... – С.163-173; Его же. Украинские полицейские батальоны на территории Беларуси (1941-1944 гг.)... – С.136-143; The German Police / Ed. by A. J. Munoz. – New York,

К «восточным» добровольческим формированиям также можно отнести так называемую Специальную команду СС «Дирлевангер». Первоначально это часть была исключительно немецкой, однако после нескольких месяцев антипартизанской войны на территории Белоруссии, в ее состав были включены ряд подразделений, укомплектованных исключительно «восточными» добровольцами (русскими, украинцами, белорусами и др.)¹⁴².

Добровольческие формирования несли охрану общественного порядка на всей территории Белоруссии, находясь в распоряжении всех ветвей оккупационной администрации. В целом, это выглядело так (хотя были и исключения):

- в подчинении командующего тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр» действовали, в основном, все русские формирования, восточные батальоны, казачьи части и подразделения Восточных легионов;
- все батальоны «Schuma» были распределены между соответствующими структурами главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр» и фюрером СС и полиции генерального округа «Белоруссия» (в подчинении последнего, также находился и 1-й Восточно-мусульманский полк СС)¹⁴³.

Проанализировав систему по поддержанию общественного порядка и ее вооруженные силы на территории Белоруссии, можно сказать, что за весь период оккупации наблюдался их неуклонный рост. Так, если в 1941-1942 гг. их численность составляла примерно 160 тыс., то к весне 1944 г. она увеличилась до 250 тыс. человек¹⁴⁴.

Изучая немецкий оккупационный режим на территории Белоруссии, может сложиться впечатление, что он был чересчур громоздким и излишне усложненным таким обилием пересекающихся структур власти. Однако следует подчеркнуть, что между тремя его основными ветвями – гражданской, военной и полицейской – не было никакой принципиальной разницы, а имелись лишь некоторые, чисто функциональные различия. В действительности же эти ветви представляли собой неразрывно связанные части одного оккупационного аппарата.

* * *

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что белорусский военный коллаборационизм не возник спонтанно, а был порожден целым ком-

1997. – P.M1-M27; Muonz A.J. Hitler's Eastern Legions: In 2 vols. – New York, 1997. – Vol.2. – P.12-32; Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939-1945... – S.651.

¹⁴² Mac Lean F.L. Op. cit. – P.69-70.

¹⁴³ Романько О.В. Немецкая оккупационная группировка и силовые структуры на территории Белоруссии // ВИЖ. – М., 2008. – №6. – С.25-26.

¹⁴⁴ Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД... – С.191-192.

плексом причин, как внутреннего, так и внешнего характера. Тем не менее, среди наиболее существенных моментов, которые оказали на его появление значительное влияние, необходимо выделить следующие.

Изучая планы нацистского военно-политического руководства относительно будущей политической организации «восточных территорий» вообще и Белоруссии – в частности, нельзя не отметить, что модель такой организации имела. И как явствует из источников, основными ее носителями являлись Розенберг и некоторые круги военного командования. Другое дело, что военные почти сразу же были отстранены от анализа этой проблемы Гитлером, который предпочел работать с Розенбергом. Но и точка зрения последнего не оказалась окончательной. Начиная с середины 1930-х гг., он был вынужден согласовывать ее со взглядами Гитлера, как мы видели, довольно хаотичными и неустойчивыми. В результате, единая концепция переустройства «восточных территорий» так, фактически, и не была разработана. Было бы ошибкой считать, что точка зрения Гитлера осталась единственной, и была воспринята всеми. Формально, все административно-политическое устройство оккупированных советских территорий было организовано согласно его взглядам. Однако, поскольку они носили крайне общий характер, немецкие инстанции, отвечавшие за проведение «восточной политики», вступили в войну с совершенно разными установками.

Одной из причин такого отношения к белорусскому вопросу, было неверие германского военно-политического руководства в силы и возможности белорусского национализма. Это естественным образом отразилось на взаимоотношениях немецких инстанций и белорусской эмиграции. Ни политические, ни военные органы не считали ее серьезным партнером. Единственным позитивным моментом этих предвоенных контактов, можно считать только то, что лидерам национального движения удалось поставить белорусский вопрос на повестку дня.

В дальнейшем, эти моменты отразились на немецкой оккупационной политике значительным образом, сыграв весьма неоднозначную роль в деле привлечения к сотрудничеству местного населения.

Глава 2

БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ

Белорусские коллаборационистские организации и их деятельность

1 сентября 1941 г. на большей части Белоруссии была упразднена военная оккупационная администрация, и В. Кубе официально заступил на должность генерального комиссара. За те неполные два года, в течение которых он занимал этот пост, Кубе руководствовался одним принципом – завоевание симпатий местного населения путем определенных уступок в сфере политики, культуры и экономики. Здесь следует подчеркнуть, что этот курс на взаимопонимание с общественностью был результатом его личных убеждений, а не инструкцией Министерства по делам оккупированных восточных областей. Не появился этот курс и в результате деятельности советского движения Сопротивления – осенью 1941 г. оно не было еще таким значительным. В отличие от рейхскомиссара «Украины» Э. Коха, который собирался руководить «при помощи махорки, водки и нагайки», Кубе сделал ставку на использование в системе управления деятелей белорусского национализма¹.

Тем не менее, первые месяцы своего правления генеральный комиссар был вынужден лавировать между объявленной белорусификацией и существующими реалиями, которые вызывали определенные трудности. В целом, их можно свести к нескольким моментам. Во-первых, неопределенность немецкого военно-политического руководства относительно будущей судьбы белорусских земель. Во-вторых, неоднозначность положения Белоруссии в системе немецкого оккупационного режима. Как известно, до середины 1943 г. генеральный комиссар этого региона должен был руководствоваться указаниями, как из Берлина, так и из Риги, где находился его непосредственный начальник – рейхскомиссар «Остланда». В-третьих, нельзя было не учитывать разницу между районами Белоруссии, которые находились в составе СССР с 1921 г., и районами, кото-

¹ Thorwald J. Op. cit. – S.42.

рые стали советскими только в 1939 г. В-четвертых, значительной помехой на пути белорусификации органов управления стал национальный вопрос. За время управления военной администрации практически все важные посты в органах местного самоуправления заняли либо поляки, либо русские – соответственно, на западе и востоке республики. И это нельзя было объяснить только покровительством со стороны военной администрации. Как правило, это происходило потому, что белорусских кадров катастрофически не хватало, а поляки и русские были гораздо лучше подготовлены для такой работы. Это был пятый момент. Таким образом, проводить белорусификацию, опираясь на доставшийся от военных административный аппарат, Кубе не мог. Еще больше проблем могло возникнуть с надстройкой местного самоуправления – центральной административной инстанцией. Она явно не смогла бы функционировать в связке с преимущественно небелорусским местным самоуправлением. Решение этой проблемы Кубе видел в постепенной белорусификации местных органов власти и подготовке соответствующих кадров. Параллельно с этим процессом должна была быть создана центральная белорусская инстанция – не как национальное правительство, а как вспомогательный орган. Ее создание облегчалось тем, что не было прямого запрета А. Розенберга².

Первоначально Кубе предложил возглавить такой орган председателю Белорусского национального центра Н. Щорсу. Однако тот, по неясным причинам, отказался от предложений генерального комиссара и покинул Минск. Тогда Кубе обратился к Р. Островскому, который также после начала войны переехал в Минск. В начале сентября 1941 г. была создана единственное во всей Белоруссии Минское окружное управление, начальником которого стал Островский. Одновременно он возглавил так называемое Параллельное бюро (*Nebenbüro*), которое получило статус высшей белорусской инстанции. Формально этот статус не был подтвержден соответствующими документами, однако личная поддержка Кубе и реальная необходимость в существовании такого органа давали Островскому надежду на такое признание³.

В октябре 1941 г. в Минск прибыл И. Ермаченко, который также претендовал на роль руководителя главной белорусской инстанции. И, следует подчеркнуть, что его позиция в возможном конфликте с Островским была более твердой. Помимо официального назначения с стороны Министерства по делам оккупированных восточных областей, Ермаченко смог доказать предвоенное сотрудничество своего оппонента с коммунистами и польскими властями. В таких обстоятельствах Остров-

² Бройнингер В. Противники Гитлера в НСДАП, 1921-1945. – М., 2006. – С.221-224.

³ Vakar N. Op. cit. – P.176.

ский утратил доверие Кубе, и, опасаясь возможных репрессий, выехал из Минска в Смоленск⁴.

Эта история значительно пошатнула надежды Кубе на активное привлечение белорусов к сотрудничеству, так как Ермаченко был для белорусского актива практически неизвестной фигурой. Поэтому было напрасно рассчитывать на его поддержку со стороны местных белорусских националистов. Среди них господствовало убеждение, что за спиной этого человека стоят только немцы. И на такую точку зрения повлияла не только протекция Розенберга. Как показали дальнейшие события, сам Ермаченко старательно убеждал всех, что только сотрудничество с нацистской Германией может обеспечить белорусам лучшее будущее⁵.

Однако дальнейший ход событий не оставил Кубе выбора. Во-первых, советское движение Спротивление принимало угрожающие размеры. Во-вторых, сыграла свою роль так называемая «польская акция» немецких карательных органов по удалению и физическому уничтожению активных поляков из органов управления в Польше и на территориях расселения польского этноса. В Белоруссии это привело к тому, что местная администрация лишилась практически всех своих кадров. На фоне этих событий Кубе решил активизировать привлечение белорусских националистов к сотрудничеству, пообещав им ряд политических уступок. 22 октября 1941 г. в обращении к жителям Белоруссии он объявил о создании Белорусской народной самопомощи (БНС), призвав народ к созданию ее местных комитетов. Руководителем этой организации был назначен И. Ермаченко. В уставе БНС говорилось, что она «является добровольной народной организацией, призванной бороться за возрождение белорусской культуры, готовить национальные кадры, оказывать помощь белорусам, пострадавшим от военных действий, преследований большевиков и поляков, и восстанавливать разрушенный чужаками белорусский край»⁶.

Согласно уставу, деятельность БНС охватывала очень широкий спектр жизни белорусского общества. Она могла заниматься школьными вопросами, созданием домов культуры, читален и библиотек, организацией всевозможных курсов. Кроме того, ей разрешалось курировать народное здравоохранение и издание прессы на белорусском языке. Постепенно деятельность БНС начала смыкаться с административным аппаратом, в результате чего членам этой организации стали поручать различные служебные обязанности – от районных управлений до генерального комиссариата включительно. Поэтому завершением органи-

⁴ Галяк Л. Указ. соч.– Кн.1. – С.158-159.

⁵ Акула К. Указ. соч. – С.25.

⁶ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. – Т.1 – С.173-174.

зации БНС должно было стать создание ее центрального руководящего органа. 26 января 1942 г. такой орган был избран, однако генеральный комиссар не утвердил его состав⁷.

29 июня положение БНС изменилось коренным образом. Специальным указом Кубе назначил Ермаченко своим советником и «мужей доверия белорусского народа, представителем которого является БНС». Далее он объявил, что назначает в генеральный комиссариат еще трех «мужей доверия», и еще по одному – в окружные комиссариаты. Через две-три недели в Белоруссии был полностью создан институт советников при органах оккупационной администрации. В его центральный аппарат вошли: И. Ермаченко (отдел политики), Е. Скурят (отдел образования), И. Косяк (отдел культуры), А. Адамович (отдел прессы и пропаганды) и Н. Абрамова (отдел молодежи). В округах обязанности советников выполняли следующие лица: Минский округ (Ю. Сакович), Барановичский округ (Ю. Соболевский), Новогрудский округ (Б. Рогуля), Лидский округ (Г. Зыбайло), Слонимский округ (А. Сивец), Ганцевичский округ (А. Сокол-Кутыловский), Вилейский округ (А. Колодка), Борисовский округ (С. Станкевич). В Глубокском и Слуцком округах советники неизвестны⁸.

В новых условиях Кубе, наконец, разрешил избрать Главный совет БНС (Централь) в составе 12 человек. Такой орган был создан в июле 1942 г. В него вошли наиболее влиятельные деятели белорусского национального движения и даже представители Православной и Католической церкви: А. Адамович, ксендз В. Годлевский, С. Грынкевич, С. Кандыбович, В. Козловский, архиепископ Филофей Нарко, Николаевич, Я. Найдзюк, Ю. Сакович, В. Сенкевич и П. Свирид. Председателем совета стал Ермаченко. Незадолго до этого, в каждом округе избрали окружной совет из 10 членов. При Главном совете был создан целый ряд ведомственных отделов: политический, военный, образования, культуры, пропаганды и здравоохранения⁹. Структура окружных советов, в целом, ничем не отличалась от центрального. Таким образом, в генеральном округе «Белоруссия» был организован целый аппарат, который в соответствующий момент мог получить руководство из немецких рук¹⁰.

Несмотря на то, что БНС не была «правительством государственного организма», ее руководство, наряду с благотворительной и культурно-просветительской деятельностью, пыталось влиять и на политическую ситуацию. Так, в конце июля 1942 г. в Минске прошел четырехдневный съезд окружных и районных руководителей самопомощи. Помимо всего

⁷ Раница. – 1942. – 15 сакавіка.

⁸ Беларуская газета. – 1943. – 8 ліпеня; 12 ліпеня.

⁹ Раница. – 1943. – 6 верасня.

¹⁰ Bräutigam O. Überblick über die besetzten Ostgebiete... – S.64.

прочего, делегаты съезда пришли к выводу, что БНС уже проделал значительную эволюцию. За относительно короткий период первоначально скромная и маловлиятельная организация стала общеполитической структурой, отвечающей за просвещение, культурную деятельность, пропаганду, политику и самооборону против партизан. Кроме того, руководство БНС активно влияет на хозяйственную жизнь и восстановление разоренной войной края. «Из этого следует, – гласил отчет съезда, – что БНС является центром начинаний во всех сферах белорусской жизни, его руководящим штабом». В связи с этим съезд постановил: необходимо обратиться к немецким властям, чтобы они изменили статус организации, признав ее главным органом местного самоуправления. В своей заключительной речи Ермаченко сформулировал мотивы такого обращения: «Своим воодушевлением и энтузиазмом народ белорусский продемонстрировал свою волю к самостоятельной жизни и полному возрождению страны, а равно и то, что способен уничтожить всех врагов, которые стоят на его пути к реализации этой цели»¹¹.

По свидетельствам очевидцев, съезд проходил в атмосфере эйфории от обещаний Кубе. После окончания съезда такие настроения только усилились. На новом съезде, 4 марта 1943 г., руководство БНС пошло в своих требованиях еще дальше и начало требовать от оккупационных властей выполнения следующих обязательств: предоставление Белоруссии полной автономии, а после окончательного разгрома большевиков – независимости; создание самостоятельного белорусского правительства; организация Белорусской национальной армии¹².

Последнее требование было наиболее важным в условиях войны, поэтому руководство БНС особенно на нем настаивало. Кубе в принципе, был не против этого. Более того, организация вооруженных формирований при БНС также входила в его планы, как одни из инструментов борьбы с партизанами. Результатом этого стало создание Корпуса белорусской самообороны (КБС), речь о котором пойдет ниже.

Естественно, что всякие требования об автономии, и тем более о независимости, не могли в тех условиях понравиться немецким властям. Тем более, что не все их представители разделяли точку зрения Кубе на использование белорусских националистов. В результате, минское СД завело на Ермаченко и весь Центральный совет БНС уголовное дело о государственной измене, стараясь найти в некоторых их действиях злой умысел. Однако, вместо этого, по ходу расследования вспыхнули крупные финансовые нарушения, после чего, в апреле 1943 г., Ермаченко оставил свой пост и вернулся

¹¹ Раница. – 1942. – 16 жніўня.

¹² РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 401.

в Прагу. А уже в июне 1943 г. БНС была реорганизована в Белорусскую самопомощь (БСП) с еще более урезанными правами. Председателем ее Центрального совета стал Ю. Соболевский¹³.

После катастрофы под Сталинградом немцы сделали попытку реформировать свою «восточную» политику, внося в нее ряд изменений. Одним из них должно было стать широкое привлечение к сотрудничеству деятелей национальных движений и создание из них более авторитетных политических организаций. 27 июня 1943 г. в прессе появилось сообщение об учреждении так называемого Белорусского совета доверия (БРД) – совещательного органа при генеральном комиссаре Кубе¹⁴.

Как утверждалось, БРД создавался «для выполнения административных задач большого значения». В этот совет был введен ряд представителей белорусской общественности, целью которых были сбор и обработка предложений и пожеланий, адресованных оккупационным властям, а также участие, с правом совещательного голоса, в заседаниях высшего аппарата генерального комиссариата «Белоруссия». Президентом БРД был назначен глава городского управления Минска В. Ивановский. Помимо него в состав совета входили: Ю. Соболевский (вице-президент), начальник центрального бюро профсоюзов К. Рабушко, руководители Союза белорусской молодежи (СБМ) – М. Ганько и Н. Абрамова и представитель белорусской интеллигенции Е. Колубович. Эти пять человек должны были представлять все слои населения Белоруссии. Однако помимо них в совет кооптировалось еще девять членов, специально подобранных в каждом из округов, как представители местной общественности. Нет нужды говорить, что эти «представители общественности» были проверенными людьми, отбором которых занимались окружные комиссары, и в лояльности которых они не сомневались¹⁵.

Выступая по случаю создания новой организации, Кубе повторил все свои тезисы о том, что «немцы являются врагами большевизма, а не белорусов, для которых они являются освободителями», и призвал членов БРД так организовать белорусский народ, «чтобы он стал одним из народов Новой Европы». В этой же речи он поставил перед членами совета три основные задачи: развитие народного образования и воспитание молодежи, возрождение народного хозяйства и борьба с партизанами. При этом он сказал, что все три задачи тесно взаимосвязаны, так как «собственность на землю – это только клочок бумаги, если нет возможности защитить ее от бандитов»¹⁶.

¹³ Deutsche Propaganda in Weißrußland: 1941-1944... – S.65.

¹⁴ Новый путь (Бобруйск). – 1943. – 7 июля.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 372-373.

¹⁶ Беларуская газэта. – 1943. – 3 ліпеня.

Смерть Кубе несколько приостановила, но не прекратила развитие коллаборационистских организаций. Уже 21 декабря 1943 г. указом нового генерального комиссара СС-группенфюрера фон Готтберга БРД был преобразован в Белорусский центральный совет (БЦР). По замыслу немецких властей, БЦР должен был «объединить в себе самых достойных, заслуженных и деловых представителей белорусского народа»¹⁷.

Этим же указом утверждался и устав БЦР, из которого видны цели и задачи новой организации:

1. БЦР является представительством белорусского народа, созданным в рамках данного ему самоуправления;

2. БЦР должен мобилизовать все силы белорусского народа для уничтожения большевизма и руководствоваться этим до окончательного освобождения белорусского народа из-под ига кровавого большевистского господства;

3. БЦР имеет право и обязанность делать для этого немецкому руководству все необходимые и соответствующие предложения. В рамках поставленных ему задач он будет самостоятельно решать и проводить все необходимые мероприятия в сферах социального, культурного и школьного обеспечения. Он имеет право давать указания всем белорусским организациям;

4. Во главе БЦР стоит президент, который назначается и снимается генеральным комиссаром. Других членов БЦР назначает генеральный комиссар по предложению президента;

5. Устав БЦР имеет силу с момента его провозглашения¹⁸.

22 января 1944 г., на первом, так называемом «конституционном заседании» БЦР, был обнародован ее состав, в который вошли: президент, 2 вице-президента и 12 членов. Президентом БЦР стал уже упоминавшийся Р. Островский, который после смерти Кубе смог вернуться в генеральный округ. Его непосредственными помощниками и заместителями являлись первый и второй вице-президенты, посты которых, соответственно, занимали Н. Шкелёнок и Ю. Соболевский¹⁹.

24 января 1944 г. для руководства различными сферами общественной и культурной жизни белорусов, при БЦР были созданы 12 отделов, среди которых необходимо назвать следующие: образования, науки, культуры, пропаганды и прессы, молодежи, вероисповеданий и социального обеспечения. Позднее к ним прибавился еще и военный отдел. Руководителем каждого из этих отделов становился один из двенадцати членов совета. Содержаться БЦР должен был на средства генерального комиссариата. По

¹⁷ Баранавіцкая газэта. – 1943. – 25 сьнежня.

¹⁸ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 374-375.

¹⁹ Раница. – 1944. – 6 лютага.

своему статусу БЦР являлся «центральной инстанцией белорусской администрации», для руководства которой в каждом округе «Белоруссии» имелись его представительства – наместничества. Каждое представительство возглавлял назначенный президентом чиновник – наместник. В целом же, к февралю 1944 г., персональный состав центрального руководства БЦР следующим образом: Президент БЦР – проф. Р. Островский, 1-й вице-президент (также руководитель отдела прессы и пропаганды) – Н. Шкелёнок, 2-й вице-президент (также руководитель отдела социальной опеки, самопомощи и контроля) – Ю. Соболевский, отдел финансов (С. Кандыбович), отдел культуры (Е. Калубович), отдел образования (Е. Скурат), военный отдел (Ф. Кушель), юридический и религиозный отдел (П. Свирид), отдел лесного хозяйства (С. Калядка), профсоюзный отдел (С. Стаськевич), СБМ (М. Ганько и Н. Абрамова), отдел сельского хозяйства (П. Орса)²⁰.

Окружными руководителями БЦР (каждый из них стоял во главе Округного совета, который, в целом, дублировал функции центрального руководства) являлись: Минск-округ (Н. Будзилович, затем Жук), Минск-город (А. Комар), Барановичи (С. Станкевич), Брест (М. Василевский), Вилейка (И. Малецкий), Ганцевичи (А. Сокол-Кутыловский), Глубокое (И. Косяк), Лида (А. Климович), Новогрудок (Б. Рогуля), Слоним (А. Авдей), Слуцк (И. Гинько, затем И. Хихлуша)²¹.

Помимо представительств в округах президенту БЦР подчинялись и некоторые, созданные ранее, белорусские организации. Среди них следует назвать, БСП, Белорусское научное общество, Белорусскую культурную организацию, молодежные организации и т.д.²²

Сотрудничая с немцами, руководство БЦР отстаивало перед ними и свои политические цели, главными из которых можно назвать следующие:

1. Освобождение белорусского народа от власти большевиков (а, со временем, и немцев);
2. Создание белорусских национальных вооруженных сил;
3. Создание белорусского суверенного государства²³.

Подтвердить эти цели, а также получить для них поддержку белорусской общественности, должен был 2-й Всебелорусский конгресс. Фактически, его созыв был самым главным достижением БЦР (и дальше будет ясно почему). Хотя одновременно и самым неоднозначным моментом в истории белорусского национализма. Известно, что немцы до последнего тянули с открытием этого съезда. И только под конец весны 1944 г., ког-

²⁰ За Дзяржаўную Незалежнасць Беларусі... – С.84-86.

²¹ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 375.

²² Turonek J. Geneza i działalność Białoruskiej Centralnej Rady (grudzień 1943 – czerwiec 1944)... – S.118.

²³ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.70-71.

да уже стало ясно, что Красная Армия готовится к широкомасштабному наступлению, К. фон Готтберг, решил, по словам белорусского историка О. Гордиенко, «в очередной раз сыграть с белорусами в независимость»²⁴.

После недолгих консультаций немецкие власти дали разрешение на проведение конгресса. Был назначен и день его открытия – 27 июня 1944 г. – день, когда «Багратион», советская операция по освобождению Белоруссии, находилась уже в самом разгаре. На конгресс съехалось 1039 делегатов (проверить эту цифру не представляется возможным, по крайней мере, столько человек зарегистрировалось в мандатной комиссии). Это количество ставит под сомнение советский исследователь В. Романовский, так как по его сведениям Минский городской театр, где должен был проходить конгресс, не мог вместить более 600 человек²⁵.

Доподлинно известно, что выборов на конгресс никто не проводил. Делегатами обычно становились представители белорусской общественности, работники белорусской администрации, школьные учителя, интеллигенция, а также участники белорусских добровольческих формирований. Естественно, что все эти кандидатуры проходили строгий отбор и согласовывались с соответствующими немецкими административными и полицейскими органами²⁶.

Больше все делегатов было от Минска и Минского округа (201 и 115 соответственно). В этом нет ничего удивительного. В условиях полного паралича транспортной системы генерального округа «Белоруссия» и тотального господства партизан им было проще всех добраться до места назначения. Тем не менее, делегаты прибыли из всех округов. Кроме того, были делегаты-белорусы даже от Орловщины, Смоленщины, Брянщины, Черниговщины – все эти русские и украинские области националисты считали этнографическими белорусскими территориями, – а также представители белорусских диаспор Литвы, Латвии, Польши, Австрии и Германии. Нет нужды говорить, что наибольшее количество делегатов было из внутренних территорий генерального округа. Из зоны военной администрации прибыло по несколько человек, из вышеперечисленных западнорусских областей – по одному, а представителей европейской белорусской диаспоры – всего 16. Интересна социальная статистика участников конгресса. Из них с высшим образованием было 217, со средним – 496, а с низшим и начальным – 326 человек. По профессиональной принадлежности делегаты распределялись следующим образом: 276 учителей, 245 крестьян, 142 рабочих, 234 служащих, 20 врачей, 31 инженер, 25 юристов, 14 журналистов,

²⁴ Гардзіенка А. Другі ўсебеларускі кангрэс... – С.2.

²⁵ Раманоўскі В. Указ. соч. – С.167.

²⁶ Там же. – С.167.

13 агрономов и 34 представителя остальных профессий. По вероисповеданию: 903 православных, 125 католиков, 4 евангелиста, 1 лютеранин, 5 староверов и 1 мусульманин²⁷.

Конгресс открылся в 8 часов утра в здании Минского городского театра. Там, где, вероятнее всего, проходил 1-й Всебелорусский конгресс. Данный факт должен был символизировать преемственность современного этапа национально-освободительной борьбы от ее революционного периода. В 8:10 на трибуну поднялся президент БЦР Р. Островский, который обратился к присутствующим со следующими словами: «Граждане! 2-й Всебелорусский конгресс объявляется открытым. Поздравляю вас, делегаты и делегатки, как представителей белорусского народа, который собрался тут, в столице Белоруссии, для решения важных проблем будущего нашего народа и Родины»²⁸.

Президентом конгресса был избран ученый и общественный деятель Е. Кипель – многолетний узник сталинских лагерей, который с 1942 г. работал в Школьном инспекторате генерального комиссариата. Его заместителями – И. Косяк, представитель президента БЦР в Глубокском округе, и В. Рогоуля, бывший сенатор польского парламента. Первым взял слово президент конгресса. В своей речи он сказал следующее: «Мы собрались в чрезвычайно важный исторический момент: во всем мире идет война, решается судьба народов на долгие годы. Белоруссия теперь не может оставаться бездеятельной. Мы должны сами взяться за строительство своего будущего. От нашего имени позволяют себе говорить кремлевские заправилы, которые назначают опекунов, которые уже готовят виселицы нашему народу. На наши земли претендуют польские паны. И вот поэтому в этот момент мы должны сказать всему миру: кто мы, и чего мы хотим». Характерно, что ни одного слова против немцев Кипель не сказал²⁹.

Следующим выступающим был Островский, который проинформировал конгресс о достижениях БЦР за полгода ее работы. Главным образом, в его отчете шла речь, о социальном обеспечении населения, о белорусских школах и возрождении национальной культуры. Тем не менее, наибольшим достижением БЦР (при всех минусах этого мероприятия) его президент назвал создание прообраза белорусской национальной армии – Белорусской краевой обороны (БКА). В заключение своего выступления Островский торжественно сложил с себя полномочия президента БЦР и передал дальнейшее рассмотрение своей судьбы в руки конгресса. Для чего он так поступил? Дело в том, что, как уже было сказано выше, Островского

²⁷ Другі Усебеларускі Кангрэс... – С.9, 39.

²⁸ Там же. – С.11.

²⁹ Кіпель Я. 2-гі Усебеларускі Кангрэс // Новае жыццё. – 1952. – Чэрвень-ліпень. – С.2-3.

очень беспокоила его полная зависимость от немцев. На его взгляд, легитимность мог дать ему только белорусский народ. В данном случае, в лице специально отобранных делегатов конгресса. Они его и не подвели. В целом, конгресс решил, что БЦР и его президент вполне справились со своими обязанностями, и предложили переизбрать руководство этого органа на второй срок³⁰. Забегая вперед, следует сказать, что такого, полностью подконтрольного немцам «народного волеизъявления», Островскому хватило даже после окончания войны.

После прений по отчету Островского были зачитаны поздравления участникам конгресса: от БКА, от Кенигсбергского отдела БНС, от солдат «службы порядка» Восточного фронта, от СБМ, от белорусских крестьян, рабочих и интеллигенции, от белорусского православного и католического духовенства. Однако первым по списку (и, добавим, по значению) было поздравление генерального комиссара «Белоруссии» фон Готтберга. В своей телеграмме он, в частности, сказал: «Поздравляю 2-й Всебелорусский конгресс и верю, что белорусский народ решительно, вместе с немецким народом будет сражаться против большевистской опасности за освобождение Европы, и что он отдаст для этой цели все свои силы. Тогда эта тяжелая борьба закончится победой, которая принесет счастливое будущее и белорусскому народу»³¹.

После перерыва были заслушаны доклады некоторых участников конгресса. В результате, на основе двух из них – Н. Шкелёнка и Е. Калубовича – делегаты приняли общую резолюцию. Вот ее основные пункты:

1. Признать правильным и снова подтвердить историческое постановление Совета БНР, который, имея полномочия 1-го Всебелорусского конгресса 1917 г., на своем заседании 25 марта 1918 г. торжественной 3-й Уставной грамотой постановил об окончательном разрыве Белоруссии с большевистской Москвой и российским государством во всех его формах;

2. Подтвердить, что белорусский народ никогда не признавал, не признает и теперь и никогда не признает в будущем формой своей белорусской государственности, навязанные ему московскими захватчиками формы БССР;

3. Уведомить все правительства и народы мира, что голос Москвы и СССР в белорусских делах не имеет никакой правовой силы, а все созданные Москвой якобы белорусские правительства, не имеют никакой правовой компетенции, так как не признаются белорусским народом. Поэтому все условия или односторонние постановления правительств СССР, бывшей Польши, современного так называемого эмигрантского правительства Польши, которые касаются территории Белоруссии и белорусского народа,

³⁰ Гісторыя Беларусі... – С.242-243.

³¹ Другі Усебеларускі Кангрэс... – С.66.

и которые были сделаны раньше или будут сделаны в будущем, 2-й Всебелорусский конгресс объявляет не имеющими никакой правовой силы. Как не будут иметь силы и всякие другие возможные попытки раздела Белоруссии со стороны других государств и народов;

4. Единственным полномочным представителем белорусского народа и его территории сегодня является БЦР во главе с президентом Р. Островским³².

После своего торжественного оглашения резолюция была поставлена на голосование и единогласно принята. Этот документ был последним и единственным решением конгресса (если не считать поздравительной телеграммы Гитлеру, которой, собственно, это мероприятие и закончилось). В тот же день, через час после принятия резолюции, конгресс был объявлен закрытым. А его делегаты стали срочно разъезжаться по домам. Наконец, через три дня, 30 июня 1944 г., БЦР, оставшиеся делегаты конгресса и другие белорусские коллаборационисты были вынуждены срочно эвакуироваться из Минска, так как Красная Армия стояла уже на подступах к городу³³.

В исторической и мемуарной литературе до сих пор идут споры о том, как к коллаборационистским организациям относились обычные белорусы – те, ради блага которых, как каждый раз декларировалось, они создавались. Советские историки отвечали на него традиционно однозначно: народ ко всем затеям немцев и националистов относился отрицательно. Казалось бы, что западные историки должны были придерживаться противоположной точки зрения. Однако, многие из них, в принципе, разделяют мнение советских историков. Так, несмотря на то, что, например, БНС должна была отстаивать права белорусов и защищать их интересы, она, по словам американского историка А. Даллина, «не нашла поддержки у широких масс населения, так как последнее видело в нем обычных немецких прислужников»³⁴.

Но и среди авторов из числа белорусских националистов нет единого мнения. Как известно, после создания БЦР немецкая пропаганда объявила о новом «белорусском конституционном правительстве». Однако это было не так. По воспоминаниям представителя БЦР в Вилейском округе И. Малецкого, «из содержания устава не следовало, что уже были признаны некоторые формы белорусской государственности, так как окончательная законодательная и исполнительная власть и далее оставалась в немецких руках»³⁵. С ним соглашается К. Акула. Например, он пишет в своих воспоминаниях: «Мало кто из белорусов считал БЦР правительством. Таким

³² Там же. – С.67.

³³ Касмовіч Д. Указ. соч. – С.205-206.

³⁴ Dallin A. Op. cit. – P.154.

³⁵ Малецкі Я. Указ. соч. – С.120.

он и не был. Скорее считали его представительством оккупантов. Это же относится и к так называемому 2-му Всебелорусскому конгрессу»³⁶.

С этими утверждениями нельзя не согласиться. В целом, и БНС, и БРД, и БЦР были обычными коллаборационистскими организациями, так как являлись послушным орудием в руках немцев. Кубе мог сколько угодно (и вполне искренне) говорить о том, что Белоруссия является не оккупированной территорией, а «местом государственной жизни белорусского народа», который является «народом европейским» и т.д. и т.п. Однако зверства полицейского аппарата убеждали простого белоруса в обратном. Для населения все немцы были одинаковы, и оно не видело разницы между Кубе и фон Готтбергом, и, уж тем более, не понимало различия их концепций.

Многие авторы из числа белорусских националистов утверждают, что народ ненавидел немцев, но хорошо относился к активистам из белорусских организаций. Отчасти это является правдой, и тому есть много свидетельств. Например, члены БРД очень активно осуждали зверства немцев против мирного белорусского населения³⁷. Однако в большинстве своем, простые белорусы считали всех, кто сотрудничал с немцами, такими же врагами, и советская пропаганда во многом этому способствовала. И даже такое мероприятие, как 2-й Всебелорусский конгресс, не сильно повлияло на настроения населения. На нем было заявлено, что он представляет все слои белорусского народа, и будет продолжать политику «белорусской национальной революции 1917 г.». Но, несмотря на это, все знали, что делегаты на конгресс были отобраны немцами, а доклады всех выступающих утверждены в СД. Более того, в ходе этого мероприятия об оккупантах говорили только хорошие слова³⁸.

Несколько неожиданную и парадоксальную оценку деятельности белорусских коллаборационистов дал в своих мемуарах президент 2-го Всебелорусского конгресса Е. Кипель: «Всей своей работой, проделанной при немцах, - писал он, - мы можем гордиться, так как наша деятельность имела влияние на правовое положение Белоруссии в СССР»³⁹.

Тем не менее, нельзя не согласиться с выводом польского историка Ю. Туронка, который пишет, что история белорусских националистических организаций, в частности и деятельность белорусских националистов в период оккупации вообще, не является однозначной. С одной стороны, такие организации, как БЦР все-таки повлияли на рост национального самосознания белорусов, хотя, и не в такой мере, как это представляется националистами. С другой же стороны, все, что они рассказывают о «бело-

³⁶ Акула К. Указ. соч. – С.34.

³⁷ НАРБ, ф. 384, оп. 1, д. 1, л. 68.

³⁸ Раманоўскі В. Указ. соч. – С.167.

³⁹ Кіпель Я. Эпізоды. – С.226.

русском государстве, его армии, учреждениях и конгрессе, которые, якобы, существовали при немцах, является обычным мифом»⁴⁰.

Политическая активность белорусских националистов и позиция нацистского военно-политического руководства

В историографии Второй мировой войны сложился очень упрощенный взгляд на историю белорусского национального движения в годы оккупации. И советские, и многие зарубежные историки сводят всю деятельность белорусских националистов к заурядному коллаборационизму без какой-либо политической подоплеки. Однако их политическая активность не является такой однозначной, как может показаться на первый взгляд. Необходимо отметить, что эту активность необходимо рассматривать, прежде всего, в контексте целого ряда факторов, имевших на нее определенное влияние. Это: эволюция белорусской политики нацистской Германии, так называемая «борьба полномочий» среди группировок немецкого военно-политического руководства, и сам уровень активности белорусского национального движения.

Следует признать, что до середины 1942 г., по определенным причинам общего и частного характера, Белоруссия занимала особое место в системе немецкой «восточной» политики. Во-первых, руководство Третьего рейха так и не решило политическое будущее этой территории. Во-вторых, гражданская оккупационная администрация так и не смогла получить власть в ее восточных районах. В-третьих, партизанское движение на территории Белоруссии приняло такие масштабы, что просто не давало возможности для хозяйственной эксплуатации и других мероприятий оккупационных властей. И, наконец, в-четвертых, несмотря на все усилия генерального комиссара Кубе, белорусское население принимало крайне слабое участие в организации «нового порядка». Такая ситуация на территории Белоруссии причиняла немцам много хозяйственных, административных и военных проблем.

Все эти факторы значительно ослабили интерес немцев к белорусскому вопросу. Например, 30 мая 1942 г. Розенберг посетил Минск, где во время встречи с представителями немецкой администрации и белорусским активом заверил их, что готов поддержать все стремления, направленные на развитие Белоруссии и превращение ее «в сильное и цветущее государство – форпост

⁴⁰ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką... – S.226.

Германского Рейха»⁴¹. Однако, в свете последних событий, это высказывание было рассчитано, скорее, на пропагандистский эффект. В реальности же, Розенберг не верил в возможность активизировать белорусский национализм. Не верили в это и многие его подчиненные. Так, еще в марте 1942 г. его представитель в ставке Гитлера д-р Копен заявил, что «белорусы – настолько примитивные, что могут только пахать землю и кормить скотину»⁴².

В кругах Министерства по делам оккупированных восточных областей Белоруссию называли «национальным коктейлем» и «золушкой рейхскомиссарата “Остланд”». Но и на практике все свидетельствовало о том, что Розенберг и его министерство относятся к Белоруссии, как ко второстепенному региону в составе «Остланда». В частности, об этом свидетельствовало дальнейшее уменьшение территории генерального округа, которое проводилось не только без согласования с Кубе, но даже и без его ведома. В январе 1942 г. часть белорусской территории была передана рейхскомиссариату «Украина», а в апреле – генеральному округу «Литва»⁴³.

Однако наиболее важным из всех мероприятий было издание в конце марта 1942 г. указа, который запрещал создание в Белоруссии центрального органа самоуправления. По мнению Розенберга, «большевистское мировоззрение настолько сильно укоренилось в сознании белорусского населения, что для создания местного самоуправления не осталось никаких предпосылок»⁴⁴.

Как было сказано выше, генеральный комиссар Кубе вполне искренне полагал, что белорусов надо привлекать к сотрудничеству и, в том числе, к политическому. Естественно, он не был альтруистом и большим другом белорусского народа. Во всем и везде он руководствовался исключительно интересами Германии. Так, в одном из своих выступлений в апреле 1943 г. Кубе подчеркивал, что белорусский национализм очень слабый, им легко руководить, и поэтому он не представляет никакой опасности для немцев. «Белорусов нельзя сравнивать ни с одним из народов «Остланда», которые всем ходом своей истории были настроены против немцев. Белорусы, - говорил он, - единственный народ, который не занимался политическими интригами против Германии. Литовцы ненавидят нас... латыши и эстонцы приветливо встречали нас не потому, что это были немецкие войска, а потому, что эти войска освободили их от большевиков – все они готовы променять нас на англичан»⁴⁵.

⁴¹ Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі... – С.601.

⁴² Picker H. Op. cit. – S.64.

⁴³ Kleist P. Op. cit. – S.170.

⁴⁴ Цит. по: Раманоўскі В. Указ. соч. – С.90.

⁴⁵ Цит. по: Літвін А. Кубэ як магільшчык беларускай нацыянальнай ідэі // Наша ніва. – 1999. - №4(125).

Из этих положений он и исходил, когда разрешал националистам создавать БНС, БРД, СБМ, открывать школы и библиотеки, и, в конечном итоге, даже организовывать некое подобие вооруженных сил. Однако на этой почве у него появилось сразу несколько оппонентов. Во-первых, его непосредственный начальник Розенберг, о позиции которого было достаточно сказано выше. И все-таки, эти расхождения во мнениях не были такими глобальными, хотя и мешали выработке некой общей линии. Гораздо более глубокий конфликт у Кубе возник с руководством СС и полиции рейхскомиссариата «Остланд» и, непосредственно, с его представительством на территории Белоруссии. В отличие от Кубе полицейские власти считали, что все заигрывания с националистами в политической сфере могут плохо закончиться: осенью 1941 г. у всех в памяти еще были живы события, связанные с провозглашением Организацией украинских националистов (ОУН) «независимой Украины». В дальнейшем разногласия с Розенбергом отошли на второй план. Конфликт же «Кубе – СС» продолжался с переменным успехом до самой смерти генерального комиссара. Этот конфликт отразился на всех сторонах жизни оккупированной Белоруссии и, в том числе, на политической и военной деятельности белорусских националистов⁴⁶.

Конфликт между генеральным комиссаром и руководством СС имел, в целом, два кульминационных пункта. Первый из них приходится на весну 1943 г., и был связан с деятельностью БНС и созданием Корпуса белорусской самообороны (КБС), подробнее о котором будет рассказано в соответствующем разделе. Эта часть конфликта протекала в острой форме и закончилась поражением генерального комиссара: роль БНС была низведена до уровня обычной благотворительной организации, ее президент Ермаченко только чудом избежал отправки в концлагерь, а КБС был расформирован.

Второй кульминационный пункт (лето 1943 г.) проходил более мирно и был связан с созданием БРД, СБМ и прочими мероприятиями. В принципе, если бы не смерть Кубе, конфликт, вообще, мог бы закончиться полной победой его линии. Генеральный комиссар стал действовать осторожней и, к тому же, общая военная обстановка была таковой, что уже многие представители немецкого военно-политического руководства начали склоняться к мысли о более тесном сотрудничестве с «восточными» народами. Убийство Кубе советскими агентами только несколько затормозило этот процесс, однако, не смогло его остановить⁴⁷.

Справедливости ради надо сказать, что приемник Кубе на посту генерального комиссара К. фон Готтберг не был сторонником сотрудни-

чества с белорусскими националистами. Более того, долгое время он был одним из оппонентов Кубе в упомянутом конфликте, так как не верил белорусам вообще и в возможности белорусского национализма, в частности. Став генеральным комиссаром, он, поначалу, придерживался своей старой точки зрения: например, он убежденно ее отстаивал на конференции, которая проходила в Министерстве по делам оккупированных восточных областей 22-23 ноября 1943 г. Однако, войдя в курс дел генерального комиссариата, он был вынужден сменить свою точку зрения. Результатом чего и стало создание БЦР. Здесь необходимо подчеркнуть, фон Готтберг не стал в одночасье другом белорусского народа. Просто он пришел к тем же выводам, что и Кубе, когда оказался на его месте: если белорусские националисты работают под присмотром в одной организации, то их очень легко использовать. Фактически, фон Готтберг только разрешил создание БЦР, как и позволил существовать такому «детищу» Кубе, как СБМ. Настоящим же инициатором создания совета стал его будущий президент Р. Островский, который при этом преследовал свои цели: как полагает польский историк Ю. Туронек, он был сторонником тактики «малых шагов», и считал, что добиваться уступок у немцев надо постепенно⁴⁸.

В связи со сказанным, нельзя не подчеркнуть: одной из причин (может и не самой главной, но не менее существенной) такого отношения было то, что каждая из ветвей немецкой оккупационной власти имела «своих» белорусских националистов, которые постоянно враждовали между собой. Например, общеизвестен конфликт между И. Ермаченко и Р. Островским, вследствие которого последний был вынужден уехать из Белоруссии в Западную Россию и не появляться в генеральном комиссариате до самой смерти Кубе⁴⁹.

Следующий пример. Всем группам более или менее пронемецки настроенных белорусских националистов не давала покоя деятельность В. Ивановского, который был настроен больше прозападно и пропольски. Доносы на Ивановского начались сразу же после его приезда в Минск в ноябре 1941 г. Однако, по неизвестной причине, Кубе не трогал его и даже сделал бургомистром Минска и членом БРД. Развязка наступила в начале декабря 1943 г., когда Ивановский был убит неизвестными прямо на улице. По официальной версии это сделали советские агенты. Тем не менее, многие до сих пор убеждены, что это было сделано по приказу нового генерального комиссара фон Готтберга, который, тем самым, обезглавил

⁴⁶ ГАРФ, ф. 7445, оп. 2, д. 156, л. 55-57.

⁴⁷ Более подробно о конфликте «Кубе – СС» см.: Туронек Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі... – С.610-632.

⁴⁸ Turonek J. Geneza i działalność Białoruskiej Centralnej Rady (grudzień 1943 – czerwiec 1944)... – S.99-102.

⁴⁹ Loftus J. Op. cit. – P.36-37.

белорусское националистическое подполье и расчистил дорогу своему ставленнику Островскому⁵⁰.

Наконец, еще один белорусский общественно-политический деятель – Ф. Акинчиц – вообще ненавидел всех: и тайных антинацистов, и открытых коллаборационистов. Многих из числа последних он, например, считал недостаточно пронемецки настроенными и поэтому недостойными возглавлять местную администрацию на территории генерального округа «Белоруссия». Выше уже говорилось, что осенью 1941 г. в Минске была создана БНС, возглавил которую И. Ермаченко, специально посланный для этого в Белоруссию Розенбергом. Не секрет, что Ермаченко пользовался полным доверием Кубе, который одобрял все его действия, направленные на превращение БНС в полноценное национальное правительство. Такой ход событий не многим отличался от взглядов Акинчица. Правда, было только одно «но». По словам польского историка Ю. Туронка, «он сам хотел быть строителем белорусского государства»⁵¹. И вот теперь, после ухода с политической сцены Щорса и Островского, главным противником Акинчица стал Ермаченко. Тем не менее, сражаться с ним было непросто: оба политика были служащими ведомства Розенберга, и апеллировать о посредничестве пока было не к кому. Нужно было менять тактику. Поэтому Акинчиц сосредоточил всю свою деятельность на так называемом «движении молодых активистов». Этих бывших советских военнопленных – выпускников его пропагандистского лагеря в Вустрау – он смог во множестве пристроить на ответственные посты в оккупационной администрации генерального округа. По замыслам Акинчица, молодежь должна была активно участвовать в борьбе с врагами нового строя, создать свои отряды СС, а в перспективе стать основой общебелорусской национальной организации – надежной опоры немецкого руководства. Забегая вперед, следует сказать, что, несмотря на все попытки Кубе приписать создание такой организации исключительно себе, она была создана летом 1943 г. именно по «лекалам» Акинчица и из подготовленных им в Вустрау людей⁵².

В результате такой деятельности Акинчица, на территории генерального округа «Белоруссия» оформилась оппозиционная к официальному руководству БНС группа. Эти, в основном, молодые люди руководствовались идеями Акинчица, которые он, в целом, сформулировал в своей программной статье «Своевременные мысли». Статья эта была довольно объемная. Однако ее основная мысль заключалась в следующем тезисе: «Есть у нас «политики», - писал Акинчиц, которые призывают «ни в коем случае

не отвлекать наше внимание от своих белорусских проблем», и напоминают, что «значимость современных событий не должна закрывать «незначительность» нашего дела и мешать в строительстве завтра, в собирании и укреплении наших белорусских сил». Таким «политикам» следует напомнить, что судьба белорусского дела зависит исключительно от судьбы антибольшевистского фронта. Было бы большим несчастьем для белорусов, если бы в этот момент, когда страна выбита из колеи нормальной жизни, к власти над ней дорвалась бы некая группа лиц, которые ничего за собой не имеют, кроме болезненных амбиций и жажды власти». Не секрет, что под вышеуказанными «политиками» подразумевались все, кто был не согласен с линией Акинчица⁵³.

Однако Кубе, который по-своему разыгрывал карту белорусского национализма, игнорировал требования лидера белорусских нацистов и не позволял газетам размещать его критику БНС и Ермаченко. Зато к этой критике более внимательно стало относиться центральное полицейское руководство Третьего рейха и его минские органы. Гиммлер уже давно крайне негативно относился к политике Кубе. На его взгляд, генеральный комиссар «Белоруссии» являлся проводником идей, полностью противоречащих интересам Германии. Вскоре немецкая служба безопасности повела активное наступление на Кубе, фактическим подспорьем чего стали рапорты Акинчица и его группы. Таким образом, они оказали существенное влияние на сфабрикованное в декабре 1942 – январе 1943 г. дело Ермаченко, который был обвинен в государственной измене. Как известно, руководитель БНС смог избежать смерти. Однако в атмосфере развернувшегося затем немецкого террора были репрессированы многие белорусские активисты в Минске и на местах. В том числе был арестован и убит ксендз В. Годлевский. Если верить послевоенным белорусским мемуаристам, его смерть также на совести Акинчица⁵⁴.

В начале 1943 г. позиции Кубе и БНС были значительно ослаблены, и Акинчиц уже праздновал скорую победу. А в том, что он, наконец, достигнет своей цели, сомневаться не приходилось: все немецкие карательные органы в Германии и Белоруссии были на его стороне. Однако довести задуманное до конца ему так и не удалось. 5 марта 1943 г. Акинчиц был застрелен на минской квартире своего давнего соратника В. Козловского. Это убийство приписывают советскому агенту А. Матусевичу⁵⁵. Тем не менее, в этом деле до сих пор много не ясного. Все донесения советских агентов, которые находились на тот момент в Минске и его окрестностях,

⁵⁰ Туронак Ю. Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі... – С.160-163.

⁵¹ Туронак Ю. Фабіян Акінчыц – правадыр беларускіх нацыянал-сацыялістаў... – С.154.

⁵² Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада... – С.146.

⁵³ Беларуская газета. – 1943. – 28 сакавіка – 11 красавіка.

⁵⁴ Туронак Ю. Фабіян Акінчыц – правадыр беларускіх нацыянал-сацыялістаў... – С.157.

⁵⁵ НАРБ, ф. 3500, оп. 1, д. 2, л. 30.

свидетельствуют о том, что это покушение стало для них неожиданностью. Поэтому, большинство современных белорусских историков склонны считать, что устранение Акинчица было мстью сторонников Годлевского. А Матусевич был использован, что называется, «втемную». Наконец, не исключено и участие Кубе в этой акции. Так, отдел прессы генерального комиссариата запретил газетам публиковать известие о покушении и смерти Акинчица. Вероятно, оккупационным властям было просто невыгодно даже обычное упоминание об этом деле, не говоря уже о его причинах⁵⁶.

Естественно, что все эти конфликты националистических группировок не создавали здоровой обстановки. Нередко это давало повод некоторым немецким представителям утверждать, что с белорусскими националистами вообще нельзя сотрудничать, так как они не могут договориться даже между собой.

5 июля 1944 г. БЦР прибыл в Кенигсберг, а уже в августе переехал в Берлин. Здесь начался новый этап истории белорусских коллаборационистских организаций. Этот этап не был таким длинным, как предыдущий. Однако по своей насыщенности он мало уступает ему. Белорусские националисты, хотя и начали работать в совершенно новых для них условиях, столкнулись здесь с проблемами, которые своими корнями уходили в оккупационный период. И опять национальная политика нацистов играла здесь не последнюю роль.

Еще до прибытия БЦР в Берлин, Розенберг признал его «единственным политическим представителем белорусского народа». На этот шаг Министерство по делам оккупированных восточных областей не могло решиться с декабря 1943 г. В условиях же конца лета 1944 г. это свидетельствовало о том, что Розенберг задумал использовать БЦР как одну из фигур в своей политической игре. Делать это было очень выгодно, так как даже с пропагандистской точки зрения эта организация имела более высокую ценность, чем другие, подобные ей организации «восточных» народов. Во-первых, в отличие от них, БЦР был создан на своей территории, а не в эмиграции. Во-вторых, главным источником его «легитимности» был не какой-нибудь указ оккупантов, а «воля делегатов 2-го Всебелорусского конгресса». И, в-третьих, функционирование совета в эмиграции можно было представить, как результат прерванного Красной Армией процесса создания белорусского государства под немецкой оккупацией⁵⁷.

Через некоторое время после признания БЦР Розенбергом, 20 августа 1944 г., Островский обнародовал протест, адресованный «всем правительствам и народам мира» и направленный против «оккупации Белоруссии

⁵⁶ Ёрш С. Забойства Фабіяна Акінчыца... – С.2-6.

⁵⁷ Галаяк Л. Указ. соч. – Кн.2. – С.6.

советскими войсками». «БЦР рассматривает этот акт большевистской Москвы, - говорилось в документе, - как очередное циничное нарушение международного права. БЦР рассматривает очередную оккупацию Белоруссии большевиками как временную военную оккупацию и призывает весь белорусский народ, как на оккупированной территории, так и за ее границами, для наискорейшего освобождения своей родины»⁵⁸.

Таким образом, после прибытия в Германию, БЦР целиком перешел под юрисдикцию Министерства по делам оккупированных восточных областей, и стал выполнять только его указания. Для этого в структуре министерства создавалось специальное Белорусское бюро (*Weissruthenische Leitstelle*), которое должно было руководить всей политической и общественной жизнью белорусской эмиграции. Начальником бюро стал д-р Любе. Что же касается военной стороны деятельности белорусской эмиграции, то она была передана в ведение Главного управления СС (более подробно об этом будет сказано в следующих главах)⁵⁹.

Сфера компетенции и направления деятельности БЦР были строго ограничены инструкциями Белорусского бюро и заключались в следующем:

1. Борьба с большевизмом посредством: участия в создании белорусских добровольческих формирований; участия в создании партизанских отрядов за линией Восточного фронта; активной пропагандистской деятельности среди белорусских рабочих;
2. Объединение всех белорусов в Союзе освобождения Белоруссии, который планировалось создать при помощи БЦР;
3. Культурная, социальная и правовая опека над всеми белорусами на территории Германии и оккупированных ею стран;
4. Работа среди молодежи (главным образом, среди членов СБМ и добровольных помощников Люфтваффе);
5. Работа среди женщин⁶⁰.

Общественной базой для деятельности БЦР должны были стать белорусы, которые находились на территории Германии и оккупированных территориях Польши и Чехии. В основной своей массе, это были белорусские «восточные рабочие» – «остарабайтеры» (*Ostarbeiter*), которых немцы принудительно вывезли в Германию (около 378 тыс. чел. всех возрастов). Кроме того, лидеры белорусских националистов могли рассчитывать на некоторое количество молодежи и белорусскую эмиграцию, которая проживала на этих территориях еще до начала Второй мировой войны (еще, около 22 тыс.). Всего, таким образом, около 400 тыс. человек на июнь

⁵⁸ Раніца. – 1944. – 3 верасня.

⁵⁹ Турунак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі... – С.667.

⁶⁰ Там же. – С.668.

1944 г. В июле это количество возросло за счет беженцев, в результате чего численность белорусов в Германии и на оккупированных ею территориях составила примерно 500 тыс. человек⁶¹.

Все свои вопросы по культурной и социальной опеке БЦР решал через берлинское Белорусское представительство и Комитет самопомощи, который имел свои филиалы во всех главных местах пребывания белорусов. В связи с этим, обе указанные организации были подчинены БЦР. Начиная с сентября 1944 г., БЦР активно занимался организацией школ для белорусских детей, культурной работой среди белорусов (например, им была организована театральная труппа «Жыве Беларусь!», которая в ноябре и декабре дала 46 представлений в разных местах скопления белорусской эмиграции), распространением печатной продукции и радиопропагандой⁶².

Тем не менее, основной задачей БЦР по-прежнему оставалось участие в военно-политических усилиях Германии. В специфических условиях эмиграции роль БЦР в них претерпела некоторые изменения, однако, в целом, она осталась такой же, как и на родине. Известно, что до осени 1944 г. находившиеся в Германии антикоммунистические национальные организации фактически не сотрудничали между собой. Толчком к началу более интенсивных отношений послужило провозглашение так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР). Эта организация была создана на основе власовского движения и явилась, по сути, победой «про-русской» линии в немецкой национальной политике, которую поддержал рейхсфюрер СС Гиммлер – один из самых влиятельных политиков Германии на тот момент, за спиной которого к тому же стояла реальная военная сила. Здесь, однако, следует оговориться, что Гиммлер отважился на такой шаг не из-за какой-то любви к русским. Просто, до него на последнем году войны дошло то, что оппозиционеры в Вермахте поняли еще в 1941 г.: только объединение всех «восточных» народов в общей антикоммунистической организации может изменить ход войны в пользу Германии⁶³.

16 сентября 1944 г. Гиммлер встретился с бывшим генерал-лейтенантом Красной Армии А. Власовым – лидером одноименного движения. В ходе беседы Власов поставил перед рейхсфюрером три основных условия, без выполнения которых он считал невозможным нормальное функционирование КОНР. Это: роспуск всех национальных организаций и включение их членов в будущий комитет, создание Вооруженных сил КОНР, в которые должны были войти все «восточные» добровольческие формирования германских вооруженных сил, улучшение положения «восточных рабочих»

⁶¹ За Дзяржаўную Незалежнасць Беларусі... – С.121.

⁶² Раница. – 1945. – 4 лютага; 14 сакавіка.

⁶³ Thorwald J. Op. cit. – S.409-410.

и передача опеки над ними в соответствующие структуры комитета. Отдельно был поднят вопрос о прекращении всяческой антирусской пропаганды, которой занималось ведомство Розенберга. В заключение встречи Гиммлер принял все доводы Власова и дал свое окончательное согласие на создание КОНР⁶⁴.

Переговоры Власова и Гиммлера показали, что, несмотря на военные условия, национальный вопрос являлся одним из ключевых для будущего руководителя КОНР. Выступая публично, и в частных беседах, бывший советский генерал не устал подчеркивать следующий тезис: «Народы России прекрасно сознают, что судьба каждого из них зависит от общих усилий... Разве им есть из-за чего ссориться сейчас, когда большевизм отнял у них все... Только общими усилиями они свергнут большевистский строй и лишь после этого в мирном сожительстве разрешат все вопросы своего национального бытия»⁶⁵. Более того, по свидетельству близких к Власову лиц, он намеревался объединить все народы СССР, а после войны создать Учредительное собрание. Только на нем и только после победы над большевизмом, по его мнению, народы могут решить: оставаться в союзе с русским народом или выделиться в самостоятельное государство⁶⁶.

14 ноября 1944 г. на торжественном заседании в Праге было провозглашено создание КОНР. По замыслу Власова, эта организация должна была представлять собой «широкий антисталинский фронт», объединяющий в своих рядах различные слои советского общества и все национальности СССР. Фактически, комитет планировался как «российское правительство в изгнании». В случае же поражения большевиков он мог стать «временным правительством новой России». Чтобы придать комитету действительно общероссийский характер, в состав его президиума было предложено войти лидерам всех национальных организаций, которые к тому времени находились на территории Германии. Это являлось одним из условий, которые обещал выполнить Гиммлер. Однако, несмотря на его поддержку, процесс создания многонационального антисталинского фронта неожиданно зашел в тупик. Дело в том, что лидеры большинства национальных организаций усмотрели уже в самой идее КОНР всего лишь «очередную русскую затею». Следует сказать, что эти события приняли такой оборот не без участия А. Розенберга, который на правах министра по делам оккупированных восточных областей курировал большинство национальных представительств. Как известно, краеугольным камнем всех

⁶⁴ Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. – М., 1996. – С.322-323; Хоффманн И. История власовской армии. – Париж, 1990. – С.12-13.

⁶⁵ Цит. по: Поздняков В.В. Андрей Андреевич Власов (документы и воспоминания). – Сиракузы (США), 1973. – С.153.

⁶⁶ Раманичев Н.М. Власов и другие // История. – М., 2001. - №34. – С.14.

его теорий и действий на этом посту было стремление уничтожить многонациональную Россию (неважно, коммунистическую или буржуазную) путем ее расчленения на отдельные государственно-национальные образования. В этом направлении Розенберг и стал действовать, когда возникла идея по созданию КОНР. В результате, большинство лидеров национальных организаций посчитали, что основной принцип Пражского манифеста, согласно которому устанавливалось «равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность», является всего лишь тактическим ходом и при первом же удобном случае будет забыт⁶⁷. На этом основании многие из них отказались от своей кооптации в комитет еще на стадии переговоров с Власовым⁶⁸.

В итоге, уже 18 ноября 1944 г., в Берлине состоялось заседание так называемых «представителей поработанных Россией народов». В этом мероприятии, за кулисами которого стоял Розенбергом, приняли участие следующие организации: Боевой союз волжских татар «Идель-Урал», Армянский, Азербайджанский, Грузинский и Северо-Кавказский комитеты, Крымско-татарский национальный центр, Туркестанский национальный комитет, ряд украинских политических групп, а также президент БЦР Р. Островский. Политики, которые участвовали в этом заседании, ставили перед собой следующую цель: продемонстрировать единую волю национальных организаций «к борьбе за свободу своих народов и своей земли от русской оккупации, которая должна была привести к возрождению их национальных государств». Практическим результатом встречи стало подписание соглашения, по которому они обязались совместно работать над указанными вопросами и везде взаимно поддерживать друг друга. Для воплощения в жизнь решений заседания лидеры националистов избрали специальную комиссию⁶⁹.

В тот же день все участники заседания обратились с меморандумом к Розенбергу, в котором заявили «самым решительным образом», что «не могут взять на себя ответственность за последствия, которые могут произойти в результате действий генерала Власова – если его притязания на возглавление наших народов не будут отвергнуты с достаточной ясностью»⁷⁰.

⁶⁷ IfZ, Sammlung «Thorwald-Material», Arlt (Dr. Fritz), Auswirkung des Wlassow-Programmes bei den Nationalen Verbänden. – S.1-3.

⁶⁸ IfZ, Sammlung «Thorwald-Material», Arlt (Dr. Fritz), Die Vertretung der Nationalitäten innerhalb des Wlassow-Komittees. – S.1.

⁶⁹ PAJH, Grundlagen der Zusammenarbeit der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker. Protokoll der tagung der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker vom 18. November 1944. – S.1-2.

⁷⁰ BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 131.

Следует сказать, что не все национальные группы, находившиеся в то время на оккупированных Германией территориях, поддержали лидеров своих организаций. Наиболее известным в данном случае является протест казаков, большинство из которых воспротивилось своему искусственному обособлению от русского народа. Менее известным является конфликт, возникший между руководством белорусского национального движения и рядом офицеров белорусских добровольческих формирований.

Выше уже говорилось, что одним из участников заседания «представителей поработанных Россией народов» был президент БЦР Р. Островский. Не будет преувеличением, если сказать, что это был один из самых непримиримых национальных лидеров. Непримиримых по отношению к идее сотрудничества с Русским освободительным движением. По свидетельству близкого сотрудника генерала Власова А. Казанцева, Островский отказался войти в КОНР, так как «обещанный Розенбергом пост президента будущей Белорусской республики закрыл ему... все горизонты»⁷¹. Это только отчасти является правдой. Наряду с личными амбициями Островского, следует также признать, что это был убежденный антикоммунист и одновременно сторонник идеи полной независимости Белоруссии. Эту идею он отстаивал даже в ущерб созданию единого антисталинского фронта. Во многом это и подвигло его принять участие в авантюре, предпринятой Розенбергом⁷².

О том, что «заседание поработанных народов» было именно авантюрой, свидетельствует то, что, заключив политическое соглашение, лидеры национальных организаций оставили в стороне вопросы военного сотрудничества и строительства своих вооруженных сил. Тогда как ясно, что в условиях войны они были главными. В результате, 9 декабря 1944 г. командир Специального белорусского десантного батальона «Дальвиц» (более подробно об этом батальоне будет сказано ниже) майор В. Радько и группа его офицеров поставили перед руководством БЦР вопрос о присоединении своего подразделения и прочих белорусских частей к движению генерала Власова. По его мнению, КОНР «выдвинулся на передовую линию антибольшевистского фронта» и тесное сотрудничество с ним является возможностью увеличить собственную силу белорусов. Это сотрудничество должно было осуществляться как по политической, так и по военной линии. Например, результатом военного сотрудничества должно было стать оперативное подчинение всех белорусских частей штабу генерала Власова. При этом главным аргументом офицеров батальона было то, что в ближайшее время нет и не предвидется возможности создания крупных бело-

⁷¹ Казанцев А.С. Указ. соч. – С.235.

⁷² Богатырчук Ф.П. Указ. соч. – С.202.

русских воинских формирований. Главной особенностью этого обращения к руководству БЦР было то, что оно заканчивалось ультиматумом: если их условия не будут выполнены, то офицеры «Дальвица» сами, без согласия с Островским, начнут решать эти вопросы⁷³.

Здесь следует сказать, что Радько и все руководство «Дальвица» являлись сторонниками стратегии, которая предполагала развертывание партизанского движения против советских войск и, через это, организацию народного восстания в Белоруссии. Генерал Власов также считал, что одним из направлений антикоммунистической борьбы должна быть партизанская война на территории СССР. Поэтому Радько и его группа увидели в этом положительный момент для себя: если против большевиков поднимутся все народы СССР, считали они, белорусским партизанам будет значительно легче. Дальше станет ясно, почему офицеры «Дальвица» так думали, и в чем были истинные причины их демарша. Однако в той ситуации практически все руководство БЦР крайне отрицательно относилось к идее сотрудничества с генералом Власовым и КОНР. В ответе, подготовленном для офицеров «Дальвица» «военным министром» БЦР генерал-майором К. Езовитовым, было заявлено, что белорусы не могут войти в созданную Власовым организацию. По его мнению, главной причиной этого было то, что в данный момент вхождение в КОНР осуществляется не на партнерской и союзнической основе, а путем «полного подчинения, связанного даже с ликвидацией всех организаций отдельных национальностей». Поэтому, было заявлено прибывшему в резиденцию БЦР Радько, все разговоры о присоединении к движению генерала Власова, являются преждевременными. К тому же, усилению позиции БЦР в этом споре способствовало то, что одновременно с этими событиями между ним и Главным управлением СС была достигнута договоренность об организации 30-й гренадерской дивизии войск СС – крупного белорусского воинского формирования, создания которого так добивались офицеры «Дальвица»⁷⁴.

Вопрос о присоединении к КОНР был только верхней точкой конфликта между БЦР и сторонниками Радько. Фактически, он возник еще в июле 1944 г., когда командир «Дальвица» начал обвинять Островского в срыве эвакуации из Белоруссии, в результате чего были потеряны почти все белорусские национальные формирования. Кроме того, они считали, что БЦР является обыкновенной немецкой марионеткой, и только присоединение к КОНР может реабилитировать его в глазах белорусской общественности. Так, что декабрьские события были только логическим продолжением, но не завершением, этого конфликта. Ответ генерала Езовитова не успокоил

⁷³ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 6, л. 3-4.

⁷⁴ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 6, л. 5-5об.

Радько и его мятежных офицеров, а только еще больше усилил противоречия между ними и советом. В результате, в январе 1945 г. Радько отказался от дальнейшего сотрудничества с Островским и выразил сожаление, что делал это раньше⁷⁵.

Указанная дискуссия была, фактически, позицией только двух групп белорусских националистов. Однако была еще одна, небольшая, группа, члены которой все-таки присоединились к Власовскому движению, войдя в КОНР. Их взгляды, в целом, отличались и от взглядов Островского, и от взглядов Радько. Поэтому для полноты общей картины белорусского национализма, на истории этой группы следует остановиться подробнее. Фактически, она оформилась еще до издания Пражского манифеста – летом-осенью 1944 г. Интересно, что, как и в предыдущем сюжете, инициаторами сотрудничества с Власовским движением стали военные. В конце лета – начале осени 1944 г. в Берлине образовалась провласовская группа – Белорусский руководящий комитет. Эта группа состояла из бывших советских офицеров-белорусов, наиболее активными из которых были подполковник М. Подлазник, капитан К. Вишневецкий и лейтенант Ю. Левкович. Несколько позже к ним присоединился капитан М. Пугачев, фигура в белорусских коллаборационистских кругах довольно известная: с февраля по июнь 1944 года он являлся уполномоченным Штаба БКА в Минском округе. Убежденный антисталинист, но этнический русский, этот бывший советский офицер вскоре понял, на кого работают лидеры БЦР, и уже в эмиграции порвал с Островским. Однако прежде, чем начать переговоры с власовцами, эти офицеры постарались перетянуть на свою сторону ряд видных националистических деятелей. В результате, к комитету присоединились Н. Будзилович (вскоре стал его председателем), Н. Демченко, В. Гутько и ряд других, более или менее известных политиков. Главной удачей «комитетчиков» стал переход на их сторону Е. Кипеля – бывшего председателя 2-го Всебелорусского конгресса⁷⁶.

В октябре 1944 г. в предместье Берлина Далендорфе состоялась встреча «белорусской организационной группы» с генералом Власовым и его ближайшими сотрудниками – В. Малышкиным, Г. Жиленковым и Д. Закутным. По воспоминаниям Кипеля, целью этой встречи было «высказать свой, белорусский, взгляд» на готовящийся Пражский манифест. К слову, он остался недоволен результатами переговоров. И опять-таки из-за позиции власовцев решать национальный вопрос только после победы над большевизмом. На совещании же доминировала точка зрения Будзиловича, явного русофила и сторонника безоговорочного подчинения Власову.

⁷⁵ Бюллетень БНП. – 1944. - №3. – С.1.

⁷⁶ Кипель Я. Эпизоды... – С.233-234.

Поэтому уже после встречи в Далендорфе Кипель созвал на совещание тех сотрудников комитета, которых считал преданными «белорусскому делу». Здесь он поставил только один вопрос: сотрудничать или не сотрудничать с Власовым. При этом Кипель подчеркнул, что если они откажутся от такого сотрудничества (весьма, на его взгляд, перспективного), Власов найдет себе «других белорусов». И поможет ему в этом Будзилович. Понятно, что последний на это совещание приглашен не был. Те же, кто присутствовал на совещании, решили сотрудничать с будущим КОНР⁷⁷.

Как уже было сказано выше, 14 ноября 1944 г. на заседании в Праге КОНР был торжественно провозглашен. От белорусов в его президиум был избран Будзилович. В свою очередь, белорусский офицер лейтенант В. Дубовец (бывший до этого военнопленным) подписал Пражский манифест этой организации. Показательно, что уже после войны Кипель называл этот документ, «шагом вперед», и именно потому, что там был параграф о самоопределении народов – как мы помним, главный объект недоверия лидеров других национальных организаций. Но, это все-таки была далекая перспектива. Для решения же текущих национальных вопросов и обеспечения представительства народов России в руководящем центре антисталинского фронта были созданы соответствующие органы – национальные советы и комитеты. И среди них – Белорусский национальный комитет (БНК / КОНР), во главе которого был поставлен Н. Будзилович (кроме него в комитет входило еще 8 чел.). Это произошло 17 декабря 1944 г. на втором заседании КОНР⁷⁸. Нет необходимости говорить, что под этим названием скрывался уже официально признанный власовцами Белорусский руководящий комитет, речь о котором шла выше. В целом, его работа шла по следующим направлениям: организация воинских частей (капитан М. Пугачев и подполковник М. Подлазник); вербовка белорусов в Вооруженные силы КОНР (Н. Демченко); осуществление пропаганды (В. Дудицкий); и военные вопросы общего характера (подполковник М. Подлазник)⁷⁹.

Первоначально «комитетчики» хотели издавать отдельную газету для белорусов, которые находились во власовских частях. Однако из этой затеи ничего не вышло. Более успешно шли дела у капитана Пугачева. Он провел целый ряд встреч с белорусскими офицерами, на которых из их числа были назначены ответственные за формирование белорусских частей Вооруженных сил КОНР. Кроме того, Пугачев лично разработал знаки различия будущей белорусской униформы. Другой сотрудник комитета, Демченко, очень активно посещал лагерь «остарбайтеров», где призывал их присоединиться к власов-

⁷⁷ Кіпель Я. Былы сябра камітэту Ўласава. Кансалідацыя й нацыянальнае пытаньне // Беларуская воля. – 1948. - №10. – С.1-2.

⁷⁸ Богатырчук Ф.П. Указ. соч. – С.194-195.

⁷⁹ Кіпель Я. Эпізоды... – С.234-235.

кой армии. Наконец, была подготовлена (но так и не опубликована) брошюра о «большевистских злодеяниях в Белоруссии»⁸⁰.

Плодотворно, но противоречиво, складывались отношения комитета с Власовым и его ближайшим окружением. Несмотря на то, что Кипель, в целом, положительно оценил Пражский манифест, он считал его «национальный пункт» совершенно неважным и бессодержательным для «русского руководства комитета». В этом позиция Кипеля несколько сходна с позициями тех националистов, которые вообще отказались от кооптации в КОНР. Тем не менее, он там оставался, хотя и считал положение белорусов очень далеким от политической самостоятельности. Дошло до того, что на одном из заседаний комитета Кипель и его сторонники поставил перед Власовым вопрос о признании полной независимости Белоруссии. Естественно, это требование не было выполнено. Более того, против своего комитета выступил даже его председатель – Будзилович. Между ним и Кипелем уже давно зрел конфликт. Последний был признанным, хотя и негласным, лидером, КОНРовских белорусов, Будзилович же пользовался поддержкой только одного из членов комитета – Демченко. Поэтому, последующий ход событий был вполне предсказуемым: председатель был исключен из рядов белорусской секции КОНР и остался просто членом его президиума. Этот шаг не понравился Власову, однако, никаких репрессивных мер против белорусов принято не было, так как обе стороны очень нуждались друг в друге (сыграла свою роль и положительное отношение Кипеля к бывшему советскому генералу). Власов даже пошел на уступки. По словам Кипеля, он обещал рассмотреть их требования⁸¹.

В целом, в тех условиях удалось провести только несколько полноценных заседаний белорусского комитета (как до, так и после выезда из Берлина). Известно, что на одном из них – 25 февраля 1945 г. – было принято постановление о переименовании БНК в Белорусский национальный совет (БНС / КОНР). Это было последнее заседание комитета в Берлине. В начале марта КОНР переехал в чешский город Карлсбад (совр. Карловы Вары). Здесь прошло еще несколько (не больше двух) заседаний белорусского совета, на которых был принят еще целый ряд решений. Так, отныне личный состав всех белорусских батальонов Вооруженных сил КОНР должен был носить свои национальные знаки различия, а вся пропаганда, направленная на «остарбайтеров» и советскую Белоруссию, должна была вестись исключительно на белорусском языке. Кроме того, капитан Пугачев представил на рассмотрение совета проект «Белорусского военного устава», который

⁸⁰ Там же. – С.235.

⁸¹ Там же. – С.240.

он готовил к переизданию⁸². Интересно, что, по словам ближайшего соратника Власова генерал-майора Малышкина, белорусская секция КОНР уже, фактически, не функционировала к этому времени. В своем дневнике он записал, что в марте 1945 г. она, фактически, развалилась. И виной тому интриги Островского⁸³.

Общая эвакуация КОНР в апреле 1945 г. захватила и его белорусских членов. В результате, они оказались на швейцарской границе, у Боденского озера, где и встретили капитуляцию Германии. Большинству членов Белорусского национального совета удалось пережить Власова. Правда, не всем. Еще во время эвакуации совет потерял своего бывшего председателя Н. Будзиловича: он и еще несколько белорусских офицеров погибли под бомбежкой в г. Платтлинге⁸⁴.

События осени 1944 – весны 1945 г. показательны сразу в нескольких отношениях. Во-первых, из всей истории с КОНР становится ясно, что немцы за долгие четыре года войны с Советским Союзом так ничему и не научились. Многие из них прекрасно понимали, что национальный вопрос является одним из ключевых в отношениях с «восточными» народами, и делали из этого правильные выводы. Однако когда доходило до реальных действий, они так и не могли решить для себя, что важнее: сильная и союзная им Россия, или слабая и окруженная санитарным кордоном «Московия». В ноябре 1944 г. и Розенберг, и Гиммлер решали этот национальный вопрос на уровне лета 1941 г. Но времена уже были не те – Красная Армия стояла на Висле. Лишенный доверия Гитлера, министр без реальных полномочий Розенберг по-прежнему продолжал верить, что можно объединить национальные движения и противопоставить их русскому народу. Гиммлер не был философом и теоретиком, однако, даже он понимал, что без помощи русских СССР победить нельзя. Вот почему он и сделал ставку на Власова. Но и тут его презрение к «славянским недочеловекам» помешало пойти ему до конца. Многочисленные воспоминания тех лет свидетельствуют о том, что ни одно из обещаний Гиммлера, данные им на встрече с Власовым, так и не были выполнены до конца. Какие-то по его вине, какие-то – по вине его ближайших сотрудников. В результате, время было упущено. И это касается не только русско-белорусских взаимоотношений. Такая же картина наблюдалась и с другими национальными движениями.

Во-вторых, протест офицеров «Дальвица» и позиция членов Белорусского национального совета КОНР показали, что не все из них разделяли

⁸² Там же. – С.236-237.

⁸³ Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне... – С.300, 317-318.

⁸⁴ Кіпель Я. Эпізоды... – С.240.

узко-националистические взгляды политических лидеров БЦР. Многие из них понимали, что независимости для Белоруссии они смогут добиться только в совместной борьбе со всеми народами СССР. В принципе, большинство из этих активистов не отделяли себя от русского народа. И это в очередной раз показало, что белорусский национализм являлся на тот момент фикцией.

Наконец, в-третьих, эти события являются ключом к пониманию политики Островского вплоть до самой капитуляции Германии. После войны о президенте БЦР было написано достаточно: как его сторонниками, так и противниками. Первые, естественно, хвалили его, говоря, что именно такой лидер и нужен был белорусскому народу в условиях войны. Вторые, наоборот, называли его обыкновенным приспособленцем, немецким прислужником и одним из тех, на чьей совести лежит провал организации белорусских добровольческих частей на территории Германии. Последнее обвинение является наиболее серьезным, и, в целом, заключается в следующем. Островский всячески тормозил создание действительно боеспособных белорусских формирований, стараясь утопить это дело в бумажной волоките и не препятствуя это делать немцам. В январе 1945 г. он уволил «военного министра» БЦР генерала Езовитова, который был горячим сторонником создания белорусских частей в Германии, и заменил его русским полковником Шуваловым, человеком, совершенно равнодушным к белорусской национальной идее. Наконец, отказ присоединиться к движению генерала Власова также является причиной таких обвинений⁸⁵.

Выше уже было сказано, что Островский был большим патриотом Белоруссии, поэтому заподозрить его в намеренном предательстве белорусского дела никак нельзя. Нет сомнений, что он был очень амбициозным и властным человеком. На этой почве у него и произошел конфликт с Езовитовым, который также претендовал на лидерство в национальном движении. Однако целый ряд фактов свидетельствует о том, что президент БЦР был очень расчетливым и трезвым политиком, который вел свою игру, непонятную ни немцам, ни даже своим ближайшим соратникам. По мнению польского историка Ю. Туронека, она началась еще в период оккупации Белоруссии, когда Островский пытался наладить тайные контакты с польским эмигрантским правительством. Цель же игры на ее последнем этапе заключалась в том, чтобы не скомпрометировать БЦР в глазах западных союзников, и дать ему возможность существовать и действовать после капитуляции Германии. На тот момент именно активная борьба на ее стороне до последнего дня могла

⁸⁵ Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада... – С.87-88.

скомпрометировать любое национальное движение. Тем более, если эта борьба была вооруженной⁸⁶.

Косвенным свидетельством приготовлений Островского для действий в новых условиях являются принятые в январе 1945 г. изменения в уставе БЦР. Так, было решено отойти от «принципа фюрерства», которым руководствовался совет, начиная со дня своего создания, и перейти на принципы западной демократии с разделением властей, выборностью и тому подобными атрибутами⁸⁷.

Следует признать, что Островский достиг своей цели почти по максимуму. Ему и большинству его ближайших соратников удалось остаться на Западе, даже вопреки всем требованиям советских властей об их выдаче. Правда, сразу же после капитуляции Германии пришлось заявить о формальном роспуске БЦР. Некоторое время он действовал под другим названием, пока вновь не возродился в 1954 г.

Коллаборационизм и партизанское движение на территории Белоруссии

Один из немецких офицеров писал после войны, что «партизанское движение не было, конечно, просто проявлением беспорядка в тыловых областях... Напротив, это было политическое движение Сопротивления, которое невозможно было взять под контроль лишь силами полиции»⁸⁸. В Белоруссии эта проблема приобрела для немецкого командования и оккупационных властей особенную актуальность, по причине того, что все районы действия партизан находились в непосредственной близости от населенных пунктов и коммуникаций, важных с военной точки зрения.

Партизанское движение было одной из самых ярких и героических страниц истории Второй мировой войны, и, одновременно, самым изучаемым эпизодом советской исторической науки. Однако после распада СССР выяснилось, что история партизанского движения «обросла» многочисленными мифами (и здесь «заслуга» не только советских историков, но и зарубежных), и таит в себе «белых пятен» не меньше, чем проблема коллаборационизма. В связи с этим, очень трудно не согласиться с немецким историком Б. Бонвечем, который утверждал, что «вопрос о поддержке партизан населением по сути дела является обратной стороной вопроса о готовности к коллаборационизму»⁸⁹.

⁸⁶ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką... – S.235.

⁸⁷ За Дзяржаўную Незалежнасць Беларусі... – С.119.

⁸⁸ Штрик-Штрикфельдт В.К. Указ. соч. – С.82.

⁸⁹ Бонвеч Б. За кулисами «рельсовой войны». Советские партизаны в 1941-1944 гг. // Родина. – М., 2003. - №7. – С.74.

Долгое время было принято считать, что антинацистское партизанское движение в годы Второй мировой войны было исключительно коммунистическим. Во всяком случае, на оккупированных советских территориях. Действительно, нельзя отрицать тот факт, что оно было самым мощным и многочисленным, к тому же за спиной советских партизан стояла такая сила, как государство. Тем не менее, это и есть миф номер один.

Многие западные исследователи эпохи «холодной войны» утверждали, что коммунистическое партизанское движение на территории СССР было создано искусственно и по приказу из Москвы. В отрядах, которые стали возникать с осени 1941 г., сражались, якобы, исключительно сброшенные на парашютах сотрудники НКВД, местные партийные и комсомольские функционеры, а также солдаты-окруженцы. Местное население по началу не шло в эти отряды, так как, в основной своей массе, ненавидело советскую власть, и было, в лучшем случае, нейтральным по отношению к немцам. В худшем случае, оно сражалось против партизан в добровольческих формированиях. Если же простой крестьянин и попадал в партизанский отряд, то делал это не по доброй воле и исключительно под угрозой репрессий. Это – правда только отчасти, и такая ситуация действительно имела место, но только примерно до середины 1942 г. После этого рубежа партизанское движение, в силу разных причин, становится по настоящему массовым и всенародным. Советские же историки, наоборот, утверждали, что оно было массовым с самого начала, и приводили доказательства, в основном, идеологического характера. Все сказанное и послужило основой второго мифа.

Наконец, те же советские историки всегда утверждали, что любые «буржуазные националисты» не являлись самостоятельной силой в годы войны, а были только «немецкими марионетками». Все националистические движения уже по определению не могли быть враждебными немцам, и уже тем более воевать против них, как писала западная историография. Если же наличие иного, некоммунистического подполья и признавалось, то оно объявлялось полностью зависимым от оккупантов и «далеким от народа». Хотя в целом ряде случаев ситуация была много сложнее, чем ее представляли советские (да и западные историки), эти утверждения послужили основой еще одного, третьего мифа, который до конца не развенчан и сейчас⁹⁰.

В принципе, все вышесказанное, это даже и не мифы, а целые их комплексы, которые, взаимно переплетаясь, касаются почти всех сторон истории партизанского движения в годы Второй мировой войны: его целей и причин, действующих сил, масштабов, эффективности, взаимоотношения

⁹⁰ Mironowicz E. Ruch partyzancki na Białorusi w historiografii białoruskiej i polskiej // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. – Białystok, 2003. – S.61-66.

партизан с местным населением и многих других. С другой же стороны нельзя не отметить, что движение Сопrotивления, одной из форм которого является партизанская война, – это, по сути, антипод и зеркальное отражение коллаборационизма. Поэтому, без анализа истории первого, мы вряд ли поймем историю второго. И события, происходившие в годы войны на территории Белоруссии, здесь не исключение⁹¹.

Непреложным фактом сейчас является то, что в годы Второй мировой войны существовало два направления в движении Сопrotивления. В целом, условно их можно назвать коммунистическим и националистическим. Это касается практически всех оккупированных нацистами стран Европы. С многочисленными оговорками этот факт признавала даже советская историография. Однако советские исследователи наотрез отказывались видеть некоммунистическое движение Сопrotивления на оккупированных территориях СССР.

В литературе о Великой Отечественной войне за Белоруссией прочно закрепилось название – «партизанская республика». Разумеется, здесь имелись в виду только советские партизаны. Тем не менее, следует признать, что с 1941 по 1944 г. на территории этой республики действовал целый ряд партизанских отрядов, члены которых уж никак не считали себя адептами коммунистической идеологии и сторонниками советского государства, а, зачастую, числили их своими врагами наряду с гитлеровцами. Так, наряду с общепризнанным прокоммунистическим партизанским движением, можно выделить: польское националистическое партизанское движение в лице так называемой Армии Крайовой (АК) – подпольных вооруженных сил под общим руководством польского эмигрантского правительства в Лондоне и белорусское националистическое партизанское движение. Наряду с советской, это были наиболее значительные партизанские организации. Однако одновременно с ними существовали еще украинские, литовские и еврейские партизанские отряды. Правда, заметной роли в истории партизанского движения на территории Белоруссии они не сыграли⁹².

Безусловно, советское партизанское движение и в целом, и по регионам было самым масштабным, массовым и наиболее эффективным. Другое дело, что за ним стояло огромное государство, которое, хоть и вело тяжелую войну, тем не менее, снабжало (по мере сил) своих партизан оружием, амуницией, продовольствием и, что самое главное, обученными кадрами. Кроме того, несмотря на свой массовый характер (его, кстати, не отрицает даже большинство западных исследователей), советское движе-

ние Сопrotивления не было, в целом, стихийным процессом, а являлось организованным и централизованным. Во всех директивах правительства и коммунистической партии о «развертывании борьбы в тылу германских войск» (например, от 29 июня и 18 июля 1941 г.) указывалось, что население должно само создавать партизанские отряды и подпольные группы. Правда, при этом делалось замечание, что руководящая роль в этом процессе должна принадлежать местным партийным органам (чтобы не допускать анархии и т.п. явлений). В советском военно-политическом руководстве долгое время (практически до лета 1942 г.) шла дискуссия о том, должно ли партизанское движение на оккупированных территориях быть «всенародным» или стать «заботой профессионалов». В первом случае подразумевалось, что в отряды надо было привлекать, по возможности, всех. Во втором, имелось в виду, что это движение должно было быть той же Красной Армией, только в тылу, и в нем следовало иметь поменьше «любителей». Первую точку зрения отстаивал П. Пономаренко, бывший до войны партийным руководителем Белоруссии, вторую – Л. Берия⁹³.

В сущности, их концепции отражали общий взгляд на ведение войны. Как известно, до лета 1942 г. Сталин, в эйфории от битвы под Москвой, считал, что войну можно будет закончить еще до конца зимы. Поэтому, многочисленные партизанские отряды, на его взгляд, были не нужны. Однако после харьковской и крымской катастроф его точка зрения изменилась. Он понял, что война принимает затяжной характер, и одним из факторов, который может способствовать победе, должна стать дезорганизация немецкого тыла путем создания массового партизанского движения, носящего оперативно-стратегический характер. Но и это движение должно было быть строго организованным, находиться под контролем партии и органов безопасности, и, что самое главное, управляться из Москвы. С этой целью 30 мая 1942 г. при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), начальником которого стал выразитель идеи «народной войны» П. Пономаренко. Штаб действовал (с небольшим перерывом) до 13 января 1944 г., выполняя следующие функции: установление связи с партизанскими формированиями; направление и координирование их деятельности; обобщение и распространение опыта партизанской борьбы; снабжение партизан оружием, боеприпасами, медикаментами; подготовка кадров; и осуществление взаимодействия партизанских формирований с Красной Армией. Апогеем централизации руководства партизанским движением стало введение 6 сентября 1942 г. должности Главнокомандующего партизанским движением при

⁹¹ Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941-1945... – С.114-115.

⁹² Гогун А. Указ. соч. – С.131-155; Літвін А.М. Акупацыя Беларусі (1941-1944)... – С.25, 166; Найдзюк Я., Касяк І. Указ. соч. – С.286-290; Солженицын А.И. Указ. соч. – С.382-385; Szybielka Z.V. Historia Białorusi: 1795-2000. – Lublin, 2002. – S.352-353.

⁹³ Бонвеч Б. Указ. соч. – С.74-75.

Государственном комитете обороны. Им стал маршал К. Ворошилов. Однако уже 19 ноября этот пост был упразднен «в целях большей гибкости руководства партизанским движением». Это была официальная причина. На самом же деле, чтобы избежать губительного двоевластия в таком важном деле⁹⁴.

Все работу на местах ЦШПД осуществлял через подчиненные ему республиканские и областные штабы партизанского движения, а также через соответствующие органы при штабах фронтов. О масштабах их деятельности свидетельствуют, например, следующие цифры. За период с 1941 по 1944 г. на оккупированных территориях СССР действовало более 6000 партизанских отрядов различной численности, в которых сражалось свыше 1 млн. 150 тыс. человек. По данным советских историков, партизаны уничтожили, ранили и захватили в плен более 1 млн. немецких солдат, их союзников и коллаборационистов. Уничтожили свыше 4 тыс. танков и бронемашин, 65 тыс. автомашин, 1100 самолетов, разрушили и повредили 1600 железнодорожных мостов, пустили под откос свыше 20 тыс. железнодорожных эшелонов⁹⁵.

Партизанское движение на территории Белоруссии развернулось, фактически, с первых же дней оккупации. Однако до января 1942 г. им руководили не профессионалы, а оставшиеся в подполье деятели Компартии. Поэтому, в целях укрепления руководства народной войной, Центральный комитет КП(б)Б образовал две оперативные группы: Северо-Западную (при Калининском фронте) и Западную (при Брянском фронте). Эти группы должны были устанавливать и поддерживать связь с подпольными партийными органами и действующими партизанскими отрядами. После этих мероприятий партизанское движение заметно активизировалось, начался рост и укрупнение партизанских отрядов. Наконец, в июне-сентябре 1942 г. обе группы были ликвидированы, а на их месте 9 сентября был создан Белорусский штаб партизанского движения (начальник – П.З. Калинин)⁹⁶.

В целом, результаты деятельности белорусских партизан были весьма успешными и эффективными. Об этом можно судить по целому ряду фактов. К концу оккупации Белоруссии, силы коммунистического Сопротивления контролировали более 60% довоенной территории республики, образуя здесь 20 так называемых «партизанских зон» и «краев». К слову, один из таких краев функционировал на стыке территорий БССР, России и Латвии и охватывал 14 районов площадью 10 тыс. км² и с более, чем 200 тыс. человек населения⁹⁷.

⁹⁴ РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 3, л. 1; д. 4, л. 1, 3, 4, 32.

⁹⁵ Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг)... – С.56-69.

⁹⁶ РГАСПИ, ф. 69, оп. 8, д. 24, л. 1-3.

⁹⁷ Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. – М., 1985. – С.533.

По данным официальных советских источников за период с июня 1941 по июнь 1944 г. белорусскими «народными мстителями» было убито, ранено и взято в плен более 500 тыс. оккупантов и коллаборационистов. Подорвано 11128 вражеских эшелонов, выведено из строя 18700 автомашин, 1355 танков и бронетранспортеров, уничтожено 305 самолетов⁹⁸.

Общая динамика численности белорусских партизан была следующей: более 12 тыс. (август 1941 г.), около 50 тыс. (ноябрь 1942 г.), более 75 тыс. (май 1943 г.), более 153 тыс. (декабрь 1943 г.) и более 270 тыс. (июнь 1944 г.). Всего же за период с 1941 по 1944 г. через партизанские отряды на территории Белоруссии прошло свыше 440 тыс. человек. По количественным показателям это второй результат (после Украины)⁹⁹.

Даже, если эти цифры несколько преувеличены, они не оставляют сомнения в том, что советское партизанское движение стало на определенном этапе действительно массовым и всенародным. А в период с лета 1943 по лето 1944 г. оно и вовсе приобрело стратегический характер (всем, например, известны названия таких масштабных партизанских операций, как «Рельсовая война» и «Концерт», которые проводились практически на всех оккупированных советских территориях). К слову, роль, которую сыграли партизаны в ходе освобождения Белоруссии (операция «Багратион»), переоценить довольно сложно.

Естественно, что у других течений движения Сопротивления не было таких возможностей, как у советских партизан. Поэтому и их масштабы на территории Белоруссии были менее значительными. Тем не менее, и Армия Крайова (АК), и вооруженные формирования белорусских националистов некоторое время были конкурентами коммунистических «народных мстителей». История их создания вкратце такова.

После сентябрьских событий 1939 г. за границей было создано польское эмигрантское правительство во главе с генералом В. Сикорским. Одной из его обязанностей было руководство деятельностью подпольных военных формирований на территории бывшего Польского государства (в том числе, в Западной Белоруссии, Западной Украине и южной Литве). После падения Варшавы генерал М. Карашевич-Токаржевский получил приказ Сикорского о переходе на нелегальное положение. 27 сентября генерал собрал несколько десятков польских офицеров и создал из них организацию, получившую название «Служба за победу Польши». Эта организация просуществовала относительно недолго. Уже 17 ноября Сикорский отдал приказ о создании «Союза вооруженной борьбы», фактически, координационного центра, который должен был

⁹⁸ Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). – Мн., 1983. – С.15-16.

⁹⁹ НАРБ, ф. 3500, оп. 12, д. 10, л. 8.

объединить все подпольные формирования. Дело в том, что к этому времени на территории бывшей Польши возникло значительное количество партизанских и подпольных организаций, руководство которых хоть и поддерживало лондонское правительство, тем не менее, придерживалось определенной политической ориентации. Например, с осени 1939 по зиму 1942 г. были созданы вооруженные формирования правого крыла Польской социалистической партии, так называемые «батальоны хлопские» Крестьянской партии и еще целый ряд других подпольных организаций. Ситуация, когда эти отряды действовали просто под надзором «Союза», но вполне самостоятельно, просуществовала до 14 февраля 1942 г. В этот день некоторые из них были объединены в Армию Крайову. АК провозглашалась надпартийным формированием, и, в отличие от партийного вооруженного подполья, имела общегосударственный характер и была единственной силой, которая могла формально претендовать на продолжение традиций бывшей Польской армии. Следует сказать, что к лету 1944 г. в АК вошли почти все партийные партизанские формирования, за исключением коммунистической Гвардии Людовой. АК подчинялась Верховному командованию и польскому эмигрантскому правительству, которое с июля 1941 г. находилось в Лондоне. Все вопросы оперативно-тактического уровня решались в Варшаве, где находился подпольный Главный комендант АК. За период с 14 февраля 1942 по 19 января 1945 г. (дата формального расформирования АК) функции Главного коменданта выполняли: генерал С. Ровецкий (до 30 июня 1943 г.), генерал Т. Бур-Комаровский (до 2 октября 1944 г.) и генерал Л. Окулицкий (до расформирования АК)¹⁰⁰.

Главный комендант АК имел в своем распоряжении штаб, который состоял из более, чем 30 отделов: диверсий, информации и пропаганды, разведки, контрразведки, связи и других. Организационно-территориальная структура АК состояла из нескольких районов, во главе с командующим – «делегатом правительства». Каждый «делегат правительства» создавал «делегатуру», в которую приглашали всех местных политических лидеров, поддерживающих политику польского лондонского правительства. Все районы, в свою очередь, делились на округа, районные инспектораты, обводы и отделения¹⁰¹. Например, на территории Белоруссии были организованы следующие территориальные структуры АК: два округа – «Новогрудок» и «Полесье» (Брест) и инспекторат «Гродно», который подчинялся региону «Белосток»¹⁰².

И все-таки подчеркнем: внешняя помощь, разумеется, играет не последнее, но и не самое главное значение. В данном случае, гораздо важнее

поддержка местного населения, в среде которого находятся партизаны. Помощь извне не всегда может придти вовремя. Так, например, и было в случае с советскими партизанами, когда в 1941-1942 гг. государству было явно не до них. Местное же население для партизан является и источником снабжения продовольствием, и резервом людских ресурсов, и, в какой-то степени, «окном» во внешний мир, их «глазами и ушами». Но все это происходит именно так, если население настроено дружелюбно (или, хотя бы, нейтрально) по отношению к партизанам. В противном случае, их отряды обречены на бездействие (что, зачастую, вело к превращению в обычную банду), уничтожение или уход из этой местности.

Таким образом, внешний фактор в сочетании с отношением местного населения и обусловил те направления, которые сформировались в движении Сопротивления на территории Белоруссии, а также и их масштабы. С точки зрения внешней поддержки, коммунистическое партизанское движение было наиболее организованным и имевшим в своей основе твердую идеологическую почву. Польское движение уступало ему в плане внешней поддержки, организованности, но не уступало идеологически. Бойцы АК, например, были уверены, что борются за освобождение Польши, как от нацистов, так и от коммунистов. Однако в плане поддержки населения «красным» партизанам они явно проигрывали. И было это не из-за слабости их идеологии, как таковой, а из-за обыкновенного неприятия многих ее положений белорусским населением. Например, главной целью борьбы АК на территории Белоруссии было восстановление Польши в границах до 1 сентября 1939 г. (т.е., с Западной Украиной, Западной Белоруссией и южной Литвой). Как мы увидим ниже, такого финала могла, теоретически, желать только небольшая группа белорусской интеллигенции, простой народ же относился к этому крайне отрицательно. Поэтому поляки и были вынуждены опираться исключительно на польское население Западной Белоруссии (или белорусов-католиков), которое, хоть, и было довольно многочисленным, но явно недостаточным, чтобы обеспечить им массовое партизанское движение. К тому же, еще и не все белорусские поляки поддерживали идеи своего бывшего правительства: сторонников коммунистов среди них было тоже достаточно¹⁰³.

Еще больше, чем общая чуждость лозунгов, на отношения АК и местного населения влияло то, что зачастую польские партизаны сознательно уничтожали белорусских активистов (главным образом, из числа националистов, хотя к середине 1943 г. дело дойдет и до сторонников советской власти), считая их предателями Польши. В результате, из общего количес-

¹⁰⁰ *Енциклопедія історії України*: В 5 т. – К., 2003. – Т.1. – С.122.

¹⁰¹ Новік А.А. Вытокі Арміі Краёвай // *Заходні рэгіён Беларусі вочыма гісторыкаў і краязнаўцаў*: Зб. навук. артыкулаў. – Гродна, 2006. – С.127-128.

¹⁰² Сямашка Я. Указ. соч. – С.119-152.

¹⁰³ Ермолович В.И., Жумарь С.В. *Огнем и мечом. Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939-1953)*. – Мн., 1994. – С.14.

тва бойцов АК в 350 тыс., на территории Белоруссии действовало только 14 тыс. человек¹⁰⁴.

Как видно, за поддержку местного населения боролись не только советские партизаны. Вообще, же история партизанского движения в Белоруссии – это отражение всей ее истории. Истории страны, которая долгое время была предметом спора между окружавшими ее соседями. Однако в период Второй мировой войны на территории Белоруссии появилась еще одна сила, которая стала претендовать на власть здесь. Эта сила – белорусские националисты. Выше уже было сказано, что нападение Германии на Советский Союз вселило в них новую надежду. Многие из них безоговорочно поддержали все начинания нацистов. Тем не менее, были и такие, кто претендовал на роль так называемой «третьей силы»: они собирались накопить резервы, а потом выступить и против нацистов, и против коммунистов. В целом, можно выделить три группы таких националистов.

Возникновение первой из этих групп относится к 1939-1940 гг. Следует признать, что она являлась исключением на фоне преобладающих в кругах белорусской эмиграции надежд на Германию. В этом, по сути, и была вся ее оппозиционность. Дело в том, что лидеры группы – Я. Станкевич и будущий минский бургомистр В. Ивановский – скептически оценивали шансы нацистов победить в войне и, тем более, решить белорусский вопрос. Оккупацию Белоруссии немцами они считали временным явлением, и в своей деятельности полагались на западных союзников (Англию и Францию), которые, как они думали, будут играть решающую роль после победы над нацизмом. В своих расчетах поднять белорусский вопрос на послевоенном международном форуме, Станкевич и Ивановский надеялись на помощь польского эмигрантского правительства. Поэтому своим главным союзником в предстоящей войне Германии и СССР они видели польское национально-освободительное движение. Важным пунктом политической концепции этой группы было желание использовать немецкую оккупацию для увеличения сил белорусского национализма, занятия господствующего положения в оккупационной администрации и создания национальных вооруженных сил. Однако даже такое сотрудничество с немцами ставило под вопрос шансы польско-белорусского диалога. Поэтому Ивановский и Станкевич распределили роли: первый должен был сотрудничать с немцами согласно политической концепции своей группы, а второй – искать контакты с польским подпольем. В июне 1940 г. Станкевич прибыл в Варшаву, и через несколько месяцев создал подпольную организацию под названием Партия белорусских националистов (ПБН). В эту организацию вошли некоторые члены местного Белорусского комитета. Летом 1941 г. ПБН перенесла свою деятельность на территорию Западной

¹⁰⁴ Die polnische Heimatarmee: Geschichte und Mythos der Armija Krajowa... – S.563-584.

Белоруссии, где попыталась вступить в переговоры с польским движением Сопротивления на условиях сотрудничества, «польско-белорусской федерации» и даже создания белорусско-польских партизанских отрядов. Однако контакты с польским подпольем не дали никаких результатов. На это, прежде всего, повлияло недоверие к Станкевичу и его партии, а также нежелание поляков вести какие-либо дискуссии о судьбе западно-белорусских земель. Они считали их однозначно польскими. Только в ноябре 1941 г., когда Ивановский стал бургомистром Минска, поляки увидели, что сотрудничество с группой Станкевича может дать определенные военно-политические плоды. Начались переговоры, которые, правда, так и не дали никакого результата¹⁰⁵.

Об этой партии известно крайне мало. Так, согласно рапорту АК своему лондонскому руководству в июле 1942 г., ПБН насчитывала 500 человек. Центральный комитет партии состоял из 12 человек (8 уроженцев Западной Белоруссии и 4 – восточной), под общим руководством Станкевича. На низовом организационном уровне партия строилась из так называемых «пятерок», которые находились в большинстве районов генерального округа «Белоруссия». Как мы увидим ниже, значительной политической и, тем более, военной роли эта организация не играла¹⁰⁶.

Следующей организацией белорусского некоммунистического Сопротивления была так называемая Белорусская народная громада или просто Громада. Она была создана осенью 1941 г. по инициативе начальника белорусской полиции Минского округа Ю. Саковича, и объединяла в своих рядах бывших членов Белорусской крестьянско-рабочей громады – очень активной прокоммунистической организации, речь о которой шла выше. Создание организации происходило в обстановке строгой секретности на совещании местных руководителей БНС, которое было использовано как прикрытие. На этом минском совещании присутствовало всего 9 человек (сам Сакович, С. Хмара, В. Лукашик, И. Гелда, В. Вир, Ю. Стасевич и др.). В результате было принято решение создать организацию, но ее деятельность строго законспирировать. Организационно Громада должна была состоять из полноправных членов, объединенных в «тройки» и не посвященных в ее цели «сторонников». Следует признать, что почти сразу же возник вопрос об отношении к сотрудничеству с немецкой гражданской администрацией. В результате было принято компромиссное решение: до следующего совещания оставить этот вопрос открытым и на личное усмотрение каждого из членов Громады. Со временем организация создала довольно разветвленное подполье, связанные которого находились почти в каждом округе Западной Белоруссии (например, в Минске, Пинске,

¹⁰⁵ Turonek J. Kwestia białoruska w polityce obozu londyńskiego... – S.137-145.

¹⁰⁶ Беларускі нацыяналізм. Даведнік... – С.38.

Бресте, Беластоке и даже в Вильнюсе). Однако за весь период оккупации количество ее полноправных членов не превышало 50 человек. Всей подпольной работой руководила так называемая «Исполнительная пятерка», которая состояла из Саковича, Хмары, Вира, а также двух партизанских атаманов – Я. Харевского и И. Товпеки¹⁰⁷.

Обе предыдущие организации националистического подполья сыграли, конечно, свою определенную роль в истории оккупированной Белоруссии. Тем не менее, наибольшую известность приобрела третья группа антинацистски настроенных националистов – так называемая Белорусская незалежницькая партия (БНП), которая действовала с 1942 по 1946 г. История этой организации началась в Минске в июле 1942 г. Хотя, фактически, она была основана в Варшаве и на два года раньше. Скорее всего, именно в 1940 г. главный идеолог этого течения белорусских националистов ксендз В. Годлевский написал программу и устав будущей новой партии. В уставе этого прообраза БНП ее главной целью было названо «завоевание и сохранение в будущем Независимой Белоруссии». И придти к ней следовало «через боевой порыв народных масс к вооруженной борьбе»¹⁰⁸.

После нападения Германии на СССР БНП переносит свою деятельность на территорию Белоруссии. Начинается партийное строительство на родине. Пока только в виде небольших ячеек в некоторых округах. В конце августа 1941 г. в Варшаве происходит совещание руководства партии, на котором Годлевский предложил партийному активу проект программы подпольной деятельности в новых условиях. Эта программа была принята, фактически, целиком. Варшавское совещание БНП интересно еще и тем, что на нем было принято решение искать связи с западными союзниками¹⁰⁹.

Конец 1941 – начало 1942 г. прошли под знаком реорганизации белорусского движения Сопротивления. На пост лидера БНП был выдвинут 22-летний В. Радько, который, тем не менее, оставался под идеологическим влиянием Годлевского. Сам же ксендз приступил к созданию нелегального Белорусского центрального (народного) фронта – массовой организации, которая бы «объединяла широкие круги белорусской интеллигенции и путем устной пропаганды разъясняла бы народу весь вред немецкой политики». Теперь известно, что это «детиче» Годлевского пользовалось определенным влиянием и стояло за большинством мероприятий легальных белорусских организаций. Так, например, именно по его инициативе на уже упоминавшемся съезде руководите-

¹⁰⁷ Ёрш С. Рыцар Свабоды. Ксёндз Вінцэнт Гадлеўскі як ідэоляг і арганізатар беларускага антынацыскага Супраціву... – С.24.

¹⁰⁸ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 407.

¹⁰⁹ Ёрш С. Вяртаньне БНП. Асобы і дакумэнты Беларускай Незалежніцкай Партыі... – С.9-10.

лей БНС (июль 1942 г.) перед немцами был поставлен вопрос об объединении всех белорусских этнографических земель и о признании государственной независимости Белоруссии. О том, что это была именно инициатива группы Годлевского, свидетельствует следующий факт: их демарш явился полной неожиданностью не только для генерального комиссара Кубе, но и для лидера БНС Ермаченко. В целом, к осени 1942 г. Годлевскому почти удалось создать руководящий центр националистического движения Сопротивления, основой которого должна была стать БНП. Однако пойти дальше ему помешала смерть¹¹⁰.

Летом 1942 г. в Минске прошел съезд БНП. Многие его участники восприняли этот съезд как учредительный (именно так, по заданию Годлевского, представил его Радько). В реальности, на этом мероприятии было организационно оформлено только то, что уже существовало идейно. Окончательное же оформление БНП произошло к осени 1942 г. С самого начала она строилась как настоящая политическая партия со всеми необходимыми атрибутами и отделениями на местах. Ее главным руководящим органом был Центральный комитет (ЦК), который избирался общим съездом окружных руководителей партии. Первым председателем ЦК БНП был избран Радько. Базовой (и самой маленькой) партийной ячейкой было звено со звеньевым руководителем во главе. Были также созданы районные и окружные (всего пять) комитеты партии. Раз в два года должен был собираться общепартийный съезд, а также (более регулярно) партийные конференции. Для проведения пропагандистской работы был создан партийный печатный орган – «Бюлетэнь БНП», который издавался с 1942 по 1946 г.¹¹¹

Кроме территории собственно генерального округа, структуры БНП были организованы в Брянской и Смоленской области, которые националисты считали «исконно белорусскими». С целью партийного строительства туда были посланы члены ЦК партии М. Витушка и Д. Космович. Их деятельность на этих территориях продолжалась до осени 1943 г.¹¹²

Претендуя, по сути, на роль белорусского варианта Организации украинских националистов (ОУН), члены БНП, тем не менее, не отказывались полностью от сотрудничества с оккупантами. Наоборот, они избрали тактику «врастания» в немецкую администрацию, стратегической целью которой была ее полная белорусификация. Это же касалось и белорусских добровольческих формирований, куда члены БНП шли особенно охотно, чтобы приобрести боевой опыт и сделать белорусскими как можно больше полицейских и других частей. Известно, что глава партии В. Радько

¹¹⁰ НАРБ, ф. 370, оп. 1, д. 1258, л. 4-9.

¹¹¹ НАРБ, ф. 4, оп. 33а, д. 524, л. 184-185.

¹¹² Касмовіч Д. Указ. соч. – С.156-159.

весь период немецкой оккупации очень активно сотрудничал с немецкой военной разведкой – Абвером. Именно за этот факт его деятельности и «ухватились» советские историки, став утверждать, что, якобы, вся БНП инспирирована этой немецкой организацией¹¹³. Однако это обвинение пока не подтверждается серьезными фактами. Один из членов партии, некто Сокольский, вспоминал позднее в эмиграции, что «перед Абвером Радько не выступал руководителем БНП, а представлял себя исключительно как командир специальной группы, направленной на борьбу с советским врагом»¹¹⁴. Скорее всего, уже в 1943 г. Радько, при помощи Абвера, начал создавать диверсионные группы из числа членов БНП. Основной целью этих групп была антибольшевистская борьба. Хотя, при определенных обстоятельствах, не исключалась и борьба против немецких покровителей. Пик этого сотрудничества выпадает на зиму-весну 1944 г. Однако вряд ли количество полученного от немцев оружия и боеприпасов было значительным. Кроме Радько, в добровольческих частях служили такие активные члены БНП, как Б. Рогуля, И. Сажич, В. Чеботаревич, Г. Зыбайло и др. более или менее значительные лица в истории белорусского военного коллаборационизма¹¹⁵.

Белорусификация оккупационного аппарата была только одним из направлений деятельности националистического подполья. Другим, не менее важным, направлением стало создание партизанского движения. Первым партизанским отрядом, который создали белорусские националисты, была так называемая «акция» В. Шавеля. В прошлом сотрудник Абвера, начальник белорусской полиции Минского округа, член Централы БНС, Шавель весьма успешно сражался против советских партизан. Однако в начале 1942 г. он неожиданно собрал своих людей и увел их в лес к востоку от Борисова. До сих пор неизвестно, была ли это акция результатом решения ЦК БНП, или Шавель проявил личную инициативу. Как бы то ни было, зимой-весной 1942 г. был создан первый партизанский отряд именно националистической направленности. Вскоре к Шавелю присоединился бургомистр города Березин А. Соколов. Вместе они приступили к вербовке добровольцев и начали издавать на ротаторе подпольную газету. Вскоре на деятельность белорусов обратили внимание советские партизаны и предложили Шавелю встретиться с их командиром. Встреча закончилась трагически: и он, и его помощники были уничтожены коммунистами. Спасти удалось только Соколову. Рядовые же члены отряда пополнили ряды советских партизан¹¹⁶.

Этот инцидент так подействовал на руководство БНП, что к созданию своих партизанских отрядов оно смогло вернуться только ближе к 1944 г. Вся же

¹¹³ См. например: Раманоўскі В. Указ. соч. – С.187.

¹¹⁴ Сакольскі. Некаторыя несьціпласці // Беларускі голас. – 1966. – Красавік.

¹¹⁵ Ёрш С. Ўсевалад Родзька. Правадыр беларускіх нацыяналістаў... – С.6.

¹¹⁶ Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусьветнай вайны... – №34. – С.5.

инициатива по организации вооруженного крыла движения Сопrotивления перешла к Громаде. Еще весной 1942 г. ее лидеры наладили связь с многочисленными партизанскими отрядами, которые действовали в Западной Белоруссии, и никому не подчинялись. Дело в том, что отдельные небольшие отряды некоммунистической направленности начали создаваться сразу же после прихода немцев. Зачастую они выполняли функции местной самообороны, очищая свои районы и населенные пункты от остатков частей Красной Армии. Иногда они действовали при новой власти вполне легально, становясь частями местной вспомогательной полиции, иногда, если немцы требовали разойтись по домам или сдать оружие, уходили в лес. При этом, ни немцев, ни советских партизан, которых в Западной Белоруссии было еще очень мало, они поначалу не трогали, занимая выжидательную позицию. Трудно однозначно сказать, были ли «атаманы» этих отрядов действительно убежденными белорусскими националистами. Скорее, они были просто антикоммунистами, придерживаясь, «более-менее основных положений белорусского политического направления». Этот антикоммунистический потенциал и решили использовать руководители Громады, постаравшись объединить, по возможности, большую часть таких отрядов.

С этой целью в начале июня 1942 г. недалеко от Ивацевичей (Брестская обл.) прошло первое совещание командиров таких партизанских отрядов. По одним сведениям присутствовало 12 партизанских командиров, по другим – 8. Тем не менее, на тот момент они представляли значительные силы – до 3000 человек. Главным результатом этого совещания стало создание так называемого «Совета атаманов» - координационного центра партизан, собиравшегося не регулярно, а по мере необходимости. Совет одобрил позицию Громады, согласно которой партизанские отряды должны были придерживаться тактики выжидания соответствующего момента для вооруженного выступления. Принял свою политическую платформу – Акт 25 марта 1918 г., и определил основные тактические и стратегические направления деятельности партизан:

1. Целью белорусского партизанского движения объявлялось сохранение боеспособной вооруженной силы в, как можно, наибольшей целостности и сохранности до того момента, когда при общем ослаблении немцев и их противников (т.е. СССР), придется защищать белорусский народ и его независимость от попыток захвата Белоруссии другими оккупантами;

2. Поэтому, беречь, по возможности, белорусских партизан от втягивания в боевые действия с оккупантами, что может привести к ненужным людским потерям и уничтожению отдельных вооруженных групп;

3. Вооруженное сопротивление предпринимать только тогда, когда оккупанты нападут на партизанский отряд или на деревню, связанную с этим отрядом;

4. Взаимоотношения с советскими партизанскими отрядами: нейтралитет. Вооруженное сопротивление только тогда, когда они, несмотря на запрет, войдут в район дислокации отряда. Вооруженная расправа с мародерами (после предупреждения), только тогда, когда они грабят деревни, или подводят их своими провокационными действиями под немецкую расправу.

По одной версии, уже на этом первом совещании было создано «Белорусское народное партизанское движение» – объединение партизанских отрядов во главе с полковником И. Шанько (бывший лейтенант Красной Армии, повышенный в звании «Советом атаманов»). Он возглавил Главный штаб партизанского движения, и его заместителями стали члены Громады – Я. Харевский и В. Лукашик. По другой версии, на первом совещании был сформирован только «Совет атаманов», а централизованное управление партизанским движением было создано на втором совещании, которое состоялось в ноябре 1942 г.¹¹⁷

Почти с самого первого дня своего основания белорусское партизанское движение пребывало в полном бездействии. И такая ситуация оставалась, по сути, неизменной до мая 1943 г., когда в западные области Белоруссии из восточной части республики, а также с территории Украины начали перебрасываться крупные советские партизанские силы. Всего до зимы 1944 г. сюда передислоцировалось 16 соединений (около 8000 опытных и хорошо вооруженных бойцов, командиров и политработников). Эта акция имела несколько задач: распространить советское партизанское движение на эти районы Белоруссии и, по возможности, уничтожить здесь все проявления так называемой «партизанщины». Документы свидетельствуют, что советское военно-политическое руководство не видело в лице белорусских националистов и подчиненных им отрядах серьезных идеологических конкурентов. Вероятнее всего, оно не считало их даже националистами. По мнению советского руководства, создание и деятельность таких отрядов было обычной «атаманщиной» в худшем смысле этого слова: то есть, неконтролируемая вооруженная сила, которая неизвестно чем занимается, и неизвестно кому служит. Таких отрядов было достаточно не только в Белоруссии. Советские партизаны могли действовать по всем законам военного времени. Однако сначала было принято решение путем переговоров склонить их к переходу на советскую сторону. И в мае 1943 г. такие переговоры состоялись. От националистов в них принимал участие И. Шанько, а от коммунистов – полковник Г. Линьков – специальный представитель ЦШПД. Шанько было предложено присоединить свои отряды к советским партизанам, за что ему был обещан пост заместителя команди-

¹¹⁷ Романько О.В. Комуністична та націоналістична течії партизанського руху на території Білорусії (1941-1945): спроба порівняльного аналізу // Мандрівець. – Тернопіль, 2007. - №5. – С.14-15.

ра всеми партизанскими силами Полесья. Неизвестно, какой оборот принял разговор, но в ходе него Шанько был застрелен Линьковым. Националисты настаивают, что за отказ подчиниться коммунистам. После этого судьба самостоятельного белорусского партизанского движения была решена. Оно, фактически, распалось: часть партизан разошлась по домам, большая часть влилась в советские партизанские отряды (члены более чем 10 отрядов), некоторые, например, отряды атаманов Харевского и Товпеки, продолжали действовать дальше (по сведениям ряда историков, почти до 1948 г.)¹¹⁸.

Подчеркнем, что более-менее значительное националистическое партизанское движение возникло только в Западной Белоруссии. Однако есть целый ряд свидетельств, что его пытались организовать и в центральной части республики. Тем не менее, большой роли оно здесь не играло, и сразу же было уничтожено коммунистами. Почти не известны и подробности истории местных белорусских партизан. Так, в районе Бегомля (Минский округ) действовал отряд атамана Иванова, который был расстрелян по приказу советского партизанского командира С. Ваупшасова. Официальная версия гласит, что «за отказ подчиниться». Вместе с атаманом расстреляли и всех его подчиненных. В живых осталось только два молодых партизана, которые «раскаялись»¹¹⁹.

В целом, такая же участь ожидала и политические организации белорусского Сопротивления. Узнав, что члены БНП ведут свою игру, немцы стали преследовать их наряду с коммунистами. Так, в декабре 1942 г. был арестован и замучен в тюрьме ксендз Годлевский, а многие его сторонники были брошены в концлагеря. Партия, и так находившаяся на нелегальном положении, была вынуждена и вовсе уйти в глубокое подполье. В этот период В. Радько принял решение приостановить антинемецкую деятельность и занялся поиском союзников на будущее, которое предполагало дальнейшую борьбу, как против Германии, так и против СССР.

21-22 ноября 1943 г. в Житомирских лесах (Украина) состоялась нелегальная 1-я Конференция угнетенных народов Восточной Европы и Азии. Это мероприятие было организовано по инициативе ОУН и проводилось на территории, подконтрольной Украинской повстанческой армии (УПА). Помимо хозяев встречи – украинцев, в конференции участвовало еще 12 делегаций, представлявших, как было заявлено, различные «национально-революционные организации». Всего прибыло 39 делегатов, и, как правило, это были члены входивших в УПА национальных формирований, полностью зависящие от организаторов мероприятия. Белорусская делегация являлась исключением из этого правила. Оба ее члена – капитан В. Ермакович и старший лейтенант Г. Малиновский – на самом деле представляли «национальную организа-

¹¹⁸ Линьков Г.М. Указ. соч. – С.424-433.

¹¹⁹ Каров Д. Указ. соч. – С.46-48.

цию» – БНП. Конференция приняла несколько политико-организационных постановлений и одобрила обращение «Ко всем народам Восточной Европы и Азии». В последнем, программном документе всего мероприятия разъяснялось положение этих народов, задачи, стоящие перед ними и перспективы совместной борьбы. Обращение подписали представители всех делегаций, в том числе белорусский капитан В. Ермакович. Справедливости ради стоит сказать, что за этими фразами ничего не стояло. Наметившийся союз «ОУН – БНП» так и остался на уровне деклараций¹²⁰.

Еще одной важной инициативой БНП следует признать попытку созыва в Вильнюсе легального «Белорусского съезда». Целью мероприятия являлось «обсуждение сложившейся ситуации и обдумывания дальнейшего направления действий». Интересно, что съезд должен был проходить с молчаливого согласия Абвера, с которым, как говорилось выше, активно сотрудничал Радько. Для немецкой военной разведки у него существовала следующая версия проведения съезда: совещание белорусского актива о методах, средствах и направлениях будущей антисоветской борьбы. Более того, приглашения на съезд рассылались через немецкую военную почту. Тем не менее, даже, несмотря на такую поддержку, съезд не состоялся. По доносу или случайно, СД узнала об этой акции БНП. В результате, у большинства делегатов были отобраны пропуска, а их самих предупредили, что если кто-либо все-таки решится поехать в Вильнюс, то будет немедленно арестован. В целом значительных репрессий не последовало, однако ряд лиц были вызваны в СД, где их допросили о характере планируемого съезда и о его руководстве¹²¹.

Неудавшийся съезд интересен не только тем, что в ходе его подготовки еще раз проявился конфликт между армейскими структурами Германии и руководством СС. Другим немаловажным моментом было то, что, готовясь к съезду, Радько разослал приглашения членам всех значительных организаций белорусского Сопротивления, планируя их объединение. До этого они почти не контактировали между собой. Например, ксендз Годлевский крайне отрицательно относился к сотрудничеству с Громадой. На его взгляд, все ее члены были коммунистами или их «попутчиками», и «белорусское дело» понимали неправильно. В связи с этим не выглядит странным и его прохладное отношение к партизанским отрядам Громады¹²². После смерти Годлевского БНП была вынуждена изменить тактику. Как было отмечено выше, ее основным направлением стал поиск союзников, как за пределами Белоруссии, так и среди других националистических

¹²⁰ Мірчук П. Українська Повстанська Армія 1942-1952. – Львів, 1991. – С.70-78.

¹²¹ Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусьветнай вайны. ... – №37. – С.5.

¹²² НАРБ, ф. 384, оп. 1, д. 64, л. 7.

организаций. Каков же был их потенциал к концу 1943 г. и, что они могли предложить Радько?

После уничтожения белорусских партизанских отрядов, Громада уже не могла являться серьезной силой. Принцип элитарности, положенный в основу ее структуры, оказал этой партии плохую услугу. Кроме того, 13 июня 1943 г. в селе Василишки (Лидский округ) партизанами АК был убит лидер Громады Ю. Сакович (есть данные, что это было сделано с молчаливого согласия немецких властей). В результате, быть достойными конкурентами БНП «громадовцы» уже не могли¹²³.

Необходимо сказать несколько слов и о деятельности ПБН. Летом 1943 года было создано Белорусское национально-демократическое объединение (БНДА), в которое вошла ПБН и другие, еще более мелкие, группы. Причиной создания этой организации, как это ни парадоксально, было не дальнейшее объединение сил белорусского националистического подполья, а попытка еще раз вступить в переговоры с поляками. По мнению Я. Станкевича, БНДА должно было выглядеть в глазах последних более значительной организацией, чем ПБН. В конце 1943 г. в Вильнюсе состоялся очередной раунд белорусско-польских переговоров. Однако, как и в 1941-1942 гг., они закончились безрезультатно. Затем в декабре 1943 г. был убит В. Ивановский, а вскоре и сам Станкевич должен был выехать из Минска в Прагу. Таким образом, пропольская политика этой группы закончилась полным крахом. А иначе и быть не могло. Переговоры с АК не дали ничего, так как ни за ПБН, ни за БНДА не было реальной силы¹²⁴. По мнению белорусского историка С. Ерша, «надо было быть очень наивным, надеясь, что кто-то подарит белорусам независимость или какую-нибудь федерацию. Нельзя забывать и тот факт, что пока шли переговоры, от польского террора гибли белорусские активисты»¹²⁵.

Таковой, вкратце, была позиция каждой из трех белорусских организаций националистического Сопротивления. Неудивительно, что Радько и его партия претендовали на лидерство в нем. Вот только объединиться уже было, фактически, не с кем.

Последний наиболее значительный эпизод из истории белорусского периода БНП – это подготовка антинемецкого восстания в конце июня 1944 г. В Минске в эти дни проходил 2-й Всебелорусский конгресс, многие делегаты которого были членами или сторонниками БНП. По замыслам ЦК партии надо было воспользоваться таким случаем и попытаться провозгласить независимость Белоруссии. А чтобы немцы не смогли помешать, этот демарш предпо-

¹²³ Станкевіч Я. Палажэнне ў Лідскай акрузе Генеральнага камісарыята Беларусі // Летапіс жыцця беларускай эміграцыі. – 1985. – №28. – С.87-92.

¹²⁴ Turonek J. Kwestia białoruska w polityce obozu londyńskiego... – S.145-148.

¹²⁵ Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусьветнай вайны. ... - №37. – С.5.

лагалось подкрепить вооруженной силой, стянув в Минск как можно больше белорусских добровольческих формирований. Однако быстрое наступление советских войск остановило этот план еще на уровне разработки¹²⁶.

В эмиграции руководство БНП сделало ставку на организацию подпольного и повстанческого движения на территории Белоруссии. С этой целью некоторые его члены (например, В. Радько и И. Гелда) приняли участие в подготовке специальных разведывательно-диверсионных групп, которая осуществлялась при поддержке Абвера (более подробно об этом будет сказано в следующих главах). Многие члены БНП поддерживали идею сотрудничества белорусских националистов с движением генерала Власова. Они считали, что только так можно будет поднять всеобщее восстание народов СССР против коммунистического режима. На этой почве у Радько, как говорилось выше, даже произошел конфликт с президентом БЦР Островским¹²⁷.

Продолжала БНП и подпольную антинемецкую деятельность. Так, один из ее членов – В. Рыжий-Рыский – готовил по заданию партии восстание в 30-й гренадерской дивизии войск СС, личный состав которой состоял, в основном, из белорусов. Целью восстания был переход на сторону западных союзников. Гестапо вышло на след этого подпольщика и попыталось его арестовать. Однако Радько смог спасти своего агента. При помощи офицеров Абвера он сделал ему фальшивые документы и дал новое задание: еще раз попытаться выйти на связь с западными союзниками, чтобы рассказать им о принципах деятельности БНП и ее антинемецкой позиции¹²⁸.

В эмиграции оказались и некоторые члены Громады. В конце 1944 г. они попытались возобновить деятельность своей организации, создав в Берлине подпольную группу «Двупогоня» во главе с С. Хмарой. Интересно объяснение названия этой группы. «Погоня» – национальный и исторический символ Белоруссии. А «Двупогоня» или двойная «Погоня» – это уже символ борьбы белорусского народа против врагов с запада и с востока. Хотя бывшие «громадовцы» и называли себя подпольщиками, занимались они, в основном, легальной коллаборационистской деятельностью. Известно, что они, фактически, примкнули к БЦР и Островскому, который поручил им заниматься белорусской прессой. К концу 1944 г. люди Хмары заняли все ведущие посты в Белорусском информационном бюро при БЦР и уже оттуда руководили всей периодической печатью. В марте 1945 г. «Двупогоня» выступила инициатором реорганизации БЦР, однако чем этот демарш закончился, неизвестно¹²⁹.

В конце 1944 – начале 1945 г. у большинства пронемецких националистических организаций появилось еще одно направление деятельности. Их

лидеры начали активный поиск контактов с западными союзниками. Этим вопросом был озабочен даже такой крайний коллаборационист, как Р. Островский. Выше уже говорилось, какие он предпринял шаги, чтобы не выглядеть в глазах США и Великобритании немецким прислужником. Однако все это было уже почти перед самой капитуляцией Германии. Первыми же, кто попытался наладить такие контакты, были именно члены белорусского националистического Сопротивления и их сторонники в эмиграции. По словам белорусского историка В. Дубновского их очень беспокоил тот факт, что обо всех событиях в Белоруссии западная общественность судит только по информации, поступающей из официальных советских источников. В последних же явно прослеживалась тенденция представить всех белорусских националистов пособниками немецких оккупантов¹³⁰. В 1943 г. на тайном совещании в Берлине было принято решение послать в Швецию инженера А. Асовского, с целью организовать там Белорусский национальный комитет. По замыслам участников совещания, этот орган «должен был свободно отстаивать белорусское дело перед западными союзниками и информировать свободный мир об истинном положении белорусского народа и о его требованиях». Заброс Асовского в Швецию удался. Однако никакого комитета он там не организовал¹³¹.

Следующая попытка создания подобного органа относится к концу 1944 г. На этот раз инициатива исходила от «Двупогоня». В отличие от своих предшественников члены этой группы решили действовать легально. Они установили близкий контакт с представителем немецких антигитлеровских кругов – бароном Таненфельдом – «бывшим офицером германской армии, космополитом, романтиком и поэтом». Ранее барон уже имел дело с белорусскими националистами: в 1918-1920 гг. он сражался на их стороне против Красной Армии. Даже уже выйдя в отставку, барон продолжал считаться экспертом по белорусским делам. Его опыт был настолько ценным, что Геббельс взял Таненфельда экспертом в свое Министерство пропаганды. Барон полностью поддержал идею «Двупогоня» о создании белорусского комитета в Швеции. Поэтому, уже во второй половине сентября 1944 г. в адрес Министерства пропаганды был направлен меморандум от имени Белорусского информационного бюро БЦР, в котором предлагалось перебросить в Швецию ряд активистов. Они должны были создать там комитет, главной целью которого было бы противодействие большевистской пропаганде. Конечно, лидеры «Двупогоня» отдавали себе отчет, как мало шансов, что немцы согласятся на создание такой организации, и, тем более, в нейтральной стране. Оказавшись в Швеции, белорусы вряд ли бы стали придерживаться инструкций Геббельса, а повели бы свою игру. В связи с этим, авторы меморандума предлагали послать с

¹²⁶ Касмовіч Д. Указ. соч. – С.203-204.

¹²⁷ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 6, л. 3-4.

¹²⁸ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... – С.40.

¹²⁹ Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада... – С.88-89.

¹³⁰ Дубноўскі В. Спраба ўтварэння Беларускага Вызвольнага Цэнтру ў Швэдыі // Дакуманты і факты. – 1957. - №11. – Студзень-сакавік.

¹³¹ Пануцэвіч В. Указ. соч. – С.76-77, 93-94.

белорусами одного немца, который бы исполнял роль советника, и присматривал бы за комитетом от имени Геббельса. Нетрудно догадаться, что на этот пост была предложена кандидатура Таненфельда, как человека, владеющего белорусским языком. Меморандум пролежал в Министерстве пропаганды несколько недель. Наконец, к началу декабря 1944 г. Белорусское информационное бюро получило на него категорический отказ. Что интересно, за этим отказом не последовало никаких репрессий: не один белорус не пострадал. Фактически, был наказан только барон Таненфельд. Его, как давшего положительную оценку этому документу, попросту уволили с работы. Как выяснилось позднее, Геббельс был не против переброски белорусов в Швецию. Однако такая акция вызвала крайнее недовольство со стороны ведомств Розенберга и Гимmlера. Естественно, что после вмешательства этих лиц она была обречена на неудачу¹³².

В начале марта 1945 г. в Берлине состоялась нелегальная конференция БНП. Показательно, что кроме партийного актива, в основном, из числа военнослужащих, на ней присутствовали руководители «Двупогони». Цель мероприятия: наметить пути дальнейшей антибольшевистской борьбы в новых условиях. Руководство БНП в лице Радько планировало перебросить в Белоруссию как можно больше разведывательно-диверсионных отрядов, которые должны были усилить местное антисоветское партизанское движение. Против этого активно выступил лидер «Двупогони» Хмара. В частности он сказал, что согласно оценкам его организации, война между СССР и западными союзниками, на которую так надеялся Радько, быстро не начнется. Ссылаясь на опыт антипольской подпольной борьбы в межвоенный период, Хмара заверил всех присутствующих, что планируемое партизанское движение не просуществует и пяти лет. Более того, без связи с политическим центром оно превратится в обыкновенный бандитизм. Поэтому Хмара предложил не тратить впустую драгоценные кадры и, не теряя времени, перекинуть их на Запад¹³³.

Конференция, однако, постановила инициировать антисоветское партизанское движение в Белоруссии, но, как компромисс, ограничить его деятельность пятью годами. Если же до этого срока не начнется советско-американский конфликт, партизанское движение предполагалось свернуть. Еще одной уступкой представителю «Двупогони» было решение принять тактику, которую использовали белорусские партизаны в 1941-1943 гг. А именно: «объединение рассредоточенных и разбросанных вооруженных групп в рамках партизанских национальных сил, а не вооруженные, ненужные выступления, которые бы уничтожили эти силы преждевременно». Для политического руководства будущим партизанским движением была создана Белорусская военная орга-

низация. Однако ее дальнейшая судьба до сих пор остается неизвестной, как и судьба решений этой конференции. В условиях надвигающегося краха нацистской Германии их выполнение становилось попросту неактуальным¹³⁴.

Из всего сказанного видно, что белорусские националисты, претендуя на роль выразителей интересов всего белорусского народа, так и не смогли создать ни влиятельной политической организации, ни значительных по масштабу партизанских сил (даже по сравнению с такой родственной организацией, как ОУН). Да и те, которые якобы подчинялись им, вряд ли следует считать именно белорусскими в националистическом понимании этого слова.

Анализируя историю движения Сопротивления на территории Белоруссии, следует признать, что наиболее масштабным и эффективным оно было у сторонников советской власти. Причин этому много, поэтому назовем только основные из них: (а) поддержка со стороны государства и его военной машины; (б) выступление под лозунгами, в принципе, близкими и понятными всем слоям населения (как с политической, социальной, идеологической, так и с национальной точки зрения); (в) поддержка местного населения. Всего этого были лишены представители националистического движения Сопротивления, что и делало их ограниченными либо политически, либо национально, либо территориально. А проигрыш в тех условиях хотя бы по одному из этих показателей неминуемо приводил к общему поражению. Еще одну, не менее значительную роль, играло то, что белорусские националисты были раздроблены, и так и не смогли объединиться в одну, более или менее, влиятельную организацию.

Наконец, советские партизаны во время войны, а советские историки в послевоенное время часто обвиняли представителей других партизанских движений, в том, что они сотрудничали с немцами или, что немцы принимали участие в создании этих движений, в их вооружении и снаряжении. Этот вопрос намного сложнее, чем кажется. Следует подчеркнуть, что националистические партизаны, в основной своей массе, считали нацистов врагами. Однако еще большими своими врагами они считали советских партизан (хотя поначалу и пытались сотрудничать с ними). Поэтому, вся логика развития этих движений неминуемо толкала их к союзу (пусть даже временному и тактическому) с оккупантами, которые на тот момент были главной, как казалось их лидерам, антикоммунистической силой. И в условиях войны эта борьба была крайне жестокой, принимая, зачастую, характер открытого гражданского противостояния¹³⁵.

¹³⁴ Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада... – С.90.

¹³⁵ См. например: Романько О.В. Крымско-татарские добровольческие формирования в германских вооруженных силах (1941-1945) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наукових статей. – К., 2005. – Вип.9. – Ч.2. – С.266-287.

¹³² НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 2, л. 14.

¹³³ Хмара С. Беларуска Сялянска-Работніцкая Грамада // Беларускі голас. – 1962. – №232. – Красавік.

* * *

Таков, в целом, был итог сотрудничества и политической деятельности белорусских националистов с руководством Третьего рейха. И, следует признать, итог неутешительный. Вся история взаимоотношений нацистского военно-политического руководства с белорусским национальным движением в годы Второй мировой войны свидетельствует о том, что оно не рассматривало его в качестве равноправного союзника. И коллаборационистские организации на территории Белоруссии, и деятельность БЦР на территории Германии были нужны немцам, прежде всего, как инструмент оккупации, национальной политики или пропаганды, при помощи которого они собирались влиять на основную массу белорусского населения (и небелорусского тоже) в тех или иных целях. Еще одной стороной существования белорусского национального движения было его незавидное положение «разменной монеты» в борьбе полномочий между различными властными структурами Третьего рейха. Наконец, немаловажна роль этих организаций, как политического противовеса так называемому Русскому освободительному движению генерала Власова, претендовавшего на лидерство во всем антисталинском протесте. Естественно, что в такой ситуации все надежды белорусских националистов на создание независимого государства и его атрибутов (парламент, правительство, армия и т.п.) являлись весьма призрачными и неосуществимыми.

Еще менее удачной оказалась деятельность антинацистского крыла белорусского национального движения. Его претензии на роль «третьей силы» между нацизмом и коммунизмом оказались полностью несостоятельными. Ни мощного и разветвленного подполья, ни значительных и мобильных партизанских отрядов его лидерам создать не удалось. Среди главных причин такого хода событий следует назвать, как общую слабость белорусского национального движения, так и неумение объединиться в единый фронт борьбы. Кроме того, нельзя не учитывать непопулярность лозунгов белорусского национализма среди основной массы населения республики. Сыграл свою негативную роль и тот факт, что многие лидеры белорусского Сопротивления легально работали в немецкой оккупационной администрации и коллаборационистских организациях, что, естественно, не могло не вызвать отрицательной реакции у простых белорусов. В результате, белорусские антинацисты не только не подчинили себе коллаборационистов, а полностью оказались в их лагере. Находясь в эмиграции на территории Германии, большинство из них примкнуло к БЦР. Оставшееся же верным своим идеалам меньшинство, уже не играло никакой значительной роли.

Глава 3

БЕЛОРУССКИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ПОЛИЦЕЙСКИХ И АНТИПАРТИЗАНСКИХ СТРУКТУРАХ

Части и подразделения полиции

Первые подразделения местной полиции и самообороны начали создаваться в Белоруссии еще до организации на ее территории генерального округа. Как правило, подобная инициатива исходила от соответствующих органов Вермахта, заинтересованных в увеличении охранных войск в тыловом районе группы армий «Центр». В результате, к осени 1941 г. на территории Белоруссии было создано несколько десятков мобильных и стационарных подразделений, получивших, в целом, название «службы порядка» или «оди» (*Ordnungsdienst; Odi*). Эти подразделения представляли собой кавалерийские или пехотные отряды, командирами которых назначались советские офицеры, специально освобожденные для этого из лагерей военнопленных. Численность каждого из них колебалась в пределах 100-150 человек. Обычно, для привлечения местного населения в эти отряды применялся целый комплекс мер: от принуждения до освобождения от повинностей, налогов и реквизиций. Тем не менее, идеологический (антисоветский) момент в этом процессе так же нельзя отбрасывать. К слову, главными организаторами белорусской «службы порядка», например, на востоке республики, были такие известные белорусские националисты, как М. Витушка и Д. Космович¹.

В некоторых случаях отряды «службы порядка» без помощи немцев очищали целые районы от советского присутствия. Например, так было на Полесье (юго-западная Белоруссия), где в августе 1941 г. белорусская самооборона и отряды украинского атамана Т. Бульбы-Боровца («Полесская сечь») провели настоящую войсковую операцию против остатков советских войск, партизан и отрядов НКВД. В своем роде это была уникальная, в тех условиях, акция, так как немцы в ней вообще не участвовали, а только наблюдали за ходом событий. Операция началась 20 августа 1941 г. В ходе

¹ BA-MA, RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/233, bl. 20-21.

нее 10 тыс. украинцев и 5 тыс. белорусов, разбитые на так называемые «летучие бригады», вытеснили остатки советских войск (примерно 15 тыс. чел.) с территории Полесья и соединились в районе Мозыря².

Следует сказать, что белорусы преследовали не только военные цели. В каждом освобожденном от советских властей районе они создавали свою администрацию, издавали газеты и делили землю. Все же воинские формирования стали играть роль местной полиции. Часто эта полиция действовала независимо от немцев, которые появились на Полесье только в октябре 1941 г. Интересно отметить, что в этот период формирования белорусской полиции уже имели собственную униформу. По воспоминаниям одного из участников этих событий В. Вира, это были пошитые из советских, песочного цвета шинелей, френчи и шапки-кепи (по образцу австрийских периода Первой мировой войны) с двойным «Ярыловским» крестом. Также имелись советские каски с таким же крестом, нарисованным желтой или синей краской³.

В сентябре 1941 г. на большей части территории Белоруссии был создан генеральный округ. Соответственно, сразу же была проведена унификация местных частей охраны правопорядка. В результате, уже к концу осени вся «служба порядка» были реорганизованы в формирования «вспомогательной полиции порядка» (*Schutzmannschaft der Ordnungspolizei*; «*Schuma*»). Первыми были созданы подразделения индивидуальной службы в городах и сельской местности – аналоги немецкой охранной полиции и жандармерии. Следует сказать, что их не создавали заново. Фактически они были организованы на базе уже имевшихся частей «оди», которые действовали при всех местных городских, районных или сельских управлениях. В принципе, в них остались те же кадры и тот же персонал и при тех же обязанностях. Основные же изменения произошли в системе управления этими частями, хотя, по сути, ничего нового придумано не было. Как и прежде, эта система оставалась двухуровневой. Формально ими продолжал руководить начальник полиции городского и районного управления или староста, если речь шла о сельском управлении. На деле же реальная власть продолжала оставаться в немецких руках. Однако, если раньше шефом начальника полиции был соответствующий армейский комендант, то теперь в городах он подчинялся начальнику охранной полиции (*Schutzpolizei*), а в сельской местности – начальнику жандармерии (*Gendarmerie*). Обычно численность полицейских индивидуальной службы колебалась от 3 до 15 человек при сельском управлении и от 40 до 50 человек в небольших

² Бульба-Боровець Т. Указ. соч. – С.126-148.

³ Вір В. Маёр Беларускай Краёвай Абароны Ўсевалад Родзька // Беларускі Голас. – 1991. - №365. – Кастрычнік.

городах и районных центрах. Общее же количество полицейских в каждом районе было разным и находилось в зависимости от площади района и плотности населения в нем (в среднем, это соотношение не должно было превышать такую пропорцию: 1 полицейский на 100 жителей)⁴.

Выше уже говорилось, что части «службы порядка» были одеты либо в гражданскую одежду, либо в трофейную униформу советского образца. На их принадлежность к добровольческим формированиям указывала только нарукавная повязка или разнообразные самодельные знаки различия (как на Полесье). С началом организации «*Schuma*» ситуация несколько изменилась. Зимой – весной 1942 г. немцы постарались как можно скорее привести всю униформу к одному стандарту: полицейским стали выдавать новые комплекты, перешитые из черной униформы так называемых общих СС (*Allgemeine-SS*). Надо сказать, что где-то это удалось сделать быстро, где-то, в основном в сельской местности, большинство полицейских еще осенью 1942 г. продолжали ходить в гражданской одежде, но уже со специально разработанными знаками различия. Зачастую, такие знаки были единственным признаком, по которым можно было отличить полицейского, если он был одет в гражданскую одежду. Летом 1942 – в начале 1943 г. это были специальные нарукавные нашивки – так называемые «полоски» и «уголки», обозначавшие воинское звание и занимаемую должность. Всего воинских званий в «*Schuma*» было пять. Последнее из них, соответствовавшее, примерно, старшине Красной Армии, являлось наивысшим для этой ветви вспомогательной полиции. Офицерские же звания для ее персонала предусмотрены не были⁵.

Однако ни городская, ни сельская полиция не могли самостоятельно бороться с растущим партизанским движением, ни, тем более, уничтожить его и только зря несли потери. Один из белорусских националистов С. Шнек вспоминал, что только в Слуцком округе с 1941 по 1944 г. погибло 418 полицейских⁶. Поэтому оккупационные власти делали все, чтобы создать более крупные, мобильные и лучше подготовленные части, которые могли бы обеспечить порядок, хотя бы в пределах своего района. В целом, такая установка привела к созданию двух типов полицейских формирований: направленных на выполнение специальных охранных функций и оперативно-тактических частей широкого профиля⁷.

В конце октября 1942 г. немецкая дирекция железных дорог в генеральном округе «Белоруссия» обратилась к И. Ермаченко с запросом: не мог бы он оказать помощь в организации батальона железнодорожной охраны. Ус-

⁴ РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1141, л. 277-284.

⁵ Дробязко С.И. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и войсках СС... – С.6, 28.

⁶ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 3-4.

⁷ ВА-МА, RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/233, bl. 180-181.

ловия, которые поставила дирекция, были, с точки зрения шефа БНС и его помощников, вполне приемлемыми. Поэтому на немецкое предложение он решил ответить согласием. Неделей позже состоялась встреча руководства БНС с начальником немецкой охраны железных дорог (*Bahnschutz*) Штримке, который находился в подчинении у начальника полиции порядка генерального округа «Белоруссия». На этой встрече были разработаны принципы организации батальона. Участвовавший во встрече начальник минских полицейских курсов капитан Ф. Кушель позднее вспоминал, что немцы были очень уступчивыми и приняли все выдвинутые белорусскими представителями условия. В результате, было принято решение, согласно которому белорусы предоставляли личный состав для батальона и его командные кадры, а немцы обязались позаботиться об их обмундировании, вооружении, размещении и материальном содержании. По мнению, как немцев, так и белорусов, сформировать батальон было нетрудно, так как существующая сеть призывных пунктов полиции давала возможность быстро собрать нужное количество добровольцев. Что же касается кадрового персонала, то к октябрю 1942 г. полицейской школой в Минске и школами в округах было выпущено достаточно офицерских и унтер-офицерских кадров. Примечательно, что не все белорусские офицеры с энтузиазмом отнеслись к этому новому проекту. Так, начальник унтер-офицерской школы в Новогрудке лейтенант И. Сажич откровенно сказал Кушелю, что не верит немцам. Последний ответил, «что необходимо хватать оружие, там, где это только возможно»⁸.

Тем не менее, уже на следующий день после встречи с немцами, Ермаченко и Кушель отдали соответствующие указания. А вскоре начал прибывать и контингент. Первая партия добровольцев была направлена из Слонима в Минск, где из них почти сразу же начали формировать первую роту батальона. Первоначально планировали набрать 800 человек, но уже к весне 1943 г. число добровольцев достигло 1000. По предложению Ермаченко командиром батальона был назначен Ф. Кушель. Однако уже в январе-феврале 1943 г. немцы изменили свои условия и потребовали, чтобы командиром был офицер немецкой железнодорожной охраны, при котором от БНС должен был находиться только офицер связи. Ермаченко вынужден был согласиться, и таким офицером был назначен капитан В. Микула⁹.

Батальон снабжался со складов немецкой железнодорожной охраны в Минске. Его личный состав носил стандартную синюю униформу этого подразделения немецкой полиции, но с белорусскими петлицами и кокардами. В качес-

тве кокарды был выбран белорусский национальный символ – «Погоня», а в качестве петлиц – «Ярыловский» крест. Погоны в батальоне были немецкими. Однако немцы неохотно признавали за белорусами персональные воинские звания, заменяя их должностными. Вместо, например, «лейтенант» или «капитан» они употребляли “*zugführer*” или “*gruppenführer*”. Вооружение было также немецким, но его тип больше зависел от удаленности подразделений батальона от Минска: чем дальше, тем хуже. Несмотря на централизованное обеспечение и снабжение, в некоторых ротах были трудности материального характера. Так, в Барановичской роте половина личного состава не могла посещать занятия, поскольку не имела обуви¹⁰.

После организации каждое подразделение проходило четырехнедельное обучение, которое заключалась в строевой и боевой подготовке. Последней уделяли наиболее серьезное внимание (например, в Лиде личный состав роты выводили за город и обучали вести наступление и оборону, уметь окапываться и т.п.). По окончании обучения рота уже могла использоваться для охраны железной дороги. Так, в декабре 1942 г. была подготовлена Минская рота (командир – лейтенант Д. Чайковский). Вслед за ней, в январе 1943 г., рота в Барановичах (командир – лейтенант Барбарыч). А в феврале 1943 г. закончила свое обучение последняя рота – Лидская (командир – лейтенант И. Сажич)¹¹.

На переговорах с немцами была установлена структура батальона и принципы его боевого применения. Он должен был располагаться поротно на всех крупных железнодорожных станциях генерального округа «Белоруссия»: в Минске, Столбцах, Барановичах, Лиде и Крулевщизне. Закончив организацию и подготовку, каждая рота была разделена на небольшие группы (по 10-15 чел.), которые разместили по всей белорусской железной дороге, а некоторые даже были направлены в юго-западную Россию. Каждая группа по численности не превышала одного отделения и располагалась на основных узловых станциях. Так, первая группа Минской роты была направлена в Полоцк, вторая размещалась на станции Унеча под Орлом (юго-западная Россия), а последняя оставалась в Минске, где одно время несла охрану здания Центрального совета БНС. Барановичская рота была также разделена на группы и направлена в Полесье (южная Белоруссия). Самая сильная группа этой роты была размещена в Калинковичах, где вела постоянную борьбу с советскими партизанами, дислоцировавшимися в Полесских лесах. В целом же, к весне 1943 г. все железные дороги на территории от Орла до Бреста и от Полоцка до Калинковичей имели

⁸ Юревіч Л. Жыцьцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі... – С.34.

⁹ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.68-69.

¹⁰ Юревіч Л. Жыцьцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі... – С.33.

¹¹ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... – С.40.

белорусскую охрану. Одной из основных задач ее личного состава была борьба с советскими и польскими партизанами¹².

По утверждениям некоторых офицеров батальона, его роль была намного значительнее той, которую отводили ему немцы. Уже само появление какой-нибудь из его частей в населенном пункте способствовало оживлению там белорусского национального движения. Например, в Лиде, до зимы 1942 г. оно находилось на полулегальном положении и, как это не парадоксально, не по вине немцев. Дело в том, что в городе проживало много поляков, которые занимали главенствующее положение в местной администрации и полиции, и при всяком удобном случае терроризировали белорусов. После же того, как в Лиде была организована рота И. Сажича, местное белорусское население, по его словам, «сразу “подняло уши”, и начало отважно говорить по-белорусски, имея за плечами свое войско». Поляки же, наоборот, заметно притихли¹³.

Следует сказать, что взаимоотношения немецкого руководства и белорусских офицеров не всегда были нормальными. Так, убедившись, что организация и подготовка батальона идут по графику, и он превращается в реальную военную силу, немцы решили забрать его из-под белорусского влияния. Поэтому, уже весной 1943 г. Штримке стал смещать белорусских офицеров с командных должностей и заменять их немецкими унтер-офицерами. Кроме того, офицеры с большими амбициями сами уходили из батальона. Например, так поступили капитан Микула и лейтенанты Чайковский и Барбарыч. Со временем, все белорусские офицеры были удалены из батальона. По настоянию Кушеля для белорусов удалось сохранить только одну должность – пропагандист батальона. Им стал лейтенант Сажич, бывший командир Лидской роты¹⁴.

Отношение немецких командиров к солдатам-белорусам было очень плохим. Немецкие унтер-офицеры били их, отбирали продуктовый паек и т.п. Вследствие этого многие белорусские унтер-офицеры увольнялись из батальона, а некоторые, разжалованные в рядовые, перешли к партизанам. Такой случай, например, произошел на станции Выгода (между Барановичами и Минском). Здесь командир взвода унтер-офицер Слонимский вместе со своими людьми (12 чел.) напал на немецкое подразделение, которое вместе с ним охраняло станцию, разоружил его и ушел в лес, прихватив с собой 5 ручных пулеметов, 12 винтовок, несколько гранат и запас патронов. Там бывшие добровольцы создали партизанский отряд им. К. Калиновского, который некоторое время выступал под белорусскими национальными

¹² Кушаль Ф. Указ. соч. – С.69-70.

¹³ Юревіч Л. Жыцьцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі... – С.34.

¹⁴ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.70.

лозунгами, а затем был вынужден присоединиться к более крупному советскому партизанскому соединению¹⁵.

«Тем не менее, - вспоминал Кушель, - благодаря пропагандистской работе Сажича, батальон, в целом, самоотверженно выполнял свои обязанности до тех пор, пока из Белоруссии не ушел последний немецкий поезд»¹⁶.

Одной из последних акций батальона была охрана 2-го Всебелорусского конгресса. Руководство БЦР не без оснований опасалось, что его проведению могут помешать, как советские партизаны, так и немцы. Поэтому, из личного состава батальона были отобраны только самые надежные офицеры, которые под командованием лейтенанта Сажича патрулировали вокруг места проведения конгресса или незаметно находились среди его делегатов¹⁷.

После отступления немцев из Белоруссии батальон перевели в Прирейнскую область (Западная Германия), где его личный состав использовался как рабочая сила по ремонту железных дорог. Позже, в декабре 1944 – январе 1945 г., часть его бойцов влилась в 1-ю Белорусскую гренадерскую бригаду войск СС, речь о которой пойдет ниже.

2 декабря 1941 г. ОКХ издало директиву «Особые указания для борьбы с партизанами». В этом документе, в частности, говорилось: «... Использование местных отрядов в борьбе с партизанами вполне себя оправдывает. Знание местности, климата и языка страны делает возможным в боях с партизанами применять их же методы действия»¹⁸. Поэтому, уже в первой половине 1942 г. немецкие полицейские органы при гражданской администрации приступили к созданию из местных добровольцев батальонов «*Schuma*», которые предполагалось использовать в антипартизанских операциях. По замыслам полицейского руководства они должны были представлять собой территориальные охранные части, более крупные, мобильные, лучше вооруженные и с более широким оперативным районом. В немецкой системе правопорядка их аналогом являлись так называемые военизированные полицейские батальоны и полки, которые в больших количествах действовали на оккупированных советских территориях¹⁹.

Формирование белорусских батальонов «*Schuma*» проходило в три этапа: июнь-август 1942 г., сентябрь-октябрь 1943 г. и февраль-март 1944 г. В результате, к апрелю 1944 г. было организовано 13 таких частей: 45-49, 60,

¹⁵ Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941-1944. – М., 1986. – С.259.

¹⁶ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.71.

¹⁷ Юревіч Л. Жыцьцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі... – С.34.

¹⁸ Государственный архив Автономной Республики Крым (далее – ГААРК), ф. П – 151, оп. 1, д. 391, л. 88-89.

¹⁹ Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939-1945... – S.204.

64-67, 69-й охранные и фронтовые батальоны, 56-й артиллерийский дивизион и 68-й кавалерийский эскадрон. Динамика численности их личного состава выглядела следующим образом: 20 декабря 1943 г. – 1481, 30 января 1944 г. – 1499 и, наконец, 29 февраля 1944 г. – 2167 человек²⁰.

По штатному расписанию каждый батальон должен был состоять из штаба и четырех рот (по 124 чел. в каждой), а каждая рота – из одного пулеметного и трех пехотных взводов. Иногда в состав батальона входили также технические и специальные подразделения. На примере белорусской «*Schuma*» видно, что штатная численность личного состава в 501 человек на практике колебалась от 200 до 700. Как правило, батальоном командовал местный доброволец из числа бывших офицеров Польской или Красной Армии. Тем не менее, в каждом из них было 9 человек немецкого кадрового персонала: 1 офицер связи с немецким полицейским руководством и 8 унтер-офицеров. Интересно, что срок службы в таком батальоне определялся специальным контрактом и составлял шесть месяцев. Однако, зачастую, этот срок автоматически продлевался²¹.

Командные кадры для батальонов «*Schuma*» (и вообще для белорусской полиции) готовили открытые в декабре 1941 г. минские курсы по переподготовке полицейских. Позднее, в мае 1942 г. при них была открыта школа унтер-офицеров полиции²².

Бойцы белорусской «*Schuma*» носили стандартную униформу Вермахта или немецкой полиции. В начале 1943 г. для их личного состава (а затем и для всех остальных ветвей вспомогательной полиции) были разработаны специальные знаки различия, которые значительно отличались от «полосок» и «уголков» персонала индивидуальной службы. Это были: эмблема для ношения на головном уборе – свастика в лавровом венке; эмблема для ношения на левом рукаве кителя – свастика в лавровом венке и в обрамлении девиза «*Treu – Tapfer – Gehorsam*», что означало «Верный – Храбрый – Послушный»; и погоны черного цвета, на которых была вышита свастика. Также были введены новые черные петлицы, на которых размещались серебристые «уголки» и «звездочки», свидетельствующие о звании их владельца. Так как батальоны «*Schuma*» представляли собой уже более крупные формирования, чем части индивидуальной службы, для их личного состава были введены офицерские звания. Теперь, таким образом, было уже семь воинских званий: к трем унтер-офицерским было добавлено еще четыре офицерских (примерно, от лейтенанта до майора

²⁰ NARS, T-175. Records of the Reich Leader-SS and Chief of the German Police (Allgemeine-SS), roll 225, frames 2764380-2764391; roll 233, frames 2722118; roll 235, frame 2723967.

²¹ Hoffmann J. Ostlegionen 1941-1943. – Freiburg, 1976. – S.47.

²² NARS, T-175. Records of the Reich Leader-SS and Chief of the German Police (Allgemeine-SS), roll 225, frame 2764132.

немецкой полиции). Следует отметить, что эти офицерские звания не были персональными, а, как и в предыдущий период, означали только занимаемую должность: помощник командира взвода, командир взвода, командир роты и командир батальона. Еще одним новшеством в этих знаках различия было то, что теперь каждый тип «вспомогательной полиции порядка» имел свой цвет. Например, полиция индивидуальной службы в городах и солдаты батальонов «*Schuma*» имели светло-зеленые выпушки петлиц и погоны, свастику на погонах и рисунок нарукавной эмблемы, а у полиции индивидуальной службы в сельской местности все это было оранжевым²³.

В организационном и оперативном отношении эти части были подчинены начальнику полиции порядка генерального округа «Белоруссия» и действовали в западной и центральной части республики²⁴. Единственным исключением был батальон «*Schuma*» №69. Он располагался в тыловом районе группы армий «Центр» и подчинялся фюреру СС и полиции «Могилева»²⁵.

При организации батальонов «*Schuma*» предполагалось, что, в отличие от вспомогательной полиции индивидуальной службы, на них будет возложено только участие в оперативных мероприятиях и всего связанного с ними. Немецкие нормативные документы выделяют три основных типа таких батальонов:

- фронтовой (*Front*) – предназначался для оперативных мероприятий на широком фронте и с широкими задачами; иногда мог применяться и против регулярного противника;
- охранный (*Wach*) – предназначался для охранных мероприятий, главным образом на военных объектах и в местах заключения;
- запасной (*Ersatz*) – осуществлял подготовку личного состава для двух предыдущих типов, но в случае крайней необходимости мог использоваться как охранный или фронтовой²⁶.

В Белоруссии были созданы батальоны только двух первых типов: шесть фронтовых и пять охранных. И такое их количественное соотношение не является случайным: немцы одинаково нуждались и в охранных частях, и в частях, которые могли на равных бороться с партизанами. Однако возникает вопрос, почему не был создан ни один запасной батальон? Дело в том, что в тот период и в генеральном округе, и на территории юрисдикции военной администрации уже было достаточно специальных учебных заведений, где готовился более или менее качественный полицей-

²³ Дробязко С.И. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и войсках СС... – С.4, 28.

²⁴ Munoz A.J. The Druzhina SS Brigade: A History, 1941-1943. – New York, 2000. – P.41-45.

²⁵ NARS, T-175. Records of the Reich Leader-SS and Chief of the German Police (Allgemeine-SS), roll 226, frames 2765402-2765406; roll 235, frame 2723976.

²⁶ Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939-1945... – P. 646.

ский персонал офицерского и унтер-офицерского уровня. Не было недостатка и в рядовом контингенте²⁷.

После окончания подготовки каждый из батальонов получал свой оперативный район. В целом, эти части «*Schuma*» были распределены следующим образом: №45 и №60 (район Барановичей); №46 и №65 (район Новогрудка); №47 и №49 (район Минска); №48 (район Слонима); №64 (район Глубокого); №66 (район Слуцка); №67 (район Вилейки); №69 (район Могилева)²⁸.

Здесь перед личным составом батальонов были поставлены задачи следующего характера:

1. Защита войскового и оперативного тыла действующей армии от агентурных и диверсионных действий противника;
2. Охрана и оборона всех видов коммуникаций, имеющих значение для фронта или экономики Германии;
3. Охрана и оборона объектов, имеющих значение для Вермахта и германской администрации (базы, склады, аэродромы, казармы, административные здания и т.п.);
4. Активное осуществление полицейских и, в случае необходимости, войсковых мероприятий по подавлению антигерманских выступлений в тыловых районах группы армий «Центр» и в генеральном округе «Белоруссия»²⁹.

В июне 1944 г., после начала советского наступления в Белоруссии, часть батальонов «*Schuma*» была разгромлена, а часть (например, батальоны №№60, 64 и 65) были отведены в Польшу. Здесь они впоследствии вошли в состав 30-й гренадерской дивизии войск СС, речь о которой пойдет в следующей главе.

Следует сказать, что за весь период своего существования части белорусской вспомогательной полиции показали, в целом, хорошую выучку и проявили высокое тактическое мастерство. Однако нередко моральное состояние и боевой дух личного состава некоторых из них оставляли желать лучшего. И в этом, зачастую, были виноваты сами немцы. Ф. Кушель позднее вспоминал: «...Немецкое отношение к этому делу (созданию белорусских частей)... привело к тому, что широкие белорусские массы все больше и больше разочаровывались в немцах. Результатом этого разочарования было, в первую очередь то, что белорусы начали покидать ряды полиции... и переходить к партизанам»³⁰.

Приведем лишь несколько, наиболее характерных, примеров. В августе 1942 г. было принято решение о формировании 49-го батальона «*Schuma*». Уже сам набор в него проводился принудительными методами: окружные ко-

²⁷ NARS, T-78. Fremde Heere Ost, roll 413, frame 1302.

²⁸ NARS, T-78. Fremde Heere Ost, roll 413, frame 1303-1304.

²⁹ Панкратов П.А. «Мрак и туман» // ВИЖ. – 1998. – №3. – С.14.

³⁰ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.45.

миссары просто хватали белорусскую молодежь и отправляли ее под конвоем к месту формирования. Таким образом было набрано около 2 тыс. человек. Белорусам не дали ни одной офицерской должности, и поэтому батальоном, вплоть до ротного звена, командовали немцы. К тому же, все немецкие офицеры общались со своими подчиненными только по-немецки, что, естественно, не способствовало взаимопониманию и создавало дополнительные трудности в обучении. Из-за этого немцы стали избивать белорусских новобранцев, следствием чего стало дезертирство. В конечном итоге, этот период истории батальона закончился нападением советских партизан и паническим бегством всего белорусского персонала, который попросту не захотел сопротивляться (да и не мог, имея всего 50 винтовок). После этого инцидента вернуть обратно удалось только несколько сот человек³¹.

Осенью 1943 г. немецкое полицейское руководство приняло решение о создании еще одного батальона «*Schuma*» – 48-го. Помня отрицательный опыт 49-го батальона, немцы при его организации пошли на хитрость. В обмен на помощь по набору добровольцев они пообещали Слонимскому окружному руководителю БНС И. Дакиневичу пост командира батальона. При этом приводились убедительные аргументы, типа, что «пора уже и белорусам включиться в войну за Новую Европу». Белорусская молодежь и на этот раз поверила немцам. В результате, в Слоним прибыло 5 тыс. человек, из которых медицинские комиссии отобрали только 1 тыс. Однако вскоре после начала организации батальона из Минска прибыло его настоящее начальство – немецкий СС-штурмбаннфюрер и командиры рот. Дакиневич был отодвинут на второй план, получив должность пропагандиста части. Можно было ожидать, что и здесь повторится история 49-го батальона, но на этот раз немцы действовали умнее. Не повторяя прежних ошибок, они называли Дакиневича командиром, а полицейский офицер при нем считался офицером связи между белорусским персоналом и начальником полиции порядка. В итоге, это сильно повлияло на дисциплину и боеспособность личного состава батальона: в целом, они были достаточно высокими. Тем не менее, это продолжалось не долго. Чем сильнее становился батальон, тем меньшую роль в его управлении играл белорусский командир. А в марте 1944 г. его и вовсе убрали из подразделения. Вскоре после этого оно стало разлагаться, и, как следствие, в одном из боев было разбито советскими партизанами³².

Как видно, случаи дезертирства и разложения обычно происходили в тех подразделениях белорусской полиции, где командирами были исключительно немцы. В частях же, где на командных должностях были белорусы, не только не было дезертирства, а наоборот наблюдался явный приток

³¹ Чуев С.Г. Проклятые солдаты... – С.283-284.

³² Раница. – 1943. – 19 верасня.

добровольцев. Так, например, было во время повторной организации 49-го батальона, где наличие офицеров-белорусов явилось стабилизирующим фактором, вследствие чего его личный состав увеличился до 500 человек, а дисциплина и боеспособность значительно укрепились. Подобная история имела место и в еще одном, 60-м, батальоне «Schuma»³³.

Учтя негативный опыт, главный фюрер СС и полиции «Россия-Центр» фон Готтберг решил учредить специальный пост Главного опекуна (*Hauptbetrauer*) белорусской полиции. Формально этот чиновник должен был являться ее главным начальником, однако, фактически, он был только главным пропагандистом. В августе 1943 г. на это пост был назначен уже упоминавшийся капитан Ф. Кушель. В обязанности Кушеля входила пропаганда среди личного состава полицейских частей, которая должна была вестись в пронемецком и белорусском национальном духе, и забота о материальном положении. Помимо опеки над частями белорусской полиции, Кушель должен был также заботиться обо всех полицейских частях, расположенных в зоне ответственности главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр и Белоруссия». Таким образом, в его компетенцию входили части, укомплектованные белорусами, русскими, украинцами, но не литовцами и латышами. Все мероприятия по опеке над полицией Кушель разрабатывал и осуществлял через свой штаб, который состоял из: секретаря, переводчика, машинистки, руководителя пропагандистских мероприятий и персонал редакции специального полицейского журнала. В каждом округе Белоруссии должен был находиться окружной опекун (*Gebietbetrauer*) со своим небольшим штабом, а в каждом районе и при каждом отделении полиции – просто опекун (*Betrauer*), который подчинялся окружному опекуну. Кандидатов на должность окружных опекунов искал и назначал Кушель. Все опекуны несли перед ним ответственность за свою работу. Кроме того, Главный опекун имел право и обязанность контролировать работу всех опекунов и вносить в штаб главного фюрера СС и полиции предложения об их увольнении или переводе на другую должность³⁴.

В сентябре-октябре 1943 г. Кушель предпринял инспекционную поездку по округам, чтобы выяснить, как осуществляется опека над белорусской полицией. Оказалось, что практически везде есть проблемы и связаны они, в основном, с вопросами пропаганды идей белорусского национализма среди полицейских. Причиной этого было то, что в западной части Белоруссии вся полиция находилась под польским влиянием, а в восточной – под русским. Это приводило к тому, что местные немецкие полицейские начальники назначали на должности опекунов поляков или русских. Если

³³ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.46.

³⁴ Там же. – С.46-47.

же на эту должность попадал белорус, то ему, обычно, были совершенно чужды идеи белорусского национализма. Так, например, в округе Ганцевичи из семи опекунов один был русским, один белорусом, а остальные поляками. По мнению Кушеля это положение могло исправить только специальное обучение опекунов, в ходе которого их бы знакомили с историей и современным положением белорусского национального движения. Такое предложение он внес в конце октября 1943 г., а уже в первой половине января 1944 г., в Минске открылись двухнедельные курсы для опекунов белорусской полиции. На эти курсы было отправлено по одному опекуну из каждого округа и по одному из каждого формирования полиции порядка. Всего, таким образом, прибыло 18 человек (15 белорусов, 2 русских и 1 поляк). После окончания обучения курсанты, которые вернулись в свои округа, провели такие же курсы для районных опекунов. В результате, к весне 1944 г. весь руководящий состав белорусской полиции был переподготовлен с учетом требований штаба Кушеля³⁵.

Роль проводника белорусской национальной идеи среди личного состава полиции отводилась органу штаба Главного опекуна – журналу «Беларус на варце», главным редактором которого также был Кушель. Первый номер этого журнала вышел в начале декабря 1943 г. и оказался весьма удачным. В количестве 2500 экз. он разошелся по всей Белоруссии. Дальнейшие номера «Беларуса на варце» выходили по мере накопления материала, поэтому с декабря 1943 по май 1944 г. вышло только 10 номеров. Журнал распространялся в Белоруссии через аппарат немецкой полиции и был очень популярным среди белорусской общественности³⁶.

Без сомнения, благодаря работе штаба Главного опекуна национальное самосознание полицейских сильно возросло. По мнению Кушеля, «они действительно начали считать себя белорусскими солдатами и совсем иначе оценивать свои обязанности и отношение к немцам»³⁷.

Возросшее моральное состояние белорусских полицейских привело к усилению их боевого духа. Так, когда началось немецкое отступление из Белоруссии, то немцы, обычно, бросали белорусскую полицию на произвол судьбы. Однако, несмотря на это, большинство полицейских батальонов и других частей полиции в полном порядке отступили на запад. Только в районе Гродно СС-группенфюрер фон Готтберг начал организовывать белорусскую полицию в регулярные боевые единицы и бросать в бой под командой немецких офицеров. Например, прорыв Красной Армии в районе Августова (Польша) был ликвидирован исключительно благодаря бело-

³⁵ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.47.

³⁶ Беларус на варце. – 1944. - №4 и №6.

³⁷ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.47-48.

русам. При этом, как писал Кушель, «большинство полицейских погибли там героической смертью, веря, что они сражаются за Белоруссию»³⁸.

Немецкий исследователь Б. Кьяри отмечал, что «в советской литературе полицейские вместе с бургомистрами олицетворяли предательство своего народа»³⁹. Однако из лагеря националистов звучат не менее серьезные обвинения. Так, эмигрант К. Акула вспоминал, что когда «белорусский народ говорил о полиции, то с особенной неприязнью выговаривал слово «черная». Под этим словом простые люди подразумевали не только цвет униформы, но и все самое, можно сказать, грязное, предательское, фальшивое, чужое и враждебное»⁴⁰.

Другой же белорусский националист С. Шнек вспоминал, что главными особенностями полиции в Слуцком округе было то, что «она и по принципам своего создания, и, исключительно, по белорусскому личному составу, и по характеру своего применения, была полицией от плоти и крови своего народа»⁴¹.

Почему же можно прочесть такие полярные мнения? Из всего сказанного выше ясно, что полиция была наиболее неоднородной частью белорусских коллаборационистских формирований. В принципе, когда упоминают это собирательное название, то под ним надо подразумевать несколько самостоятельных подразделений. Одновременно, это были наиболее массовые формирования, которые применялись немцами на всей территории Белоруссии. Именно поэтому полиция и получила такую неоднозначную оценку. Если не брать во внимание советскую точку зрения, согласно которой все, кто шел служить в полицию, уже автоматически не могли считаться порядочными людьми, то можно выделить две основные причины, по которым ее личный состав мог вызывать неприязнь у местного населения. В первую очередь, это национальный вопрос, которому выше было уделено уже достаточно внимания. Здесь мы остановимся только на его влиянии в деле создания и использования белорусских частей охраны правопорядка. Когда немцы стали организовывать местную администрацию и вспомогательную полицию, то первоначально они делали это на добровольной основе и по своим планам, «совершенно не советуясь с местными белорусскими организациями или авторитетными лидерами белорусского актива». Поэтому в Западной Белоруссии в полицию «просто массово» стали вступать поляки. Немцы охотно принимали их, так как среди местных поляков было много тех, кто знал военное дело, а часто и немецкий язык.

³⁸ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.50.

³⁹ Chiari B. Das Schicksal der weißrussischen Juden im „Generalkommissariat Weißruthenien“... – S.305.

⁴⁰ Акула К. Указ. соч. – С.30.

⁴¹ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 4.

Поляки быстро захватили в свои руки всю администрацию и весь аппарат вспомогательной полиции почти во всех западных районах генерального округа, и с его помощью начали уничтожение белорусских националистов, представляя их перед немецкими властями скрытыми коммунистами. Нередко полицейские формирования, состоявшие из поляков, участвовали в карательных акциях против белорусского мирного населения. Эта борьба наложила свой отпечаток на почти все стороны политической жизни в этой части оккупированной Белоруссии. Не могла она не затронуть и военную сторону. И борьба за придание местной администрации и полиции «белорусского вида» была кульминацией того белорусско-польского конфликта, который имел место на территории генерального округа в 1941-1944 гг.⁴²

Следует сказать, официально победа осталась за белорусскими националистами. Так, по словам современного белорусского историка Ю. Грибовского, к 1943 г. им удалось белорусифицировать практически всю местную администрацию от района и ниже. Кроме того, под белорусское влияние попало почти все народное образование. В целом, к этому периоду доля участия националистов в управленческом аппарате увеличилась с 30 до 80%. Справедливости ради стоит отметить, что такой высокий процент появился не без помощи немцев, о чем было уже достаточно сказано выше⁴³.

Тем не менее, в отличие от гражданской администрации, где белорусским националистам удалось достигнуть определенных успехов (и это следует признать), вопрос с «деполонизацией» полиции выглядел несколько хуже. Известно, что на тот же период лица белорусской национальности составляли всего 60% ее личного состава. Не удалось националистам окончательно избавиться от «польского засилья» и в последующий период. Например, по состоянию на декабрь 1943 г. доля поляков в полиции Брестского округа составляла 22%, а в Барановичском округе процентное соотношение было следующим: 77,6% белорусов, 21,2% поляков и 1,2% остальных⁴⁴.

Однако наиболее неблагоприятная для белорусов ситуация сложилась в Лидском округе, где польское влияние было традиционно очень сильным. В связи с этим заслуживает внимания случай, который имел место во время инспекции лидской полиции Ф. Кушелем. Так, он позднее вспоминал: «Еще перед общим сбором полицейских начальник окружной полиции просил меня говорить так, чтобы не углублять существующий белорусско-польский антагонизм. Когда личный состав был построен, я сказал, чтобы все белорусы подняли руки... Оказалось, что их было не больше 20%, ос-

⁴² Piotrowski T. Op. cit. – P.86-88.

⁴³ Грыбоўскі Ю. Польшка-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь»... – С.136-138.

⁴⁴ Там же. – С.138.

тальные были поляками»⁴⁵. К слову, даже на март 1944 г. в Лидском округе поляками были 21 из 25 начальников местной полиции и 2/3 личного состава всех полицейских гарнизонов⁴⁶.

До более интенсивной ликвидации польского влияния в полицейском аппарате дошло только в августе 1943 г., когда недавно созданная БРД приняла решение «об очистке рядов белорусской полиции от поляков». В нем, в частности, говорилось: «Все без исключения лица польской национальности, которые находятся на службе в полиции, должны быть уволены»⁴⁷. В дальнейшем, такие чистки планировалось проводить постоянно. А чтобы решить проблему кадров, на место изгнанных поляков и ополяченных белорусов предлагалось набирать молодых белорусских учителей и членов военизированной организации СБМ, речь о которой пойдет ниже. Как видно, будущий новый контингент должен был быть не столько обученным полицейскому ремеслу, сколько отличаться преданностью «белорусскому делу»⁴⁸.

И тем не менее, как показал последующий опыт, белорусские национальные лозунги и далее не находили в полиции достаточного отклика. Причина тому – значительное количество агентов АК, которые действовали в рядах белорусской полиции практически до самого конца немецкой оккупации. Только бороться теперь с ними было значительно трудней, так как, в отличие от польских полицейских, сторонники «аковцев» действовали тайно. Ущерб же от их деятельности был не меньшим, если не более значительным. И, прежде всего, в идеологической сфере: АК представляла собой разновидность антинацистского Сопротивления. Свидетельством этому является множество фактов. Например, в ходе столкновений белорусской полиции и польских партизан очень часто происходили случаи перехода первых на сторону последних. Выше уже говорилось, что в Лидском округе белорусским националистам практически ничего не удалось изменить в свою пользу, так как польская агентурная сеть охватывала почти все полицейские участки на указанной территории. Типичный для такой ситуации случай произошел в Щучинском районе. В декабре 1942 г. местный школьный инспектор жаловался в Минск, что начальник полиции поляк Голомбек самовольно арестовал по обвинению в коммунизме и расстрелял учителя А. Душа, который был очень активным белорусским националистом. В связи с этим, школьный инспектор просил прислать нового начальника полиции, белоруса по национальности, который бы защищал права своих соотечественников⁴⁹.

⁴⁵ Кушалъ Ф. Указ. соч. – С.60.

⁴⁶ Гелагаеў А. Указ. соч. – С.19.

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 401-402.

⁴⁸ К'яры Б. Штодзённасьць за лініяй фронту... – С.179, 187-188.

⁴⁹ Грыбоўскі Ю. Польшка-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь»... – С.139.

Введение должности Главного опекуна белорусской полиции и начало издания журнала «Беларус на варце» тоже, по сути, преследовали цель «формирования белорусского лица полиции». Так, на страницах этого издания публиковалось много достаточно критических материалов, поскольку редакция не могла просто так закрыть глаза на значительное влияние «польских настроений» среди личного состава полицейских частей. Что же это были за настроения? В одной из статей читаем: «В Западной Белоруссии полицейские усвоили манеры польской полиции. Во время службы они разговаривают на польском языке, а на народ смотрят, как на каких-то холопов... Вот почему шомпола и плети полиции... нередко секут белорусские спины»⁵⁰.

Проблема «польского засилья» была очень актуальна в Западной Белоруссии. В ее же восточной части в полицию стало записываться много русских, которые, хоть и не питали такой ненависти к белорусам, как поляки, тем не менее не упускали случая нанести удар по белорусским активистам, считая их сепаратистами и «предателями общерусского дела». Подобным образом могли действовать русские националисты, которых было, все-таки, не так много. Тем не менее, национальной или религиозной ненависти к белорусам у них было значительно меньше, чем у поляков (если таковая вообще была). За всю историю оккупации известен только один случай, когда именно русская коллаборационистская часть уничтожила население нескольких белорусских деревень именно за то, что это были белорусы. Об этом случае в своих воспоминаниях пишут, с разными вариациями, почти все белорусские эмигранты, поэтому остановиться на нем следует поподробнее. Речь идет о так называемой Особой русской бригаде СС «Дружина» (командир СС-оберштурмбаннфюрер В. Гиль-Родионов), действовавшей в районе Глубокого и Лепеля на протяжении 1943 г.⁵¹

По свидетельству белорусских националистов Ю. Витбича и К. Акулы, летом 1943 г. солдаты этой бригады сожгли несколько белорусских деревень в районе Лепеля, а их население (около 3000 чел.) согнали в населенный пункт Иконники. Здесь Гиль-Родионов обратился к белорусам с речью, в которой сказал, что все они будут уничтожены за связь с партизанами, однако он дает им последний шанс. Шанс этот заключался в следующем. Мнимые пособники партизан должны были обратиться к нему с просьбой о помиловании на «русском литературном языке». Естественно, что никто из простых белорусских крестьян не знал этого языка. Поэтому Гиль-Родионов приказал расстрелять их всех из пулеметов. Кроме того, другой белорусский националист – Ю. Дувалич – после войны вспоминал, что издевательское предложение командира «Дружины» не было единс-

⁵⁰ Беларус на варце. – 1943. – №1. – С.12.

⁵¹ Окороков А.В. Указ. соч. – С.80-83.

твенным антибелорусским проявлением в ходе этой зачистки. Еще когда его солдаты жгли деревни и выгоняли их жителей на улицу, он приказал убить трех юношей и двух девушек только за то, что они прицепили на свою одежду белорусский национальный значок (какой неизвестно). Этот случай имел место в деревне Зембин⁵².

Естественно, что все белорусские националисты, чьи свидетельства были приведены выше, настаивают именно на национальной подоплеке этих расправ. Мы не можем с этим согласиться по целому ряду причин. Во-первых, воспитанный в духе советского интернационализма бывший красный командир Гиль-Родионов вряд ли имел представление об истории белорусского национализма и его целях во Второй мировой войне. Во-вторых, уже позднее появились свидетельства, что он был советским агентом и таким образом намеренно провоцировал ненависть местного населения к оккупантам. Подтвердить последнее допущение можно уже хотя бы тем, что в августе 1943 г. Гиль-Родионов перевел большую часть своей бригады на сторону советского движения Сопротивления. Здесь на ее основе была создана партизанская бригада, которая действовала против немцев до самого конца оккупации Белоруссии. При этом Гиль-Родионов был не только не наказан советскими властями, а даже награжден (по одной из версий) орденом Боевого Красного Знамени и оставлен во главе своей части. Позднее он погиб в одном из боев с немцами⁵³.

Наличие польских и русских националистов в правоохранительном аппарате было не единственной проблемой. Кроме них в полицию, по разным причинам, попало много лиц, которые были сторонниками советской власти. Большинство из них не проявляло никакой активности до самого конца оккупации, когда они массово стали переходить на сторону партизан. Но были и такие, кто вступил в ряды полиции по приказу подполья. Они-то, помимо всего прочего, и занимались уничтожением белорусского актива, и часто делали это, также как и поляки, немецкими руками. Вот почему в целом ряде случаев вспомогательная полиция вызывала столько ненависти у белорусских националистов⁵⁴.

Там же, где эта полиция была организована при их содействии, например, в Слуцке, она, по словам С. Шнека, «любила и защищала свой народ со всей молодой пылкостью и самоотверженно уничтожала врагов своей родины». И если в остальных районах из вспомогательной полиции много и часто дезертировали, то в «белорусской полиции» наблюдался только рост личного состава. Так, в том же Слуцком округе его динамика была следующей: на 1 ав-

⁵² Акула К. Указ. соч. – С.35.

⁵³ «Бригада Родионова, получившая наименование 1-й антифашистской партизанской бригады...» // ВИЖ. – 2003. - №12. – С.20-23.

⁵⁴ Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение... – С.73.

густа 1941 г. – 43, на 6 июля 1942 г. – 420, на 6 июля 1943 г. – 960 и на 1 января 1944 г. – 1760 человек. Нечто сходное наблюдалось и в Барановичах – 28 человек в июле 1941 г. и 341 человек в январе 1944 г.⁵⁵

Наряду с национальным и идеологическим противоречиями можно также отметить проблему морального состояния личного состава полиции. Положение в ней было только отражением общей ситуации на оккупированной территории. В полицию, как и другие органы оккупационной администрации, вступали разные люди и из разных социальных слоев: интеллигенция, рабочие, крестьяне. В первые дни в ее ряды попало много уголовного элемента. В советской литературе не было приятно писать об этом, однако немцы строго-настроено запрещали принимать в полицию уголовников. Но это, если специально разбираться и иметь для этого достаточно времени. Поначалу его не было, и брали всех желающих, лишь бы не был явным коммунистом или евреем. Поэтому, неудивительно, что вскоре «криминальный элемент» начал проявлять себя соответствующим образом⁵⁶.

Были разными и причины, по которым люди шли служить в полицию. Обычно, туда шли те, кто пострадал от советской власти. Для других служба в полиции выглядела более привлекательной, чем тяжелая работа в деревне или, вообще, вывоз в Германию. Из многочисленных протоколов послевоенных судебных процессов и из других источников также известно, что «полицай» придавали большое значение наградам, униформе и оружию, как признакам определенного статуса, который был гораздо выше, чем у местного населения⁵⁷.

Конечно, среди «полицаев» были и такие, кто не деградировал и не потерял человеческого облика во время своей службы. Однако приходится признать, что большая часть из них пошла в полицию не для того, чтобы охранять порядок, а совсем наоборот. И это не было только советской пропагандой. Например, даже в документах немецких полицейских властей в Белоруссии есть многочисленные факты драк, пьяных выходок, злоупотребления оружием и прочих подобных инцидентов. В качестве дисциплинарных нарушений были также зарегистрированы насилия и убийства мирного населения, которые совершались, главным образом, во время переселения евреев в гетто и позднее, во время их массового уничтожения. И зачастую, местные «полицай» делали даже больше того, что от них требовали немецкие власти. Известно много случаев, когда белорусские или польские полицейские убивали евреев-беглецов из гетто, «принимая» их за «советских партизан». Иногда «партизаном» становился тот, кто просто

⁵⁵ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 4.

⁵⁶ Иоффе Э.Г. К вопросу о роли коллаборационистов в катастрофе на белорусской земле... – С.164-178.

⁵⁷ Dean M. Op. cit. – P.65-68.

не понравился полицейскому. Когда кто-нибудь в городе или деревне доносил на кого-либо как на коммуниста, он, обычно, делал это в местной полиции, которая и арестовывала подозреваемого. Часто это делалось с невиданной жестокостью. Дома, в которых скрывались «советские агенты», нередко просто поджигались. Когда виноватых не находили, их местонахождение «выяснялось» через допросы родственников, часто с применением пыток⁵⁸.

«Вот поэтому, - подводит итог немецкий историк Б. Кьяри, - образ пьяного, примитивного горлопана-полицая, который тиранил и грабил население, полностью проявляя свои преступные наклонности и садизм, появился не на пустом месте»⁵⁹.

Формирования белорусской самообороны

Сельские отряды самообороны, созданные местными жителями для защиты от советских и польских партизан, а иногда и немцев, существовали на протяжении всего периода оккупации Белоруссии. Создание таких отрядов облегчалось наличием большого количества оружия, оставленного Красной Армией, а также тем, что в центральных и западных районах республики осталось очень много мужчин призывного возраста. Это объясняется тем, что коммунисты не успели провести здесь мобилизацию, а немцы, в свою очередь, всех военнопленных белорусской национальности отпускали из лагерей по домам⁶⁰.

До середины 1942 г. создание отрядов самообороны носило неорганизованный характер и зависело от инициативы на местах. Однако летом ситуация коренным образом изменилась. В данном случае необходимо назвать две причины таких изменений. Во-первых, это было связано с развитием партизанского движения, бурный рост которого был вызван немецкой политикой в Белоруссии. Во-вторых, создание организованных сил самообороны являлось одним из пунктов программы генерального комиссара В. Кубе, направленной на белорусификацию оккупационного аппарата. В результате, 29 июня 1942 г. он опубликовал проект указа о Корпусе белорусской самообороны (КБС). Разработка планов по его созданию была поручена Центральному совету БНС, а создание отдельных формирований – органам местного самоуправления⁶¹.

⁵⁸ Rein L. Op. cit. – P.381-409.

⁵⁹ Chiari B. Das Schicksal der weißrussischen Juden im „Generalkommissariat Weißruthenien“... – S.309.

⁶⁰ Клыкковская Т. Обреченный эскадрон: в 1942 г. они мечтали создать национальные белорусские войска... – С.2.

⁶¹ Беларуская газэта. – 1942. – 8 ліпеня.

В начале июля 1942 г. капитан Ф. Кушель разработал план, по которому следовало в дальнейшем разворачивать КБС. Согласно этому плану предполагалось иметь следующую структуру корпуса:

- Штаб корпуса должен был располагаться в Минске;
- 1-я дивизия (дислокация в Минске; оперативный район – Минский и Слуцкий округа);
- 2-я дивизия (дислокация в Барановичах; оперативный район – Барановичский, Новогрудский и Слонимский округа);
- 3-я дивизия (дислокация в Вилейке; оперативный район – Вилейский, Лидский и Глубокский округа);
- вспомогательные службы⁶².

Находясь формально в распоряжении Центрального совета БНС, корпус должен был подчиняться фюреру СС и полиции на правах вспомогательного формирования.

15 июля 1942 г. фюрер СС и полиции генерального округа «Белоруссия» СС-бригадефюрер К. Ценнер ознакомился с планом создания КБС и внес свои изменения. Согласно поправкам Ценнера, вместо развертывания трех дивизий, предполагалось создать сеть антипартизанских подразделений по всему генеральному округу. Поэтому в каждом районе должны были быть организованы добровольческие формирования КБС силой от роты до батальона, которые бы подчинялись местным руководителям немецкой полиции в оперативном отношении и сфере подготовки. Кушель позднее вспоминал, что «эти поправки оказали на нас очень удручающее впечатление. Из них следовало, что роль д-ра Ермаченко и лиц, обличенных его доверием, сводилась только к тому, чтобы призвать людей, одеть их, расквартировать и накормить, остальное же передавалось в компетенцию немцев»⁶³. Тем не менее, руководство БНС было вынуждено согласиться с мнением Ценнера.

Чтобы создать видимость того, что самооборона находится под белорусским руководством, немцы на все высшие командные должности в ней разрешили назначить белорусов. В результате, к апрелю 1943 г., верховное командование КБС выглядело следующим образом:

- Шеф (главный комендант) КБС – руководитель Центрального совета БНС И. Ермаченко;
- Начальник штаба БНС – подполковник И. Гутько;
- Главный референт («военный министр») БНС и начальник ее военного отдела – капитан Ф. Кушель. В его подчинении в каждом округе Белоруссии находились специальные окружные референты,

⁶² Кушаль Ф. Указ. соч. – С.44.

⁶³ Там же. – С.45.

которые должны были отвечать за формирование местных батальонов самообороны⁶⁴.

Согласно приказу Ценнера, мобилизация в КБС проводилась на добровольной основе, однако часто местные немецкие власти не придерживались этого обязательства. В связи с этим, все, что касается численности личного состава корпуса, до сих пор является спорным моментом в его истории. Советские источники утверждают, что добровольцев не было вообще, поэтому оккупанты начали принудительную мобилизацию. Однако из-за противодействия партизан и нежелания населения служить в этом формировании, и она не дала ожидаемых результатов⁶⁵. Этого не подтверждают белорусские источники. Так, Кушель позднее вспоминал, что извещение о создании КБС вызвало среди населения «небывалый энтузиазм» и убеждение, что корпус справится, наконец, с партизанами и станет основой будущей белорусской армии⁶⁶. Наплыв же добровольцев был так велик, что немецкие и белорусские власти просто не знали, что с ними делать⁶⁷. Из-за явной тенденциозности источников, обе эти точки зрения следует воспринимать очень осторожно. Как правило, коммунисты всегда значительно приуменьшали численность подобных формирований, а националисты, наоборот, преувеличивали. Истина, обычно, лежит где-то посередине. Согласно отчету Кубе, по состоянию на октябрь 1942 г. в КБС было завербовано около 15 тыс. человек. Из отчета также следует, что, действительно, не все из них были добровольцами. Например, принудительная мобилизация была проведена в Ганцевичском округе. Однако и отрицать «народный энтузиазм» также не стоит. Так, в Белостокском округе, который вообще не относился к генеральному округу «Белоруссия», в КБС захотело вступить действительно значительное количество добровольцев⁶⁸.

Призыв в корпус проходил в течение двух месяцев, в результате чего Кушель смог сформировать около 20 батальонов и несколько более мелких частей. Обычно каждый батальон самообороны состоял из трех пехотных рот и одного эскадрона кавалерии. В каждой роте было по 100-120 человек, а в эскадроне – около 100. Батальон имел двойное подчинение: белорусское и немецкое. Как правило, батальоном командовал белорусский офицер, а немец исполнял при нем обязанности советника и офицера связи с местным немецким полицейским начальником⁶⁹.

⁶⁴ Ёрш С. Забыты беларускі вайсковы дзеяч // Голас Камбатанта. – 2000. - №5. – Лістапад – сьнежань.

⁶⁵ Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июль 1941 – июль 1944)... – Т.2. – Кн.1. – С.30, 78.

⁶⁶ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.46.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1141, л. 357.

⁶⁸ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką... – S.147.

⁶⁹ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 400.

Солдаты белорусской самообороны не имели единой униформы и вооружения. Так, в Слонимском батальоне была как литовская, так и польская униформа. В качестве головного убора бойцы носили пилотки с кокардой в виде «Погони». На вооружении личного состава батальона были бельгийские винтовки⁷⁰. Ситуация в Слонимском батальоне была еще не самой плохой, так как в большинстве частей КБС вопросы обмундирования и вооружения вообще не были решены. Одной из причин этого было то недоверие, которое немецкие полицейские власти испытывали к белорусским добровольцам, поэтому они и не спешили снабжать их всем необходимым. В результате, командиры и бойцы большинства батальонов ходили в своей домашней одежде, часто даже в лаптях, иногда, мало чем, отличаясь от партизан⁷¹. Подписывая соглашение с Ермаченко, немецкая сторона обязалась предоставить необходимое вооружение всем батальонам КБС. Однако только после многомесячного выжидания, к концу 1942 г., немцы выдали их личному составу небольшое количество винтовок устаревших образцов. Это, естественно, не решило проблемы вооружения, но, как это и не парадоксально, не обескуражило белорусских солдат. Они начали обеспечивать себя оружием самостоятельно, собирая его в лесах, покупая и выменивая у немецких солдат. Таким способом вооружил себя личный состав одного из батальонов Минского округа. Описывая ситуацию в Слонимском округе, очевидец даже приводит цены, по которым осуществлялись эти сделки. Так, автоматическая винтовка стоила 5 кг солонины и 5 л самогона. Иногда винтовки покупались даже... у советских партизан – по две бутылки водки за каждую⁷².

Главной проблемой при организации КБС было отсутствие необходимого количества белорусских офицеров и унтер-офицеров. Дело доходило до того, что даже ротами командовали немецкие унтер-офицеры. Так, например, было в уже упоминавшемся Слонимском батальоне. Те же офицеры и унтер-офицеры, которые изъявили желание служить в КБС, имели неодинаковую подготовку и были очень далеки от понимания целей белорусского национализма. И здесь нет ничего удивительного, так как в корпусе служили бывшие военнослужащие трех армий: Русской императорской, Польской и Красной. Поэтому, их переподготовка для ведения войны в современных условиях была признана командованием КБС одной из первоочередных задач⁷³.

1 июля 1942 г. в Минске, в торжественной обстановке, были открыты курсы командного состава КБС, на которых стали обучаться 120 офицеров. Начальником курсов был назначен капитан Кушель, а его заместителем капитан

⁷⁰ Пархута П. Слоні́мская самаахова // Голас Камбатанта. – 2001. - №1(6). – Вясна.

⁷¹ Акула К. Указ. соч. – С.27.

⁷² Хмара С. Пад гітлераўцамі // Беларускі голас. – 1970. - №181. – Сакавік.

⁷³ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 401.

Микула. Переподготовка продолжалась месяц. 1 августа начался второй курс, также в составе 120 человек, а 1 сентября – третий, в составе 60. Значение этих курсов в той ситуации было трудно переоценить. Во-первых, благодаря их проведению был учтен весь кадровый состав белорусских офицеров, командование КБС получило представление об уровне их военных знаний и, на основе этого, постаралось дать им одинаковую военную доктрину и привить, по возможности, базовые понятия белорусского национализма⁷⁴.

Во-вторых, только около трети слушателей Минских курсов стали командирами рот или батальонов КБС. Дело в том, что после их окончания большинство офицеров были распределены инструкторами в школы унтер-офицеров, которые были открыты в местах создания батальонов КБС. До конца 1942 г. такие школы успели открыть в Барановичах, Новогрудке, Вилейке, Глубоком, Браславе и Поставах. Здесь, прибывшие из Минска офицеры, должны были, в свою очередь, подготовить необходимое количество унтер-офицеров, чтобы заменить ими, со временем, немецкий персонал в частях КБС. Следует подчеркнуть, что эти курсы явились настоящим питомником, из которого вышли именно белорусские унтер-офицеры и офицеры, какими их представляли националисты. Многие из них составили кадровый костяк почти всех белорусских коллаборационистских частей, которые позднее были сформированы немцами⁷⁵.

В целом, акция по созданию КБС не принесла ее немецким инициаторам желаемого результата. Анализируя причины провала его использования, начальник полиции порядка генерального округа «Белоруссия» СС-штандартенфюрер Клепш писал в апреле 1943 г.: «Во-первых, несмотря на многочисленные просьбы, Вермахт не предоставил необходимое количество оружия. Во-вторых, как только стало известно о создании КБС, белорусские бойцы самообороны вместе со своими семьями начали подвергаться постоянному террору со стороны бандитов (советских партизан). В-третьих, за редчайшим исключением, эти люди были абсолютно ненадежны и легко поддавались воздействию пропаганды противника. Имели место случаи, когда крупные патрули КБС, вооруженные винтовками и автоматическим оружием, добровольно переходили на сторону бандитов»⁷⁶. Формально, эти причины послужили поводом для расформирования КБС. Однако в этой истории не все было так просто.

Целый ряд фактов свидетельствует о том, что КБС был, в основном, именно немецкой инициативой, а председатель единственной на то время легальной белорусской организации – БНС – И. Ермаченко не проявлял

⁷⁴ Раница. – 1942. – 23 жніўня; 30 жніўня.

⁷⁵ Юрэвіч Л. Жыцьцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі... – С.31-32.

⁷⁶ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 401.

особого интереса к созданию белорусских вооруженных сил. На соглашение с немцами он пошел только «под давлением белорусской общественности», и только после того, как Кубе сам предложил ему это. Роль же последнего в деле создания КБС несомненна. По сути, создание этого корпуса было одним из пунктов реализации политической позиции генерального комиссара, еще одним ходом в партии против руководства СС. Польский историк Ю. Туронек утверждает, что приказ Кубе о создании КБС был издан даже без формального согласия Розенберга и Гимmlера, а рейхскомиссар «Остланда» Г. Лозе был извещен о нем постфактум⁷⁷.

Руководство СС, конечно, не было против того, чтобы белорусская самооборона выполняла антипартизанские функции. Однако оно не хотело того, чтобы наличие собственных вооруженных частей усиливало позицию Ермаченко, а через него – Кубе. Поэтому, даже такой, урезанный Ценнером, проект КБС не мог не вызвать противодействия Гимmlера. Согласно его указаниям полицейские власти «Остланда» избрали политику постепенного уничтожения корпуса. В конце июля 1942 г. лояльного к политике Кубе Ценнера сменил СС-бригадфюрер В. Шимана, который сразу же начал исправлять «ошибки» своего предшественника. В сентябре он отобрал у Ермаченко титул «главного коменданта» КБС, распустил его штаб, запретил присваивать персональные офицерские звания выпускникам Минских курсов, а также начал тянуть с обмундированием и вооружением уже сформированных батальонов самообороны⁷⁸.

В целом, такая патовая ситуация сохранялась до апреля 1943 г., когда немцы, воспользовавшись скандалом, в котором был замешан Ермаченко, окончательно решили распустить КБС. Вскоре был издан соответствующий приказ, согласно которому личный состав всех батальонов переходил в подчинение полиции порядка, охраны железных дорог или отправлялся на принудительные работы в Германию. По свидетельству Кушеля, многие солдаты отказывались переходить в полицию, поэтому в некоторых случаях для расформирования батальонов немцы применяли силу⁷⁹.

Эта история с КБС, конечно, самым отрицательным образом сказалась на лояльности белорусов к новой власти. Ее противники еще больше укрепились в своем мнении, что от оккупантов ничего хорошего ожидать не приходится, а немногочисленные сторонники «были оскорблены в самых своих лучших чувствах». В дальнейшем, многие из них, даже уже завербовавшись в очередное формирование, зачастую думали о том, что и эта затея кончится также как и с корпусом самообороны. Естественно, что такие

⁷⁷ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką... – S.147-148.

⁷⁸ РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1141, л. 30.

⁷⁹ Кушель Ф. Указ. соч. – С.55.

мысли никак не способствовали укреплению боевого духа и морального состояния новых белорусских добровольцев.

Тем не менее, даже после расформирования КБС, идея охраны оккупированной территории силами самообороны не умерла, как казалось, окончательно. Летом 1943 г. она возродилась в виде так называемых «охранных деревень», и была связана с проектом Розенберга по внедрению в «восточных» областях «нового порядка землепользования». Главной своей целью этот проект ставил привлечение белорусских крестьян на сторону новой власти, поскольку обещал им наделение землей в полную собственность. Проект имел больше пропагандистский характер, так как окончательно аграрный вопрос немцы собирались решать только после завершения войны. Пока же, предусматривалось, что «при наделении земельными участками следует иметь в виду в первую очередь и преимущественно тех крестьян, которые оказывали содействие в борьбе против партизан»⁸⁰. «Оборонные деревни» и явились тем местом, где крестьянин мог получить землю в свою полную собственность.

По сути, «оборонные деревни» явились компромиссом между политическим и полицейским руководством оккупированных территорий, так как новый фюрер СС и полиции «Белоруссии» СС-штандартенфюрер Э. Эрлингер понимал всю их неэффективность с военной точки зрения. Розенберг же, помимо политических мотивов, видел и явный экономический выигрыш от этой затеи. По его мнению, эти деревни позволили бы контролировать производство и захват сельскохозяйственной продукции. «Опираясь на эти опорные пункты, - утверждал вслед за Розенбергом заведующий экономическим отделом генерального комиссариата, - надо попытаться вовлечь в полицию оседлое местное население и тем самым оказать поддержку немецким войскам»⁸¹.

В результате, осенью 1943 г. началось создание сети «оборонных деревень», преимущественно в районах, граничащих с лесными массивами. Так, в Барановичском округе их было организовано 14, в Слонимском, Новогрудском и Слуцком округах, - примерно, по 10⁸². Главной задачей гарнизона деревень являлось отражение партизанских нападений, а также вылавливание одиноких диверсантов и разведчиков. Для несения такой, в общем-то, непростой по тем условиям даже для регулярных частей, службы, немцы выдавали местным жителям не более 20 старых советских винтовок с небольшим боезапасом к ним. Первоначально, пока партизаны не разведали реальную военную силу «оборонных деревень», их наличие в

⁸⁰ Gerlach C. Op. cit. - S.1040-1050.

⁸¹ Раманоўскі В. Указ. соч. - С.119.

⁸² РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1141, л. 251-254.

том или ином районе давало определенные результаты. Однако со временем стало ясно, что гарнизоны этих деревень не могут обороняться против лучше вооруженного и большего по численности врага. По словам наместника БЦР в Вилейском округе И. Малецкого, к середине 1944 г. «они производили только провоцирующее воздействие на польских и коммунистических партизан, заставляя их мстить мирному белорусскому населению»⁸³. В общем, и с политической, и с военной точки зрения идея «оборонных деревень» не оправдала себя. Кроме того, их население не подлежало мобилизации в БКА, что, естественно, лишало последнюю значительного контингента более-менее подготовленных и обстрелянных призывников⁸⁴.

В связи с этим, президент БЦР Р. Островский 25 мая 1944 г. обратился к генеральному комиссару фон Готтбергу с таким письмом: «Глубокоуважаемый Генеральный Комиссар Белоруссии! Будучи в Слуцке, я узнал, что местные «оборонные деревни» не могут выполнять возложенные на них обязанности, так как их вооружение (несколько винтовок) не может дать отпор хорошо вооруженным советским партизанским отрядам, возглавляемым командирами-специалистами, сброшенными на парашютах. В результате, гибнут не только добровольцы, которые пытаются сопротивляться, но и их семьи. Поэтому убедительно прошу Вас, г-н Генерал, остановить акцию «оборонных деревень»...»⁸⁵. Фон Готтберг откликнулся на просьбу Островского, и приказал ликвидировать эти деревни не только в Слуцком округе, но и в других районах⁸⁶.

Прохладное отношение немецкого руководства к самой идее самообороны объясняется не только нежеланием вооружать белорусов или давать в руки белорусских националистов какую-нибудь воинскую силу. Помимо этой, чисто политической причины, была и другая - военная неэффективность самообороны. Рост партизанского движения ясно давал понять, что с ним нельзя справиться небольшими отдельными отрядами, которые, к тому же были привязаны к месту проживания своего личного состава. Тем не менее, в начале ноября 1943 г. было принято решение о создании еще одного белорусского добровольческого формирования самооборонного типа - Новогрудского кавалерийского (или 1-го Белорусского) эскадрона. Это было небольшое по численности подразделение, которое, тем не менее, заняло свое, уникальное место в военной истории Белоруссии периода оккупации. Во многом это зависело от причин и условий его создания, процесса организации,

⁸³ Малецкі Я. Указ. соч. - С.101.

⁸⁴ PAJH, The Use by the Germans of Soviet Nationals against the Soviet Union in the Late War. - White Ruthenian Volunteer Forces // Intelligence Division. - DRS (50)145. - P.8.

⁸⁵ Цит. по: Малецкі Я. Указ. соч. - С.102-103.

⁸⁶ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 377-378.

подготовки и боевого применения, которые заметно отличались от тех же аспектов у других белорусских частей.

Инициатором создания нового добровольческого формирования являлись немецкие власти Новогрудского округа, а именно, его комиссар В. Трауб, который лояльно относился к деятельности белорусских националистов. В данном случае, его цель была ясна: переложить на плечи местного населения дело борьбы с советскими и польскими партизанами. В этом смысле причины создания эскадрона не отличались от тех, которые сыграли свою роль при организации других белорусских антипартизанских частей. В октябре 1943 г. Трауб вызвал к себе Б. Рогулю, преподавателя немецкого языка и военной подготовки Новогрудской учительской семинарии, который, в целом, хорошо зарекомендовал себя перед новой властью. На этой встрече ему было предложено сформировать и возглавить эскадрон. При этом окружной комиссар брался лично уладить все формальности, связанные с разрешением генерального комиссара «Белоруссии» на создание подобного формирования. Рогуля сказал, что ему необходимо подумать и, что самое главное, ознакомить с этим предложением белорусский актив округа⁸⁷.

На следующий день Рогуля выступил с таким докладом, однако, как это ни странно, предложение Трауба не было встречено всеобщим одобрением местных белорусских националистов. Среди главных мотивов, по которым многие из них выступили против немецкой идеи, было нежелание втягивать людей в заведомо обреченное дело, и боязнь мести со стороны партизан, которые сразу бы стали преследовать семьи будущих добровольцев. Наконец, имело место просто недоверие к немцам, уже не раз проявлявшим, как было показано выше, свою моральную нечистоплотность в деле создания белорусских частей. Однако сторонники создания эскадрона привели такие аргументы, которые, в конце концов, переубедили противников. Главным из них было, вероятнее всего, то, что Трауб пообещал Рогуле полную независимость будущего формирования от полицейских и военных властей округа. Одновременно он сказал, что немецкие власти не будут вмешиваться во внутреннюю жизнь эскадрона, давая тем самым понять, что белорусской пропаганде в нем дается «зеленая улица». После этого многим националистам уже виделась собственная вооруженная сила, на которую, как им казалось, они смогут опереться в своей будущей борьбе за независимость Белоруссии. Наконец, немаловажную роль сыграл тот факт, что и немцы, и белорусы считали, что именно белорусский эскадрон будет лучше защищать население от коммунистов и поляков⁸⁸.

⁸⁷ Акула К. Указ. соч. – С.28.

⁸⁸ Юревіч Л. Жыццё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго спокі... – С.2.

После встречи с белорусским активом Рогуля опять встретился с Траубом и дал свое согласие сформировать эскадрон, но только на следующих условиях: (а) полная независимость эскадрона перед лицом местных немецких властей; (б) полная свобода в тактике борьбы с партизанами; (в) начало организации эскадрона только после получения вооружения, амуниции и обмундирования; и (г) личная гарантия генерального комиссара фон Готтберга, что немцы будут придерживаться этих условий. Нельзя не отметить, что в этих требованиях отразился весь печальный опыт сотрудничества националистов и немцев в деле создания белорусских частей. Выслушав Рогулю, Трауб ответил: «Вы можете быть уверены, что все условия будут выполнены. Я понял наши ошибки. Я понял, надеюсь, не поздно, что ваши требования были справедливыми. Жаль, что мало кто из нас (немцев) так думает...»⁸⁹. В завершение встречи окружной комиссар пожелал Рогуле успеха и сказал, что теперь необходимо ждать вызова в Минск к генеральному комиссару⁹⁰.

Такой вызов последовал в начале ноября 1943 г. О действительной заинтересованности немцев в этом деле свидетельствует то, что за Рогулей был прислан самолет, на котором он и был доставлен к фон Готтбергу. На состоявшейся аудиенции между ними произошел короткий разговор, в ходе которого генеральный комиссар подтвердил Рогуле все обещания Трауба и также пожелал успеха⁹¹.

В конце ноября обещанное немцами вооружение, амуниция и обмундирование было доставлено из Минска в Новогрудок. После этого началось формирование эскадрона. Главным контингентом для набора в него должна была стать местная молодежь. При этом Рогуля основную ставку делал на своих воспитанников-семинаристов. Дело в том, что, еще работая там, он, с разрешения Трауба, сформировал из учащейся молодежи военную организацию. Входившие в нее юноши изучали военное дело, основы белорусской национальной идеи и немецкий язык. У них была даже своя униформа и военное приветствие. Эта молодежь и стала теперь источником кадров будущего эскадрона. При этом их главное преимущество заключалось в том, что они не только были знакомы с военным делом, но еще и являлись убежденными белорусскими националистами – ранее, обычно, было либо первое, либо второе⁹².

Эти бывшие семинаристы должны были стать офицерами и унтер-офицерами эскадрона. Его же рядовой состав немцы разрешили набирать среди местной городской и сельской молодежи. Поначалу вербовщики столкнулись с такой же проблемой, как и в случае с белорусским активом. Хотя в основу

⁸⁹ Там же. – С.3.

⁹⁰ Чуев С.Г. Проклятые солдаты... – С. 275.

⁹¹ Там же. – С.275-276.

⁹² Клыкковская Т. Обреченный эскадрон: в 1942 г. они мечтали создать национальные белорусские войска... – С.2.

набора в эскадрон и был положен принцип добровольности, многие юноши думали: «стоит ли связываться с немцами, если войну они уже, фактически, проиграли» и «надо ли вступать в эскадрон, если через несколько месяцев здесь будут большевики». Однако неожиданно на помощь Рогуле пришли сами немцы. Одновременно с созданием эскадрона, в Новогрудке должен был состояться набор в очередной батальон «Schuma». Зная, какие в этих батальонах царят порядки, многие юноши не стояли бы долго перед выбором: лучше идти в лес к партизанам, чем служить непосредственно под немецкой командой. Поэтому эскадрон Рогули для многих явился просто спасением. Конечно, не стоит думать, что вся молодежь Новогрудка мечтала вступить в него. Среди нее было много сторонников советской власти или даже поляков, которые и так бы ушли к партизанам. Однако новый белорусский эскадрон дал многим из них шанс, как они считали, послужить своему народу⁹³.

В принципе, это было единственное белорусское коллаборационистское формирование, которое, в целом, не испытывало трудностей с командным и рядовым составом. Но, к чести Рогули следует сказать, что он, используя молодежь, не пренебрегал и более зрелыми кадрами (например, офицерами бывшей Русской императорской и Польской армии). Так, долгое время заместителем и главным помощником Рогули был капитан царской армии Ф. Радько, который оказался толковым администратором⁹⁴.

Еще одним отличием эскадрона от предыдущих белорусских формирований было то, что его командир капитан Рогуля был полностью независимым в своих действиях. Он вообще никак не должен был подчиняться местным немецким властям, а только лично генеральному комиссару фон Готтбергу. И, что самое парадоксальное, в действительности так оно и было⁹⁵.

Уже из самого названия формирования было ясно, что оно задумывалось как кавалерийская часть. К январю 1944 г. организация эскадрона, фактически, закончилась. В его составе было три взвода по, примерно, 50 человек в каждом. Однако Рогуля не хотел на этом останавливаться. В его планы входило увеличение личного состава своей части до уровня батальона. Такая попытка была предпринята им в апреле 1944 г. Тем не менее, разрешение на это не дал президент БЦР Островский. Он объяснил Рогуле, что люди нужны для БКА, в которую как раз шла мобилизация (об этих событиях речь пойдет ниже). Поэтому, его часть так и оставалась эскадром до самого своего расформирования в мае 1944 г.⁹⁶

⁹³ Юревіч Л. Жыцьцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі... – С.17.

⁹⁴ Там же. – С.18.

⁹⁵ Акула К. Указ. соч. – С.28.

⁹⁶ Юревіч Л. Жыцьцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі... – С.13.

Не является секретом, что все предыдущие и последующие белорусские добровольческие формирования имели одну общую проблему. Это – нежелание немцев снабжать их вооружением, амуницией и обмундированием. Новогрудский эскадрон и здесь является исключением из общего правила. Все это немцы предоставили Рогуле, как и обещал фон Готтберг, еще до начала организации подразделения (по той же договоренности, кони и седла для личного состава должны были быть переданы после двухмесячного обучения). Поэтому, все будущие кавалеристы сразу же получили стандартную немецкую униформу, на петлицах которой, однако, был нашит белорусский бело-красно-белый флаг. Имел эскадрон и свой официальный штандарт – полотнище с вышитыми на нем «Погоней» и гербом Новогрудка – факт весьма примечательный, так как до этого немцы с большой неохотой разрешали ношение национальной символики даже на униформе. Не было проблем с вооружением и амуницией. Все бойцы были вооружены штатным стрелковым оружием (обычно, винтовки и карабины советского образца). В каждом взводе имелось несколько ручных и станковых советских пулеметов «Дегтярев» и «Максим». А в начале 1944 г. на вооружение эскадрона поступили легкие минометы и даже противотанковая артиллерия⁹⁷.

Военная подготовка личного состава эскадрона началась почти одновременно с его организацией, и продолжалась на всем протяжении существования этого подразделения. Весь процесс подготовки можно условно разделить на два этапа: ноябрь 1943 – февраль 1944 и март – апрель 1944 г. На первом этапе, несмотря на то, что подразделение задумывалось как кавалерийский эскадрон, подготовка была пехотной (строевая, стрелковая и т.п.). После получения коней и необходимой амуниции началась кавалерийская подготовка. Она продолжалась, фактически, весь март и апрель 1944 г. Как и в случае с остальными сторонами жизни и деятельности эскадрона, его командир и здесь подошел к делу со всей серьезностью. В отличие от других добровольческих частей, где подготовкой их личного состава руководил, иногда, кто попало, кавалерийской подготовкой Новогрудского эскадрона занимался профессиональный кавалерист – лейтенант Д. (к сожалению, его фамилия и имя до сих пор неизвестны), в прошлом командир белорусской полиции в Кареличском районе Новогрудского округа. Вообще, само присутствие этого офицера в эскадроне – лишнее подтверждение полной независимости его командира. Дело в том, что лейтенант Д. вступил в подразделение прямо из Новогрудской тюрьмы, где он оказался из-за драки с немецким жандармом. В любое другое время и в любом другом месте его бы обязательно расстреляли или отправили бы в лагерь. Однако на его счастье, Рогуля мог набирать в свой эскадрон

⁹⁷ Там же. – С.14.

всех, кого считал необходимым по профессиональным (и не только) качествам⁹⁸.

Значительное внимание в процессе подготовки эскадрона уделялось ее политической составляющей. Здесь следует сказать, что она была гармонично связана с военной подготовкой и дополняла ее. В отличие от всех предыдущих белорусских частей, все солдаты и офицеры эскадрона были убежденными националистами. Причем, немцы совершенно не препятствовали (да и не могли препятствовать) такой деятельности Рогули, так как он имел покровителя в лице самого генерального комиссара. К тому же, большинство кадрового состава эскадрона (главным образом, офицеры и унтер-офицеры) уже пришли в него убежденными националистами: сказались их обучение в Новогрудской учительской семинарии. Они же, в свою очередь, соответствующим образом воздействовали на рядовой состав подразделения⁹⁹.

25 марта 1944 г., в очередную годовщину провозглашения независимости Белоруссии, Новогрудский эскадрон принял присягу на верность белорусскому народу. Это событие происходило в торжественной обстановке и при стечении большого количества жителей города. Формально, присяга означала, что личный состав закончил свою подготовку и теперь может вступать в бой. На деле же, бойцы эскадрона уже давно, почти с самого начала его создания, участвовали в стычках с советскими и польскими партизанами. По словам неизвестного автора воспоминаний о Новогрудском эскадроне, первые четыре месяца нового 1944 г. прошли в таких стычках. Обычно боевое применение эскадрона происходило следующим образом. Его взводы и отделения выезжали в близлежащие деревни, где и несли службу по охране местного населения от партизанских нападений. В марте прибавилась еще одна обязанность. В этом месяце началась мобилизация в БКА, которая в Новогрудке продолжалась до конца апреля. В данном случае, задачей личного состава эскадрона было участие в проведении этой мобилизации, а именно: охрана призывных комиссий и мобилизационных пунктов, сопровождение призванного контингента и т.п. Следует подчеркнуть, что эта обязанность была не менее важной и трудной, чем охрана деревень, так как советские и польские партизаны прикладывали значительные усилия, чтобы сорвать это мероприятие. Более того, командир эскадрона капитан Рогуля был даже назначен окружным начальником БКА. Факт, который лучше всего свидетельствует о том доверии, которое оказывали ему, как высшие немецкие власти, так и руководство БЦР в Минске. Кстати, с обеспечением мобилизации связан и первый смертельный случай в эскадроне. До этого все стычки обходились без потерь. В середине марта

⁹⁸ Там же. – С.17.

⁹⁹ Клыковская Т. Обреченный эскадрон: в 1942 г. они мечтали создать национальные белорусские войска... – С.2.

1944 г. командование эскадрона получило известие, что партизаны мешают работе призывной комиссии в дер. Красное (Кареличский район). В спешном порядке туда были высланы два отделения под командой унтер-офицера М. (его имя, к сожалению, до сих пор неизвестно). Произошел скоротечный бой с партизанами, после которого они отступили обратно в лес. Однако в ходе этого боя командир белорусских добровольцев был смертельно ранен, и умер в Новогрудской больнице через несколько дней¹⁰⁰.

Обычно отделения и взводы эскадрона использовались самостоятельно или придавались более крупным частям немецкой полиции для проведения совместных акций. Первое и последнее боевое применение всего Новогрудского эскадрона произошло практически перед самым его расформированием. Эта операция имела место с 28 апреля по 1 мая 1944 г. и была, по сути, уникальной из всех, когда-либо предпринятых белорусскими коллаборационистами. Вероятнее всего, ее инициатором был капитан Рогуля, так как немцам бы никогда не пришло в голову отправить такую небольшую воинскую часть в рейд через леса вокруг Новогрудка, которые почти целиком находились под контролем партизан. По плану командира эскадрона его рейд должен был проходить по следующему маршруту: Новогрудок – Городище – Мир – Турец – Кареличи – Нягневичи – Новогрудок. Эта акция носила, скорее, больше пропагандистский, чем военный характер. Вряд ли капитан Рогуля рассчитывал освободить весь этот район от партизан, которых здесь было в десятки, если не в сотни, раз больше, чем его бойцов. Своим рейдом он преследовал совершенно другие цели. Во-первых, показать партизанам, что в Новогрудском округе существует белорусская национальная воинская сила, а, в перспективе, может появиться и белорусская национальная власть. Во-вторых, продемонстрировать то же самое местному населению. И, наконец, в-третьих, поддержать (скорее морально) местные полицейские формирования и части БКА, которые, будучи отрезанными от Новогрудка, все больше и больше теряли боеспособность.

Первые два дня рейда партизаны, на удивление, не трогали эскадрон. Однако уже 29 апреля 1944 г. его личному составу пришлось вступить с ними в бой. Кстати, его инициатором был Рогуля. И произошло это вот по какой причине. Еще до прибытия эскадрона, в ночь с 26 на 27 апреля, партизаны напали на городские казармы, в которых находился контингент, мобилизованный для БКА. Это нападение увенчалось полным успехом: вся молодежь была либо распушена по домам, либо ушла в лес. В принципе, такие события происходили тогда по всей территории генерального округа, и случай в Кареличах не

¹⁰⁰ Юрєвіч Л. Жыцьцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі... – С.13, 17.

был чем-то выдающимся. Но на этот раз партизаны не просто разогнали призывников. Во время ночного боя был убит один из унтер-офицеров эскадрона, который обеспечивал здесь охрану призывной комиссии. Его смерть оказала гнетущее впечатление на весь личный состав подразделения. Поэтому капитан Рогуля и решил отомстить партизанам: напасть на их штаб в дер. Заболотье. Так, думал он, боевой дух эскадрона значительно поднимется, и одновременно, партизаны узнают, кто хозяин в округе. Для совместной акции против партизан Рогуля рассчитывал привлечь конный взвод местной полиции, который, по его замыслу, должен был сыграть роль приманки и заманить коммунистов под пулеметы эскадрона. Таким образом, всего в этой акции планировалось использовать около 150 добровольцев (они еще не знали, что для боя против них партизаны выставят около 1500 чел.). В целом, Рогуле удалось навязать партизанам свою тактику. Бой продолжался почти весь день, но, фактически, если исходить из целей сторон, закончился вничью. Эскадрон не смог уничтожить штаб партизан. Да и в тех обстоятельствах это было явной утопией (об этом Рогуле говорил еще бургомистр Кареличей, другое дело, что у капитана хватило здравого смысла ограничиться только засадой против партизан и не губить зря людей). Коммунисты не смогли уничтожить эскадрон, за которым осталось поле боя. Если же говорить о потерях сторон, то здесь преимущество явно на стороне белорусских коллаборационистов: среди них было только 3 раненых и 4 пропавших без вести (позднее выяснилось, что они попали в плен). Потери партизан, как и у любой наступающей стороны, были гораздо внушительнее: 65 убитых и столько же раненых¹⁰¹.

До этого речь шла о противостоянии эскадрона исключительно с советскими партизанами. Однако у белорусских добровольцев был еще один враг, в каком-то смысле, даже более непримиримый, чем коммунисты. Речь идет о польских националистах из АК, отряда которой базировались в соседнем Лидском округе, но иногда совершали рейды и против Новогрудского. В марте 1944 г. один из таких отрядов перешел реку Неман и занял стеклянный завод в дер. Березовка. Такое поведение поляков вызвало страх среди местных жителей. Поэтому Рогуля решил действовать немедленно. Почти сразу же после получения известий о польском нападении он собрал командиров взводов эскадрона, и поставил перед ними задачу: выбить отряд АК из Березовки. Однако прежде, чем атаковать, их надо было попытаться вынудить уйти из деревни без боя. В любом случае, подчеркнул Рогуля, «разрешить полякам действовать на нашей территории является недопустимым»¹⁰².

¹⁰¹ Там же. – С.19-28.

¹⁰² Рагуляец. Беларуска-польскія перамовы ў сакавіку 1944 году // Беларускі Рэзыстанс. – 2005. - №1. – С.98-99.

На этот раз командир эскадрона не участвовал в акции, а поручил ее своему заместителю старшему лейтенанту В. Сивко, в прошлом, офицеру Польской армии (что было очень кстати, если предполагались переговоры с поляками). Операция против отряда АК прошла более чем успешно. Поляки получили ультиматум, и на следующий день командовавший ими майор встретился с Сивко. Результатом переговоров стало то, что польский отряд очистил деревню и ушел за р. Неман. Кроме того, в ходе беседы была поднята такая неприятная для командования АК тема, как убийства белорусских активистов. Польский майор попытался оправдать этот очевидный факт тем, что трудно держать в повиновении партизан. В ответ на это старший лейтенант Сивко сказал, что, если в Лидском округе подобные акции не прекратятся, личный состав эскадрона начнет ответный террор против поляков в Новогрудке. В принципе, эти угрозы возымели действие, хотя и неизвестно, решился бы Рогуля и его солдаты на это¹⁰³.

Вся недолгая история эскадрона свидетельствует о том, что его личный состав имел высокую боеспособность и такой же боевой дух и моральное состояние. Через неделю после начала организации этой части ее с инспекционным визитом посетил генерал-майор Геллер из Минска. Он побывал в казармах эскадрона, поприсутствовал на учениях личного состава и остался очень доволен результатом. Однако генерал очень удивился, когда узнал, что с начала формирования подразделения прошла всего неделя. Выше уже говорилось, что параллельно с эскадронном формировался очередной белорусский батальон «Schuma». Вернее, процесс его организации и подготовки начался даже раньше. Генерал Геллер посетил и этот батальон, только за день до эскадрона. Но, по его словам, уровень подготовки и дисциплины личного состава этого подразделения оставлял желать много лучшего. Немецкий генерал очень верно понял причины этого. «Там не хватает подъема, - сказал он Рогуле. – Солдаты исполняют приказы под принуждением или же из страха. Нет никакого духовного контакта между командирами-немцами и рядовыми-белорусами. Когда пытаешься выяснить, против чего он борется, ни один солдат не может этого сформулировать»¹⁰⁴. Правда, для «лучшего ознакомления личного состава эскадрона с немецкой военной системой» Геллер предложил ввести в его штаб немецкого офицера связи. Однако Рогуля запротестовал настолько яростно, что больше этот вопрос не поднимался. К слову, за всю историю существования этой части в ней не служил ни один немец. Это еще один признак высоко-

¹⁰³ Там же. – С.100-105.

¹⁰⁴ Юрэвіч Л. Жыццё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі... – С.16.

го доверия к Рогуле: обычно наличие немецкого кадрового персонала было неотъемлемым атрибутом любого «восточного» формирования¹⁰⁵.

Как правило, высокая боеспособность напрямую зависит от уровня дисциплины в части и морального состояния ее личного состава. Новогрудский эскадрон не являлся исключением из этого правила. Нет ни одного свидетельства, в котором бы говорилось, что его солдаты занимались грабежами, бессудными расправами или как-нибудь иначе притесняли мирное население. Как раз, наоборот, по мере сил они пытались защищать его и от коммунистов, и от поляков, а иногда и от немцев. Этому было несколько причин. Во-первых, в эскадроне служили действительно идейные добровольцы, причем, многие из офицеров и унтер-офицеров имели законченное среднее образование. Во-вторых, покровительство фактического диктатора тогдашней Белоруссии, ее генерального комиссара фон Готтберга давало Рогуле возможность не обращать внимания на козни немцев, чего не могли делать все предыдущие и последующие командиры белорусских формирований. В истории эскадрона таких ситуаций было достаточно. Например, кто-нибудь из бойцов эскадрона вступался за местное население во время антипартизанской акции, или местное СД пыталось устроить провокацию против Рогули, чтобы обвинить его в связях с партизанами. Особенно же возмущало немцев то, что он принимал в свое подразделение кого хотел, а иногда даже и тех, кого немцы пытались арестовать. В целом, эскадрон был огражден от немецкого разлагающего влияния, однако была еще и третья причина, влиявшая на боеспособность и моральное состояние любой «восточной» добровольческой части. Это – деятельность советских партизан и подпольщиков. Как правило, если им не удавалось уничтожить часть в открытом бою, они пытались разложить ее всяческими способами. Было много случаев, когда такая тактика приводила к успеху: добровольцы либо расходились по домам, либо переходили (и нередко с оружием) к партизанам, либо эти части расформировали сами немцы. Однако в случае с Новогрудским эскадром такие попытки успеха не имели. За всю свою историю из него не было ни одного перебежчика. Даже когда партизаны попытались деморализовать эскадрон возможными репрессиями против членов семей добровольцев, Рогуля дал понять партизанам, что в качестве ответной меры будут уничтожены их семьи и родственники. И деятельность партизан в этом направлении сразу же прекратилась¹⁰⁶.

Неизвестный автор воспоминаний об эскадроне писал, что «белорусскому народу не было на кого надеяться. Оставалась одна надежда – вера в собственные силы. Это был единственный момент, который доминировал

¹⁰⁵ Там же. – С.16-17.

¹⁰⁶ Там же. – С.18.

в Новогрудском эскадроне. Его молодые солдаты были зеркалом народных чувств. Их деятельность свидетельствовала об этом. Где только не побывал бы эскадрон, везде он завоевывал сердца белорусов»¹⁰⁷. Если отбросить риторику, то, в принципе, так оно и было. Поведением своего личного состава и отношением к мирному населению эскадрон Рогули выгодно отличался и от немцев, и от добровольческих формирований из числа других народов, да и от многих белорусских частей тоже.

Апрельская операция эскадрона против светских партизан была его последней акцией. В начале мая 1944 г., почти сразу же после возвращения в Новогрудок, было принято решение расформировать это подразделение как самостоятельную единицу. Вскоре оно было переформировано и включено в местный батальон БКА¹⁰⁸.

Белорусская краевая оборона

22 января 1944 г. на первом заседании БЦР президент Р. Островский заявил, что его главной задачей является организация белорусских сил для борьбы с советскими партизанами и, вообще, с большевизмом. Естественно, что такая борьба должна была быть в первую очередь вооруженной¹⁰⁹.

На тот момент в Белоруссии существовала вспомогательная полиция, в разных частях которой проходило службу около 20 тыс. человек. Однако ее только с большой натяжкой можно было назвать «белорусскими вооруженными силами», так как она целиком находилась в распоряжении немецких полицейских властей. Кроме того, было еще несколько батальонов самообороны, которые находились в стадии расформирования. Поэтому, после ряда совещаний, БЦР постановил создать вооруженные силы, которые, хотя бы и подчинялись немцам, однако имели бы «ярко выраженный белорусский национальный характер». Новые формирования должны были создаваться одновременно и по принципу самообороны и как современные вооруженные силы. В конце концов, это и обусловило их название – Белорусская краевая оборона (БКА)¹¹⁰.

Следует сказать, что генеральный комиссар «Белоруссии» СС-группенфюрер фон Готтберг сразу согласился на создание БКА. По его мнению, новые белорусские формирования должны были сменить немецкие охраняемые части и вместо них вести борьбу с партизанами. Если же организа-

¹⁰⁷ Там же. – С.29.

¹⁰⁸ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 384.

¹⁰⁹ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 376.

¹¹⁰ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.72.

ция БКА пошла бы удачно, то ее наиболее подготовленные части можно было бы использовать и на фронте против Красной Армии. Поэтому, уже в начале февраля 1944 г. началась разработка планов по организации БКА. Поскольку ни немцы, ни, тем более, белорусы, не имели опыта проведения подобных мероприятий, то сразу же возникла дискуссия: организовывать БКА по принципу добровольности, или путем мобилизации. В конце концов, было принято решение, что это формирование будет организовано через призывную компанию¹¹¹.

Мобилизация в БКА должна была затронуть все слои белорусского населения, поэтому было важно узнать, как оно относится к самой идее проведения такой акции. С этой целью, в начале февраля 1944 г. Островский в сопровождении некоторых членов БЦР и представителя фон Готтберга СС-гауптштурмфюрера Э. Куммера посетил Слуцк, Барановичи и Слоним. Изучение общественного мнения на местах проходило по следующей схеме. Сначала Островский встречался с немецкими и белорусскими начальниками округа, спрашивал их мнение о возможности проведения мобилизации и то, как к этому отнесется население. За редким исключением, все чиновники заверяли его, что такая акция вполне возможна, и что население охотно пойдет на призыв президента БЦР в «белорусское войско». На следующий день проводились встречи с местным населением. Обычно на них приглашались все желающие. По целому ряду свидетельств, простой народ также приветствовал набор в БКА. После посещения Слонимского округа Островский вернулся в Минск в полной уверенности, что «мобилизация, безусловно, удастся»¹¹².

Чтобы провести в тех условиях мобилизацию на должном уровне, было необходимо: организовать штаб БКА, который бы подготовил план мобилизации и создать военно-административные органы по всей территории генерального округа «Белоруссия», которые бы смогли ее осуществить. Что касается прав и обязанностей немецкой и белорусской сторон в деле организации и использования БКА, то уже в самом начале между БЦР и соответствующими немецкими органами начались разногласия. Немцы считали, что обязанностью БЦР является только провести мобилизацию, а руководство БКА должно принадлежать им. С этим не соглашался Островский, который считал, что БЦР также обязан принимать участие в руководстве, посредством специально созданного для этого штаба. В конце концов, после долгих споров, обе стороны пришли к компромиссу: при БЦР создается специальный отдел БКА, который подготовит мобилизацию, проведет ее и будет сотрудничать со штабом главного фюрера СС и

¹¹¹ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. – Т.3. – С.183.

¹¹² РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 379.

полиции «Россия-Центр» по вопросам пропаганды, материального обеспечения, медицинского обслуживания и военной подготовки. При этом решение всех вопросов оперативного характера возлагалось исключительно на немецкий штаб. Кроме того, была достигнута договоренность, что он принимает на себя обязанность вооружить БКА, а БЦР будет заниматься вопросами ее обмундирования¹¹³.

Приблизительно во второй половине февраля 1944 г. заинтересованные стороны решили все вопросы, касающиеся БКА. Можно было приступать к разработке плана мобилизации и ее проведению. В первую очередь был создан штаб или (как этот орган называли немцы) отдел БКА. Его начальником Островский, по согласованию с фон Готтбергом, предложил стать Главному опекуну белорусской полиции майору Ф. Кушелю. Сразу же после своего назначения, он начал готовить план мобилизации, который был составлен на основе проектов, поступавших в штаб БКА с января 1944 г.¹¹⁴

Другим важным делом стало создание военно-административной сети для проведения мобилизации в БКА. По замыслу Кушеля, на местах ее должны были проводить специальные уполномоченные штаба – окружные начальники БКА: в Минском округе (капитан М. Пугачев), в Слуцком (младший лейтенант С. Шнек), в Барановичском (лейтенант В. Русак), в Слонимском (И. Дакиневич), в Новогрудском (капитан Б. Рогуля), в Вилейском (Бабич, затем майор М. Якуцевич), в Глубокском (лейтенант Г. Зыбайло). Из них первые двое были кадровыми офицерами Красной Армии, а остальные младшими офицерами или унтер-офицерами польской. Практически все окружные начальники БКА были, по словам Кушеля, «людьми молодыми, в военном отношении слабо подготовленными, и без жизненного опыта». Однако их главным достоинством было то, что все они были «преданы белорусскому национальному делу»¹¹⁵. В подчинении у каждого окружного начальника находились районные начальники БКА. По всем вопросам, касающимся мобилизации, окружные офицеры должны были сотрудничать с окружными представителями БЦР, на которых лежала главная ответственность по ее проведению. Согласно инструкции штаба БКА, эти представители, совместно с окружными и районными начальниками БКА, должны были на местах выбрать командиров ее будущих подразделений¹¹⁶.

23 февраля 1944 г., в день Красной Армии, состоялось совместное заседание руководства БЦР, штаба главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр», а также местных представителей БКА и немецкой полиции. На этом заседании адъютант начальника штаба фон Готтберга зачитал приказ

¹¹³ Кушалъ Ф. Указ. соч. – С.75.

¹¹⁴ Командиры второй мировой войны: В 2 т. – Мн., 1998. – Т.2. – С.309.

¹¹⁵ Кушалъ Ф. Указ. соч. – С.77.

¹¹⁶ Там же.

о создании БКА, после чего была установлена окончательная дата ее начала – 10 марта 1944 г.¹¹⁷

В целом, если брать всю территорию Белоруссии, штаб БКА мог рассчитывать на 91758 человек, пригодных к воинской службе, из них: 1632 офицера, 7397 офицеров и 82729 рядовых. Однако согласно приказу фюрера СС и полиции, мобилизация в БКА должна была проводиться только на территории генерального округа «Белоруссия», за исключением Лидского округа и округа фюрера СС и полиции «Припятъ». В созданных немцами так называемых «оборонных деревнях», также было запрещено проводить мобилизацию¹¹⁸.

Кроме того, специальным приказом БЦР от призыва было освобождено также население части окраинных районов. Формально, это было сделано с целью того, чтобы «защитить его от мести коммунистических партизан». На самом же деле, эти районы уже давно входили в так называемые «партизанские края» и «зоны», и провести там мобилизацию просто не представлялось возможным. Например, по Слуцкому округу таких районов было 16 из 92, что представляло собой 17,4% от общей территории и 6,5% от общей численности населения округа. В этом же приказе БЦР было сказано, что призыву не подлежали руководители округов и районов, некоторые врачи и агрономы, инженерно-технические кадры железнодорожников, работники предприятий военной промышленности, ученики и учителя средних школ. Кроме того, от военной службы освобождались лица с психическими и физическими недостатками, больные, и многодетные отцы¹¹⁹.

Обязательному призыву в БКА подлежали все бывшие офицеры и унтер-офицеры Красной и Польской армии в возрасте, соответственно, до 57 и 55 лет. При этом в приказе отмечалось, что они могут быть освобождены от мобилизации, «если находятся на руководящих должностях или работают специалистами в немецких учреждениях», а также подпадают под вышеуказанные категории¹²⁰.

БКА планировалось сделать полностью мононациональной. В ее ряды не могли вступать ни русские, ни украинцы, ни поляки. Выше уже было достаточно сказано о той борьбе против «польского засилья» в полиции, которую вели белорусские националисты. Подобная ситуация имела место и в случае с призывом в БКА: поляки не подлежали призыву в ее формирования. В связи с чем, 15 марта 1944 г. майор Кушель издал приказ №15, согласно которому следовало «убрать из батальонов (БКА) всех офицеров и унтер-офицеров поляков, передав их в распоряжение Биржи труда. То же

самое сделать и с поляками-рядовыми, если, по мнению командиров рот, их присутствие в рядах БКА является нежелательным»¹²¹. Впоследствии, в некоторых частях БКА этот приказ был выполнен буквально, в результате чего из их рядов были демобилизованы все солдаты польской национальности. В других – мобилизованные поляки (даже офицеры и унтер-офицеры, как, например, в Клецком батальоне) продолжали и дальше находиться в строю. В дальнейшем антипольские меры были еще больше ужесточены. Так, поляков категорически запрещалось набирать на 4-недельный офицерский курс БКА, который проходил в Минске. А согласно приказу Кушеля №22 от 30 мая 1944 г. личному составу белорусских частей категорически запрещалось петь небелорусские песни, в том числе – польские¹²².

Призыв рядового состава начинался через три дня после окончания мобилизации и инструктажа офицеров и унтер-офицеров и должен был охватить следующие возрасты: с 1908 по 1917 и с 1921 по 1924 гг. рождения. Возрасты с 1925 по 1927 гг. рождения подлежали призыву во вспомогательные службы СБМ (о них речь пойдет ниже)¹²³.

Призыв в БКА продолжался с 10 марта по 15 апреля 1944 г. Согласно первым приказам штаба Кушеля, в каждом районе планировалось организовать по одному батальону, личный состав которых должен был насчитывать 600 человек¹²⁴. Со временем, если ситуация на фронте изменилась бы в пользу немцев, должны были быть проведены новые призывы, в результате которых были бы организованы полноценные Белорусские вооруженные силы. Согласно донесениям окружных представителей БЦР и окружных начальников БКА, динамика мобилизации выглядела следующим образом: к 15 марта 1944 г. на призывные пункты явилось 19 тыс., к середине марта – 22 тыс., к концу марта – 25 тыс., а к окончанию призыва их было уже 40-60 тыс. человек¹²⁵.

Однако мобилизация такого количества здоровых мужчин могла сорвать работу промышленных предприятий и других, не менее важных, отраслей хозяйства. Поэтому немецкие окружные комиссары, под разными предлогами, отсеяли примерно 50% мобилизованных. В результате, в семи округах генерального округа «Белоруссия» было сформировано следующее количество батальонов:

- Минский округ – 6 батальонов (2358 человек);
- Слуцкий округ – 5 батальонов (3982 человека);
- Новогрудский округ – 4 батальона (2047 человек);

¹¹⁷ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 8, л. 3-4.

¹¹⁸ PAJH, The Use by the Germans of Soviet Nationals against the Soviet Union in the Late War. – White Ruthenian Volunteer Forces // Intelligence Division. – DRS (50)145. – P.8.

¹¹⁹ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 8, 9.

¹²⁰ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 8, л. 3.

¹²¹ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 14, л. 27.

¹²² НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 14, л. 39.

¹²³ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 8, л. 4.

¹²⁴ Гелагаеў А. Указ. соч. – С.47-48.

¹²⁵ Акула К. Указ. соч. – С.32; Loftus J. Op. cit. – P.36.

- Барановичский округ – 8 батальонов (6495 человек);
- Глубокский округ – 4 батальона (2910 человек);
- Вилейский округ – 4 батальона (2414 человек);
- Слонимский округ – 3 батальона (1423 человека).

Всего, таким образом, к 20-м числам апреля было организовано 34 пехотных батальона, личный состав которых насчитывал 21629 офицеров, унтер-офицеров и рядовых¹²⁶.

Следует сказать, что в БКА были также переведены несколько подразделений белорусской полиции (хотя, согласно первому приказу, полицейские и не подлежали призыву), в результате чего было сформировано еще 5 пехотных батальонов¹²⁷.

В ходе мобилизации выяснилось, что в каждом округе немцы отбирали часть людей, признанных годными к военной службе, и передавали их в распоряжение военно-строительной Организации Тодта (*Todt Organisation*). По этому поводу президент БЦР подал протест в генеральный комиссариат. Свои действия немцы мотивировали тем, что им была необходима рабочая сила для ремонта дорог в Белоруссии. Чтобы найти компромисс и не нарушать первоначальных условий по созданию БКА, было принято решение об организации из этих призывников 12 саперных батальонов. После своего создания эти батальоны должны были полтора месяца находиться в распоряжении командующего войсками Вермахта в Белоруссии, а потом войти в состав БКА. При этом, Вермахт обязался обмундировать и вооружить их личный состав. Однако, к началу мая удалось сформировать только 6 таких подразделений, которые были расквартированы в следующих населенных пунктах: в Могилеве и Слуцке – по два батальона, в Борисове и Барановичах – по одному¹²⁸.

Кроме пехотных и саперных частей в состав БКА вошло и одно кавалерийское подразделение. Его основой стал уже упоминавшийся Новогрудский эскадрон. В начале мая он был переформирован и включен в состав одноименного батальона БКА. Лучшие унтер-офицеры и рядовые эскадрона были использованы в качестве командного состава для трех новых пехотных рот, а его командир капитан Роголя принял команду над батальоном¹²⁹.

Таким образом, к маю 1944 г. в составе БКА было сформировано 39 пехотных и 6 саперных батальонов. На тот момент ее личный состав насчитывал около 30 тыс. человек, причем только 10 тыс. из них имели опыт участия в боевых действиях в условиях современной войны. Остальные же, по сути, были новобранцами¹³⁰.

¹²⁶ За Дзяржаўную Незалежнасць Беларусі... – С.97-98; Кушалъ Ф. Указ. соч. – С.87.

¹²⁷ Командиры второй мировой войны... – С.309.

¹²⁸ Літвін А.М. Акупацыя Беларусі (1941-1944)... – С.168.

¹²⁹ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 384.

¹³⁰ Командиры второй мировой войны... – С.309.

Руководящим органом БКА с белорусской стороны был ее штаб. Однако немцы не соглашались на такое название, и поэтому в официальных документах БЦР его было принято называть либо отдел, либо Главное управление БКА. На июнь 1944 г. структура и руководство штаба БКА была следующей: начальник штаба (майор Ф. Кушалъ), его заместитель (капитан В. Микула), организационный отдел (С. Романчук), отдел пропаганды (В. Гутько), санитарный отдел (Прожога, позднее Г. Богданович), хозяйственный отдел (Плескачевский, позднее Я. Скураатович), общая канцелярия (А. Василеня)¹³¹.

Главной задачей начальника штаба БКА было подготовить и провести ее мобилизацию. Когда мобилизация была окончена, президент БЦР своим декретом назначил Кушалъ командующим БКА. По всем вопросам, касающимся БКА, начальник штаба главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр» СС-оберштурмбаннфюрер Кляйнц связывался непосредственно с Кушалем. Обычно эти контакты осуществлялись через заместителя последнего капитана Микулу. Чтобы упростить эту процедуру, СС-группенфюрер фон Готтберг создал во второй половине июня 1944 г. немецкий штаб связи, в составе одного майора, двух капитанов и четырех унтер-офицеров. Этот новый орган должен был располагаться в помещении штаба БКА. В его задачи входило не только поддерживать связь между белорусским штабом и штабом фон Готтберга, но и «вникать во все нужды БКА и облегчать работу белорусского штаба по вопросам ее материального обеспечения»¹³².

Основной проблемой БКА, как, впрочем, и других белорусских формирований, был недостаток командных кадров. Еще перед началом мобилизации Кушалъ обратил на это внимание президента БЦР Островского, заявив ему, что белорусский офицерский корпус очень слаб, а кадровых офицеров нет вообще. В результате, к февралю-марту 1944 г. будущий офицерский корпус БКА состоял из: офицеров белорусской полиции и самообороны, которые к этому времени успели пройти подготовку на всевозможных курсах в Минске или в округах, а также бывших офицеров Русской императорской, Польской и Красной армий. По словам Кушалъ, «имелись еще и подпрапорщики запаса царской армии, однако, это были люди преклонного возраста, с военной точки зрения малопригодные и в большинстве своем чуждые белорусскому делу»¹³³.

В связи с тем, что белорусские офицерские и унтер-офицерские кадры были очень слабы, БЦР принял решение, а немцы целиком с ним согласились, провести переподготовку имевшихся офицеров и унтер-офицеров. С этой целью в Минске были открыты месячные курсы, рассчитанные на

¹³¹ Кушалъ Ф. Указ. соч. – С.80-81.

¹³² Там же. – С.81.

¹³³ Там же. – С.81-82.

50 офицеров и 150 унтер-офицеров. Курсы должны были проводиться один за другим, пока все офицеры и унтер-офицеры не пройдут переподготовку. После этих курсов планировалось открытие офицерской школы с шестимесячным периодом обучения для новых кандидатов в офицеры. Поэтому в плане мобилизации БКА было предусмотрено прислать из каждого округа на курсы в Минск специально для этого отобранных офицеров и унтер-офицеров. С немецкой стороны начальником курсов переподготовки был назначен СС-гауптштурмфюрер Шнайдер, который отвечал только перед фон Готтбергом, с белорусской – капитан В. Чеботаревич. Первые курсы начались в середине марта 1944 г. Причем слушателей на них прибыло даже больше, чем рассчитывали – 50 офицеров и 200 унтер-офицеров. В первой половине апреля, после окончания курсов, все они сдали экзамен в присутствии фон Готтберга. После этого, в конце апреля, были открыты вторые курсы¹³⁴.

Однако, помимо переподготовки офицеров и унтер-офицеров, главной задачей Минских курсов было, по мнению руководства БКА, привлечение на них молодежи, которая еще не служила в армии. Получив согласие фон Готтберга, БЦР провел соответствующие пропагандистские мероприятия и, одновременно с третьими курсами переподготовки, во второй половине июня 1944 г. была открыта офицерская школа, в которую приняли 250 кандидатов. В большинстве своем ими стали молодые люди с окончанным средним образованием и почти все члены СБМ. Как вспоминал один из слушателей школы, «это был в большинстве своем крестьянский элемент. Почти никто из них до этого не держал в руках оружие... Однако эта молодежь хорошо знала, где источники несчастий народа, и решила своими силами их ликвидировать. К занятиям в школе, пусть самым первым и элементарным, слушатели относились очень серьезно»¹³⁵.

Обучение должно было продолжаться шесть месяцев, после чего все слушатели могли получить первое офицерское звание. Этого, однако, не произошло, так как уже 29 июня 1944 г. офицерская школа была эвакуирована из Минска в Вильнюс (Литва), чтобы не попасть под удар наступающей Красной Армии. Со временем, все будущие офицеры были включены в так называемую Бригаду вспомогательной полиции «Зиглинг», речь о которой пойдет ниже¹³⁶.

Всего же с марта по июнь 1944 г. на курсах в Минске прошли переподготовку около 150 офицеров и около 600 унтер-офицеров. В целом, с военной и политической точки зрения, это были очень хорошие офицеры

¹³⁴ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 8, л. 4.

¹³⁵ Акула К. Указ. соч. – С.33-34.

¹³⁶ Вініцкі А. Указ. соч. – С.56.

и унтер-офицеры, полностью преданные идее создания национальных Белорусских вооруженных сил. Единственным недостатком было то, что их было явно мало для создания таких вооруженных сил. Поэтому некоторые окружные начальники БКА пытались решить проблему нехватки командных кадров по-своему. Например, в Слуцком округе офицерские и унтер-офицерские звания присваивали наиболее отличившимся, соответственно, унтер-офицерам и рядовым. К апрелю 1944 г. здесь уже было 45 таких выдвиженцев. Однако, как признавал местный окружной начальник БКА С. Шнек, «в большинстве своем такие самородки были преданные народному делу, храбрые и самоотверженные, но слабые как командиры для организованной и дисциплинированной регулярной армии»¹³⁷. Проблему подготовки кадров могла решить только окружная школа для унтер-офицеров, для создания которой, тем не менее, уже не было времени¹³⁸.

По свидетельствам и Кушеля, и Шнека, и ряда других лиц, отсутствие необходимого количества командных кадров для строевых частей было не единственной проблемой такого характера. Так, БКА испытывала крайнюю нехватку офицеров и унтер-офицеров специальных армейских служб: саперов, связистов и разведчиков. Этих специалистов почти не было ни в одном батальоне. Что же касается интендантских и медицинских кадров, а также кадров военных чиновников, то их было достаточно. Еще одним слабым местом БКА было отсутствие необходимого количества военных юристов и офицеров-пропагандистов¹³⁹.

Выше уже говорилось, что президент БЦР Островский принял на себя обязательство обеспечить БКА обмундированием. По его замыслам, ее части должны были создаваться как так называемые «белые банды», чтобы бороться с партизанами их же методами. В результате, в чем люди пришли на призывные пункты, в том они и остались, а БЦР не имел возможности дать им униформу¹⁴⁰. Только в мае-июне 1944 г. некоторые батальоны БКА, в основном в Минске, получили униформу немецкой полиции, а саперные батальоны – униформу саперов Вермахта¹⁴¹.

5 апреля 1944 г. БЦР принял постановление о введении офицерских рангов БКА. 12 апреля было принято такое же постановление относительно унтер-офицерских званий. Вскоре, согласно этим документам начала разрабатываться униформа и знаки различия БКА. Для каждого из

¹³⁷ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 9.

¹³⁸ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 10.

¹³⁹ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 10-11.

¹⁴⁰ Белорусский государственный архив кино-, фото- и фонодокументов (далее – БГАКФ-ФД), Фонд трофейной немецкой кинохроники, киноплёнка №0894.

¹⁴¹ ВА-МА, RW 41. Territoriale Befehlshaber in der Sowjetunion, Wehrmachtbefehlshaber Weißruthenien / Generalkommando Rothkirch, RW 41/59, bl.172.

ее 18 рангов были разработаны варианты парадной, выходной, служебной и полевой униформы. Однако все эти проекты так и остались на бумаге. Единственным, что отличало белорусские формирования от других, одетых в такую же немецкую униформу, «восточных» частей, были знаки различия и символика. Так, у белорусов это были: бело-красно-белый флаг, использование которого было официально разрешено генеральным комиссаром «Белоруссии» 27 июля 1942 г., герб «Погоня», и «Ярыловский» крест. Все эти символы использовались в различных модификациях в качестве кокард, нарукавных щитков, петлиц и нашивок на униформе¹⁴².

Вооружение и снаряжение для БКА пообещали дать немецкие власти. Первоначально планировалось выделить по 100 итальянских винтовок на каждый батальон. Таким образом, одна винтовка должна была приходиться на 5-6 человек. К тому же, эти винтовки были такого плохого качества, что руководство БКА приняло их сначала за учебные. Однако, видя, что фактически безоружные батальоны БКА не могут противостоять партизанам, немцы довооружили их в конце апреля 1944 г. При этом новое вооружение было самых разных систем. Например, наряду с немецкими, были французские, голландские, советские, польские и другие винтовки. Тяжелые пулеметы были, в основном, польские. Фактически же до самого наступления Красной Армии (июнь 1944 г.) БКА так и не была вооружена целиком¹⁴³.

Что же касается снаряжения и амуниции, то ситуация с ними сложилась и вовсе катастрофическая. Большая часть личного состава БКА не имела саперных лопаток, топоров, кирок, пил и т.п. инженерно-технических принадлежностей. У офицеров не было таких необходимых в бою предметов амуниции, как карты, компасы, свистки, полевые сумки, а рядовые носили свои вещи в самодельных мешках вместо положенных по уставу ранцев¹⁴⁴.

За организацией батальонов БКА последовала подготовка их личного состава. Согласно плану она должна была состоять из боевой, тактично-полевой, стрелковой и физической подготовки. Однако и здесь не обошлось без трудностей. Почти полностью отсутствовала материально-техническая и, что наиболее важно, теоретическая часть для всех видов подготовки. Солдатам БКА приходилось учиться по уставам и учебникам, которые были не самого лучшего качества. Главным образом, это были сокращенные варианты немецких и советских уставов, как, например, «Строевой устав» и «Устав для полицейской караульной службы». Иногда же это был вообще вольный пересказ некоторых учебников (например, «учебник» по топографии в обработке ка-

¹⁴² Шнэк Ё. Беларуская Краёвая Абарона... – С.22.

¹⁴³ За Дзяржаўную Незалежнасць Беларусі... – С.107.

¹⁴⁴ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 12.

питана В. Микулы). В целом, как вспоминал С. Шнэк, «самыми надежными учебниками стали знания и опыт офицеров и унтер-офицеров»¹⁴⁵.

Боевая подготовка в подразделениях начиналась на второй или третий день после мобилизации. Прежде всего, солдаты должны были овладеть оружием. Тактично-полевая подготовка начиналась во всех батальонах на шестой день после призыва – 16 марта 1944 г. Согласно учебному плану и программе, через две-три недели все части БКА должны были стать пригодными для боевого применения. Многие офицеры БКА не имели еще достаточного опыта ведения войны в современных условиях, у некоторых он был вообще устаревшим, и они больше ничему не учились со времен Первой мировой войны. Однако были и такие, которые подошли к процессу подготовки с необоснованным в таких условиях формализмом. Они много времени уделяли шагистике и изучению оружия, тогда, как стрелковая и тактично-полевая подготовка оставались у них почти без внимания. Их солдаты почти не выходили за пределы казарм или плаца, не изучали ведение боя в лесу, населенных пунктах, ночью, в тумане, в общем, в тех условиях, в которых батальоны БКА и должны были, в принципе, применяться¹⁴⁶.

Принято считать, что маневры, это неотъемлемая часть боевой подготовки любой армии. Тем не менее, известно, что в случае с БКА в них принимали участие только подразделения ее Вилейского округа. В ходе этих маневров, которые проводились в начале июня 1944 г., БКА совместно с полицией и частями польской АК отрабатывала захват вражеских позиций. После маневров состоялось их обсуждение немецкой и белорусской сторонами. В целом, все остались довольны выучкой личного состава БКА. Однако ее окружной начальник майор Якуцевич сказал, что, хоть на маневрах и были некоторые положительные показатели, для ведения современной войны нужно все-таки современное оружие, главным образом авиация и танковые войска. Вилейский округ был единственным, где были проведены показательные маневры БКА. В других этого не смогли сделать из-за нехватки времени или по иным причинам¹⁴⁷.

25 марта 1944 г., в день очередной годовщины провозглашения независимости Белоруссии, все подразделения БКА во всех округах приняли присягу на верность народу и родине. Это событие, в принципе, означало окончание периода организации и подготовки ее основного состава. О том, как использовать формирования БКА, у СС-группенфюрера фон Готтберга имелось две точки зрения. Так, еще 1 марта 1944 г. на конференции в Министерстве по делам оккупированных восточных областей, он представил

¹⁴⁵ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 13.

¹⁴⁶ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 13-15.

¹⁴⁷ Малецкі Я. Указ. соч. – С.131-132.

проект создания 20-тыс. оперативной группы по борьбе с партизанами. В ее состав, помимо немецких частей, должны были войти: казачьи части, кавказские формирования, «Бригада Каминского» и пехотные батальоны БКА. Однако обстановка на Восточном фронте и его тыловых районах не позволяла за короткий срок создать такую группу. Поэтому фон Готтберг решил использовать батальоны БКА согласно своему второму варианту: они должны были участвовать в боях против партизан либо отдельно, либо в составе более крупных немецких частей. Такая возможность представилась во второй половине мая 1944 г., когда последние, из уже организованных батальонов БКА заканчивали свою подготовку¹⁴⁸.

Первым участие в боевых действиях принял 15-й Городищенский батальон под командованием уже упоминавшегося лейтенанта В. Радько. Этот батальон был присоединен к оперативной группе фон Готтберга, которая должна была очистить от советских партизан районы Лепеля и Борисова (операция «Праздник весны»). В ходе операции, продолжавшейся с 16 апреля по 10 мая 1944 г., личный состав батальона проявил высокую боеспособность, а противостоявшие ему партизанские отряды понесли большие потери. После операции лейтенант Радько был награжден Железным Крестом, а командиры рот, многие унтер-офицеры и рядовые получили специальную награду – «Медаль для восточных народов»¹⁴⁹.

В первой половине июня немцы решили использовать еще один батальон – 34-й, который дислоцировался в Столбцах. Однако, вследствие того, что они не уведомили штаб БКА о своих намерениях, многие солдаты батальона разбежались прямо перед своей посадкой на поезд. Чтобы не допустить окончательного развала батальона, начальник штаба БКА Кушель послал в Столбцы своего заместителя капитана Микулу, который смог уговорить белорусских солдат отправиться на операцию¹⁵⁰.

В крупных боевых акциях против партизан немцы старались использовать только наиболее подготовленные и хорошо вооруженные батальоны (например, советские партизаны к числу таких относили 1-3 и 44-й, а также подразделения под командованием Габриловича, Бугая и Ветвицкого)¹⁵¹.

Те же части, которые были подготовлены хуже, использовались по типу местной самообороны. Их задача заключалась в следующем: они патрулировали район своего базирования, и отгоняли обратно в леса небольшие группы партизан, давая, тем самым, местным крестьянам спокойно обрабатывать землю. Таким образом, например, применялись части БКА Вилейского и Слуцкого округов. Здесь борьба с партизанами началась сразу

¹⁴⁸ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką... – S.215-216.

¹⁴⁹ Ёрш С. Ўсевалад Родзька. Правадыр беларускіх нацыяналістаў... – С.10.

¹⁵⁰ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.84.

¹⁵¹ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 384-385.

же после организации батальонов, захватив, по сути, весь период их подготовки. Фактически, личный состав этих батальонов учился в бою. Части же, подготовка и вооружение которых не дотягивали даже до среднего уровня, использовались, в основном, на охране гражданских учреждений и складов, на погрузке и отправке в Германию различного имущества и на других хозяйственных работах¹⁵².

Воспоминания лидеров белорусских националистов наполнены фактами того, что «дисциплина в частях БКА была очень сильной, несмотря на все проблемы материального и морального характера», а также о том, что советские партизаны массами переходили к ним. Например, окружной начальник БКА в Слуцке С. Шнек упоминает такой случай: за день до объявления мобилизации «из банд убежало 620 молодых случаев, которые хотели присоединиться к БКА. Естественно, что все они были сразу же зачислены в ее ряды»¹⁵³. Однако другие факты свидетельствуют об обратном.

В целом, можно сказать, что части БКА не были использованы в полную силу, а опыт их боевого применения оказался минимальным. Этому есть несколько причин, первой из которых является фактор времени. Естественно, что за четыре неполных месяца было невозможно развернуть и подготовить полноценные вооруженные силы. Второй причиной является негативная роль немецкого военно-политического руководства в Белоруссии. Следует сказать, что, несмотря на то, что немцы сами вызвали к жизни идею БКА, они же и тормозили ее реализацию. Уже одно то, что мобилизация была принудительной, а неявившимся на призывные пункты грозила смертная казнь, не могло вызвать энтузиазма у белорусов¹⁵⁴.

Тем не менее, население многих районов республики охотно откликнулось на призыв. Как пишет современный белорусский историк Т. Клыкковская, «не желая вновь оказаться под большевистским ярмом, часть крестьян была готова пойти под национальные лозунги и даже в определенной степени поспособствовать терпящим поражение немцам»¹⁵⁵. Этот энтузиазм населения, зачастую, был действительно неподдельным. Например, окружной комиссар Новогрудка сообщал фон Готтбергу, что в его округе население приходило на призывные пункты даже из контролируемых партизанами районов. В Слуцком округе на эти пункты явилось 7740 человек, что было почти в два раза больше необходимого количества призывников. Тех же, кто должен был явиться, но не явился, было всего 110 человек или 1,4% от общего количества подлежащих мобилизации. В Вилейском ок-

¹⁵² НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 3, л. 165, 374, 626.

¹⁵³ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 9.

¹⁵⁴ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 379.

¹⁵⁵ Клыкковская Т. Обреченный эскадрон: в 1942 г. они мечтали создать национальные белорусские войска... – С.3.

руге было мобилизовано 15 тыс. человек, однако немцы согласились дать оружие только на 3000. Остальных же распустили по домам, до, как полагали белорусские власти, нового призыва¹⁵⁶.

Многие из этих добровольцев действительно думали, что будут сражаться в национальных Белорусских вооруженных силах и под белорусским командованием. Видя это, руководство БЦР издало приказ о том, что «батальоны, которые имеют достаточное количество оружия и боеприпасов, должны активно выступать против партизан»¹⁵⁷. В этом приказе также подразумевалось, что, прежде чем использовать какую-нибудь часть БКА, немцы обратятся в ее штаб или к окружному начальнику БКА. Однако они, зачастую, использовали батальоны БКА по своему усмотрению, полностью игнорируя БЦР и белорусский штаб. В результате, это приводило и к инцидентам, который имел место в 34-м батальоне. Другим характерным примером такого немецкого поведения является ситуация с саперными батальонами. Если пехотные батальоны и находились в формальном подчинении у штаба БКА, то саперы даже не подчинялись главному фюреру СС и полиции. Как было сказано выше, они находились в распоряжении Вермахта. Кушель вспоминал: «...Если в пехотные батальоны люди шли весьма охотно, желая непосредственно бороться с большевистскими партизанами, то саперные батальоны не давали им такой возможности. Поэтому, в некоторых местах люди, призванные в саперные части, попросту дезертировали. Так, например, произошло в Несвиже и Клецке»¹⁵⁸. Имея такой негативный опыт, немецкое военно-политическое руководство в Белоруссии должно было сделать вывод, что лучше всего белорусы сражаются против большевиков под знаменами белорусской национальной идеи. Однако, оно такой вывод не сделало, что, в результате, пагубно отразилось на дальнейших попытках создания белорусских формирований.

Наконец, еще одним препятствием со стороны немецкого руководства было его упорное нежелание снабдить БКА достаточным количеством современного вооружения. Этому есть, на наш взгляд, два объяснения. Во-первых, по свидетельству целого ряда документов, фон Готтберг не планировал набор более 10 тыс. человек, и поэтому такое большое количество белорусских добровольцев явилось для него полной неожиданностью. Для такой массы людей попросту не было ни вооружения, ни обмундирования, а передавать их в БКА вместо частей Вермахта или войск СС было, мягко говоря, неблагоприятно. С другой стороны игнорировать такой порыв населения также было нельзя. Поэтому фон Готтберг обратился в Берлин с просьбой прислать как можно

¹⁵⁶ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 9.

¹⁵⁷ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 14, л. 37.

¹⁵⁸ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.85.

скорее хотя бы 20 тыс. винтовок. Там ему ответили, что его просьба может быть выполнена только к концу мая. Как вскоре выяснилось, это решение было крайне запоздалым. Во-вторых, немецкое командование всегда опасалось снабжать современным оружием «восточные» формирования. Оно, и не без основания, считало, что если дела на фронте пойдут у немцев плохо, это оружие повернется против них¹⁵⁹.

Еще одним фактором, который оказывал негативное влияние на процесс организации и использования БКА, была деятельность советских и польских партизан. По своему характеру она делилась на пассивную (или пропагандистскую) и активную, и была направлена на срыв мобилизации. Если же в каком-нибудь районе мобилизацию и не удавалось сорвать, тогда партизаны прилагали все усилия, чтобы разложить уже сформированные части БКА¹⁶⁰.

Так, уже 10-11 марта 1944 г. Центральный комитет Компартии Белоруссии (ЦК КПБ) издал специальное «Обращение» к населению оккупированных районов. «Немецкие разбойники, - говорилось в этом документе, - хотят по мобилизации собрать наиболее здоровое белорусское население, чтобы затем уничтожить его. Для этого они во многих местах Белоруссии и Польши устроили лагеря смерти, куда загоняют тысячами собранных под разными предлогами людей»¹⁶¹. ЦК КПБ призывал белорусский народ не поддаваться ни на какие провокации оккупантов, всеми силами и средствами срывать их планы. «Партизаны и партизанки, говорилось далее в «Обращении», - помогайте населению уклоняться от немецкой мобилизации. Разъясняйте всем, что объявленная... мобилизация – новый кровавый план уничтожения белорусского народа... Уничтожайте команды, которые загоняют народ на призывные пункты, громите призывные пункты»¹⁶².

Подпольные органы Компартии на территории Белоруссии и командование партизанских отрядов положили «Обращение» ЦК в основу своей повседневной политико-агитационной и организационной работы. Оно было отпечатано в десятках тысяч экземпляров и распространено среди жителей. Так, за время проведения мобилизации в БКА, в южных районах Минского округа партизаны распространили 62 тыс. экз. листовок и 54 тыс. экз. газет с текстом «Обращения». Подпольные организации Белостокского округа за март-апрель 1944 г. издали большим тиражом 11 названий листовок с призывом к населению не вступать в БКА. Одновременно с разъяснительной и агитационной работой подпольные организации и партизанские отряды повсеместно громили призывные пункты БКА, устраивали кордоны, с целью не пропустить призывников на эти пункты,

¹⁵⁹ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką... – S.217.

¹⁶⁰ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 380.

¹⁶¹ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. – Т.3. – С.185-186.

¹⁶² Там же. – Т.3. – С.186.

физически уничтожали членов окружных или районных мобилизационных комиссий. Во многих случаях имели место нападения на уже сформированные, но еще не вооруженные, батальоны БКА, в результате которых наиболее активные белорусские офицеры и унтер-офицеры уничтожались, а рядовые распускались по домам или включались в партизанские отряды. Такие случаи, например, имели место в ряде районов Новогрудского, Слонимского и Барановичского округов¹⁶³.

Со временем, такая активность партизан стала приносить свои плоды. Так, на призывной пункт в пос. Городок Барановичского округа явилось всего несколько человек. Чтобы предотвратить срыв мобилизации, немцы направили в близлежащие населенные пункты большой отряд полиции. В ходе облавы удалось схватить около 100 человек и пригнать их на призывной пункт. Однако уже в первую ночь 37 из них бежали к партизанам. В других районах ситуация выглядела еще хуже (данные по Минскому, Вилейскому, Слуцкому и Слонимскому округам):

- в Плиссе, Лужки и Глубокое явилось 170 человек, тогда как только по одному Плисскому району призыву подлежала 1000. За это же время в этих же районах в ряды партизан вступило более 500;
 - в Молодечно большее число мобилизованных сразу же разбежались;
 - в Смолевичском районе на призывные пункты не явилось 514 человек, подлежащих мобилизации;
 - в Юрьевском, Кленническом, Верхменском и частично в Заболотском и Воротовском районах, где активно действовали партизаны, мобилизация была вообще парализована;
 - в отчете из Заславского района сообщалось, что в БКА призваны только 209 человек, тогда как 402 вообще не явились;
 - из Шершунского и Шанелевского районов на призывные пункты не прибыл ни один человек;
 - в Старобинском и Любанском районах из деревень, расположенных вблизи лесов, на призывные пункты не явился ни один человек.
- Слонимский окружной комиссар доносил в Минск, что в его округе очень многие уклоняются от призыва¹⁶⁴.

Как было сказано выше, по плану развертывания БКА в каждом районе должен был быть сформирован один батальон численностью 500-600 человек. Однако, как из-за препятствий со стороны немцев, так и из-за деятельности партизан, в некоторых батальонах было только по 80-100 человек¹⁶⁵.

¹⁶³ Там же. – Т.3. – С.190.

¹⁶⁴ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 3, л. 217, 366.

¹⁶⁵ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 384.

Другим следствием подрывной работы партизан стал переход на их сторону уже сформированных частей БКА. Так, по данным штаба Кушеля, только за март-апрель 1944 г. имели место следующие случаи:

- в ночь на 19 марта советские партизаны совершили нападение на немецкий гарнизон в дер. Яворская Руда Барановичского округа. Находившийся в гарнизоне отряд БКА не оказал никакого сопротивления, а 66 его солдат перешли на сторону партизан;
- в начале апреля партизаны разгромили немецкий гарнизон в пос. Остров Барановичского округа, в результате чего 28 находившихся в гарнизоне солдат БКА стали партизанами;
- в городе Столбцы Барановичской области на призывной пункт явилось около 1800 человек. Узнав об этом, подпольный комитет КПБ прислал туда своих агитаторов, которые провели среди мобилизованных «разъяснительную работу». В результате, через несколько дней на призывном пункте осталось всего 180 человек, 680 ушли в партизаны, а остальные разошлись по домам;
- за время боев с партизанами, из отряда БКА, сформированного в пос. Лапичи Минского округа, к партизанам перешло около 300 человек;
- по Клецкому району Барановичской области призывную комиссию прошло до 3000 человек, из которых годными к службе были признаны 1500. Однако уже к началу апреля к партизанам перебежали примерно 500, а затем стали уходить и остальные;
- в Плисском районе Минского округа только за две недели марта из местного батальона на сторону партизан перешло 82 человек;
- из Вилейки местный окружной начальник БКА сообщал о переходе на сторону партизан 70 добровольцев¹⁶⁶.

Кроме вышесказанного, партизаны засылали в батальоны БКА своих агентов, которые старались разложить их личный состав. С одной стороны они говорили, что «когда Советская власть вернется в Белоруссию, от расплаты не уйдет ни один предатель». С другой, они обещали «от лица народной власти прощение всем, кто вовремя одумается»¹⁶⁷. В результате, в политическом обзоре БЦР по Минскому округу за март 1944 г. отмечалось, что у солдат БКА подавленное настроение, почти все думают, что они будут отправлены на фронт. Многие, особенно из насильно мобилизованных, морально разложены. В другом обзоре говорилось, что «после призыва почти каждый подал заявление об освобождении из рядов БКА, измышляя всевозможные причины, по которым не может оставаться в этих рядах»¹⁶⁸. В целом, ни один день не проходил без того, чтобы кто-нибудь из солдат БКА не сбежал к партизанам.

¹⁶⁶ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 3, л. 231, 236, 266, 294.

¹⁶⁷ Армстронг Д. Указ. соч. – С.289-316.

¹⁶⁸ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 3, л. 227; ф. 400, оп. 1, д. 1, л. 7.

Не осталась в стороне и польская АК. Еще в ходе мобилизации в БКА ее руководство поставило перед своими агентами задачу проникновения в ряды этих формирований, с целью их дальнейшего разложения или перевода на свою сторону. Следует признать, что в целом ряде случаев эти шаги были весьма успешными. Например, в Барановичском батальоне БКА оказалось 80 членов АК, в том числе и некто, известный как поручик «Виктор», который занял пост командира одной из рот. В апреле 1944 г. эта группа попыталась вывести личный состав батальона в лес, чтобы в дальнейшем создать на его базе партизанский отряд. Однако по невыясненным причинам эта акция так и не была выполнена¹⁶⁹.

23 июня 1944 г. Красная Армия начала операцию «Багратион», которая закончилась полным разгромом немецкой группы армий «Центр». За две недели с небольшим была освобождена почти вся территория Белоруссии. Поэтому на эвакуацию частей БКА и всех ее структур у немцев попросту не оказалось времени. Однако, как пишет польский историк Ю. Туронек, такая эвакуация и не планировалась, о чем свидетельствует полное отсутствие приказов на этот счет, как со стороны немцев, так и из штаба БКА. Буквально перед самым оставлением Минска, фон Готтберг отдал приказ окружным фюрерам полиции, чтобы они позаботились об отступлении наиболее боеспособных батальонов на запад и демобилизации остальных. Но, по словам Кушеля, коменданты полностью провалили эту акцию. В результате, после эвакуации из Минска 27 июня 1944 г. немецкого штаба связи при БКА, и Островский, и Кушель остались вообще без всяких контактов с фон Готтбергом и не могли дать своим частям ни одной, сколько-нибудь вразумительной, инструкции. А вскоре и БЦР, и штаб БКА сами последовали за немцами. В такой ситуации командиры большинства белорусских батальонов оказались представлены сами себе, и поэтому стали решать проблему спасения вверенных им людей по мере своих сил и опыта. Один из очевидцев так описывал «эвакуацию» одного из батальонов БКА в Барановичском округе: «Вечером 30 июня я стал случайным свидетелем демобилизации батальона численностью в 700 человек. Перед строем батальона стоял его командир. После короткой информации о последних событиях на фронте он сказал следующее: «Кто пойдет с нами, пусть остается в строю, остальные могут идти домой». После этих слов вся солдатская масса зашевелилась и двинулась к казармам, что бы забрать свои вещи и идти по домам. В строю осталось только 18 человек, в основном, унтер-офицеров, а на утро согласилось уезжать еще меньше»¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Грыбоўскі Ю. Польшка-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941-1944 гг.)... – С.141.

¹⁷⁰ Цит. по: Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką... – S.225.

Судьба подразделений БКА, в целом, сложилась следующим образом. Только немногие батальоны приняли бой с передовыми частями Красной Армии и были разгромлены, другие (и, судя по вышесказанному, их была основная масса) – распушены своими командирами, а третьи – наиболее боеспособные – смогли в полном порядке отступить в Польшу. Саперные батальоны БКА, которые находились под юрисдикцией Вермахта, были эвакуированы в Бедруск под Познанью (западная Польша). Там все шесть были реорганизованы в 2 строительных батальона (*Baubataillon*) и, без ведома БЦР, включены в состав сухопутных войск Вермахта. Впоследствии, оба строительных батальона были переброшены на Западный фронт, где и находились до конца войны¹⁷¹.

Во второй половине июля 1944 г. руководство БЦР окончательно обосновалось в Берлине и снова приступило к активной работе. Чтобы на деле доказать свою решимость и дальше продолжать борьбу с большевизмом, Островский планировал воссоздать БКА на территории Германии. Однако в данных условиях это оказалось невозможным. Поэтому было решено добиваться у немецкого военно-политического руководства согласия на создание Белорусского легиона. Он должен был быть организован по образцу так называемых Восточных легионов (*Ostlegionen*), которые одновременно представляли собой и запасные части, и центры по подготовке личного состава для боевых формирований. Так, в течение 1941-1943 гг. в составе Вермахта были организованы (и вполне удачно) Туркестанский, Азербайджанский, Северо-Кавказский, Грузинский, Армянский и Волжско-татарский легионы¹⁷².

Кроме успешного опыта по созданию таких формирований, в Германии на тот момент имелось и достаточное количество частей и подразделений, чтобы создать Белорусский легион. Так, по мнению Островского, можно было рассчитывать на 6 саперных батальонов и некоторое количество пехотных батальонов БКА, 13-й Белорусский полицейский батальон при СД, офицерскую школу БКА и остатки вспомогательной полиции порядка. Всего в этих частях служило около 10 тыс. человек. Кроме того, помимо них, в легион охотно бы пошли многие белорусские беженцы и так называемые «восточные рабочие» – белорусы, которые в 1942-1944 гг. были вывезены в Германию на принудительные работы. Если бы немцы позволили, то вскоре можно было бы подготовить кадры для трех полноценных пехотных дивизий. Исходя из этого, президент БЦР выступил перед немецким руководством с ходатайством для разрешения организации Белорусского легиона¹⁷³.

¹⁷¹ Романько О.В. Белорусская краевая оборона (февраль – июнь 1944 г.). К вопросу о некоторых аспектах немецкой оккупационной политики на территории СССР // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2003. - №39. – С.90.

¹⁷² Подробнее об этом смотри в книге: Hoffmann J. Ostlegionen 1941-1943. – Freiburg, 1976.

¹⁷³ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką... – S.230.

Идея создания такого легиона была одобрена в Министерстве по делам оккупированных восточных областей. Следующей инстанцией, согласие которой нужно было получить, являлось Управление генерала-инспектора добровольческих формирований при Генеральном штабе сухопутных сил (*General der Freiwilligen-Verbände*). Во второй половине июля 1944 г. начальнику этого управления генералу кавалерии Э. Кёстрингу был подан соответствующий меморандум. Кёстринг обещал его рассмотреть, однако, до середины сентября так и не сделал этого¹⁷⁴.

Ситуация с таким молчанием со стороны немцев очень беспокоила лидеров БЦР. Поэтому оно решило действовать самостоятельно. 13 сентября 1944 г. при совете было создано Управление военных дел (с 5 октября – Главное управление военных дел), которое возглавил генерал-майор К. Езовитов. Вступив в должность, он, в свою очередь, выступил с предложением организовать новое белорусское воинское формирование, не дожидаясь, при этом, разрешения немцев. Это предложение очень понравилось Островскому, и в тот же день он принял решение о создании в Берлине 1-го Учебного батальона БКА. Основой для формирования батальона должны были послужить белорусские офицеры и унтер-офицеры, которые постепенно собирались в Берлине, узнав, что там вскоре будет создан Белорусский легион¹⁷⁵.

Согласно проекту Езовитова, структура кадрового батальона была следующей:

- офицерский курс, на котором офицеры БКА и полиции должны были проходить переподготовку;
- унтер-офицерский курс для переподготовки унтер-офицеров;
- офицерская школа, для всех, кто хотел стать офицером;
- унтер-офицерская школа для тех рядовых, которые хотели стать унтер-офицерами;
- хозяйственная рота¹⁷⁶.

В результате, к декабрю в батальоне проходило службу около 300 человек, в том числе 50 офицеров. Командиром батальона был назначен капитан П. Косацкий, а его заместителем по военной подготовке капитан С. Шнек, которые одними из первых прибыли в Берлин. Как руководство батальона они подчинялся командующему БКА Кушелю¹⁷⁷.

Следует сказать, что до конца февраля 1945 г. батальон фактически не значился ни в одном немецком военном документе и не находился на немецком довольствии. Деньги на его содержание в количестве 12 тыс. рейхсмарок были выделены из бюджета БЦР. Тем не менее, казармы, кото-

¹⁷⁴ Кушалъ Ф. Указ. соч. – С.102.

¹⁷⁵ Касмовіч Д. Указ. соч. – С.214.

¹⁷⁶ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 3, л. 50.

¹⁷⁷ Грышук В. Указ. соч. – С.13; Касмовіч Д. Указ. соч. – С.215.

рые предоставил комендант Берлина для личного состава батальона, были относительно хорошими. Снабжение продуктами осуществлялось по карточкам, и было также вполне нормальным. С обмундированием же сложилась катастрофическая ситуация. Большинство солдат и офицеров прибыли в Берлин в летней униформе. А поскольку батальон не был поставлен на немецкое довольствие, зимнюю униформу им получить было негде. Однако, по словам Кушеля, «несмотря на сильные холода, люди терпели». С вооружением батальона дела обстояли не лучшим образом. Не принесли успеха и многочисленные попытки Кушеля легализовать батальон¹⁷⁸.

6 ноября 1944 г. Управление генерала-инспектора добровольческих формирований официально уведомило БЦР, что все вопросы, касающиеся создания Белорусского легиона, передаются в Главное управление СС (*SS-Hauptamt*). В конце весны – начале лета 1944 г. в составе последнего был организован специальный отдел «Восточные добровольцы» (*Freiwilligen-Leitstelle Ost*), задачей которого являлось создание частей войск СС из «восточных» народов. Руководителем отдела стал СС-оберштурмбаннфюрер Ф. Арльт. Фактически, это был конец Учебного батальона и вообще БКА, так как в течение декабря 1944 г. из него забрали офицерскую и унтер-офицерскую школы, а также всех более-менее боеспособных солдат и офицеров. В Берлине остались только офицеры старшего возраста и немного рядовых. Большинство из оставшихся не были пригодны к военной службе. В конце концов, в первой половине апреля 1945 г. батальон был расформирован¹⁷⁹.

В исторической литературе до сих пор идут споры, можно ли считать этот батальон полноценной кадровой воинской частью. Все эмигрантские и многие современные белорусские историки безоговорочно соглашались с этим. Напротив, польский исследователь Ю. Туронек считает, что это не так и даже само слово «батальон» употребляет исключительно в кавычках. Основываясь на ряде фактов, он пишет, что до конца января 1945 г. это подразделение было, скорее, «приютом для бездомных беженцев». Поскольку, помимо офицеров и солдат БКА, при нем находились члены их семей и другие гражданские лица, для которых казармы батальона «были не самым худшим местом». Кроме того, многие военные вступали в этот батальон, чтобы отдохнуть после госпиталя. Сама же идея его создания была поддержана Островским исключительно в рамках той политической позиции, которую он занимал относительно белорусских добровольческих частей в эмиграции (более подробно о ней говорилось выше). Тем не менее, как бы там ни было, следует признать, что это воинское подразделение явилось переходным этапом между БКА и будущей белорусской дивизией войск

¹⁷⁸ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką... – S.231-232.

¹⁷⁹ Ibid. – S.227, 231.

СС, уже хотя бы потому, что позволило сохранить офицерские и унтер-офицерские кадры для последней¹⁸⁰.

В целом, приходится согласиться с немецким историком Н. Мюллером, который писал, что «кампания по организации БКА... закончилась неудачно»¹⁸¹. Военные цели, из-за которых она создавалась немцами, достигнуты не были. За редким исключением, им не удалось сформировать сколько-нибудь боеспособные и морально устойчивые части. Однако была достигнута белорусская, политическая цель. Как писал впоследствии Кушаль, «проведение мобилизации в Белоруссии представительством белорусского народа, каким тогда являлся БЦР, было необыкновенно важным делом. Это был первый факт в истории Белоруссии, когда белорусский народ призывался в белорусские войска белорусской властью»¹⁸². С этим высказыванием можно спорить или нет, однако, если отбросить всю националистическую риторику, трудно не согласиться, что мобилизация в БКА была важным политическим успехом и фон Готтберга, и Островского, хотя и очень запоздалым.

* * *

Создание охранных формирований на территории оккупированной Белоруссии происходило по двум направлениям: в виде полицейских подразделений и частей самообороны. Как правило, это были два параллельных процесса, которые до начала 1944 г. пересекались крайне редко. Главной причиной этого было то, что создание полиции и самообороны осуществлялось под эгидой разных ветвей немецкой оккупационной администрации. Подразделения полиции организовывались по инициативе ведомства Гимmlера, самооборона – по инициативе генерального комиссара Кубе. Зимой-весной 1944 г. новый генеральный комиссар фон Готтберг попытался объединить этот процесс, дав разрешение на создание БКА. Это формирование создавалось по принципам самообороны, но с включением в состав его частей подразделений полиции.

Как правило, создавая части полиции и самообороны, немцы преследовали, главным образом, следующую цель: сковать и уничтожить силы партизан руками местного населения. И только во вторую очередь имели место определенные политические и пропагандистские мотивы. Для белорусских националистов определяющим был как раз политический момент. Прежде всего, они преследовали цель создать при помощи немцев бое-

способные белорусские национальные формирования, как ядро будущей армии независимой Белоруссии. Причем, такие цели преследовали оба крыла белорусского национального движения: и коллаборационистское, и антинацистское. Для каждого типа охранных частей у них были свои методы. Во-первых, используя благосклонность генерального комиссара Кубе, они пытались создать изначально белорусские формирования, например КБС. Во-вторых, пытались белорусифицировать уже существовавшие полицейские подразделения, например: батальон железнодорожной охраны или батальоны «вспомогательной полиции порядка». Эти попытки продолжались с переменным успехом до конца 1943 г. В целом, в силу разного рода причин, националисты потерпели неудачу, так как в их актив можно записать создание только одного действительно белорусского подразделения – Новогрудского кавалерийского эскадрона. Зимой 1944 г. военно-политическая конъюнктура на территории Белоруссии менялась значительным образом. Выше уже говорилось, что это было связано с созданием БКА. В данном случае, интересы оккупантов и националистов практически совпали, и последние получили шанс создать белорусские национальные силы. Однако времени на это уже явно не хватало.

Что касается общей боеспособности охранных частей, то ее можно оценить, как не очень высокую. Под влиянием целого ряда факторов (колебания линии немецкой оккупационной политики, деятельность советских и польских партизан, отношение местного населения и т.п.) эти части только в очень немногих случаях могли противостоять организованному и подготовленному противнику. Оккупанты крайне редко использовали их самостоятельно. В лучшем случае, белорусская полиция и самооборона воевали совместно с немецкими или другими коллаборационистскими формированиями. В худшем – просто несли охрану каких-нибудь объектов или поддерживали порядок в населенных пунктах. Дисциплина в частях полиции и самообороны была, обычно, ниже среднего, а дезертирство и переход к врагу – очень частым. Поэтому, многие из этих частей были расформированы немцами еще до конца оккупации или, после чистки личного состава, влиты в другие, более крупные формирования.

¹⁸⁰ Ibid. – S.231.

¹⁸¹ Мюллер Н. Указ. соч. – С.271.

¹⁸² Кушаль Ф. Указ. соч. – С.87.

Глава 4

БЕЛОРУССКИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ВЕРМАХТЕ И СС

Разведывательно-диверсионные части

Создание первых белорусских частей специального назначения относится еще к довоенному времени. Первоначально инициатива по их организации принадлежала Абверу, сотрудники которого активно использовали свои связи с белорусским национальным движением. Так, в середине 1940 г. бывший ректор Кенигсбергского университета, а теперь майор Абвера Герулис, встретился с Н. Щорсом и В. Годлевским, выступавшими за активное сотрудничество с немецкими военными кругами. Целью националистов было использовать любую возможность, чтобы создать ядро будущей белорусской армии. Немцы руководствовались более утилитарными мотивами: вербовка и подготовка агентов для переброски их на советскую сторону¹.

Встречи и переговоры продолжались несколько месяцев, и только весной 1941 г. было достигнуто определенное соглашение. Белорусская сторона обязалась предоставить добровольцев, немцы – организовать их в боевую единицу и обучить. Вербовка добровольцев должна была проходить через филиал варшавского Белорусского комитета в Бялой Подляске. Основной контингент – белорусы-военнопленные бывшей Польской армии. Не позднее весны 1941 г. группа Щорса начала среди них вербовочную компанию. В результате было набрано 52 добровольца, которых направили в поселок Ламсдорф (Польша). Здесь, 5 мая 1941 г. была создана школа Абвера, где белорусы должны были пройти соответствующую подготовку, рассчитанную на 2 месяца. Командиром группы стал бывший хорунжий Польской армии В. Кочан. 12 июня группе было присвоено название 1-й Белорусский штурмовой взвод, а на следующий день добровольцы закончили свой курс обучения и отбыли к советской границе, в поселок Прушков. К этому времени личный состав взвода состоял уже из 41 человека, так как некоторые добровольцы не захотели продолжать обучение и были отпущены домой. Диверсантов переодели в советскую униформу и стали готовить к заброске на территорию СССР².

15 июня через границу была перебросена первая группа диверсантов в количестве 7 человек (командир – А. Асовский), с целью выполнения диверсий на участке железной дороги Барановичи – Столбцы. Однако выполнить свое задание им не удалось. После высадки, диверсанты были обнаружены советскими пограничниками и после короткой стычки захвачены в плен. Следующая группа в количестве 20 человек вышла на задание 19 июня. Накануне переброски ее разделили на две группы по 10 человек, которые получили самостоятельные цели. Одна из групп, которую возглавил А. Кочан, в ночь с 21 на 22 июня была выкинута на парашютах западнее Минска. Здесь они успешно выполнили диверсию на железной дороге, после чего отошли навстречу наступающим немецким войскам. Судьба третьей группы диверсантов неизвестна³.

После нападения Германии на СССР и быстрого продвижения немцев на восток, боевое применение штурмового взвода согласно его функциям разведывательно-диверсионного характера стало бессмысленным и нецелесообразным. В связи с этим, его личный состав был направлен на оккупированную территорию Белоруссии для выполнения мероприятий полицейского характера. Так, в сентябре 1941 г. белорусы-диверсантыполнили ряды минской полиции порядка⁴.

Следует сказать, что 1-й штурмовой взвод был не единственным специальным формированием, который организовали немцы накануне вторжения в СССР. Например, по линии того же представительства в Бялой-Подляске было сформировано еще несколько групп (по 20-30 чел. в каждой). Из них наибольшую известность получила группа бывшего капитана Польской армии Ю. Вежана, в составе которой было 32 человека. В отличие от группы Кочана, эти диверсанты проходили подготовку в Силезии. В июне 1941 г. они были десантированы на территорию БССР в районе Сувалок. Однако почти сразу эту группу обнаружили и захватили советские пограничники. Вежан и его люди были помещены в тюрьму в Ломже, откуда их вскоре освободили наступающие немецкие войска⁵.

Установление на большей части Белоруссии гражданской оккупационной администрации означало, по сути, окончание существования белорусских частей специального назначения в составе Абвера. Фронт проходил далеко на востоке, и необходимость в проведении диверсионно-разведывательных акций отпала. Однако, из-за подъема движения Сопротивления, возникла необходимость проведения специальных акций в рамках антипартизанской войны.

¹ Грыбоўскі Ю. Першы беларускі штурмовы зьвяз... – С.3.

² Там же. – С.5.

³ Вежан Я. Першы штурмовы зьвяз // Пагоня. – 1995. – 2 сакавіка.

⁴ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.39.

⁵ Найдзюк Я., Касяк І. Указ. соч. – С.255.

В декабре 1942 г. начальник полиции безопасности и СД генерального округа «Белоруссия» СС-оберштурмбаннфюрером Э. Штраух и руководство БНС договорились о создании отдельного белорусского батальона СД. Цель создания: проведение специальных операций против партизанского движения. В ходе последующих встреч лидеры белорусских коллаборационистов выдвинули ряд условий, на основе которых они брались оказать содействие в деле создания батальона:

1. Командиром батальона назначался немец, а все остальные командные должности занимались белорусами;
2. Командный и служебный язык в батальоне – исключительно белорусский;
3. Кандидатов на командные должности представляет главный референт БНС по военным вопросам;
4. За моральным состоянием личного состава батальона наблюдает чиновник, специально назначенный для этого руководством БНС. Он же отвечает и за пропаганду в батальоне;
5. Вооружение, обмундирование и снабжение в батальоне – немецкое и по немецким нормам;
6. Знаки различия на мундирах должны быть белорусскими: в качестве кокарды «Погоня», а на левом рукаве – бело-красно-белый национальный щиток;
7. Батальон может использоваться только на территории Белоруссии и только «против врагов белорусского народа – советских партизан»⁶.

На следующий день после последнего совещания, в конце декабря 1942 г., главный военный референт БНС Ф. Кушель выехал в округа. В ходе поездки он провел ряд встреч с местными руководителями БНС, на которых обсудил вопросы, связанные с набором добровольцев в батальон. В начале февраля 1943 г. из округов стали прибывать первые добровольцы, которых сразу же отправляли на переподготовку. В результате, в первой половине марта батальон был уже сформирован. Организационно он состоял из двух рот, в каждой из которых проходило службу по 200 человек. Командирами рот были назначены старшие лейтенанты Орсич и Мазур. В начале апреля в батальоне ввели должность пропагандиста. По предложению Кушеля им стал лейтенант В. Чеботаревич⁷.

Осенью 1943 г. батальон пополнили ротой, созданной при отделении СД в Вилейке. Ее командиром был назначен уже упоминавшийся лейтенант А. Кочан. Несколько позднее из Глубокого прибыло еще 150 человек во главе с лейтенантом Якубенком. Позднее в структуру батальона было введено еще несколько подразделений, созданных при отделениях СД в

⁶ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.63-64.

⁷ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... – С.47.

других районах генерального округа. Таким образом, к зиме 1943 г. батальон был развернут в сильное спецподразделение, в рядах которого насчитывалось примерно 1000 добровольцев. После этого он получил порядковый номер и стал официально именоваться 13-й Белорусский полицейский батальон при СД (*13. Weissruthenische-Polizei(SD)-Bataillon*). Немецким командиром батальона назначили офицера из аппарата Штрауха – СС-штурмбаннфюрера Юнкера⁸.

Кандидаты в 13-й батальон проходили очень строгую селекцию, и поэтому были полностью изолированы как от советского, так и от польского влияния. Эта часть по праву считалась наиболее боеспособным белорусским формированием. Личный состав батальона был очень хорошо обмундирован, вооружен и находился на полном материальном довольствии. Подготовка бойцов и командиров проходила на очень высоком уровне. Со стороны белорусского населения и представителей интеллигенции для них устраивались концерты и творческие вечера. По словам Кушеля, «это было образцовое воинское формирование – любимец белорусской общественности»⁹.

В мае 1943 г. подразделения батальона были впервые использованы в антипартизанской операции в районе Минска. В ходе нее, как командиры, так и бойцы показали себя с наилучшей стороны. После окончания операции немецкий командир батальона очень хвалил белорусских солдат и офицеров. Во время боев погибло несколько десятков добровольцев. В Минске им устроили торжественные похороны, на которых присутствовала практически вся белорусская общественность города и представители немецких властей¹⁰.

Все лето 1943 г. батальон провел в антипартизанских операциях в Минском округе. Однако уже осенью он был переведен в Вилейку. Здесь, после небольшого отдыха, батальон был разбит на небольшие группы, по численности не больше взвода, чтобы вновь использоваться в боях. Большая часть этих групп осталась в Вилейке, тогда как остальные были распределены по окружным отделениям СД, где несли охранную службу. Командиром одного такого взвода, который нес службу в Лиде, был лейтенант И. Мелешко. По словам его сослуживцев, он был очень толковым офицером, который погиб при очень трагических обстоятельствах. В январе 1944 г. фюрер СС и полиции округа «Лида» решил провести операцию против местных партизан. С этой целью он создал боевую группу, в которую, помимо взвода Мелешко, вошли другие формирования с более низкими боевыми качествами. В целом, в операции

⁸ Семенов К.К. Указ. соч. – С.281-282.

⁹ Кушель Ф. Указ. соч. – С.64.

¹⁰ БГАКФФД, Фонд фотографий, сделанных немецкими фотографами и лицами, сотрудничавшими с немцами, альбом №17, фото 97.

должны были участвовать: взвод 13-го Белорусского полицейского батальона при СД, рота военно-строительной Организации Тодта, отряд местной вспомогательной полиции и сводный отряд служащих окружного комиссариата. Командиром этой, на первый взгляд, довольно внушительной группы, был назначен лейтенант Мелешко. Кроме того, в 10 км от Лиды стояла немецкая пехотная рота, которая также должна была принимать участие в операции. При этом инициатор акции – фюрер СС и полиции – не известил немецкого командира, с какого направления прибудет группа Мелешко. В результате, тот получил от своего дозора донесение, что к району их расположения приближается подозрительный отряд. Когда командир роты посмотрел в бинокль, то увидел вооруженных людей в разной униформе. Солдаты Организации Тодта носили мундиры, по цвету похожие на польское обмундирование. А так как под Лидой действовало много польских партизан, то не удивительно, что командир немецкой роты приказал открыть огонь. Во главе отряда шел лейтенант Мелешко, и он же первым был тяжело ранен. Солдат, который бросился на помощь своему командиру, был сразу же убит. Недоразумение быстро выяснилось, однако Мелешко тут же на месте скончался от ран¹¹.

Несмотря на то, что батальон был одним из самых лучших коллаборационистских формирований в генеральном округе «Белоруссия», его офицеры и солдаты также не избежали конфликтов с немецким кадровым персоналом. Причины для таких конфликтов было, главным образом, три. Во-первых, немецкое руководство направило в каждую роту немецких унтер-офицеров, которые назывались шефами рот, и формально считались инструкторами. Однако, вместо инструктажа, эти унтер-офицеры стали вмешиваться в обязанности командиров рот и взводов. Естественно, белорусские офицеры не хотели отказываться от своих прав в пользу немецких унтер-офицеров. Командир же батальона – немец – всегда принимал сторону своих соотечественников и налагал взыскания на офицеров-белорусов, даже если они были правы¹².

Во-вторых, на всех хозяйственных должностях в батальоне находились немецкие унтер-офицеры, которые обворовывали белорусских солдат. Доходило до того, что сам главный референт БНС по военным вопросам Ф. Кушель несколько раз наблюдал такие случаи. По этой причине командир батальона также имел частые столкновения с белорусскими офицерами, наиболее неуступчивым из которых был командир 2-й роты лейтенант Мазур – человек очень амбициозный и импульсивный. В конце концов,

¹¹ Беларусь на варце. – 1944. - №4. – Студзень.

¹² Кушаль Ф. Указ. соч. – С.65.

дело закончилось тем, что Мазур исчез при загадочных обстоятельствах. Однако среди его сослуживцев ходили слухи, что его расстреляла СД¹³.

В-третьих, начиная с определенного момента, командир батальона стал очень тенденциозно оценивать боевые заслуги белорусских офицеров, тем самым, противопоставляя их немецким унтер-офицерам. В результате, такое отношение привело к открытому бунту, который случился при следующих обстоятельствах. Начальник Вилейского СД СС-оберштурмфюрер Граве наехал на мину и был убит. На похороны Граве была прислана рота 13-го батальона. Командир роты лейтенант А. Бандык построил ее и, когда пришел командир батальона, сделал ему рапорт. Однако командир батальона приказал Бандыку встать в строй, а командование ротой передать немецкому унтер-офицеру. Лейтенант в строй не встал. Видя это, другие офицеры-белорусы – командиры взводов – также вышли из строя и присоединились к Бандыку. Этот поступок лейтенанта-белоруса и его офицеров командир батальона посчитал открытым бунтом и, пригрозив им полевым судом, написал соответствующий рапорт начальнику полиции безопасности и СД. В результате, только благодаря вмешательству Островского и Кушеля, дело удалось прекратить, и оно закончилось безвредным для белорусов результатом¹⁴.

В конце июня 1944 г. началось отступление немецких войск из Белоруссии, и 13-й батальон получил приказ отходить из Вилейки на запад. По дороге к нему присоединялись подразделения, которые ранее были отделены и несли службу в других округах. В это время отношения между командиром батальона и офицерами-белорусами становились все хуже и хуже и, в конце концов, стали невыносимыми. Немецкие офицеры были полными хозяевами положения во всех подразделениях. Это привело к тому, что, находясь в Августове (Польша), лейтенант Бандык поднял свою роту (150 чел.) по тревоге и отказался подчиняться немцам. Видя это, к мятежникам присоединились лейтенанты Иваницкий, Дрозд и Мохарт и, отделившись от батальона, ушли в лес. Двое последних, однако, передумали и на следующий день вернулись. Выйдя из леса, они присоединились к колонне беженцев, в которой находился отец лейтенанта Мохарта. Здесь их и нашел патруль (два немецких офицера и белорусский унтер-офицер), посланные для поимки дезертиров. Лейтенанты были арестованы и расстреляны на следующий день белорусским унтер-офицером, который, чтобы выслужиться перед немцами, исполнил роль палача¹⁵.

¹³ Там же. – С.65-66.

¹⁴ Там же. – С.66-67.

¹⁵ Акула К. Указ. соч. – С.33.

По мнению Кушеля, эти офицеры не имели намерения нарушить присягу. К такому шагу их вынудило только неадекватное отношение со стороны немцев. Об этом свидетельствует тот факт, что они вернулись обратно и продолжили отступление на запад в колонне беженцев. Однако командир батальона рассудил иначе. Кроме Мохарта и Дрозда в руки к немцам попало еще несколько унтер-офицеров и рядовых, которые отстали от мятежников. С ними немцы расправились на месте. После этого инцидента командир батальона отстранил от исполнения своих обязанностей всех белорусских офицеров, и отдал им последний приказ – следовать в распоряжение командования РОА. Получив железнодорожные билеты, большинство так и сделало. Только трое из них – лейтенанты Сасукевич, Кушнирович и Клинецвич – приехали в Берлин, где поступили в распоряжение БЦР и были зачислены в 1-й Учебный батальон БКА. Они-то и рассказали Кушелю о тех событиях, которые произошли в Августове во время отступления¹⁶.

Оставшиеся без своих офицеров солдаты батальона были собраны в районе местечка Альбертсдорф (Восточная Пруссия). Здесь их в октябре 1944 г. посетил Кушель, который был очень обеспокоен рассказом белорусских офицеров. Командир одной из рот, немецкий СС-гауптштурмфюрер, очень обрадовался приезду эмиссара БЦР и попросил его поднять боевой дух личного состава батальона, который очень упал. На вопрос Кушеля, как это могло произойти, и почему в ротах нет белорусских офицеров, немец дал невразумительный ответ. Как и в предыдущих конфликтах, он обвинил во всем белорусов, которые не хотели подчиняться немецким инструкторам. Чтобы выяснить истинное положение дел в батальоне, Кушель, с согласия немецкого руководства, собрал его личный состав и обратился к нему с речью. В последующем затем разговоре с белорусскими солдатами и унтер-офицерами выяснилось, что больше всего они желают возвращения своих офицеров, и просят в лице Кушеля весь БЦР приложить максимум усилий для этого. Однако просьба эта так и осталась невыполненной. В это период в батальоне еще оставалось примерно 600 человек. Однако немецкое командование вновь решило разделить его на роты и рассредоточить по всей Германии, в результате чего две роты оказались в Лесляу, по одной – в Лебрехсдорфе, Нихачеве и Триесте, а один взвод был переведен в Берлин. Позднее, в декабре 1944 – январе 1945 г. эти подразделения были включены в состав 1-й Белорусской гренадерской бригады войск СС, речь о которой пойдет ниже¹⁷.

Интересно сложилась судьба лейтенанта Бандыка и тех людей, которым все-таки удалось уйти с ним в Августовские леса. Известно, что они

не пропали без вести, а создали националистический партизанский отряд, с целью развернуть в дальнейшем боевые действия в тылу наступающей Красной Армии. Тем не менее, этот отряд действовал самостоятельно очень недолго. Так из документов АК (отчет отряда 1-го уланского полка от 25 февраля 1945 г.) известно, что 14 июля 1944 г. на его сторону перешла группа бывших «белорусских эсэсовцев» – примерно 4 офицера, 19 унтер-офицеров и 90 рядовых. Интересно, что поляки в своем отчете поспешили поставить себе в заслугу этот переход. Якобы, в данном случае сработали листовки АК. Поверить в это трудно. Как говорилось выше, мятеж в батальоне произошел в конце июня, а к полякам люди Бандыка перешли только через две недели. Вероятнее всего, белорусы встретились с ними уже в лесу. Поляки приняли формирование Бандыка, но не оставили его самостоятельной боевой единицей. На основе этой неполной роты был сформирован отряд «Шчапа» под командованием подпоручика С. Кота. Теперь новый отряд состоял из 60 человек и действовал в районах Саенек – Августов и Балинка – Кольница – Августов. Так как люди Бандыка были довольно хорошо подготовлены, руководство АК кинуло их в бой буквально уже на следующий день – 15 июля. Из документов известно, что в этот день отряд «Шчапа» разоружил пост немецкой железнодорожной охраны на станции Саенек, захватив оружие, боеприпасы и 7 пленных. В тот же день партизаны сделали засаду на шоссе Саенек – Липск, в результате чего им удалось уничтожить четыре немецкие автомашины. О том, что эти операции были действительно удачными, свидетельствует тот факт, что ни белорусы, ни поляки не понесли никаких потерь и вполне благополучно отошли на свою лесную базу. В дальнейшем, после того, когда вышел приказ о расформировании АК, все партизаны этого отряда были демобилизованы и распушены по домам. Эти документы, в целом, проливают свет на судьбу мятежной роты 13-го белорусского батальона. Но, не до конца. До сих пор неизвестна судьба самого лейтенанта Бандыка и остальных (более чем полусотни) бывших белорусских эсэсовцев. На этот счет есть несколько версий. Либо поляки распределили их по другим отрядам, либо они вернулись обратно к немцам, как лейтенанты Мохарт и Дрозд, либо, что тоже весьма вероятно, оставшиеся белорусские солдаты и офицеры стали организованным порядком пробираться в восточную Белоруссию¹⁸.

После изгнания немцев с территории Белоруссии существование частей специального назначения в рамках полицейских сил потеряло свой смысл. Поэтому, инициатива по созданию таких подразделений вновь переходит к Абверу. Однако, в новых военно-политических условиях их функции изменились коренным образом.

¹⁶ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.68.

¹⁷ Там же. – С.69.

¹⁸ Suchcitz A. Dzieje 1 pulku ulanow krechowickich. 1941-1947. – Londyn, 2002. – S.295-297.

В июле 1944 г., в результате отступления из Белоруссии, многие солдаты белорусской полиции и БКА оказались на территории Восточной Пруссии. Здесь, при диверсионно-разведывательной школе Абвера в местечке Дальвиц, из наиболее подготовленных солдат и офицеров, было создано новое воинское формирование. Со временем, оно стало проходить по немецким документам как Специальный десантный батальон «Дальвиц» (*Landung Bataillon zur besonderen Verfügung "Dalwitz"*). В организационном отношении подразделение подчинялось Абверкоманде-203¹⁹.

По замыслам руководства Абвера, его личный состав должен был использоваться в тылу наступающих советских войск для проведения разведывательных и диверсионных операций. Руководство белорусских националистов (например, БНП), в принципе, планировало использовать его также. Однако, по их мнению, все действия батальона после его заброски в советский тыл, должны были быть нацелены на организацию партизанской борьбы и вооруженного восстания в Белоруссии²⁰.

«Дальвиц» комплектовался в основном из солдат и офицеров БКА, которые имели опыт боевых действий, и наиболее подготовленных и физически развитых членов СБМ. При зачислении в батальон значительное внимание уделялось тому, предан ли доброволец «белорусскому делу» или нет. Вербовка велась в обстановке секретности и без обычной в таком случае пропагандистской компании. В результате, к осени 1944 г. личный состав батальона насчитывал более 200 человек, которые были распределены по двум ротам: «Северной» (командир – лейтенант А. Рудак) и «Южной» (командир – лейтенант М. Зуй). В случае неизбежных потерь батальон мог пополняться за счет персонала 1-го Учебного батальона БКА²¹.

Белорусским командиром подразделения был назначен майор И. Гелда. Его помощником по политической части, который следил за моральным состоянием солдат, стал майор В. Радько. Однако общее руководство батальоном осуществлял майор Герулис, уже имевший опыт работы с белорусскими специальными формированиями – летом 1941 г. он занимался созданием 1-го штурмового взвода. Герулис являлся начальником школы Абвера, где дислоцировался «Дальвиц» (позднее, в ноябре 1944 г., его сменил лейтенант Шретер, который пробыл на этой должности до декабря)²².

Белорусские десантники изучали подрывное и саперное дело, топографию, тактику ведения партизанской войны, все типы огнестрельного оружия и учились прыгать с парашютом. Кроме того, небольшая группа девушек (в основном, из числа членов СБМ) готовилась в качестве радисток

¹⁹ Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД... – С.130-131.

²⁰ Касмовіч Д. Указ. соч. – С.207.

²¹ Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха... – Т.1. – С.197-198.

²² Там же. – С.198.

и медсестер. Весь курс подготовки был рассчитан на 4-6 месяцев, однако, в связи с быстрым продвижением Красной Армии, его были вынуждены сократить. Известно, что 28 августа 1944 г. батальон посетил президент БЦР Островский, который произнес перед курсантами речь и поздравил их с успехами в учебе. В начале ноября «Дальвиц» был передислоцирован в местечко Вальбуш под Быдгощем (Польша), где продолжил свою подготовку. Позднее его перевели в район Берлина²³.

Еще находясь в Восточной Пруссии, личный состав батальона «Дальвиц» принял участие в нескольких диверсионных операциях в тылу у Красной Армии. Для их осуществления с немецких самолетов на территорию Белоруссии было сброшено несколько специальных групп, в задачу которых входило совершение диверсий в советском тылу, сбор и передача разведывательных данных, а также организация национального партизанского движения. Среди этих групп, прежде всего, следует назвать:

- Группу Г. Богдановича, которая в составе 28 человек 17 ноября 1944 г. была десантирована в районе Вильнюса (Литва). Эта группа успешно действовала до июня 1945 г., после чего передислоцировалась в Польшу, где долгое время сражалась с коммунистами вместе с отрядами АК.

- Группу Я. Гинько, выброшенную 17 ноября 1944 г. в районе Лиды (Белоруссия). Однако уже в декабре этот отряд был разгромлен частями НКВД.

- Группу Е. Жихаря, которая в декабре 1944 г. была десантирована в районе местечка Постов (Полоцкая область, Белоруссия). К середине 1945 г. на базе группы удалось организовать партизанский отряд, который за все время своей деятельности ликвидировал более 30 сотрудников НКВД и сторонников советской власти. В 1955 г. отряд был уничтожен²⁴.

Однако наибольшую известность приобрела группа видного члена БНП М. Витушки, которая 17 ноября 1944 г. высадилась на парашютах в районе Вильнюса (Литва). Со временем, в 1945-1946 гг., Витушке на основе своей группы удалось создать мощную партизанскую организацию, которая в исторической литературе получила название «Черный кот» или Белорусская освободительная армия (БВА)²⁵.

Организационно БВА состояла из регулярных партизанских отрядов и членов вооруженного подполья («ударников»), которые вполне легально работали в колхозах, своих хозяйствах, на предприятиях и в учреждениях, однако время от времени принимали участие в боевых операциях. Во главе БВА стоял Главный штаб, которым командовал генерал-майор Витушка и

²³ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... – С.15-16.

²⁴ Рыбак Н.А. Беларускае антысавецкае падполле ў заходніх абласцях БССР у пасляваенныя гады... – С.132-133; Хашкевич А. Узлы развязывае время. Формирования польской Армии Крайовой на территории западных областей Белоруссии (1943-1944) // Неман. – 1994. - №1. – С.148.

²⁵ Валаханович И.А. Указ. соч. – С.22.

его заместители – Ахрем и М. Шукайлович. В составе БВА были не только белорусские отряды, но и литовские, латышские, немецкие и украинские, которые, в основном, действовали в западной, северной и центральной Белоруссии, а также в Прибалтике²⁶.

Отряды БВА проводили операции на железной дороге, взрывая или захватывая поезда, нападали на склады или гарнизоны Красной Армии, на деревни, местечки и города, освобождали заключенных из тюрем и концлагерей. Делали нападения на банки с целью добывания средств, необходимых для обеспечения подпольной и партизанской борьбы. Боевики БВА организовывали террористические акты против представителей советской власти, членов компартии, сотрудников милиции и НКВД. По неподтвержденным данным, в октябре 1948 г. была предпринята попытка организации покушения на Сталина. Руководство БВА проводило большую пропагандистскую работу. Центральным печатным органом ее штаба была газета «Душы бальшавіцкую гадзіну!», главным редактором которой являлся М. Шукайлович. Кроме того, штабом и отдельными отрядами БВА издавались десятки газет, журналов, плакатов и извещений, которые распространялись не только среди партизан, но и среди местного населения. В эмигрантских источниках есть известия, что БВА продолжало активно действовать до 1950 г. Но и в последующие годы от имени этой организации проводились операции, направленные против советских властей. Однако это была уже, скорее, деятельность вооруженного подполья, а не партизанского движения²⁷.

В целом же, деятельность БВА до сих пор покрыта тайной, так как основная информация о ней содержится в закрытых архивах бывшего КГБ. Из сказанного выше видно, что известна только общая характеристика этой организации и общие направления ее деятельности. Однако до сих пор не ясно, сколько и какие отряды входили в БВА. Исключение составляет только один из самых активных – Борисовский партизанский отряд БВА. Это формирование действовало в районе Борисова (Белоруссия) и в соседних районах во второй половине 1940-х гг. В 1948 г., во время карательной операции против отряда войска НКВД использовали отравляющие газы. Через год об этом стало известно на Западе благодаря одному из партизан, который смог пробраться туда через Западный Берлин. В целом же, дальнейшая судьба этого отряда неизвестна²⁸.

К числу малоизвестных операций батальона «Дальвиц» относится также спасение рижского архива белорусской эмиграции, инициатором которой был генерал-майор К. Езовитов. Как известно, он отплыл из Риги

²⁶ Галяк Л. Указ. соч. – Кн.2. – С.15-16.

²⁷ Сямашка Я. Указ. соч. – С.217-218.

²⁸ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... – С.47.

в Германию в августе 1944 г., где вскоре был назначен «военным министром» БЦР. Получив такие полномочия, Езовитов решил попробовать спасти свой архив и библиотеку. Эта акция была вполне реальной, так как латышская столица еще находилась под контролем немецких войск. Осуществить ее поручили двум молодым десантникам «Дальвица» – Н. Рулинскому и Ф. Давидчику. Через Шауляй и Лиенаю они благополучно добрались до Риги, откуда и вывезли в Берлин три ящика с документами, книгами и личными вещами генерала²⁹. Следует сказать, что спасение документов, «кисобличающих его контрреволюционную деятельность» не сильно помогло Езовитову: в конце войны он был арестован советскими спецслужбами и в 1946 г. казнен³⁰.

Судьба же той части батальона «Дальвиц», которая осталась в Германии, сложилась следующим образом. 20 марта 1945 г. в Берлине состоялось совещание, на котором с белорусской стороны присутствовали Р. Островский, И. Гелда и, ставший к тому времени командиром батальона, майор Радько. Немецкую сторону представлял начальник всех диверсионных отрядов СС СС-оберштурмбаннфюрер О. Скорцени. На этом совещании было достигнуто соглашение о проведении операции под кодовым названием «Валочка» («Василек»), план которой заключался в следующем. Батальон разбивался на группы по 25-30 человек каждая, которые, выброшенные в тылу наступающих советских войск, должны были самостоятельно проводить операции диверсионного характера – взрывать мосты, уничтожать транспортные средства, воинские склады и т.п. Кроме того, на группы возлагалась обязанность по разведке мест дислокации Красной Армии. Каждая группа должна была налаживать связь с местным населением для последующей организации вооруженной борьбы. Посредством установления радиосвязи между группами планировалось объединить все антисоветские партизанские формирования в крупные по численности отряды и развернуть по всей Белоруссии массовое движение Сопротивления. Этот, последний пункт соглашения был наиболее важным, так как в БЦР полагали, что группы, выброшенные в октябре-декабре 1944 г., были уничтожены раньше, чем смогли организовать такое движение, а о деятельности группы Витушки руководство белорусских националистов и вовсе долгое время не подозревало. По замыслу Скорцени, каждый десантник вооружался автоматом со 100 патронами к нему, револьвером с 50 патронами и 1,5 кг взрывчатки. Общий вес груза у одного человека не должен был превышать 25 кг. Каждая группа парашютистов должна была иметь пор-

²⁹ Ёрш С. Пра лёс архіву генерала Езавітова // Беларус. – 2003. - №480. – Студзень.

³⁰ Міхнюк У., Паўлаў Я. Канстанцін Езавітаў: матэрыялы да біяграфіі // Маладосць. - 1995. - №1. – С.215-219.

тативный печатный станок. На 25-30 человек предполагалось иметь один ручной пулемет, один портативный миномет, несколько противотанковых гранат и мин. Личный состав обеспечивался полным запасом продовольствия в концентратах и консервах и запасом медикаментов. В состав каждой группы планировалось включить двух радистов. Отсутствие необходимого количества военно-транспортных самолетов вынудило немцев разработать план пешей переброски батальона в Белоруссию. Скорцени предложил подвезти десантников на машинах к линии фронта, откуда они должны были уже самостоятельно пробиваться на Восток, в районы, где еще находились в окружении немецкие подразделения. Этот план вызвал протесты майора Радько, который полагал, что в таком случае батальону угрожало бы преждевременное уничтожение или включение в состав одной из окруженных немецких частей. В любом случае, дальнейшие планы относительно развертывания в Белоруссии движения Сопротивления оказались бы невыполнимыми. В этой ситуации некоторыми членами руководства БЦР было предложено включить «Дальвиц» в состав будущей белорусской дивизии войск СС на правах отдельного подразделения. Однако и на этот шаг командование батальона не пошло, не без оснований опасаясь, что его включение в состав любой воинской части приведет к превращению десантников в обыкновенных пехотинцев. По целому ряду фактов известно, что планы Скорцени в отношении батальона шли намного дальше: он предполагал довести его численность до 700-800 человек и сформировать на его базе специальный разведывательно-диверсионный полк (в него, помимо белорусов, должны были войти украинские формирования)³¹.

В апреле 1945 г. личный состав «Дальвица» получил новый приказ БЦР. В нем говорилось, что батальону необходимо отступить в Чехию, где затем попытаться сдать наступающим американским войскам. Однако, вместо встречи с американцами, батальон попал в засаду чешских партизан-коммунистов, которые и разоружили его личный состав. На удивление, чехи не стали расстреливать десантников, а отпустили их. После этого майор Радько объявил о расформировании батальона. Его личный состав был поделен на группы, которые стали пробиваться либо на Запад, либо в Белоруссию. Так, например, группам Радько и Гелды удалось перебраться в район Белостока (Польша), где в июне 1945 г. их разгромили части НКВД. Оба же бывших командира «Дальвица» были арестованы³².

Несмотря на то, что большая часть личного состава батальона не участвовала в боевых действиях, он сыграл исключительную роль в подготовке

командного состава белорусского антикоммунистического партизанского движения. Его десантники смогли частично объединить стихийно возникшие партизанские отряды и сформировать из них организованные единицы. Но и индивидуальная деятельность военнослужащих батальона также была довольно значительной. Например, известен такой факт, что в 1956 г. органы госбезопасности БССР разыскивали еще 57 десантников «Дальвица»³³.

Союз белорусской молодежи и вспомогательные подразделения Вермахта

Молодежные националистические организации, действовавшие на территории Белоруссии в годы оккупации, не были, естественно, добровольческими формированиями в прямом смысле этого слова. Однако рассказать о них здесь необходимо по следующим причинам. Во-первых, их военизированный характер не отрицали даже белорусские националисты. Во-вторых, молодежь в этих организациях не только «пела, танцевала и участвовала в спортивных состязаниях», но еще (и не менее активно) занималась военной подготовкой. В-третьих, эти организации должны были готовить два типа кадров: для гражданской администрации и для воинских формирований. И, наконец, в-четвертых, нельзя забывать ту роль, которую сыграли эти организации в ходе вербовочных компаний во вспомогательные части Вермахта и войск СС. Этот факт для нас особенно важен, так как членов молодежных националистических организаций можно было встретить практически во всех белорусских коллаборационистских формированиях. И, как правило, они составляли наиболее сознательную, убежденную и подготовленную часть их личного состава.

Молодежному направлению отводилось значительное место в немецкой оккупационной политике на территории Белоруссии. В советской историографии Второй мировой войны было принято утверждать, что оккупанты не придавали сколько-нибудь серьезного значения этой сфере своей деятельности, а вся их «работа» с молодежью сводилась к вывозу последней для принудительного труда в Германию. Однако факты свидетельствуют об обратном. Как известно, нацисты в свое время приложили немало усилий, чтобы привлечь на свою сторону немецкую молодежь. Они, как никто другой в Германии того времени, понимали, что тот, кто завоевывает ее симпатии, во многом обеспечит свою победу. Поэтому неудивительно, что

³¹ Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД... – С.133-134; Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха... – Т.1. – С.201-204.

³² Беларускі нацыяналізм: Даведнік... – С.16.

³³ Соловьев А.К. Еще раз о послевоенном бандитизме в Беларуси // Беларуская думка. – 1997. - №1. – С.145-151.

работу с молодежью на оккупированных территориях нацисты считали одним из приоритетных направлений своей политики. Каждая из групп немецкого военно-политического руководства по своему представляла себе эту политику и имела свои взгляды на ее методы и средства (в целом, как и вообще на «восточную» политику). Тем не менее, в одном они были единогласны: молодежь оккупированных советских территорий надо сделать лояльной к «новому порядку», привлечь на свою сторону и использовать по максимуму. В том числе, и в военных целях.

3 июня 1942 г. министр по делам оккупированных восточных областей Розенберг издал декрет, согласно которому при его министерстве был создан специальный отдел молодежи. Руководителем нового отдела был назначен гауптбаннфюрер З. Никкель – один из функционеров немецкой молодежной военизированной организации Гитлерюгенд (*Hitlerjugend*). Теперь именно этот чиновник и его аппарат отвечали за разработку всех основных направлений молодежной политики на оккупированных территориях. В своем декрете Розенберг также указывал на необходимость создания подобных отделов при генеральных комиссариатах балтийских республик, которые бы руководили деятельностью литовской, латышской и эстонской молодежных организаций, созданных здесь еще в начале 1942 г. Что же касается генерального округа «Белоруссия» и рейхскомиссариата «Украина», то ни создание подобных отделов, ни организаций местной молодежи декрет там не предусматривал³⁴.

Следует сказать, что немецкие оккупационные власти на местах неоднозначно относились к самой идее создания молодежных организаций. Генеральные комиссары «Латвии» и «Эстонии» воспринимали ее положительно, и всячески способствовали их появлению. Генеральный комиссар «Литвы» категорически выступал против нее, что вообще затормозило создание литовской молодежной организации. Рейхскомиссар «Украины» Э. Кох просто игнорировал эту проблему. Однако самым горячим энтузиастом создания местных молодежных организаций оказался генеральный комиссар «Белоруссии» Кубе, который видел в этом важный шаг на пути к реализации своей концепции «восточной» политики³⁵.

По этой причине он вполне лояльно отнесся к созданию молодежной организации в Минске – факт уже сам по себе примечательный, если помнить о том, как немцы относились к затеям подобного рода (и, тем более, с политическим уклоном). По словам белорусского историка Л. Юревича, это была маленькая нелегальная организация, которая возникла осенью 1941 или не позднее зимы 1942 г. Примечательно, что ее основателем и ру-

ководителем была женщина – молодой врач-психиатр Н. Абрамова, которая поддерживала тесные связи с БНС, став в середине 1942 г. заведующим ее молодежным отделом. Вскоре подобные организации возникли также в Вилейке, Глубоком и Барановичах. Они могли и дальше существовать под защитой Кубе, не играя сколько-нибудь серьезной роли. Однако целью генерального комиссара было создание официальной всебелорусской молодежной организации. Но для этого требовалось согласие Розенберга. В целом, Кубе потратил почти полгода, чтобы его получить³⁶.

В январе 1943 г. началась подготовительная работа, так как, несмотря на высокий энтузиазм заинтересованных сторон, будущая организация нуждалась буквально во всем. При этом главный акцент делался на воспитании руководящих кадров. В Берлине этим занимался отдел молодежи Министерства по делам оккупированных восточных областей, благодаря усилиям которого среди военнопленных красноармейцев – белорусов по национальности – были отобраны добровольцы для прохождения подготовки в учебном лагере Вустрау (более подробно об этих курсах и их роли будет сказано ниже). Кроме того, при содействии лидера белорусских национал-социалистов Ф. Акинчица отдел молодежи разработал устав и программу будущей организации³⁷.

Наконец, 22 июня 1943 г., во вторую годовщину нападения Германии на Советский Союз, Кубе подписал указ о создании Союз белорусской молодежи (СБМ). В нем, в частности, говорилось:

1. СБМ основывается для единого воспитания и организации белорусской молодежи;
2. Воспитание белорусской молодежи, кроме родительского дома и школы, с физической, моральной и духовной точки зрения, передается СБМ;
3. Ответственность по воспитанию белорусской молодежи в СБМ передаются Центральному штабу;
4. Для руководства штабом назначается шеф этого штаба, который представляет СБМ и имеет свою резиденцию в Минске; шеф штаба подчиняется непосредственно генеральному комиссару³⁸.

В тот же день в Минском городском театре произошла торжественная презентация новой организации. После небольшого вступительного слова, обращенного к присутствовавшим на собрании немецким чиновникам и националистам, Кубе объявил, что Розенберг позволил создать эту новую общественно-политическую организацию, чтобы она способствовала «отрыву белорусской молодежи от Востока и приобщение к арийскому За-

³⁴ Herzog R. Op. cit. – S.8-9.

³⁵ Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Länder 1941-1944. – Helsinki, 1973. – S.187-190.

³⁶ Юревіч Л. Вырваныя бачыны... – С.135.

³⁷ Kleist P. Op. cit. – S.173-174.

³⁸ Беларуская газета. – 1943. – 22 чэрвеня.

паду»³⁹. Это, в принципе, была «генеральная линия» деятельности СБМ. Главные же задачи, которые были поставлены немцами перед этой организацией, заключались в следующих основных моментах: подготовка кадров для местного самоуправления; подготовка пополнения для полицейских и фронтовых добровольческих формирований; выполнение трудовой повинности, как в самой Белоруссии, так и, в случае надобности, в Германии. Со своей стороны, лидеры белорусского национального движения считали, что, помимо обслуживания немецких интересов, СБМ должен стать школой «воспитания белорусской молодежи в духе белорусского патриотизма и любви к своей Родине»⁴⁰.

23 июля 1943 г., через месяц после создания организации, был обнародован ее устав, в котором уточнялись ее цели и задачи. Так, целью СБМ провозглашалось «воспитание патриотических строителей Новой Белоруссии, которые бы выросли активными народными деятелями». Главным направлением воспитательной работы СБМ определялось освобождение белорусской молодежи от вредного враждебного влияния, ее духовное возрождение. Основой воспитания провозглашался патриотизм, культивирование которого должно было привести к искоренению «исторически обусловленной подневольной психики», к выработке гражданской ответственности, трудолюбия, искренности, уважения к старшим⁴¹. «Такое направление воспитания, - вспоминал позднее один из членов СБМ, - было нацелено на то, чтобы молодежь почувствовала свою ответственность за судьбу и благо Родины, и всегда была готова служить и работать на пользу своего народа»⁴².

Естественно, что вся деятельность СБМ находилась под полным контролем генерального комиссара Кубе, который лично следил за ней. С этой целью, еще на подготовительном этапе создания организации, он учредил при генеральном комиссариате специальный отдел молодежи во главе которого поставил обербаннфюрера В. Шульца – немецкого чиновника, который, также как и Никкель, являлся функционером Гитлерюгенда. Последний же, в свою очередь, должен был направлять и контролировать деятельность будущего союза⁴³.

Руководящим органом СБМ являлся Центральный штаб во главе с шефом-руководителем. Им был назначен питомец Акинчица М. Ганько. Ближайшими помощниками шефа-руководителя были его заместитель – Д. Стельмах и адъютант – В. Гарелик. Центральный штаб состоял из нескольких отделов: ор-

³⁹ Новый путь (Бобруйск). – 1943. – 7 июля.

⁴⁰ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. – Т.2. – С.36.

⁴¹ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 402-403.

⁴² Рамановіч К. У СБМ я загартуваўся ў спраўднага патрыёта // Наша ніва. – 1997. - №33(94). – 17 лістапада. – С.1.

⁴³ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 402.

ганизационный, хозяйственный, пропаганды, прессы, культуры, социального обеспечения, охраны здоровья, физического воспитания и школьного образования. Кроме того, в подчинении у Ганько находились шеф женской секции СБМ, уже упоминавшаяся Н. Абрамова и ее заместитель В. Каткович – руководитель минской женской городской организации (их деятельность курировала заместитель Шульца Ю. Гроземанн)⁴⁴.

На местах Ганько подчинялись окружные руководители СБМ, кандидатуры которых он утверждал только после согласования с Шульцем. Так, например, на август 1943 г. окружное руководство организации выглядело следующим образом: округ «Минск-город» (Ф. Каплунов), округ «Минск» (С. Бузак), округ «Барановичи» (Шпак), округ «Слоним» (Б. Суropy), округ «Лида» (М. Бобков), округ «Новогрудок» (Н. Коляда, затем И. Жамойтин), округ «Глубокое» (Е. Матюшенок), округ «Ганцевичи» (Б. Дьячковский), округ «Вилейка» (Стенник), округ «Слуцк» (Манько)⁴⁵.

Юношеская организация СБМ в каждом округе подразделялась на «дружины», «громады» и «отряды». Девушки, соответственно, создавали «дружины», «гуртки» и «круги». Самая мелкая организационная ячейка - «дружина» - формировалась из 12-20 человек (в учебном заведении или на производстве) и получала свой порядковый номер внутри «громады» или «гуртка». Три, четыре или пять «дружин» обычно объединялись в «громаду» или «гурток», которые уже не имели номеров, а назывались именем кого-нибудь из выдающихся деятелей белорусской истории или современности. На уровне района все эти «громады» или «гуртки» объединялись в наибольшую организационную единицу СБМ – «отряд» или «круг» молодежи. Если же район был достаточно велик, то районная организация СБМ разделялась на секции, а те уже на «отряды» или «круги» соответствующего возраста⁴⁶.

Всего было три возрастные группы: младшие юноши и девушки (10-14 лет), юноши и девушки (15-18 лет) и старшие юноши и девушки (19-20 лет). Назначение руководителей в организационные единицы ниже районного уровня находилось в компетенции окружного руководителя СБМ. А уже районных руководителей мог назначить только Центральный штаб этой организации. Следует подчеркнуть, что, даже будучи белорусской националистической организацией, СБМ являлся чисто оккупационной структурой, и подчинялся только генеральному комиссариату. Позднее, уже на территории Германии, его Центральный штаб был переподчинен БЦР. Хотя, конечно, формальное подчинение было и до этого: где-то с декабря 1943 г. при БЦР был создан молодежный

⁴⁴ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 404, 406-407.

⁴⁵ НАРБ, ф. 3500, оп. 2, д. 51, л. 69.

⁴⁶ НАРБ, ф. 3500, оп. 2, д. 32, л. 165; Клыкоўская Ц. Саюз беларускай моладзі – вяртаньне з забыцця... – С.13.

отдел (руководитель – В. Радько), который и был призван курировать все молодежные вопросы⁴⁷.

12 ноября 1943 г. в структуре СБМ произошли некоторые изменения. В этот день Ганько, с согласия генерального комиссара фон Готтберга, подписал приказ №21 о создании специальной Рабочей группы СБМ в Германии. На пост ее руководителя и уполномоченного СБМ в Третьем рейхе был назначен близкий друг шефа-руководителя и его бывший наставник по Вустрау Г. Баранович. После своего назначения Баранович стал вторым человеком в организации – Ганько ввел его в Центральный штаб в ранге своего первого заместителя. Одновременно он и члены его группы стали сотрудниками отдела Никкея. Столь высокое назначение объясняется тем, что возглавляемая Барановичем структура должна была отвечать за вербовку белорусской молодежи на работу в Германию⁴⁸.

Следует сказать, что уже до своего создания СБМ имел готовые кадры руководителей высшего звена (для Центрального штаба и округов соответственно). Выше уже говорилось, что все они были подготовлены благодаря стараниям Ф. Акинчица на пропагандистских курсах в Вустрау (Германия). Контингент слушателей этих курсов набирался специальной комиссией (опять-таки, во главе с лидером белорусских нацистов) в лагерях советских военнопленных. В целом, занятия с каждой группой курсантов (примерно 20 чел.) длились около шести месяцев. За это время они должны были усвоить принципы деятельности немецкой оккупационной администрации в Белоруссии, методы борьбы с большевистской идеологией, практиковались в публичных выступлениях, а также изучали немецкий и белорусский языки. К слову, последний им был крайне необходим, так как большинство слушателей курсов происходили из восточной Белоруссии. Политические занятия курсантов Вустрау обычно проводил сам Акинчиц. Как правило, все они сводились к изучению его идеологической концепции и критике позиции оппонентов «белорусского фюрера». После окончания курсов Акинчиц доставлял подготовленные группы в Минск и передавал их в отдел пропаганды генерального комиссариата (первая группа в количестве 70 человек прибыла в феврале 1942 г., всего же было подготовлено более сотни курсантов). А уже оттуда их распределяли по соответствующим окружным комиссариатам. Эти пропагандисты абсолютно не подчинялись уже действовавшей к тому времени БНС, а выполняли приказы только немецких властей. Забегая вперед, следует сказать, что, в целом, курсанты Вустрау оправдали доверие своего учителя: кроме нескольких перебежчиков к партизанам, большинство пропагандистов верно

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 625, оп. 1, д. 44, л. 404.

⁴⁸ Жыве Беларусь! – 1943. - №4-5. – Кастрычнік – лістапад.

служили оккупантам. После создания СБМ именно эти ученики Акинчица заняли все руководящие посты в Центральном штабе этой организации (начиная от шефа-руководителя и заканчивая начальниками отделов) и большинство постов окружных руководителей⁴⁹.

Для подготовки руководящих кадров ниже окружного звена в пригороде Минска Дрозды, а также в имениях Флорианово и Альбертин близ Слонима еще весной 1943 г. были учреждены специальные трехнедельные курсы (первые два для девушек, последний – для юношей). Слушатели этих курсов комплектовались, в основном, из числа детей активных белорусских коллаборационистов. Здесь им читали лекции на разные темы (например, даже о вреде пьянства и курения), учили маршировать и петь песни, прививали дух товарищества. К концу июня 1944 г. через эти курсы успело пройти до 500 человек⁵⁰.

Как правило, на этих курсах обучалась молодежь из западной и центральной Белоруссии. Поэтому, чтобы привлечь к «белорусскому делу» молодежь из восточной части республики, руководство СБМ открыло несколько кратковременных курсов для юношей и девушек из военной зоны оккупации. Обычно все обучение здесь сводилось к идеологической обработке и спортивным мероприятиям. Тем не менее, вскоре от этих курсов пришлось отказаться. И дальше мы увидим почему⁵¹.

Вся внешняя пропагандистская работа СБМ велась через созданный в июле 1943 г. журнал «Жыве Беларусь!», главным редактором которого был сам Ганько⁵². В нем печатались распоряжения Центрального штаба. Для внутреннего пользования организация выпускала «Дзеньнік загадаў» и «Вучэбны лісток». Последний являлся печатным органом для местных руководителей СБМ, в котором им давались советы, как работать в данный момент, какие темы разрабатывать и т.п. Обычно, на основе этих указаний, проходили занятия местного руководства союза со своим активом⁵³.

Воспитанию рядовых членов СБМ также отводилась значительная роль. Как правило, оно было комплексным и состояло, как из духовных, так и физических упражнений. Один из членов союза в Новогрудке вспоминал, что они изучали историю Белоруссии, белорусский язык и литературу, организовывали разные кружки по интересам: рисования, пения, белорусских национальных танцев и проводили танцевальные вечера. В период

⁴⁹ Туронак Ю. Людзі СБМ... – С.50-51.

⁵⁰ НАРБ, ф. 3500, оп. 2, д. 51, л. 70.

⁵¹ БГАКФФД, Фонд трофейной немецкой кинохроники, киноплёнка №0891, 0902.

⁵² До июня 1944 г. было выпущено только 12 номеров этого журнала. После эвакуации в Германию на его основе стал выходить новый журнал – «Малады змагар».

⁵³ Юревіч Л. Вырваныя бачыны... – С.11; После эвакуации в Германию на основе этого журнала стал издаваться «Лісток для вучэбных лягераў у Нямеччыне».

летних каникул желающие могли остаться в трудовых лагерях СБМ. И, надо сказать, что распорядок дня там был, как в настоящей воинской части. В 6 часов утра подъем и общее построение с поднятием флага. Затем поход в лес для заготовки дров или в город для разборки завалов после бомбардировок. Вечером опять построение с поднятием флага и пением гимна, затем отбой. Спали на двухъярусных нарах. Однако наиболее любимым занятием членов СБМ в таких лагерях были воинские упражнения⁵⁴.

Отдельное внимание уделялось занятиям с женской половиной СБМ. Что касается духовного воспитания, то оно, в принципе, ничем не отличалось от подобных мероприятий для юношей: девушкам стремились дать «нужное воспитание» и т.п. Кроме того, их обучали рукоделию и основам медицины (например, на курсах в Минске)⁵⁵.

Нет необходимости говорить, что СБМ создавался по образцу Гитлерюгенда⁵⁶, хотя, конечно, у него было много общего и с советским Комсомолом. То есть, в целом, это должна была быть военизированная молодежная организация – будущий резерв Белорусских вооруженных сил. Поэтому все отношения внутри СБМ строились на принципе «фюрерства». Но, и как это не покажется парадоксальным, комплектование союза проводилось исключительно на добровольной основе⁵⁷.

По некоторым данным, с июня 1943 по июнь 1944 г. в СБМ вступило от 45 до 100 тыс. юношей и девушек (и это на 2,9 млн. чел. населения генерального округа «Белоруссия»). Однако эти цифры явно завышены. Сохранились сведения, по которым на 1 апреля 1944 г. в союзе числилось 12633 человек. Однако уже в конце июня 1944 г., по словам самого Ганько, в нем было только 4000 юношей и чуть больше 3000 девушек. Эту цифру – около 8000 человек, признают, в целом, и советские источники. Основной же приток в организацию наблюдался в конце 1943 – начале 1944 г.⁵⁸

Нельзя не отметить, что количество членов СБМ заметно снизилось к концу периода оккупации Белоруссии. Помимо общей военно-политической ситуации, не последнюю роль здесь сыграла и пропагандистская деятельность многочисленных подпольных организаций. Коммунисты явно не могли смириться с тем, что вполне могут потерять влияние на белорусскую молодежь⁵⁹. Так, в конце 1943 г. в Вилейке местные подпольщики

⁵⁴ БГАКФФД, Фонд трофейной немецкой кинохроники, кинолента №№0884, 0885.

⁵⁵ Юревич Л. Вырваныя бачыны... – С.11, 23.

⁵⁶ Звания в СБМ были обычной калькой со званий в Гитлерюгенде: зьяззовы (*Gefolgschaftsführer*), старшы зьяззовы (*Obergefolgschaftsführer*), праваднік (*Bannführer*), старшы праваднік (*Oberbannführer*), штандаровы (*Hauptbannführer*) и шэф-праваднік (*Reihsjugendführer*).

⁵⁷ Жыве Беларусь! – 1943. - №1. – Ліпень.

⁵⁸ Беларуская газета. – 1944. – 28 чэрвеня; Гісторыя Беларусі... – Ч.2. – С.241.

⁵⁹ РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1123, л. 35-35об.

начали активную пропагандистскую кампанию, в которой «юноши и девушки призывались не поддаваться на провокации врага», а вместо этого «уничтожать фашистских организаторов СБМ, добывать оружие и идти в партизанские отряды». В основном, агитация велась среди учащихся городского педагогического института, где белорусские националисты намеревались создать организацию союза. В результате, большинство учащихся оставили институт, а многие ушли в местные партизанские отряды⁶⁰. По воспоминаниям руководителя СБМ в Греском районе (Слущкий округ) В. Новицкого, к партизанам в конце 1943 г. перешел целиком один из выпусков курсов в Альбертинове. Однако «народные мстители» почему-то им не поверили и всех расстреляли. Занимались партизаны и прямыми репрессиями против членов союза и их семей, что также вело к уменьшению его численности⁶¹.

Как и каждая военизированная организация, СБМ имел свою униформу и символику. Сначала это были белые рубашки, пошитые из домотканого полотна, а потом ввели новые: для юношей – темно-зеленого цвета, а для девушек – синего, в белую крапинку. Галстуки к рубашкам делались из белорусских домотканых поясов. На левом рукаве носилась бело-красно-белая повязка с эмблемой СБМ (ромб, в который вписаны заглавные буквы названия организации, а на них лопата и меч крест на крест), а на кепи – кокарда в виде «Погони» (у руководителей) или знак-аббревиатура «СБМ» (у рядовых членов)⁶².

По своему характеру, целям и задачам СБМ являлся типичной белорусской националистической организацией. Сфера его деятельности распространялась, в основном, на территорию генерального округа «Белоруссия», лишь незначительно охватывая молодежь в тыловом районе группы армий «Центр». Этому было много причин, одной из которых было то, что серьезную конкуренцию союзу составляли русские националистические организации. Так, весной 1944 г. здесь, при активной поддержке военной администрации, были созданы Союз борьбы против большевизма (СБПБ) и Союз русской молодежи (СРМ), каждый из которых стремился оказывать влияние на подрастающее поколение.

СБПБ был создан в марте 1944 г. Как говорилось в его манифесте, целью этой организации была «борьба против всех проявлений иудо-большевизма». Штаб-квартира союза располагалась в Бобруйске, здесь же находилась редакция его печатного органа – газеты «Речь», редактором которой был М. Окταν. Местные отделения находились на предприятиях Бобруйска, в Осиповичах, Лапичах и Пуховичах (т.е., его деятельность ограни-

⁶⁰ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. – Т.2. – С.155.

⁶¹ Юревич Л. Вырваныя бачыны... – С.35.

⁶² БГАКФФД, Фонд трофейной немецкой кинохроники, кинолента №0879.

чивалась только пределами одной области). Первоначально это была общественно-политическая организация, однако, со временем, руководство СБПБ планировало милитаризовать ее и создать собственные боевые отряды. Прообразом вооруженных сил союза должны были стать «охранные дружины», о формировании которых было объявлено 1 апреля 1944 г.⁶³

Надо отдать должное руководителям союза и их немецким покровителям: его деятельность не ограничилась только декларацией о создании (как это, зачастую, бывало ранее) – уже с середины марта началась активная вербовка местного населения в ряды этой организации, которая сопровождалась усиленной печатной агитацией и радиопропагандой. В СБПБ призывали вступать всех желающих, однако главный упор, все-таки, делался на привлечение молодежи. Причем, если взрослые могли входить в организацию на добровольных началах, то все молодые люди в возрасте от 10 до 18 лет были обязаны вступать в молодежную секцию союза. Для работы с ними при Центральном комитете СБПБ был создан руководящий штаб. Крупной пропагандистской акцией союза в сфере осуществления молодежной политики стало торжественное открытие юношеского поселка СБПБ под Бобруйском. В этом «специализированном» населенном пункте должно было проживать 700 детей – 420 мальчиков и 280 девочек в возрасте от 8 до 15 лет. Поселок был построен силами немецкой армии. На его торжественном открытии присутствовали представители германского командования, М. Октан, бобруйский бургомистр Б. Меньшагин, протоиерей о. Дмитрий Булгаков и другие. Кроме того, стараниями актива союза в Бобруйске был организован детский дом для сирот школьного возраста. Немецкие оккупационные власти доносили в Берлин об успехах СБПБ и «массовом желании населения встать в его ряды», однако его дальнейшее развитие было прервано наступлением советских войск в июне 1944 г.⁶⁴

Если предыдущий союз был все-таки «взрослой» общественно-политической организацией, который, только помимо всего прочего, занимался молодежными вопросами, то созданный в Борисове СРМ главной своей целью ставил именно работу среди подрастающего поколения. О его создании было объявлено 7 мая 1944 г. в городском Народном доме. На торжественном собрании присутствовали представители немецкой военной администрации, бургомистр Борисова Алексеевский, руководитель молодежной политики в генеральном округе «Белоруссия» Шульц, лидеры СБМ Ганько и Абрамова, а также представитель РОА капитан Е. Лазарев, который был назначен начальником штаба СРМ. На собрании прозвучали

⁶³ Романько О.В. Русское освободительное движение и «еврейский вопрос» в годы Второй мировой войны // Проблемы історії Голокосту: Науковий журнал. – Дніпропетровськ, 2006. – №3. – С.116.

⁶⁴ Там же. – С.116.

приветствия от русской эмигрантской молодежи Сербии, а также от генерала А. Власова. Политической платформой союза провозглашались идеи Власовского движения, а главным направлением его деятельности – работа с молодыми военнослужащими частей РОА, их воспитание в патриотическом духе. Лазарев говорил об этом, в целом, так: «У русских есть вождь – генерал Власов, у нас есть общая мать – Россия, у нас есть общий союзник – германский народ. Пусть хлопцы помнят и готовят себя быть достойными той задачи, которую поставит, когда настанет час, Родина и генерал Власов»⁶⁵.

Как и в случае с СБМ, за образец организации союза была взята структура Гитлерюгенда. В нее могли быть приняты подростки от 10 до 20 лет, которые делились на три возрастные категории: 10-14, 15-18 и 19-20 лет. Положение о СРМ предусматривало создание и женской секции, однако, это так и осталось в планах – в июне 1944 г. началось советское освобождение Белоруссии, и все руководство союза было вынуждено эвакуироваться в Германию. Позднее СРМ стал частью Союза молодежи народов России (СМНР), который на правах отдельной организации вступил в КОНР⁶⁶.

Между СБМ и русскими организациями шла жесткая конкуренция за влияние на молодежь. В принципе, это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, белорусских националистов поддерживала гражданская оккупационная администрация, а русских – военная, о различных взглядах которых на «восточную» политику было сказано достаточно. Во-вторых, членом СБМ мог стать только белорус, тогда как, например, в молодежную организацию СБПБ были обязаны вступать все, независимо от национальности. Вообще же, руководители русских националистов, зачастую, не делали различия между восточнославянскими народами: все они для них представляли единый русский народ, что очень не нравилось Розенбергу и находящимся под его покровительством националистам. И противодействовали они этому всеми доступными им средствами. Наконец, в-третьих, эти конфликты возникали также на почве переманивания ячеек СБМ в восточной Белоруссии в СБПБ. Его руководитель М. Октан разрешал, например, местным ячейкам белорусского союза коллективно вступать в свою молодежную организацию, что вызывало сильные протесты Ганько и его покровителей. А 9 мая 1944 г. Октан и вовсе объявил о создании Объединенного (русско-белорусского) союза молодежи. Однако, к большой радости националистов, дальше деклараций дело не сдвинулось. Что же касается СРМ, то эта организация представляла еще большую

⁶⁵ BA-MA, RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/298, bl. 73-74.

⁶⁶ BA-MA, MSc 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSc 149/31, bl. 12-16.

опасность для СБМ. За шесть недель своего существования в ее ряды успело вступить 2-3 тыс. только белорусских юношей и девушек. В белорусской организации такой динамики роста так и не смогли достичь⁶⁷.

Понятно, что и белорусская, и русские молодежные организации представляли для немецкого руководства значительный политический интерес. Однако нельзя забывать и чисто утилитарные цели их создания. Например, члены СБМ использовались на всевозможных хозяйственных и фортификационных работах, либо принимали участие в разборе завалов после авиационных налетов. Кроме того, многие из них были вывезены в Германию в качестве рабочей силы. Однако после создания БКА было принято решение использовать союз по одному из его прямых назначений – как резерв для боевых формирований. В результате, при содействии его центральных и местных организаций, были созданы:

- Добровольный юношеский корпус СБМ под шефством БКА (в нем юноши были также разделены по трем возрастным категориям);
- Добровольная женская служба поддержки БКА;
- а многие юноши, главным образом, старших возрастов и имевшие среднее образование, поступили в офицерскую школу БКА, которая была открыта в Минске⁶⁸.

Кроме того, германское политическое руководство, командование Вермахта и войск СС активно использовало структуры этих организаций для проведения всевозможных мобилизаций молодежи, как для трудового фронта, так и для вспомогательной службы в действующей армии или в тыловых частях. Например, в конце 1943 г. по договоренности между Рабочей группой СБМ в Германии и фирмой Юнкерс на авиационные заводы в Дессау было отправлено около 1000 юношей в возрасте от 15 до 21 года⁶⁹.

Особенно же актуальными такие вербовочные компании оказались на заключительном этапе войны, когда германские вооруженные силы стали испытывать острую нехватку личного состава. Так, уже в начале 1944 г. ОКВ было вынуждено предпринимать разные чрезвычайные меры, чтобы хоть частично компенсировать людские потери. Одной из них был проект мобилизации членов противовоздушной обороны Германии, функции которых должна была выполнять немецкая молодежь в возрасте от 15 до 20 лет, которая еще не подлежала призыву в армию. Однако и эта мера была признана недостаточной, поэтому в начале марта 1944 г. в германском военно-политическом руководстве возникла идея использовать для вспомогательной службы в военно-воздушных силах и молодежь из окку-

⁶⁷ Herzog R. Op. cit. – S.38.

⁶⁸ Романько О.В. Союз белорусской молодежи как «позитивный элемент Новой Европы». 1943-1945 гг. // Вопросы истории. – М., 2007. - №12. – С.104.

⁶⁹ Розенберг А. Указ. соч. – С.359-360.

пированных восточных областей. В разработке принципов организации и проведения этой акции принимали участие представители четырех заинтересованных сторон: Министерства по делам оккупированных восточных областей, Главного управления СС, Верховного командования военно-воздушных сил (Люфтваффе) и Гитлерюгенда. Вся практическая сторона проведения акции возлагалась на отдел молодежи Министерства по делам оккупированных восточных областей и его руководителя гауптбаннфюрера Никкеля. Для решения же всех текущих вопросов на местах была создана специальная Мобилизационная команда «Север» (*Hitlerjugend-Kriegseinsatzkommandos Nord*)⁷⁰.

25 марта 1944 г. представители указанных ведомств заключили соглашение, по которому молодежь из оккупированных восточных областей могла на добровольной основе вступать во вспомогательную службу Люфтваффе. Декларируя добровольный характер мобилизации, немецкие организаторы акции старались, тем самым, предотвратить возможную дискриминацию отдельных национальных групп молодежи во время ее службы в Германии. Все, кто становился «помощниками Люфтваффе» (*Luftwaffenhelfer*), должны были иметь такие же права, как и вспомогательный персонал немецкой противовоздушной обороны. Однако, как показывал опыт, такие попытки уравнивать «восточные» народы с немецким не раз вызвали противодействие со стороны различных нацистских инстанций. Они были склонны рассматривать таких добровольцев не более чем, как принудительно завербованную рабочую силу. По этой причине всем юношам русской, украинской, белорусской и литовской национальностей был присвоен официальный статус «помощников СС» (*SS-Helfer*), на что наглядно указывали соответствующие нашивки на рукавах униформы. По словам польского историка Ю. Туронека, «эмблема СС была надежным щитом, который обеспечивал молодежь от нежелательных нападков со стороны чиновников-расистов»⁷¹. Однако, помимо этого, эмблема имела и свое практическое обоснование. Так по соглашению от 25 марта 15-17-летние юноши после 15, а 18-20-летние после 8 месяцев службы в Люфтваффе должны были перейти в распоряжение СС для выполнения полицейских функций у себя на родине. Таким образом, юноши, которые поступали на службу, звались официально «помощниками СС», а неофициально – «дружинниками», хотя и должны были выполнять разные вспомогательные функции, связанные с противовоздушной обороной. Позднее, с 1 июля 1944 г., эта акция была также распространена и на девушек с еще оккупированных немцами территорий СССР. Все они, независимо от их национальной прина-

⁷⁰ Klietmann K.G. Op. cit. – S.461.

⁷¹ Туронак Ю. Падзея невыгадная для ўсіх... – С.84.

длежности, именовались «помощницами Люфтваффе» (*Luftwaffenhelferinnen*). Подобные меры не распространялись на эстонцев и латышей, статус которых и так был почти равен немецкому – они оставались «помощниками Люфтваффе». 4 декабря 1944 г. эти термины были заменены на «юные СС» или «воспитанники СС» – “*SS-Zöglinge*”, что окончательно закрепило статус этой молодежи, как находящейся под патронажем СС, хотя контроль над ними со стороны соответствующего отдела Министерства по делам оккупированных восточных областей и сохранился⁷².

Вербовочная компания продолжалась с 25 марта по 20 сентября 1944 г. и, вопреки многочисленным трудностям (в том числе и со стороны различных немецких инстанций), закончилась относительно успешным, в тех условиях, успехом. Согласно отчету организации Никкеля, было завербовано 21117 человек (18917 юношей и 2500 девушек), из них: 1383 русских, 5933 украинских, 2354 белорусских, 1012 литовских, 3000 эстонских и 3614 латышских юношей. После необходимой подготовки все они (в том числе и женский персонал) были распределены по следующим службам:

- части связи Люфтваффе (*Luftnachrichten*) – 1000 человек;
- моторизованные батальоны полевой жандармерии Люфтваффе (*Luftschutz-Polizei*) – 1000 человек;
- «помощники Люфтваффе» – 19117 человек.

Кроме того, некоторое количество набранных юношей было передано: в распоряжение частей 9-й немецкой армии в Бобруйске (302 русских «помощника СС»), в распоряжение Военно-морского флота (346 эстонских «помощников Люфтваффе») и в распоряжение 14-й дивизии войск СС (250 украинских «помощников СС», преимущественно из Галиции, для пополнения, в будущем, кадров низшего командного состава). Еще 265 юношей были отправлены в различные отрасли немецкой военной индустрии в обмен на таких же добровольцев, но из числа «германских» народностей. Со временем предполагалось завербовать еще 5500 юношей и 1200 девушек – на этот раз в качестве пополнения для военно-строительной Организации Тодта и т.п. Однако этим планам не было суждено осуществиться, так как к концу 1944 г. советская территория была уже полностью освобождена от немцев⁷³. Те же юноши и девушки, которых немцы успели призвать в марте-сентябре 1944 г., продолжали служить до самой капитуляции Германии. В результате, к маю 1945 г. 41 человек из них погибли, а 2 были награждены Железными Крестами 2-го класса⁷⁴.

⁷² Klietmann K.G. Op. cit. – S.463.

⁷³ Herzog R. Op. cit. – S.79-81.

⁷⁴ Klietmann K.G. Op. cit. – S.462-463.

Вербовка молодежи в Белоруссии началась 27 мая 1944 г. Для ее проведения организация Никкеля командировала 70-80 человек, в том числе 12 офицеров Люфтваффе и 5 офицеров СС. После встречи в Минске с генеральным комиссаром фон Готтбергом они разъехались по районам генерального округа и в сотрудничестве с окружным руководством СБМ начали свою работу. Вербовка молодежи также проводилась в Борисовском и Бобруйском округах военной зоны оккупации при активной поддержке руководства СРМ. На территории Белоруссии были организованы четыре приемных лагеря для добровольцев: два в Минске и по одному в Борисове и Бобруйске. Тут юноши проходили медицинский осмотр, получали обмундирование и более подробную информацию о своей будущей службе. Интересно отметить, что, если некоторые из них передумывали идти служить, то они имели возможность вернуться из приемного лагеря домой⁷⁵.

Поскольку набор молодежи осуществлялся на добровольных началах, немцы уделяли значительное внимание ее пропагандистской подготовке. Молодые люди должны были знать, что от них требуется, и что им предлагается. В листовках, плакатах и других вербовочных материалах подчеркивалось, прежде всего, их будущее равноправие с немецкой молодежью, а также то, что подчиняться белорусские юноши будут своим национальным руководителям. В этих материалах также делался акцент на патриотических мотивах и задачах, необходимости борьбы с большевизмом и возможности получить в Германии профессиональное образование. Вместе с тем, немецкое руководство понимало, что вербовка в Белоруссии проводится в очень специфических условиях: Восточный фронт уже стоял по Днепру и Припяти, и многое указывало на скорый конец немецкой оккупации. Кроме того, во многих районах действовали партизанские соединения, а коммунистическое подполье, как мы видели выше, старалось препятствовать всем немецким инициативам и мероприятиям, в том числе и организационной деятельности среди молодежи. В такой ситуации молодые люди имели надежную альтернативу – уйти в партизаны. Поэтому немецкие организаторы акции и не ждали от нее большого успеха⁷⁶.

Сохранившаяся немецкая документация не позволяет подробно проследить ход и результаты вербовки в отдельных округах Белоруссии. В ряде отчетов окружных комиссаров указывается, что, например, в Глубоком на службу поступило 2000 юношей, а в Барановичах – 500⁷⁷. Бывший руководитель СБМ в Новогрудке, Я. Жамойтин вспоминал, что в его округе решило завербоваться только 4 или 5 человек, однако ему доподлинно не извес-

⁷⁵ Туронак Ю. Падзея невыгадная для ўсіх... – С.84.

⁷⁶ Там же. – С.84-85.

⁷⁷ Туронак Ю. Люзді СБМ... – С.138.

тно, выехали они в Германию или нет⁷⁸. Что же касается набора молодежи в военной зоне оккупации, то согласно отчету командования Вермахта в Белоруссии в июне 1944 г. в приемном лагере в Борисове ждало отъезда в Германию 150, а в Бобруйске – 230 человек. Всего же, несмотря на различные результаты акции в отдельных округах, ее общий итог превысил все ожидания немецких организаторов: по состоянию на 28 августа 1944 г. на вспомогательную службу в Люфтваффе поступило около 4000 юношей⁷⁹.

По данным шефа-руководителя СБМ Ганько, опубликованных им в «Белорусской газете», 3000 из этих юношей были из гражданской зоны оккупации, а остальные – из военной. В этой же статье он пытался представить ситуацию так, как будто все они являлись членами СБМ, и только поэтому добровольно стали «помощниками СС»⁸⁰. Однако факты свидетельствуют о другом. Как теперь известно, многие из этих юношей вообще не были членами союза, и вступали в него только в приемных лагерях. В частности, число добровольцев из Глубокого в несколько раз превышало число членов СБМ в этом округе. То же можно сказать и о роли СРМ в этой акции. Тем не менее, нельзя отрицать и того значения, которое сыграли структуры этих организаций, например, в деле пропагандистской обработки молодежи⁸¹.

Не все юноши, которые прибыли в приемные лагеря, могли быть отправлены в Германию. Те, кто не достигнул 15-летнего возраста или не подходил по состоянию здоровья, отправлялись домой. Некоторые, одумавшись, возвращались сами. Кроме того, быстрое наступление Красной Армии в конце июня 1944 г. парализовало транспорт, в результате чего часть юношей в Борисовском и Бобруйском сборных лагерях осталась на месте. Большинство же молодых белорусов были отправлены в Германию в три этапа – 7, 17 и 22 июня 1944 г. В июле и августе, уже после эвакуации из Белоруссии, вербовка продолжалась на территории Германии и Польши, среди проживавших там белорусских юношей и девушек. Всего же, согласно отчету организации Никкеля, на 20 сентября 1944 г. в рядах противовоздушной обороны Германии проходило службу 2354 белорусских юношей и около 200 белорусских девушек⁸².

В целом, такой результат свидетельствует о несомненном успехе организаторов акции, и это в то время, когда немецкая армия терпела поражение за поражением и отступала на всех фронтах. Однако более важным при оценке эффективности этой акции является отношение к ней самих юношей и девушек, которые вряд ли сомневались в итоге войны, и уже

⁷⁸ Жамойцін Я. Указ. соч. – С.86.

⁷⁹ Herzog R. Op. cit. – S.63.

⁸⁰ Беларуская газета. – 1944. – 28 чэрвеня.

⁸¹ Каваленя А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941 – 1944... – С.212-213.

⁸² Herzog R. Op. cit. – S.80-81.

не могли надеяться на возвращение на родину. Причины участия молодежи в обороне немецкого неба были, конечно, разные. Для одних это была бесплатная путевка в Европу, приключения или поиски занятия и лучшего будущего после окончания войны. Тем не менее, нельзя отрицать и тот факт, что некоторая часть молодежи руководствовалась при этом чувством патриотизма и неприятием большевизма. Этот факт, например, отмечает в своей работе немецкий историк Р. Герцог⁸³.

В июне 1944 г., после отступления немецких войск из Белоруссии, большинство коллаборационистских организаций оказались на территории Третьего рейха. Был эвакуирован и Центральный штаб СБМ, который 5 июля переехал в чешский город Троппау. Оказавшись за пределами родины, Ганько начал действовать в совершенно новых условиях. В целом, перед ним и его сотрудниками в тот момент стояло две основные задачи. Во-первых, обозначить свой новый статус, как в глазах немцев, так и среди белорусских националистов. Во-вторых, наладить связь со своими подопечными и установить опеку над белорусской молодежью, как членами СБМ, так и теми, кто оказался на работе в Германии в качестве «остарбайтеров». От правильного решения второй задачи фактически зависела судьба самого Центрального штаба СБМ: только в работе с молодежью он мог оправдать свое существование в глазах немцев и лидеров БЦР⁸⁴.

Приехав в Троппау, руководство СБМ оказалось не только на правах политических эмигрантов. Как вскоре выяснилось, вне Белоруссии они стали никому не нужными. Их курирующий орган – молодежный отдел генерального комиссариата – был уже к тому времени расформирован. Поэтому, в конце июля 1944 г. Ганько связался с Островским, который после недолгих переговоров согласился принять СБМ под юрисдикцию БЦР. После окончательного согласия Островского Ганько издал два приказа. 1 августа он объявил о возобновлении деятельности Центрального штаба на территории Германии, а также призвал юношей и девушек к дисциплине, послушанию и самоотверженному выполнению своих обязанностей. Приказ заканчивался такими словами: «Из наших жертв, пота и крови восстанет к жизни Свободная Белоруссия!». Через неделю уже в новом приказе от 8 августа было заявлено, что «СБМ добровольно переходит с сегодняшнего дня под моральную опеку и в сферу компетенции БЦР, как единственного законного и признанного представительства белорусского народа»⁸⁵. Наконец, 15 сентября, на ос-

⁸³ Ibid. – S.68.

⁸⁴ Ганько М. Указ. соч. – С.123; Каткович А., Каткович-Клентак В. Указ. соч. – С.45.

⁸⁵ Раница. – 1944. – 20 жніўня; 3 верасня.

нове этих деклараций, и М. Ганько, и Н. Абрамова были кооптированы в состав центрального руководства БЦР⁸⁶.

Первая задача, таким образом, была выполнена успешно. Однако с решением второй оказалось несколько сложнее. В целом, возобновить реальную деятельность своей организации Ганько не смог. В новых условиях СБМ, как выяснилось, не особенно интересовал деятелей БЦР. Не был он нужен и отделу молодежи Министерства по делам оккупированных восточных областей, который вполне справлялся с находящейся в Германии белорусской молодежью, действуя через Рабочую группу СБМ. Правда, Ганько еще числился опекуном белорусских добровольцев (юношей и девушек), которые выполняли вспомогательные функции в германских вооруженных силах, однако и эта его роль не имела большого политического веса и практического значения. Оказавшись в таком безвыходном положении, Ганько попытался заниматься политикой, независимой от Островского. Например, он предлагал создать «Союз освобождения Белоруссии», куда по достижении 20-летнего возраста могли переходить члены СБМ. В основу создания этой организации должен был быть положен принцип «фюрерства», и, вероятнее всего, именно ее Ганько планировал использовать в будущем, как главную силу в сопротивлении коммунистам. Однако поддержки он так и не получил. Во-первых, лидеры БЦР, и не без оснований, усмотрели в этих планах угрозу своей, пусть и призрачной, но власти. Во-вторых, еще находясь в Белоруссии, Ганько был сильно скомпрометирован своими пронацистскими взглядами и близостью к покойному Акинчицу. Неизвестно, на чью поддержку он рассчитывал, так как Островский пользовался неограниченным доверием Розенберга, который бы не потерпел никакого раскола. В конце концов, Ганько проиграл поединок за молодежь и был выведен из серьезной политической игры. Что делал шеф-руководитель СБМ последние месяцы войны, до сих пор почти неизвестно. Можно с точностью установить только несколько фактов. По всей видимости, он был назначен офицером-пропагандистом Специального десантного батальона «Дальвиц», речь о котором шла выше. В начале марта 1945 г. Ганько принял участие в берлинской конференции БНП, под идеологическим контролем которой находился «Дальвиц». На этой конференции бывший крайний коллаборационист полностью раскаялся и стал на позиции этой антинацистской организации, заявив о желании «искупить свою вину перед народом, за то, что когда-то верил гитлеровцам». Следы Ганько теряются в мае 1945 г., в Судетах (Чехия), куда он отправился, чтобы спасти заблудившуюся в горах 5-тысячную группу СБМ. Уже после окончания войны в эмигрантской литературе появились сведения, что

⁸⁶ За Дзяржаўную Незалежнасць Беларусі... – С.121.

бывший шеф-руководитель смог пробраться в Белоруссию, где сражался против коммунистов в партизанском отряде. Однако это маловероятно⁸⁷.

Фактически, Центральный штаб СБМ потерял свои полномочия сразу же после подчинения БЦР. Тем не менее, сама организация продолжала существовать. Теперь ее главным органом стала Рабочая группа Барановича, подчинявшаяся ведомству Розенберга. Ее немецким руководителем был баннфюрер Менцель, который в отделе Никкеля отвечал за работу со всей белорусской молодежью⁸⁸.

А сколько же этой самой молодежи находилось к тому времени на территории Германии и оккупированных ею стран? Следует подчеркнуть, что она совсем не была однородной. В целом, можно выделить две большие подгруппы: молодежь, которая была занята в немецкой военной промышленности, и молодежь, проходившая службу в различных частях немецких вооруженных сил. И первая, и вторая подгруппа сложились в Германию постепенно. Вот, например, как это происходило с гражданской молодежью.

Первыми, как было сказано выше, в Германии оказались юноши, отправленные по контракту с фирмой «Юнкерса» на ее заводы. Они, в целом, и создали ту самую Рабочую группу СБМ, руководителем которой являлся Г. Баранович. По подсчетам польского историка Ю. Туронека, на весну 1944 г. общая численность этой группы не превышала 2000 человек. При этом, с полной уверенностью можно сказать, что все эти юноши были членами СБМ. Однако кроме этих контрактников, которые, как правило, добровольно покидали родину, в Германии к этому времени работало еще более 5000 молодых белорусов. Они принадлежали к категории так называемых «остарбайтеров» и прибыли сюда, в основном, принудительно. Это не смущало Барановича. В своих планах по расширению Рабочей группы он рассматривал их как резерв для пополнения СБМ за границей. Так, в ноябре 1943 г. в лагерь «остарбайтеров» было послано несколько молодежных функционеров, которые должны были постараться втянуть в СБМ побольше молодых белорусов⁸⁹. Тем не менее, несмотря даже на то, что условия проживания в лагерях Рабочей группы были значительно лучше, чем в лагерях «остарбайтеров», которые практически ни чем не отличались от лагерей военнопленных, результаты этой акции были весьма ничтожны. По словам одного из таких визитеров-пропагандистов, «остовцы не любили СБМовцев, обзывали их предателями и фашистами»⁹⁰. Однако, такие

⁸⁷ Беластоцкі Т. Сьветлы ўспамін пра шэфа-правадніка СБМ // Голас Камбатанта. – 2001. - №1(6). – Вясна.

⁸⁸ Туронак Ю. Саюз беларускай моладзі ў Нямецчыне... – С.206.

⁸⁹ Белорусские остарбайтеры: Документы и материалы... – Кн.2 – С.115-165.

⁹⁰ Галубіцкі А. Шляхі беларускіх дзяцей у вапошнюю вайну // Бацькаўшчына. – 1955. - №24(254).

настроения преобладали не везде, и часть «остарабайтеров» все-таки присоединилась к СБМ, что способствовало росту Рабочей группы, численность которой в начале июня 1944 г. составляла уже 3500 человек⁹¹.

Численность белорусской молодежи в Германии увеличилась в июне-июле 1944 г. В этот период, после начала немецкой эвакуации из Белоруссии, к уже имеющимся категориям прибавилось еще порядка 4000 человек, значительное количество среди которых составляли руководящие кадры СБМ всех уровней⁹².

Рост численности белорусской молодежи прибавил, соответственно, обязанностей Рабочей группе Барановича. Теперь он и его сотрудники должны были содействовать устройству на работу юношей и девушек, которые после эвакуации оказались в Германии, заботиться об их бытовых потребностях и, что было особенно важно, назначать в рабочие лагеря функционеров СБМ, обязанных отвечать за порядок и дисциплину. В целом, согласно официальным немецким и белорусским данным, на ноябрь 1944 г. в подчинении Барановича и его людей находилось уже от 5 до 6 тыс. белорусских юношей и девушек. При этом 3000 из них работали на заводах Юнкерса, а 2000 служили в частях военно-строительной Организации Тотта. Кроме того, еще около 1000 подростков в возрасте от 10 до 14 лет просто проживали в лагерях СБМ⁹³.

Группа гражданской молодежи находилась под полным контролем и на учете у сотрудников Рабочей группы. Наоборот, юноши и девушки, которые служили в германских вооруженных силах, вообще не подчинялись руководству СБМ. Правда, выше говорилось, что шеф-руководитель Ганько числился их номинальным опекуном, однако его контакт с молодежью, как правило, обрывался после ее передачи немецкому командованию. По этой причине очень трудно сказать, сколько членов СБМ служило в рядах Вермахта или войск СС. Этот вопрос не особенно интересовал немецких командиров, которые в своих отчетах обычно давали общее количество завербованной молодежи. В целом, можно выделить три группы белорусских добровольцев – или членов СБМ, или имеющих то или иное отношение к этой организации.

В начале 1944 г. в Белоруссии возникла идея отправить в Германию группу юношей, которые после нескольких месяцев подготовки должны были вернуться на родину в качестве молодых офицеров. До сих пор не известно, от кого исходила подобная инициатива, однако можно не сомневаться, что без согласия или даже прямого задания фон Готтберга здесь не обошлось. Так или иначе, Центральный штаб СБМ занялся вербовкой добровольцев, в результа-

те которой 100 из них прибыли 16 апреля 1944 г. в подготовительный лагерь Мульте (Германия). Как известно, вскоре началось отступление немцев из Белоруссии. Поэтому, уже летом группа была расформирована: большую часть курсантов передали в 30-ю гренадерскую дивизию войск СС, а некоторых из них – во временное распоряжение Рабочей группы СБМ⁹⁴.

Следующую категорию белорусской молодежи в рядах германских вооруженных сил составили так называемые «помощники Люфтваффе». О них и о роли СБМ в их судьбе было уже достаточно сказано выше. Здесь следует только отметить, что к осени 1944 г. их было уже около 5 тыс. человек⁹⁵.

Наконец, последнюю группу военной молодежи – членов СБМ – составляли эвакуированные в июле 1944 г. курсанты Минской офицерской школы БКА. По дороге в Германию большая часть этих юношей вернулась домой, некоторые погибли и только 110-120 человек добрались до места концентрации остатков белорусских добровольческих формирований в районе Плоцка (Польша). После кратковременной подготовки их также включили в 30-ю дивизию войск СС и отправили во Францию⁹⁶.

В целом, все эти группы членов СБМ насчитывали от 4500 до 5000 человек. Если же к этому количеству прибавить контингент Рабочей группы, то в результате окажется, что осенью 1944 г. численность СБМовской молодежи на территории Германии составляла 10-11 тыс. юношей и девушек разных возрастов⁹⁷. По сути, эта численность не менялась до самого конца военных действий. Менялась только сфера применения белорусской молодежи. Как известно, в начале 1945 г. немецкая военная промышленность была уже почти уничтожена союзнической авиацией, в результате чего значительно уменьшились потребности заводов в рабочей силе, и часть молодежи могла быть направлена в армию. Согласно воспоминаниям Барановича официального набора в войска СС – главного на тот момент «потребителя» иностранных добровольцев – из лагерей Рабочей группы СБМ не проводилось. И все-таки, в феврале немцы привезли из Дессау в Берлин 200 юношей, которых должны были подготовить для обороны столицы Германии. Военными инструкторами этой роты были унтер-офицеры войск СС и руководители СБМ, а общий надзор за ними осуществляли Менцель и Баранович. Уже после войны последний писал, что «ни один из этих юношей или руководителей СБМ не хотели оборонять Берлин. Однако другого выхода мы не имели»⁹⁸.

⁹⁴ Виніцкі А. Указ. соч. – С.26.

⁹⁵ Зелений З. Українське юнацтво у вирі Другої світової війни. – Торонто, 1965. – С.115.

⁹⁶ Грыбоўскі Ю., Козак К. Забытыя жаўнеры Польскага войска ў часы Другой сусветнай вайны: Матэрыялы і ўспаміны. – Мн., 2003. – С.84.

⁹⁷ Виніцкі А. Указ. соч. – С.38.

⁹⁸ Там же. – С.22.

⁹¹ Беларуская газета. – 1944. – 28 чэрвеня.

⁹² Виніцкі А. Указ. соч. – С.36; Каваленя А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941 – 1944... – С.213.

⁹³ Раница. – 1944. – 26 лістапада.

Следует сказать, что руководство БЦР также имело свои виды на СБМовскую молодежь. Например, его президент Островский связывал с ней организацию белорусской армии. Так, выступая на съезде молодежных руководителей, который проходил 16-17 ноября 1944 г. в Драйсигакер, он заявил: «Возможно, в скором времени часть из вас мы призовем в Белорусский легион, который будет, безусловно, под политическим руководством только и исключительно БЦР, а в операционном плане будет подчиняться немецкому главному командованию»⁹⁹. Что из этого легиона вышло, было показано в предыдущей главе. Забегая же несколько вперед, можно сказать, что белорусская молодежь не очень стремилась в него попасть.

Выше уже было достаточно сказано о тех попытках, которые предпринимал Гиммлер, чтобы подчинить все антикоммунистические национальные комитеты власовскому КОНР. 30 марта 1945 г. дошла очередь и до молодежи. В этот день в отделе Никкеля состоялось совещание представителей молодежных организаций народов СССР и их немецких кураторов. Справедливости ради стоит сказать, что, в принципе, никакого совещания и не было. Все присутствующие просто получили машинописный документ, который оказался проектом объединения их организаций под эгидой Союза молодежи народов России (СМНР) – молодежного крыла КОНР. Обсуждению проект не подлежал. Однако этот план так и остался на бумаге: вскоре начался штурм Берлина, да и самого власовского комитета уже давно в столице Германии не было. Интересно, что в числе прочих участников этой встречи был и М. Ганько. Неизвестно, почему немцы решили действовать через него. К этому времени он уже вряд ли считался руководителем СБМ, и не имел никакой возможности повлиять на своих бывших подчиненных¹⁰⁰.

Подчеркнем, СБМ не являлся обычной организацией, которые во множестве возникали на оккупированных советских территориях в годы войны. Не был он и исключительно продуктом немецкого политического руководства. Поэтому, оценивать его роль и место в истории Белоруссии периода оккупации, а также степень эффективности, является очень трудным делом. В целом, имеются две точки зрения на историю этого союза – советская и белорусская националистическая. Причем последняя точка зрения неоднородна и также довольно сильно поляризована.

Первый взгляд на этот союз неоригинален, и не отличается от тех характеристик, которые давала советская пропаганда и историческая наука всем, без исключения, националистическим организациям, которые возникали на оккупированных территориях. Все они, и в том числе СБМ, квалифицируют-

⁹⁹ Раница. – 1944. – 26 листопада.

¹⁰⁰ Зелений З. Указ. соч. – С.173, 267-268.

ся как вражеские, так как «играли подлую роль помощников и соучастников оккупантов, грабителей и душителей белорусского народа»¹⁰¹.

Националистический взгляд на СБМ более интересен, хотя бы уже потому, что неоднороден. Оценивая место союза в истории белорусского национального движения в годы войны, лидеры националистов, в целом, признают его положительную роль, однако, с некоторыми оговорками. Так, некоторые из них, главным образом, представители «третьей силы», считают, что «многие руководители этой организации быстро научились низко кланяться немцам и не слушаться советов белорусских руководителей»¹⁰².

Причины этого они видят в том, что все высшее руководство СБМ обучалось в Германии, и что немаловажную роль в их подготовке играл Ф. Акинчиц – «отец белорусского национал-социализма» и сторонник самого тесного сотрудничества с немцами. По воспоминаниям одного из слушателей курсов в Альбертине, Ганько как-то спросил его, как тот смотрит на будущее Белоруссии, и когда услышал в ответ, что через призму белорусской идеи, остался недоволен. «Вот Украина тоже хотела независимости, а в результате уже почти занята вся Красной Армией», – ответил он¹⁰³. И такие взгляды на обустройство Белоруссии, ее внутреннего управления и армии Ганько сохранил до самого своего последнего дня на посту шефа-руководителя СБМ.

Если посмотреть на историю союза еще под одним углом зрения, то, конечно, нельзя не согласиться с тем, что это было значительное достижение немецкой оккупационной администрации и лично генерального комиссара Кубе, в частности, его политической линии. Дав разрешение на создание СБМ, немцы получили в свои руки сильное пропагандистское оружие, с помощью которого они надеялись повлиять на настроения белорусского народа и особенно его самой активной части – молодежи. Создание СБМ дало повод для начала мощной пропагандистской кампании, в которой подчеркивалось, что Гитлер теперь рассматривает белорусский народ как «позитивный элемент Новой Европы», раз оказывает такое доверие и выражает симпатию к его молодежи¹⁰⁴.

Роль немцев в создании СБМ была, конечно, значительной. Однако можно впасть в другую крайность, если оценивать его как «чисто немецкую затею». В сущности, это была единственная легальная организация, которой разрешалось воздействовать на население в белорусском национальном духе. И в этом смысле такая организация не имела прецедента на территории Белоруссии, а динамика ее развития и практическая деятель-

¹⁰¹ Раманоўскі В. Указ. соч. – С.9.

¹⁰² Малецкі Я. Указ. соч. – С.56.

¹⁰³ Клыкowska Т. Обреченный эскадрон: в 1942 г. они мечтали создать национальные белорусские войска... – С.3.

¹⁰⁴ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką... – S.165.

ность с осени 1943 по весну 1945 г. свидетельствует о том, что идея Кубе попала на хорошо подготовленную почву.

30-я гренадерская дивизия войск СС (1-я белорусская)

В конце июня 1944 г. СС-группенфюрер К. фон Готтберг отдал приказ о создании в тылу группы армий «Центр» так называемой Заградительной бригады (*Sperrbrigade*). Эта бригада и подобные ей формирования, должна была сдерживать наступление советских войск до тех пор, пока немцы не восстановят сплошной фронт, уничтоженный советскими войсками в ходе операции «Багратион». С этой целью в район Лангры (Польша) были стянуты все уцелевшие части полиции с территории Белоруссии. Из них и была сформирована Заградительная бригада, получившая 20 июля официальное наименование – Бригада вспомогательной полиции «Зиглинг» (*Schutzmannschaft («Schuma»)-Brigade «Siegling»*)¹⁰⁵.

Организационно, бригада состояла из четырех полков вспомогательной полиции, основой для формирования которых послужили следующие части:

- 1-й полк «*Schuma*» – 57, 60 и 61-й белорусские и украинские батальоны «*Schuma*», а также части, находившиеся в подчинении у фюрера СС и полиции округа «Минск»;
- 2-й полк «*Schuma*» – 62, 63 и 64-й белорусские и украинские батальоны «*Schuma*», а также части, находившиеся в подчинении у фюреров СС и полиции округов «Глубокое» и «Лида»;
- 3-й полк «*Schuma*» – части, находившиеся в подчинении у фюреров СС и полиции округов «Слуцк», «Барановичи» и «Вилейка».
- 4-й полк «*Schuma*» – 101-й украинский батальон «*Schuma*», а также части, находившиеся в подчинении у фюреров СС и полиции округов «Слоним» и «Припять».

Кроме этого, в составе бригады были сформированы специальные и вспомогательные части:

- артиллерийский дивизион – из 56-го белорусского артиллерийского батальона «*Schuma*»;
- кавалерийский дивизион – из 68-го белорусского кавалерийского дивизиона «*Schuma*»;
- учебный батальон – из белорусского учебного батальона «*Schuma*»¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Michaelis R. Russen in der Waffen-SS... – S.69-70.

¹⁰⁶ NARS, T-354. Records of the Waffen-SS: In 2 parts, roll 160, frames 3806172-3806173.

В этот период численность бригады была невелика – примерно 1,5-2 тыс. человек, так как входившие в нее подразделения были очень сильно потрепаны в летних боях 1944 г. и не были равноценны ни по численности, ни по боеспособности. Например, в 61-м батальоне осталось всего 102 человек (2 офицера, 2 унтер-офицера и 98 рядовых), тогда, как 65-й батальон сохранил, как и положено, четырехротную структуру и был почти полностью укомплектован (в одной из его рот было 98 немцев и 167 добровольцев). Поэтому первоначально каждый из полков бригады состоял только из двух батальонов. Исключением являлся 4-й полк, в составе которого находилось три батальона¹⁰⁷.

Командиром бригады был назначен СС-оберштурмбаннфюрер и подполковник охранной полиции Г. Зиглинг, который до лета 1944 г. командовал 57-м полицейским полком. По словам Ф. Кушеля, «это был человек молодой, малоопытный и несдержанный»¹⁰⁸. Однако на взгляд немецкого командования, все эти недостатки компенсировались храбростью Зиглинга. Кроме того, он обладал еще одним качеством, которое не часто встречалось у немецких командиров «восточных» формирований. В данном случае речь идет о «более-менее человеческом отношении к персоналу своего батальона»¹⁰⁹.

Одновременно с процессом формирования, бригада использовалась в антипартизанских операциях на территории Польши. Следует сказать, что имевшие большой боевой опыт белорусские и украинские полицейские, действовали в этих операциях весьма удачно. В результате, рейхсфюрер СС Гиммлер решил сформировать на основе этой бригады новую дивизию войск СС. 1 августа 1944 г. был отдан соответствующий приказ о передаче всего личного состава и материальной части из-под юрисдикции Главного управления полиции порядка Главному управлению СС. Вслед за этим бригада, из района Лангры и Цеханова, переводилась под Варшаву (Польша). Организация дивизии шла довольно быстро, и в течение августа она, в целом, была уже сформирована, получив официальное наименование: 30-я гренадерская дивизия войск СС (2-я русская) – 30. *Waffen-Grenadier-Division der SS (russische Nr.2)*¹¹⁰.

Уже само наименование дивизии говорило о том, что в ее составе были не только белорусы и немцы. Так, помимо них, в соединение были включены несколько «восточных» батальонов, укомплектованных русским персоналом. Немного позднее, в июле 1944 г., в состав дивизии были также введены 61-й, 62-й и 63-й украинские батальоны «*Schuma*». Это произошло на том основании, что в период с 1942 по 1944 г. эти части несли охранную службу на территории Белоруссии. Кроме того, целый ряд докумен-

¹⁰⁷ NARS, T-354. Records of the Waffen-SS: In 2 parts, roll 160, frames 3806174-3806175.

¹⁰⁸ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.105.

¹⁰⁹ Акула К. Указ. соч. – С.48.

¹¹⁰ Уильямсон Г. Указ. соч. – С.245-246.

тов свидетельствует о том, что в составе дивизии было также очень много поляков (например, ими почти полностью были укомплектованы 1-й и 2-й батальоны 2-го полка, противотанковая и комендантская рота) и некоторое количество армян, поволжских татар и даже чехов¹¹¹.

Несмотря на то, что состав дивизии был очень пестрым, руководство СС не считало нужным создавать в нем подразделения по национальному признаку. Больше всего это беспокоило лидеров белорусских националистов, которые поначалу полагали, что дивизия будет организована, как белорусское формирование. На это у них были свои причины: Кушаль писал в своих воспоминаниях, что в сентябре 1944 г. из 11600 личного состава дивизии 7 тыс. были белорусами, а бывший солдат этого соединения К. Акула указывал на более, чем 80% белорусов и 20% всех остальных¹¹².

Для того, чтобы придать дивизии хотя бы частично «белорусский вид», в ее штаб в конце августа 1944 г. было направлено 16 офицеров БКА, чтобы они заняли командные должности в тех частях, где большинство составляли белорусы. Однако командир дивизии Зиглинг отказался принять этих офицеров, сказав, что в его формировании «нет места разделению по национальной принадлежности», так как оно является частью германских вооруженных сил¹¹³. Со временем, такое отношение немцев к белорусским офицерам послужило причиной многочисленных конфликтов.

Еще один инцидент произошел 24 июля на конференции командного состава дивизии в городе Эльбинг (Восточная Пруссия). Эта конференция была созвана по инициативе генерального комиссара фон Готтберга. На ней русским, украинским и белорусским офицерам должны были сообщить, что отныне они члены нового воинского формирования и представить им нового командира. Кроме того, от них требовалось подтвердить свою готовность и дальше сражаться рядом с немцами. В принципе, ни один из пунктов повестки дня конференции не вызвал каких-либо разногласий. Однако, после того как Зиглинг произнес новое название дивизии (а именно, ту его часть, которая указывала на национальную принадлежность – «2-я русская») возникла целая дискуссия. Этому дополнению воспротивился заместитель Кушалья капитан БКА В. Микула, который заявил, что он против такого названия, так как белорусских солдат в дивизии большинство, и на этом основании отказывается подчиняться «москалям» (т.е. русским офицерам). Протест Микулы ни к чему не привел, и этому есть целый ряд объяснений. Во-первых, почти все офицеры-белорусы не занимали высоких командных должностей и не пользовались большим ав-

¹¹¹ Дуда А., Старик В. Указ. соч. – С.151-153.

¹¹² Кушаль Ф. Указ. соч. – С.106; Акула К. Указ. соч. – С.50.

¹¹³ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.106-107.

торитетом у немецкого руководства. Во-вторых, большинство даже этих офицеров не захотели поддержать своего соотечественника. И, наконец, в-третьих, как пишет Акула, Зиглинг находился под большим влиянием русских офицеров (особенно, своего бывшего сослуживца по 57-му полку и «правой руки» майора В. Муравьева), которые убедили его, что не следует принимать во внимание белорусский протест. Этот инцидент закончился, в целом, для Микулы без серьезных последствий. Его, правда, понизили в должности и отправили командовать одним из взводов дивизии, где он, естественно, не мог оказывать большого влияния на весь белорусский персонал. Однако он напрасно думал, что немцы о нем забыли. Осенью 1944 г. они, воспользовавшись тем, что из батальона, где служил Микула, дезертировало несколько солдат, арестовали его и сожгли в крематории Дахау¹¹⁴.

История конференции в Эльбинге является весьма показательной в том плане, что даже на третьем году войны немцы так и не научились разбираться в национальных отношениях среди «восточных» народов. Кроме того, эта конференция дает некоторое представление о национальном составе офицерского корпуса дивизии. Так, можно понять, что он, в целом, состоял из немцев (в их число входят также «фольксдойче» из Польши), русских, украинцев, белорусов и поляков. Почти половина офицеров были немцами. Следующей по величине группой были русские. Украинцы, в основном, сильно русифицированные, были третьей группой. Численно меньшая по сравнению с другими белорусская группа имела также и наименьшее количество офицеров высокого ранга: всего два майора и несколько капитанов. «Еще меньше среди них, - подводил итог Акула, - было белорусских патриотов»¹¹⁵.

После организации дивизии все командные должности в ней (вплоть до ротного звена) заняли немцы или «фольксдойче», а русские, украинские и белорусские офицеры были при них в качестве заместителей, помощников или командиров более низкого ранга. Зиглинг считал, что так он не нарушит статус дивизии, как соединения германских вооруженных сил, и не обидит тех, кто поддержал его на конференции в Эльбинге. Только для Муравьева, как близкого друга командира дивизии, было сделано исключение. Более явственно это соотношение между немецким и национальным персоналом можно увидеть на примере 3-го батальона 4-го полка дивизии. Всего в нем по состоянию на 31 июля 1944 г. было: 22 офицера (17 немецких и 5 белорусских), 138 белорусских унтер-офицеров и 433 рядовых. Слабым местом кадрового состава дивизии было отсутствие в ней достаточного количества офицеров специальных и технических служб, а также

¹¹⁴ Гардзіенка А. Вайскавец... – С.1.

¹¹⁵ Акула К. Указ. соч. – С.50.

офицеров-переводчиков, что особенно было важно в условиях такого национального разнообразия. Например, в том же 3-м батальоне был всего 3 офицера-инженера, 1 офицер-связист и 3 переводчика (хотя последних надо было иметь, как минимум от 7 до 10 на батальон)¹¹⁶.

Первое время структура дивизии оставалась такой же, как и в бригаде, только ее полки получили другую номенклатуру:

- Штаб дивизии (*Stab der Division*);
- 1-й гренадерский полк войск СС / 4-й русский (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr.1 / russische Nr.4*);
- 2-й гренадерский полк войск СС / 5-й русский (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr.2 / russische Nr.5*);
- 3-й гренадерский полк войск СС / 6-й русский (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr.3 / russische Nr.6*);
- 4-й гренадерский полк войск СС / 7-й русский (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr.4 / russische Nr.7*);
- 30-й артиллерийский дивизион войск СС / 2-й русский (*Waffen-Artillerie-Abteilung Nr.30 / russische Nr.2*);
- кавалерийский эскадрон (*Reiter-Schwadron*);
- учебный батальон (*Feldersatz-Bataillon*).

В этот период в каждом полку дивизии было по два гренадерских (пехотных) батальона¹¹⁷.

За всю историю своего недолгого существования дивизия, по разным причинам, претерпела целый ряд мелких и крупных реорганизаций. В основном, они сводились к следующим изменениям. 12 сентября 1944 г. в дивизии был организован так называемый Добровольческий батальон Муравьева (*Freiwillige-Bataillon "Murawjew"*), который должен был использоваться как часть специального назначения¹¹⁸. 28 сентября были организованы практически все основные подразделения дивизии. В дальнейшем, их количество либо уменьшалось, либо увеличивалось, тогда как «скелет» соединения оставался уже неизменным. 18 октября в каждом гренадерском полку прибавили еще по одному батальону, а уже 24 октября была проведена очередная реорганизация дивизии. В результате, из батальонов всех гренадерских полков сформировали два новых гренадерских полка, а из батальона Муравьева и 654-го «восточного» батальона – третий полк¹¹⁹. Эти полки, вместе с остальными частями дивизии, получили новую, двойную номенклатуру, после чего ее структура стала выглядеть следующим образом:

¹¹⁶ Munoz A.J. *Forgotten Legions...* – P.261, 262, 263.

¹¹⁷ Шунков В.И. Указ. соч. – С.133.

¹¹⁸ ВА-МА, RS 3-30. 30. Waffen-Grenadier-Division (russische Nr.2), RS 3-30/8, bl. 1-2.

¹¹⁹ ВА-МА, RS 3-30. 30. Waffen-Grenadier-Division (russische Nr.2), RS 3-30/1, bl. 1.

- Штаб дивизии (*Stab der Division*);
- 75-й гренадерский полк войск СС (4-й русский) – *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr.75 (russische Nr.4)*;
- 76-й гренадерский полк войск СС (5-й русский) – *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr.76 (russische Nr.5)*;
- 77-й гренадерский полк войск СС (6-й русский) – *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr.77 (russische Nr.6)*;
- 30-й артиллерийский полк войск СС (2-й русский) – *Waffen-Artillerie-Regiment der SS Nr.30 (russische Nr.2)*;
- Штаб артиллерийского полка;
- штабная батарея;
- две батареи 12,2 см трофейных русских орудий;
- батарея реактивных установок (*Nebelwerfer*).
- 30-й разведывательный батальон СС (*SS-Aufklärung-Abteilung Nr.30*):
- штаб батальона;
- штабной кавалерийский эскадрон;
- три кавалерийских эскадрона;
- 30-я саперная рота СС (*SS-Pionier-Kompanie Nr.30*);
- 30-я рота связи СС (*SS-Nachrichten-Kompanie Nr.30*);
- 30-й запасной батальон СС (*SS-Feldersatz-Bataillon Nr.30*):
- штаб батальона;
- три пехотные роты;
- рота тяжелого пехотного оружия;
- саперная рота;
- 30-й хозяйственный полк СС (*SS-Nachschub-Regiment Nr.30*);
- большая автоколонна 60-тонных грузовиков (*Große Kraftwagenkolonne (mot) 60 t*);
- административная моторизованная рота (*Verwaltungs-Kompanie (mot)*);
- моторизованная ремонтная рота (*Werkstatt-Kompanie (mot)*);
- санитарная рота (*Sanitäts-Kompanie*)¹²⁰.

2 ноября в составе дивизии произошли новые, и окончательные, изменения. Ее 77-й полк был расформирован, а часть его личного состава была распределена по двум остальным полкам¹²¹.

В первой половине августа 1944 года дивизия была направлена из Польши на Западный фронт, в Эльзас (Франция). Ее передислокация осуществлялась по железной дороге отдельными частями, поэтому первые подразделения дивизии прибыли на новое место к 17 августа, а последние – к

¹²⁰ Nafziger G.F. *The German Order of Battle: Waffen SS and Other Units in World War II.* – Conshohoken, 2001. – P.158.

¹²¹ Mitcham S.W. *Hitler's Legions. The German Army Order of Battle, World War II.* – New York, 1985. – P.467.

концу месяца. По прибытии подразделения дивизии были расквартированы в районе между Бельфором, Мюльхаузенем и Дижоном в следующих населенных пунктах:

- Штаб дивизии, административные, вспомогательные и хозяйственные подразделения – Маркольсхайм;
- Штаб и подразделения 1-го гренадерского полка войск СС – Мюссиг;
- Штаб и подразделения 2-го гренадерского полка войск СС – Саазенхайм;
- 30-й разведывательный батальон СС – Макенхайм;
- 30-й артиллерийский дивизион войск СС – Хессенхайм;
- 654-й «восточный» батальон – Бутцхайм;
- 30-й запасной батальон войск СС и 30-й учебный батальон СС – Нойбрайзах (на полигоне для подготовки саперов);
- Добровольческий батальон Муравьева – Штрайткопф;
- 30-я саперная рота СС – Хайдельсхайм¹²².

Здесь перед ее личным составом была поставлена следующая задача: борьба с французскими партизанами («маки»). Надо сказать, что эта задача преследовала двоякую цель. Во-первых, непосредственное военное умиротворение данного района. Во-вторых, дальнейшая подготовка дивизии. Немецкому командованию было ясно, что передислокация соединения прервала подготовку его частей, которая, фактически, так и не успела начаться. Естественно, что, имея такой уровень подготовки, эта дивизия не могла быть использована на фронте против регулярных частей противника. Ее бы уничтожили еще до начала какого-либо организованного сопротивления. Поэтому, используя «восточных» добровольцев против французского Сопротивления, немцы надеялись, что они, помимо всего прочего, смогут безопасно приобрести боевой опыт. Однако реальность оказалась несколько иной. Руководство отрядов «маки» почти сразу же получило информацию о том, какого уровня подготовки и вооружения части прибыли бороться против них. В результате, весь сентябрь прошел в непрерывных стычках бойцов дивизии и партизан. По словам американского историка А. Муньоса, «они атаковали их там, где только могли застать»¹²³.

Атаки «маки» не были, конечно, значительными с военной точки зрения, однако они выматывали силы добровольцев и действовали крайне негативно на их боевой дух. Командование дивизии планировало навязать Сопротивлению свою тактику и извлечь из нее пользу, однако в ответ получило классическую «малую войну», которая никак не способствовала успешному обучению личного состава. Наоборот, и немецкие офицеры,

¹²² BA-MA, RS 3-30. 30. Waffen-Grenadier-Division (russische Nr.2), RS 4/1201, bl. 1rs-10vs.

¹²³ Munoz A.J. Forgotten Legions... – P.270.

и «восточные» добровольцы были вынуждены находиться все время под ружьем, не получая полноценного отдыха¹²⁴.

После высадки союзников на Атлантическом побережье Франции стратегическая обстановка на этом участке Западного фронта значительно изменилась. В середине сентября 1944 г. 1-я французская армия начала угрожать Дижону – самой южной точке операционной зоны 30-й дивизии. В результате, дивизия, чтобы не попасть в окружение, начала отступать на северо-восток, подвергаясь постоянным нападениям французских партизан. К концу сентября ее удалось вывести из-под непосредственной угрозы в район Кольмара (между Рейном и Вогезами). Зиглинг думал, что здесь, наконец, удастся завершить подготовку соединения, не боясь постоянных нападений партизан. Однако новый приказ командования опять нарушил этот график. Дивизии было приказано как можно скорее выступить на фронт, чтобы поддержать отступающие из Франции немецкие войска. И это, несмотря на то, что Зиглинг неоднократно предупреждал, что его люди еще не готовы к таким акциям. Вооружение же и моторизация дивизии вообще оставляют желать много лучшего: личный состав полков был вооружен трофейным французским, чешским, советским и немецким оружием, в основном, стрелковым. Тяжелого и противотанкового оружия было очень мало, а в некоторых частях его попросту не было вообще¹²⁵.

Тем не менее, 25 октября перед дивизией была поставлена следующая задача: охранять мосты через Рейн до тех пор, пока как можно большее количество частей попавшей в «Кольмарский мешок» 19-й немецкой армии не перейдут на немецкую сторону реки. После этого ее личный состав должен был приложить все усилия для того, чтобы мосты были взорваны, а французы и американцы не смогли бы на плечах отступающих немецких войск перейти Рейн. 75-му полку дивизии было приказано занять позиции в районе Грусенхайма. Его 2-й батальон первым прибыл в этот город и сразу же взял под охрану находящийся здесь мост. Остальные батальоны полка прибыли позже и заняли оборонительные позиции между Кюнхаймом и Маркольсхаймом. Сходная задача была поставлена и перед 76-м полком дивизии, который занял оборонительные позиции рядом с 75-м полком в районе Артольсхайм – Бутцхайм – Маркольсхайм – Артенхайм. Вскоре после сосредоточения разведывательный батальон дивизии провел разведку боем, после которой немецкому командованию стало ясно, что главной целью союзников являются четыре моста через Рейн-канал между Маркольсхаймом и Кюнхаймом. 26 октября французы и американцы начали наступление, и если бы не упорное сопротивление 30-й дивизии, мосты были бы захвачены неповрежденными. Эти,

¹²⁴ Ibid. – P.271.

¹²⁵ BA-MA, RS 3-30. 30. Waffen-Grenadier-Division (russische Nr.2), RS 4/1201, bl. 1.

в целом, успешные арьергардные бои решили судьбу дивизии. И 75-й, и 76-й полк понесли такие значительные потери, что на их доукомплектование был пущен новый 77-й полк¹²⁶.

Однако дальнейшие бои в Вогезах полностью обескровили дивизию. Особенно их интенсивность возросла в середине ноября, когда почти не имевшим тяжелого и противотанкового оружия частям противостояла 1-я французская бронетанковая дивизия. Результатом этих боев стало то, что 30-я дивизия почти полностью утратила способность ко всякого рода боевым действиям. Поэтому немецкое командование отправило ее в тыл¹²⁷.

Вследствие того, что немецкий фронт постоянно отодвигался на восток, дивизию перебрасывали из подчинения одного немецкого корпуса к другому. В целом, за относительно недолгий период своего пребывания на Западном фронте, она подчинялась командованию следующих корпусов: LXIV армейский корпус группы армий «Г» (сентябрь 1944 г.); LVIII танковый корпус группы армий «Г» (октябрь 1944 г.); LIII, а затем LXIII армейские корпуса группы армий «Г» (ноябрь-декабрь 1944 г.)¹²⁸.

Такие катастрофические потери дивизии были только одной причиной, вследствие которой ее сняли с Западного фронта. Еще одним фактором, повлиявшим на это, была низкая дисциплина в большинстве ее частей. Следует сказать, что отправка дивизии на Западный фронт не вызвала особой радости среди ее «восточного» персонала. Дело в том, что русские, украинцы и белорусы хотели сражаться на Восточном фронте против большевиков, чтобы потом вернуться на свою родину. Немцы же гнали их в бой с англо-американскими союзниками, что вызывало протесты руководства БЦР¹²⁹. Следствием этого стало ухудшение морального состояния бойцов дивизии, которое и до этого уже было не особенно высоким. Видя это, немецкое командование еще больше укрепило во мнении, что дивизию необходимо отправить подальше от Восточного фронта. Зиглингу и его начальникам из Главного управления СС казалось, что там, вдали от родины и во враждебной обстановке солдаты дивизии будут вести себя лояльней. Одновременно они надеялись решить еще одну проблему, связанную с дисциплиной – дезертирство. К слову, эта проблема носила эпидемический характер и преследовала все части дивизии на всем протяжении ее существования. Так, уже 4 августа 1944 г. из 12-й роты 3-го батальона 4-го полка дезертировало 5 человек, 11 августа – еще 4, а к 20 августа личный состав

¹²⁶ BA-MA, RS 3-30. 30. Waffen-Grenadier-Division (russische Nr.2), RS 4/1201, bl. 1.

¹²⁷ BA-MA, RS 3-30. 30. Waffen-Grenadier-Division (russische Nr.2), RS 3-30/3, bl. 1.

¹²⁸ Tessin G. Verbände und Truppen der deutsche Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939-1945... – Bd.4. – S.291.

¹²⁹ Касмовіч Д. Указ. соч. – С.212.

этой роты уменьшился на 50 человек. Эти случаи настолько разозлили Зиглинга, что он даже хотел расформировать весь 4-й полк¹³⁰.

Во Франции же подобные настроения не только не прекратились, а, наоборот, привели к тому, что наиболее недовольные белорусские солдаты и офицеры стали налаживать связи с французскими партизанами и переходить на их сторону поодиночке или группами. Наконец, белорусский и украинский персонал 1-го и 2-го гренадерских полков подняли в ночь с 26 на 27 августа мятеж. Они убили немецких офицеров и унтер-офицеров и частично перешли на сторону «маки». Командование дивизии безжалостно подавило это выступление, казнив всех зачинщиков и распустив 2-й батальон 1-го полка. После этого оно, чтобы поднять дисциплину среди других ненадежных частей, перемешало батальоны остальных полков. Все солдаты, которые участвовали в мятеже, а также те, кто казался Зиглингу ненадежными (всего 2300 чел.), были удалены из дивизии и отправлены в строительные части на линию Зигфрида¹³¹.

Однако самый большой удар по доверию Зиглинга к персоналу соединения нанес его друг Муравьев, который вместе со своим батальоном перешел на сторону союзников в ходе ноябрьских боев под Мюльхаузенем¹³².

В конце концов, эти события также убедили немцев, что держать 30-ю дивизию во Франции крайне неосмотрительно. Поэтому, как уже говорилось выше, в декабре 1944 г. она была отведена в Германию, где ее разместили на германо-швейцарской границе в местечке Грайфенвор. Из-за дезертирства и тяжелых боевых потерь в дивизии на тот период оставалось всего 4,4 тыс. человек. Взвесив ситуацию, Главное управление СС решило 11 января 1945 г. расформировать это соединение, а его кадровый состав передать в другие части. Однако для начала Гестапо арестовало нескольких наиболее патриотично настроенных белорусских офицеров и расстреляло их (именно под эту репрессивную кампанию попал капитан Микула)¹³³. После этого началось распределение кадрового персонала дивизии. Немецкие офицеры и унтер-офицеры пошли на укрепление 25-й гренадерской дивизии войск СС (1-й венгерской) и 38-й моторизованной дивизии СС «Нибелунги». А все русские солдаты и офицеры были переданы в 600-ю (русскую) пехотную дивизию Вермахта (больше известную как 1-я пехотная дивизия Вооруженных сил КОНР)¹³⁴.

Оставшиеся белорусы послужили основой для создания нового формирования: Гренадерской бригады войск СС (1-й белорусской) - *Waffen-Gren-*

¹³⁰ Munoz A.J. Forgotten Legions... – P.264-265.

¹³¹ Дерейко И.И. Указ. соч. – С.188-191; Sorobey R. Op. cit. – P.42-48.

¹³² Акула К. Указ. соч. – С.160.

¹³³ Касмовіч Д. Указ. соч. – С.213.

¹³⁴ Шунков В.И. Указ. соч. – С.134, 146-147.

adier-Brigade der SS (weißruthenische Nr.1). На 1 марта 1945 г. структура этого соединения была следующей:

- Штаб бригады (*Stab der Brigade*);
- 1-й гренадерский полк (*Grenadier-Regiment Nr.1*), в составе трех батальонов;
- противотанковый батальон (*Panzerjäger-Abteilung*);
- артиллерийский батальон (*Artillerie-Abteilung*);
- кавалерийский (разведывательный) эскадрон (*Reiter-Schwadron*);
- запасной батальон (*Feldersatz-Bataillon*).

Командиром бригады продолжал оставаться СС-оберштурмбаннфюрер Зиглинг. Все командные посты в ней также занимали только немцы¹³⁵.

В декабре 1944 г. все обязанности по созданию белорусских добровольческих формирований были переданы в ведение Главного управления СС. В результате переговоров его руководителя СС-обергруппенфюрера Г. Бергера и представителей БЦР, было принято решение о формировании новой дивизии войск СС, на это раз – «чисто белорусской». При этом президент БЦР Островский и его «военный министр» Езовитов, соглашались сотрудничать с СС, только если дивизия будет создана на следующих условиях:

1. Командиром дивизии должен быть немец;
2. Штаб дивизии – смешанный;
3. Командиры полков и ниже – только белорусы; однако, при каждом из них должен был находиться немецкий офицер связи;
4. Все команды – только на белорусском языке;
5. В названии дивизии обязательно должно быть слово «белорусская»;
6. Дивизия может быть использована только на Восточном фронте¹³⁶.

В результате, 9 марта 1945 г. Гренадерская бригада войск СС была переименована в 30-ю гренадерскую дивизию войск СС (1-ю белорусскую) - *30. Waffen-Grenadier-Division der SS (weißruthenische Nr.1)*¹³⁷.

Все вопросы по вербовке добровольцев для новой дивизии были возложены на Военный отдел БЦР. Но, поскольку среди военных их было недостаточно, в начале марта было принято решение набирать в дивизию так называемых «восточных рабочих» – белорусов, которые были вывезены со своей Родины для работы в сельском хозяйстве или промышленности Германии. Однако результаты такой вербовочной компании были незначительными. В одной из докладных записок Кушеля по этому вопросу говорилось следующее: «Организация дивизии СС идет крайне медленно... Военный отдел БЦР сумел завербовать в дивизию только несколько сот человек. Из обещанной тысячи молодежи... прибыло только около четырехсот человек, при этом часть из них

не может быть солдатами по причине молодого возраста – 14- и 15-ти летние юноши. Кроме того, набранная в дивизию молодежь – самая плохая как в физическом, так и в моральном отношении»¹³⁸. Причины таких негативных результатов Кушель видел в общем военном положении Германии в это время и недоверии к немцам по причине их предыдущей политики относительно белорусского вопроса. Не вызвала энтузиазма и личность Зиглинга, который опять был назначен командиром дивизии¹³⁹.

Не лучше обстояло дело и с командными кадрами. Как было сказано выше, все офицеры и унтер-офицеры – немцы и русские были переданы в другие соединения. Отчасти положение спас 1-й Учебный батальон БКА. Так, в течение декабря 1944 г. из него к месту формирования дивизии в местечко Вайнергамер (юго-западная Германия), в полном составе были переведены офицерская и унтер-офицерская школы. Однако, следует сказать, что и в этом случае Зиглинг остался верен себе. Всех прибывших офицеров-белорусов он выделил в особую группу и отправил на переподготовку, а унтер-офицеров распределил на разные хозяйственные должности. Со временем, белорусская офицерская школа была низведена Зиглингом до уровня унтер-офицерской, а унтер-офицерская вообще ликвидирована¹⁴⁰.

В итоге, как из-за нехватки кадрового и личного состава, так и из-за отсутствия необходимого вооружения, из всей планируемой дивизии был сформирован только один полк – 75-й гренадерский полк войск СС (1-й белорусский) - *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr.75 (weißruthenische Nr.1)*. Организационно полк состоял из трех гренадерских батальонов и имел следующий командный состав:

- командир полка – СС-штурмбаннфюрер Ф. Геннингфельд;
- 1-й гренадерский батальон (командир – Ваффен-штурмбаннфюрер А. Сокол-Кутыловский);
- 2-й гренадерский батальон (командир – Ваффен-гауптштурмфюрер Д. Чайковский);
- 3-й гренадерский батальон (командир – Ваффен-гауптштурмфюрер Тамила);
- офицером связи между немецким командованием дивизии и белорусским личным составом был назначен майор БКА Б. Рогуля.

По состоянию на 30 апреля 1945 г. в дивизии значилось: 50 офицеров, 132 унтер-офицера, 912 рядовых, 50 лошадей, 16 подвод и 6 полевых кухонь¹⁴¹.

¹³⁸ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 20, л. 7.

¹³⁹ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 20, л. 8-9.

¹⁴⁰ Касмович Д. Указ. соч. – С.216.

¹⁴¹ Романько О.В. 30-я гренадерская дивизия войск СС (к истории иностранных формирований в составе германских вооруженных сил) // Сторінки воєнної історії України: Збірник наукових статей. – К., 2007. – Вип.11. – С.317.

¹³⁵ Munoz A.J. The Last Levy: SS Officer Roster, March, 1st, 1945. – New York, 2001. – P.67-68.

¹³⁶ Кушаль Ф. Указ. соч. – С.108-109.

¹³⁷ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. – М., 2002. – С.777.

Кроме этого, Зиглинг, еще в период развертывания дивизии, выбрал наиболее лучших белорусских офицеров, унтер-офицеров и рядовых и сформировал из них специальное подразделение, так называемую «Охотничью команду» (*Jagdkommando*). Эта команда была присоединена к 38-й дивизии СС «Нибелунги». Начальником команды был немец, и она не имела никакой связи с Военным отделом БЦР, так как место ее дислокации было строго засекречено. Позднее Кушель узнал от белорусских солдат, которые дезертировали из этой команды, что во время американского наступления в Баварии, немцы бросили ее на произвол судьбы. Однако белорусы не захотели воевать с американцами: часть рядовых и унтер-офицеров сдались без боя, а другие разбежались. Офицеры-белорусы же были увезены немцами в неизвестном направлении¹⁴².

Дальнейшая организация дивизии была прекращена в начале апреля 1945 г. Поэтому ее единственный полк было решено передислоцировать в южную Германию, где в это время немецкое военно-политическое руководство вынашивало план так называемого «Альпийского редута». В результате, 15 апреля командир белорусского полка СС-штурмбаннфюрер Геннингфельд получил соответствующий приказ. Надо сказать, что это приказ устраивал и руководство БЦР. Только оно решило использовать его по-своему: находясь в южной Германии, было удобнее сдать американским войскам и, таким образом, избежать пленения Красной Армией. 25 апреля полк прибыл в местечко Айзенштайндорф (Чехия). Здесь его командование вступило в переговоры с находящимся неподалеку штабом командующего Военно-воздушными силами КОНР генерал-майором В. Мальцевым. Последний также направлялся навстречу американцам. В ходе этих переговоров Кушель, являвшийся после исчезновения Геннингфельда, фактически, командиром белорусской дивизии, и Мальцев договорились о совместном переходе линии фронта на следующих условиях:

1. Немецко-американский фронт должен быть перейден совместно, при этом, если немцы окажут сопротивление, то его следовало бы преодолеть общими силами;

2. От войск СС, при переходе на американскую сторону, также требовалось обороняться совместными усилиями;

3. После перехода на американскую сторону фронта белорусская дивизия и формирования генерал-майора Мальцева действуют дальше самостоятельно¹⁴³.

Следующие четыре дня прошли в совещаниях, в ходе которых были обговорены более мелкие детали совместного перехода. Наконец, 30 апре-

¹⁴² Касмовіч Д. Указ. соч. – С.216.

¹⁴³ Кушель Ф. Указ. соч. – С.121.

ля белорусский полк двинулся в свой последний поход в составе группы Мальцева. Согласно общей диспозиции, белорусским солдатам предстояло захватить мост через р. Реген, которая разделяла немецкие и американские войска, и охранять его до тех пор, пока вся группа войск вместе с обозами не перейдет на ту сторону реки. В результате этой успешно проведенной операции, германо-американский фронт перешли все части группы Мальцева. Таким образом, в районе города Цвизель (Бавария) в американский плен сдались примерно 5100 человек (4000 русских и 1100 белорусов)¹⁴⁴.

В июле-августе 1945 г. союзники передали в СССР, за редким исключением, почти весь личный состав белорусского полка. По свидетельствам очевидцев, еще до возвращения работники НКВД сразу или почти сразу расстреляли большинство белорусских офицеров. Что же касается рядовых и унтер-офицеров, то практически все они были осуждены в Советском Союзе на 25 лет лагерей¹⁴⁵.

* * *

Создание белорусских добровольческих формирований в составе германских вооруженных сил можно условно назвать вторым этапом белорусского военного коллаборационизма. Его основными отличиями от первого этапа – создания белорусских сил по охране правопорядка – были следующие моменты. Во-первых, организация этих частей только за редким исключением проходила на территории Белоруссии. Главным образом, они создавались за ее пределами: в Германии, Польше, Франции. Во-вторых, инициатором создания этих формирований выступали разные инстанции, а именно: Абвер, ОКВ, ОКХ, ОКЛ и Главное управление войск СС. И, наконец, в-третьих, хронологически их создание относится к периоду после июля 1944 г. Все эти нюансы можно объяснить тем, что до указанной даты монополия на создание коллаборационистских формирований находилась в руках полицейских инстанций. Они, в свою очередь, организовывали только такие части, которые были необходимы для несения охранной службы вдали от фронта. Единственным исключением из этого правила являются 1-й штурмовой взвод и 13-й батальон при СД, однако, как было показано, они создавались в особых условиях.

Участие в процессе организации белорусских коллаборационистских формирований такого количества немецких инстанций, обусловило то, что

¹⁴⁴ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945. – СПб., 2001. – С.335-337.

¹⁴⁵ Романько О.В. Забутий урок Ялтинської конференції // Историчний журнал. – К., 2006. – №6. – С.26-27, 31.

и создавались они для разных целей, а именно: как специальные части, вспомогательные подразделения и боевые соединения. То есть, формирования для выполнения определенных чисто военных функций без политико-пропагандистской нагрузки. Однако, и это нельзя не отметить, белорусские националисты, которые оказались в эмиграции, продолжили и здесь попытки создать белорусские национальные части или белорусифицировать уже имеющиеся. Причем, если коллаборационисты не оставляли надежду создать ядро национальной армии, что в условиях скорого поражения Германии было явной утопией, то антинацисты подошли к этому делу более рационально. Формирования, прежде всего специального назначения, были нужны им для организации партизанской борьбы на родине. Создать повстанческое движение по примеру ОУН-УПА им не удалось, однако, причина этого кроется не в уровне подготовки и боеспособности специальных частей, а в общей ситуации в послевоенной Белоруссии.

Трудно оценить боеспособность белорусских коллаборационистских формирований как единого целого в составе германских вооруженных сил. Это можно сделать только по их отдельным компонентам. В целом, она была довольно высокой у специальных частей, средней у вспомогательных и крайне низкой у белорусских добровольцев в войсках СС. О причинах таких колебаний боеспособности было сказано выше, здесь же можно подчеркнуть следующее. Части, в основу комплектования которых был положен не просто принцип добровольности, а добровольности, основанной на идейности, имели более высокий боевой дух и дисциплину, чем набранные принудительно или созданные путем механического объединения разных подразделений. В результате, даже вспомогательные части Люфтваффе, организованные из подростков воевали гораздо лучше, чем боевые подразделения 30-й дивизии войск СС, состоявшие из обстрелянного и опытного персонала. И здесь не было ничего удивительного. Многие «помощники Люфтваффе» являлись членами СБМ – одной из самых влиятельных, в идейном плане, белорусских коллаборационистских организаций. В 30-й же дивизии пропаганда каких-либо национальных идей была вообще запрещена, и в результате личный состав этого соединения, состоявший на 2/3 из белорусов, был совершенно чужд идеям белорусского национализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс создания и использования белорусских добровольческих формирований проходил в рамках военно-политического коллаборационизма советских граждан с руководством нацистской Германии. Разумеется, они приобрели общие черты и логику развития, присущие другим «восточным» частям. Однако, несмотря на это, белорусские формирования имели ряд особенностей, которые отличали их от прочих формирований, созданных из представителей других народов СССР. И в первую очередь эти особенности были связаны с причинами и условиями белорусского военно-политического коллаборационизма.

Можно сказать, что за период с 1941 по 1945 г. в германских вооруженных силах прошло службу около 50 тыс. добровольцев-белорусов. Примерно это равняется:

- 3,3 – 3,8% от общей численности добровольцев из числа граждан СССР, которая за период с 1941 по 1945 г. составила от 1,3 – 1,5 млн. человек;
- 2,5% от общей численности личного состава иностранных добровольческих формирований, которая за период с 1940 по 1945 г. составила около 2 млн. человек;
- и 0,3% от общей численности германских вооруженных сил, которая за период с 1939 по 1945 г. составила около 17 млн. человек¹.

Таким количеством белорусских добровольцев можно было, в среднем, укомплектовать 3-4 немецкие пехотные дивизии или соединения дивизионного типа. В действительности же белорусскими добровольцами, либо целиком, либо совместно с немецким или другим кадровым персоналом, были укомплектованы следующие части и соединения:

- 1-й Белорусский штурмовой взвод – 52 человек;
- Корпус белорусской самообороны, в 20 батальонах которого проходило службу около 15 тыс. человек;
- Белорусская вспомогательная полиция порядка или «*Schuma*», в 13 батальонах и более мелких подразделениях которой проходило службу около 20 тыс. человек;
- Белорусский батальон железнодорожной охраны – около 1000 человек;
- 13-й Белорусский полицейский батальон при СД – около 1000 человек;

¹ Чевела П. Восполнение потерь сухопутных войск фашистской Германии на советско-германском фронте в 1941-1945 // ВИЖ. – 1984. - №12. – С.66.

- Новогрудский кавалерийский эскадрон – около 100-150 человек;
- Белорусская краевая оборона, в 39 пехотных и 6 саперных батальонах которой проходило службу около 30 тыс. человек;
- 1-й Учебный батальон Белорусской краевой обороны – 300 человек;
- Специальный десантный батальон «Дальвиц» - 200 человек;
- 30-я гренадерская дивизия войск СС (2-я русская), в трех полках которой проходило службу около 7000 белорусов;
- 30-я гренадерская дивизия войск СС (1-я белорусская), в одном полку которой проходило службу 1094 белоруса.

Приведенные цифры не являются абсолютными, так как, в случае с белорусскими формированиями (и вообще, с «восточными» добровольцами), не всегда можно учесть их боевые и не боевые потери, организационные перемещения личного состава и другие изменения. В то же время эти цифры дают примерное представление о численности белорусских добровольцев, состоявших в рядах германских вооруженных сил. Главной причиной этого является то, что набор добровольцев не всегда проходил по линии ОКВ, ОКХ, Главного управления СС и т.п., то есть централизованно. Как известно, создание большинства подобного рода формирований, а также прием добровольцев на службу в немецкие части, осуществлялся по инициативе полевых командиров германских вооруженных сил, и поэтому это далеко не всегда находило отражение в документах органов главного командования. Причину же такого численного соотношения белорусских, «восточных» и иностранных добровольцев вообще, следует искать, главным образом, в тех политических и военных условиях, в которых проходило создание и использование белорусских добровольческих формирований.

Нельзя не отметить, что военно-политический коллаборационизм на территории Белоруссии имел место в условиях такого тесного и причудливого переплетения политических, военных, национальных, религиозных и социальных факторов, какого не было ни на одной из других оккупированных советских территорий. Вследствие этого, на белорусских формированиях, как ни на каких других из числа «восточных» частей, отразилось противостояние тех противоборствующих группировок, которые действовали в тот период в республике. Можно выделить следующие политические силы, которые боролись за влияние на процесс создания этих формирований:

1. Гражданская оккупационная администрация, Вермахт и СС;
2. Стронники «национальной» концепции Розенберга и «русофильская партия» офицеров Вермахта;
3. Стронники активного коллаборационизма с немцами из числа белорусских националистов и стронники белорусской «третьей силы»;
4. Стронники полной независимости Белоруссии и стронники совместной борьбы всех советских народов в рамках власовского КОНР;

5. Белорусы-католики и белорусы-православные;
6. Западные и восточные белорусы.

Каждая из этих сторон имела свою концепцию будущего развития Белоруссии и, соответственно, по-своему видела роль белорусских добровольческих формирований в ней. Причем, немецкая точка зрения, будучи чисто утилитаристской и неоднозначной, являлась иногда диаметрально противоположной националистической. Немцы хотели выиграть войну и, поэтому, пытались использовать любые средства. Националисты же в деле создания добровольческих частей выдвигали на первый план следующие задачи:

1. Создание как можно большего количества белорусских формирований, снабженных современным (или даже любым) вооружением и снаряжением;
2. Переподчинение новых и уже имеющихся формирований руководству белорусских национальных организаций, при минимальном контроле со стороны немцев;
3. Воспитание личного состава этих формирований в белорусском национальном духе;
4. Подготовка на современном уровне как можно большего количества офицеров и унтер-офицеров, воспитанных в национальном духе;
5. Со временем, все вышеуказанные моменты должны были послужить предпосылками для создания Белорусской национальной армии.

В научной и мемуарной литературе до сих пор не прекращается спор: имели ли белорусские добровольческие формирования действительно белорусский национальный характер (как, например, некоторые прибалтийские, украинские и т.п.). Этот вопрос очень важен, так как положительный ответ на него является очень существенным для поддержания мифа о «белорусском национально-государственном строительстве в период Второй мировой войны», да и мифа о белорусском национализме вообще. Естественно, что белорусские эмигрантские историки и мемуаристы отвечают на этот вопрос однозначно: да, эти части имели такой характер. Более того, «два основных желания были телом и душой основной массы белорусских солдат... – служение униженной и поработанной Родине и отказ воевать на стороне своих врагов»².

Поскольку советские историки обходили стороной этот вопрос, белорусским националистам отвечали сторонники «Единой и Неделимой России». Так, И. Коринкевич писал: «В Белоруссии действовали самые крупные антисоветские отряды Каминского и Родионова. Но не образовалось ни одного, буквально ни одного, хотя бы самого захудалого, белорусского самостоятельного отряда, бойцы которого сражались бы за независимость Белоруссии»³.

² Акула К. Указ. соч. – С.29.

³ ВА-МА, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 147.

В принципе, правы приверженцы обеих точек зрения. Истина, как обычно, лежит где-то посередине. Однако чтобы понять это, необходимо вспомнить, что представляла собой белорусская национальная идея и белорусское национальное движение на тот момент. Выше уже было показано, что как таковой развитой национальной идеи белорусское национальное движение еще не имело (в отличие от, например, украинского). Само же оно состояло из нескольких группировок, которые в своей деятельности ориентировались на разные политические силы, и враждовали между собой. Еще более проблематичным был вопрос с национальным самосознанием белорусского народа: даже после всех социальных экспериментов начала прошлого века и политики белорусизации советского правительства, многие белорусы искренне считали себя частью русского народа. Поэтому трудно сказать, был ли личный состав какого-нибудь из добровольческих формирований, действительно проникнут белорусской национальной идеей. Вероятно, такую идею (или как ее понимали их покровители из различных группировок белорусских националистов) разделяли некоторые белорусские офицеры и унтер-офицеры, которые по мере сил старались внедрить ее среди рядового состава. Однако даже по признанию самих националистов (например, Ф. Кушеля) таких «сознательных патриотов» было очень мало. К тому же, как можно было убедиться, немцы крайне отрицательно относились к любой националистической пропаганде, преследуя ее, иногда, наравне с советской. Хотя и они не отрицали, что формирования с белорусским командным составом сражались намного лучше, чем формирования, где на всех руководящих должностях были немцы. Таким образом, единственной частью, которая, в целом, имела белорусский национальный характер, следует признать Новоградский кавалерийский эскадрон Б. Рогули. Роль последнего в этом огромна, однако заслуга генерального комиссара фон Готтберга не меньше, уже хотя бы потому, что он разрешил этому эскадрону быть таким. К слову, это было и единственное белорусское формирование, при создании и использовании которого немцы выполнили все свои обещания. И в этом его, своего рода, уникальность.

Все указанные выше особенности ситуации и перипетии политической борьбы в оккупированной Белоруссии, несомненно, наложили значительный отпечаток на процесс боевого применения коллаборационистских формирований. Вся их история до эвакуации в Германию (июнь-июль 1944 г.) свидетельствует о том, что немцы организовывали эти части исключительно как охранные (даже, если формально они и не относились к полиции). В целом, с военной точки зрения, они проявили себя положительно. Не секрет, что с партизанским движением на территории Белоруссии боролась именно «восточные» формирования (белорусские и другие, которые в это время там находились), так как немецких частей было не так много,

и, вообще, они были не лучшего качества. Наилучшим образом себя, конечно, проявили части, которые формировались из уже подготовленного и имевшего боевой опыт контингента, или которые имели достаточное время на подготовку (например, Белорусский батальон железнодорожной охраны и 13-й белорусский полицейский батальон при СД). Части же, которые создавались наспех и без должной подготовки, как правило, распадались при первом же серьезном боестолкновении или даже до него (например, большинство батальонов БКА).

Выше уже называлось много причин, которые, так или иначе, обусловили низкую боеспособность отдельных белорусских добровольческих формирований. На наш взгляд следует выделить только два основных фактора: деятельность различных немецких инстанций и влияние партизанского движения (причем, не только советского). Немцы приложили немало усилий, чтобы создать действительно боеспособные коллаборационистские формирования. Понятно, что они сами были в этом заинтересованы. Однако из-за несогласованной политической линии они же большинство из них и загубили: какие-то отказом снабдить вооружением и снаряжением, какие-то репрессиями за видимость националистического характера. Фактически, такая политика проводилась до самой мобилизации в БКА, однако, даже отказавшись, в целом, от нее (но не всех ее атрибутов) уже ничего нельзя было исправить. Тем более что второй, партизанский фактор, который действовал на протяжении всей оккупации, к весне 1944 г., естественно, только усилился.

Вообще же этот фактор оказал значительное влияние на процесс создания белорусских частей и их боевое применение. В советское время о партизанском движении писали, как об исключительно советском. Однако выше уже было показано, что оно было неоднородным, и отличалось, как по политическим взглядам его сторонников, так и по их национальной принадлежности. Из всей массы советских, белорусских, польских, литовских, украинских и еврейских партизанских отрядов наибольшее влияние на белорусские коллаборационистские части оказали первые три категории. Каждое из них делало это в меру своих возможностей и сил, и с разной степенью результативности. Тем не менее, только воздействие советского партизанского движения было наиболее существенным и действительно смогло отразиться на процессе создания и использования белорусских формирований. Роль же белорусского националистического партизанского движения вообще и его влияния на коллаборационистские подразделения, в частности, следует признать незначительной, так как ни одной из целей, поставленной перед собой, оно не достигло.

Наиболее острым и болезненным моментом в истории всех коллаборационистских формирований является вопрос об их участии в репрессиях

против мирного населения. Естественно, белорусские части не были исключением из этого правила. К тому же партизанская война здесь приобрела особенно крайние формы, зачастую выливаясь в войну гражданскую. Однако следует признать, что приписывать белорусским добровольцам какие-либо эксцессы на национальной или религиозной почве нельзя. В отличие от, например, Прибалтики, Украины или Крыма белорусские добровольцы никогда не убивали людей, за то, что они говорили на другом языке или исповедывали другую религию. Этого не делали даже те белорусские формирования, которым условно можно приписать национальный характер. Все акции по уничтожению мирного населения, в которых приходилось участвовать белорусской полиции, вполне укладываются в рамки «обычных» проявлений немецкого оккупационного режима. Так бы на их месте поступали любые другие коллаборационисты.

Белорусской полиции, естественно, приходилось участвовать и в уничтожении еврейского населения. Тем не менее, большинство историков склонны считать, что это также не выходило за рамки «обычных» проявлений оккупации. В целом, уровень антисемитизма в Белоруссии был значительно ниже, чем, например, на Украине, и белорусское население не участвовало в массовых антиеврейских эксцессах, как, например, в Прибалтике.

История белорусских коллаборационистских формирований закончилась, фактически, в июле 1944 г. В эмиграции также были попытки создать нечто подобное, и с немецкой, и с белорусской стороны. Однако ни по масштабам, ни по значению, части, которые были созданы в промежуток времени с июля 1944 по апрель 1945 г., ни в коей мере нельзя сравнивать с частями, которые были созданы в период оккупации. К тому же, в деле их создания было больше политики, чем военных соображений. В принципе, эта закономерность касается не только белорусских добровольцев.

Закономерным был и конец этих формирований, который, помимо всего прочего, показал, что поражение ждет всех, кто попадет в центр схватки между двумя гигантами. К тому же, если еще и погонится за заведомо утопической идеей, какой на тот момент являлся белорусский национализм с его стремлением создать «Независимую Белоруссию». Ни политических, ни военных, ни национальных, ни каких-либо других предпосылок для подобного начинания в условиях того времени попросту не было.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Белорусские остарбайтеры: Документы и материалы: В 2 кн. / Под ред. В.И. Адамушко и др. – Мн.: НАРБ, 1996-1998. – Кн.1-2.

«Бригада Родионова, получившая наименование 1-й антифашистской партизанской бригады...» // ВИЖ. – 2003. - №12. – С.20-23.

В непокоренном Минске: Документы и материалы о подпольной борьбе советских патриотов в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) / Под ред. Р.П. Платонова и др. – Мн.: Беларусь, 1987. – 238с.

Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июль 1941 – июль 1944): Документы и материалы: В 3 т. / Под ред. В.Ф. Шауро и А.Т. Кузьмина. – Мн.: Беларусь, 1967-1982.–Т.1-3.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Исторические очерки: В 2 т. – М.: Наука, 1973. – Т.1. – 766с.

Другі Усебеларускі Кангрэс. Матар’ялы / Пад. ред. Р. Астроўскага. – Мюнхен: Выданьне Беларускай Цэнтральнай Рады, 1954. – 94с.

Ёри С. Вяртаньне БНП. Асобы і дакумэнты Беларускай Незалежніцкай Партыі. – Мн. – Слонім: БГАКЦ, 1998. – 186с.

Ёри С. Генэрал вызвольнага фронту. – Мн.: Голас Краю, 2002. – 38с.

Ёри С. Рыцар Свабоды. Кс. Вінцэнт Гадлеўскі як ідэоляг і арганізатар беларускага нацыянальнага антынацыскага Супраціву. – Мн.: Беларускі Рэзыстанс, 2004. – 72с.

За Дзяржаўную Незалежнасьць Беларусі. Дакументы і матэрыялы / Под ред. І. Касяка. – Лёндан: Выданьне Беларускай Цэнтральнай Рады, 1960. – 198с.

«Идет бешеная националистическая пропаганда» // Источник. – 1995. - №2. – С.120-122.

На оккупированных территориях // Коммерсантъ (Власть). – 2001. - №29. – 24 июля. – С.50-54.

Науменко В.Г. Великое предательство. – СПб.: Нева; М.: Олма-Пресс, 2003. – 448с.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. / Под ред. Р.А. Руденко. – М.: Госюриздат, 1958. – Т.2. – 864с.

Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. / Под ред. А.М. Рекунова. – М.: Юридическая литература, 1991. – Т.5. – 672с.

Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944) / Сост. Г.В. Заставенко и др. – М.: Экономика, 1985. – 328с.

СС в действии. Документы о преступлениях СС: Пер. с нем. / Под ред. М.Ю. Рагинского. – М.: Светотон, 2000. – 624с.

Стравы вайскавы статут. Переапрацаваў з нямецкага вайсковага статуту падпаручык арт. Мікула Віталі. – Мн.: Выдавецтва школьных падручнікаў і літаратуры для моладзі, 1943. – 31с.

«Уничтожить как можно больше русских» // Источник. – 1998. - №2. – С.74-75.

Шнэк Ё. Беларуская Краёвая Абарона. Уніформа і адзнакі. Ілюстраваны альбом. – Мельбурн: Выданьне Беларускага Вывольнага Фронту, 1984. – 20с.

Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918-1945: Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtes: Serie E: 1941-1945: In 8 bd. / Hrsg. v. H. Rothfels und andere. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1969-1979. – Bd. 2, 5, 6, 8.

Deutsche Propaganda in Weißrußland: 1941-1944 / Hrsg. v. J. Schlootz. – Berlin: Freie Universität Berlin, 1996. – 80s.

Hitlers Weisungen für die Kriegsführung 1939-1945. Dokumente des Oberkommandos der Wehrmacht / Hrsg. v. W. Hubatsch. – Frankfurt-am-Main: Bernhard and Graefe Verlag für Wehrmacht, 1962. – 330s.

Jahnke K., Buddrus M. Deutsche Jugend 1933-1945: eine Dokumentation. – Hamburg: VSA-Verlag, 1989. – 496s.

Kliemann K.G. Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. – Osnabrück: Verlag "Der Freiwillige", 1965. – 520s.

KTB des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab): In 4 bd. / Hrsg. v. H.-A. Jacobsen und andere. – Frankfurt-am-Main: Bernhard and Graefe Verlag für Wehrmacht, 1961-1965. – Bd.1-4.

Oberländer T. Der Osten und die Deutsche Wehrmacht. Sechs Denkschriften aus den Jahren 1941-1943 gegen die NS-Kolonialthese. – Asendorf: MUT-Verlag, 1987. – 144s.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Белорусский государственный архив кино-, фото- и фонодокументов (Дзержинск, Белоруссия)

Фонд трофейной немецкой кинохроники, киноплёнка №№0876, 0877, 0879, 0882-0886, 0891-0894, 0899, 0902.

Фонд фотографий, сделанных немецкими фотографами и лицами, сотрудничавшими с немцами, альбомы №№17, 18, 43-50, 57.

Государственный архив Автономной Республики Крым (Симферополь, Украина)

Ф.П – 1. Документальные материалы Крымского обкома КП Украины, 1936-1945 гг., оп. 1, д. 2135, 2160, 2185, 2276, 2317.

Ф.П – 151. Документы Крымского штаба партизанского движения, оп. 1, д. 24, 26, 28, 30, 34-36, 312, 388-392, 505.

Ф.П – 156. Дела крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны, оп. 1, д. 1, 24-29, 31, 33, 35-41, 51, 56-58, 173-а.

Государственный архив Российской Федерации (Москва, Россия)

Ф.Р – 5761. Общеказачье объединение в Германской империи. Прага, 1939-1945, оп. 1, д. 5, 9-11, 14, 16.

Ф.Р – 5762. Канцелярия Казачьего Национально-освободительного движения (КНОД). Прага, 1941-1945, оп. 1, д. 39, 45.

Ф.Р – 7021. Чрезвычайная Государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). 1942-1951, оп. 116, д. 351, 358, 246; оп. 148, д. 87, 148, 183, 194, 222.

Ф.Р – 7445. Международный военный трибунал для главных немецких преступников (Нюрнбергский процесс). Нюрнберг. 1945-1946, оп. 2, д. 93, 95-97, 99, 101, 131, 132, 138, 145, 156.

Ф.Р – 9145. Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций, оп. 1, д. 141.

Национальный архив Республики Беларусь (Минск, Белоруссия)

Ф. 370. Генеральный комиссариат «Беларусь». 1941-1944, оп. 1, д. 23, 90, 423, 443, 480, 1264, 1267, 1277, 1313, 1394, 1570, 2477; оп. 2, д. 24; оп. 6, д. 48, 49.

Ф. 380. Белорусский совет доверия (БРД). 1942-1943, оп. 1, д. 1.

Ф. 381. Белорусский центральный совет (БЦР). 1942-1944, оп. 1, д. 1-45.

Ф. 382. Белорусская краевая оборона. 1944, оп. 1, д. 3, 4, 8, 14, 20.

Ф. 383. Главное управление войсковых дел БЦР. 1942-1945, оп. 1, д. 6, 9, 11.

Ф. 384. Центральное управление БНС (Централь). 1942-1945, оп. 1, д. 1, 34, 36, 38, 54, 71, 162, 267.

Ф. 385. Руководящий штаб Союза белорусской молодежи (СБМ). 1942-1944, оп. 1, д. 4, 8, 12, 15; оп. 2, д. 2, 8, 9, 22, 46, 68; оп. 3, д. 1, 2, 16, 16а.

Ф. 393. Минский окружной комиссариат. 1941-1944, оп. 1, д. 1, 2, 39, 99, 135, 161, 229, 307, 534, 617; оп. 3, д. 4; оп. 4, д. 12.

Ф. 465. Корпус Белорусской самообороны. 1941-1944, оп. 1, д. 3-6.

Ф. 400. Наместничество БЦР по Минскому округу. 1944, оп. 1, д. 1.

Ф. 854. Боевой союз борьбы с большевизмом. 1944, оп. 1, д. 1.

Ф. 3500. Белорусский штаб партизанского движения. 1942-1944, оп. 1, д. 2, 867; оп. 2, д. 32, 46, 51, 1354, 1358, 1367, 1431; оп. 3, д. 75, 138; оп. 5, д. 550; оп. 12, д. 10.

**Российский государственный архив социально-политической истории
(Москва, Россия)**

Ф. 69. Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, оп. 1, д. 2, 14, 15, 19, 20, 22, 29, 125, 136, 142, 158, 160, 164, 165, 180, 728, 737, 739, 744, 747, 748, 751, 762, 754, 755, 757, 822, 833, 847, 851-856, 862, 864, 871, 1057, 1067, 1070, 1075, 1078, 1081, 1087, 1092, 1112, 1122, 1123, 1141, 1148, 1153, 1155, 1161-1164, 1167.

Ф. 652. Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902-1984), оп. 1, д. 7, 8, 12, 14-17, 21, 25, 27, 28, 31, 40, 43-47, 51, 52, 105.

**Archiv des Institut für Zeitgeschichte (München, Deutschland) –
Архив Института современной истории (Мюнхен, ФРГ)**

Sammlung «Thorwald-Material», Arlt (Dr. Fritz), Die Vertretung der Nationalitäten innerhalb des Wlassow-Komittees. – S.1-2.

Sammlung «Thorwald-Material», Arlt (Dr. Fritz), Auswirkung des Wlassow-Programmes bei den Nationalen Verbänden. – S.1-4.

Sammlung «Thorwald-Material», Bräutigam (Otto von), Erfahrungen mit den Freiwilligen aus dem russischen Raum im Kampf mit den Bolschevismus 1941-1945, Juni, 1950. – S.1-22.

Sammlung «Thorwald-Material», Köstring (Ernst, General der Kav. a.D.), Erfahrungen mit den Freiwilligen aus dem russischen Raum im Kampf mit den Bolschevismus 1941-1945, 13.07.1954. – S.1-48.

Sammlung «Thorwald-Material», Köstring (Ernst, General der Kav. a.D.), Erlebnisse und Erfahrungen als General der Freiwilligen, 13.07.1954. – S.1-5.

**Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg, Deutschland) –
Федеральный военный архив (Фрайбург, ФРГ)**

RH 2. Oberkommando des Heeres / Generalstab des Heeres, RH 2/1412, Kriegsgliederung sowie Nachweis von Organisationserlassen und – verfügungen für verbündete und fremde Verbände im Rahmen der deutsche Wehrmacht, Sowjetunion [1942-1943].

RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte, RH 22/215, RH 22/223 – RH 22/225, RH 22/229 – RH 22/231, RH 22/233, RH 22/235, RH 22/240, RH 22/243, RH 22/244, RH 22/248, RH 22/249, RH 22/298.

RH 58. Osttruppen und fremdländische Verbände, RH 58/34, RH 58/46, RH 58/63, RH 58/78, RH 58/94, RH 58/101, RH 58/106, RH 58/107.

RS 3-30. 30. Waffen-Grenadier-Division (russische Nr.2), RS 3-30/1, RS 4/1201, RS 3-30/3, RS 4/1202, RS 3-30/6, RS 3-30/8.

RS 3-36. Sonderkommando Dirlwanger, RS 3-36/1 – RS 3-36/22.

RS 3-39. Ostmuselmanische SS-Division, RS 3-39/1, RS 3-39/2.

RW 4. Oberkommando der Wehrmacht / Wehrmachtführungsstab (OKW/WFSt) / Abteilung

für Wehrmachtpropaganda, RW 4/233 - RW 4/236, RW 4/253, RW 4/254, RW 4/258, RW 4/731, RW 4/760.

RW 5. Oberkommando der Wehrmacht / Amt Ausland / Abwehr (OKW/AmtAusl/Abw), RW 5/112c, RW 5/283, RW 5/289, RW 5/314, RW 5/395, RW 5/431, RW 5/462, RW 5/464, RW 5/665, RW 5/673, RW 5/699.

RW 41. Territoriale Befehlshaber in der Sowjetunion, Wehrmachtbefehlshaber Ostland, RW 41/81.

RW 41. Territoriale Befehlshaber in der Sowjetunion, Wehrmachtbefehlshaber Weißruthenien / Generalkommando Rothkirch, RW 41/58, RW 41/59, RW 41/61, RW 41/66, RW 41/67, RW 41/69, RW 41/71.

MSg 2. Militärgeschichtliche Sammlung, Teil 1, MSg 2/1259, MSg 2/1328, MSg 2/1499, MSg 2/1500, MSg 2/5536, MSg 2/5537, MSg 2/5666.

MSg 109. Generalssammlung, MSg 109/1468, MSg 109/2215, MSg 109/2306.

MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, MSg 149/8, MSg 149/15, MSg 149/48.

**Sammlung des Militärgeschichtlichen Forschungsamt der Bundeswehr
(Potsdam, Deutschland) –
Архив Управления военно-исторических исследований Министерства обороны
(Потсдам, ФРГ)**

Heygendorff, R. v., Oberst. Die landeseigenen Verbände im Kampf gegen die S.U., Vortrag, 18.04.1943. – S.1-10.

OKH/GenStdH/GendFrwVerb, Rundfunksprache des Generals der Freiwilligen-Verbände, General der Kavallerie Köstring, vor Freiwilligen und Arbeitern am 1.05.1944. – S.1.

OKH/GenStdH/genQu/iVa (III, 3), Nr. I/14 124/43, Abfindung von Angehörigen landeseigener Verbände, 29.05.1943. – S.1.

Pozdnjakov V. German Counterintelligence Activities in Occupied Russia (1941-1944). Historical Division, U.S. Army Europe, 1953, Ms. Nr. P-122. – 190p.

**U.S. National Archives (Washington, D.C., USA) –
Национальный архив США (Вашингтон, США)**

Record Group 242. National Archives Collection of Seized Enemy Records 1941-1945, T-78. Fremde Heere Ost, roll 413, 417, 491, 501, 556.

Record Group 242. National Archives Collection of Seized Enemy Records 1941-1945, T-175. Records of the Reich Leader-SS and Chief of the German Police (Allgemeine-SS), rolls 19, 140, 174, 191, 198, 225, 226, 233, 235.

Record Group 242. National Archives Collection of Seized Enemy Records 1941-1945, T-354. Records of the Waffen-SS: In 2 parts, roll 160.

**Privatarchiv des Dr. Joachim Hoffmann (Ebringen, Deutschland) –
Личный архив Д-ра Иохима Хоффманна (Эбринген, ФРГ)**

Генерал Добровольческих Войск при начальнике Генштаба сухопутных войск. Пропаган-

дние указания №2 к сообщениям для командиров Добровольческих Войск особого назначения и штаб-офицеров национальных частей от 26 июня 1944 г. – Л.1-3.

The Use by the Germans of Soviet Nationals against the Soviet Union in the Late War. – White Ruthenian Volunteer Forces // Intelligence Division. – DRS (50)145. – P.1-16.

The Use by the Germans of Soviet Nationals against the Soviet Union in the Late War. – The “Osttürkischer Waffenverband” of the SS // Intelligence Division. – DRS (51)29. – P.1-11.

Grundlagen der Zusammenarbeit der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker. Protokoll der tagung der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker vom 18. November 1944. – S.1-2.

МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ

Адзінец А. Паваенная эміграцыя. Скрыжаваньне лёсаў. Зборнік успамінаў. – Мн.: Мэдысонт, 2007. – 704с.

Акула К. Змагарныя дарогі: Аповесць. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1994. – 572с.

Беластоцкі Т. Сьветлы ўспамін пра шэфа-правадніка СБМ//Голас Камбжанга. – 2001. - №1(6). - Вясна.

Белевич А.П. У бацькі Миная. – М.: Политиздат, 1978. – 103с.

Богатырчук Ф.П. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. – Сан-Франциско: Глобус, 1978. – 335с.

Бок, Ф. фон. Дневники. 1939-1945 гг.: Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 2006. – 592с.

Будай Г.В. Свинцом и словом: Записки журналиста. – Мн.: Беларусь, 1981. – 223с.

Бульба-Боровець Т. Армія без держави. Слава і трагедія повстанскаго руху. – Вінніпег: Волинь, 1981. – 328с.

Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала: Пер. с англ. – М.: Центрполиграф, 2005. – 575с.

Ваушиасов С.А. Партизанская хроника. – Мн.: Беларусь, 1971. – 399с.

Верт А. Россия в войне 1941-1945: Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 2003. – 672с.

Вініцкі А. Матар’лы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне. – Мн.: Тэхналогія, 1994. – 231с.

Вір В. Маёр Беларускай Краёвай Абароны Ёсвалад Родзька // Беларускі Голас. – 1991. - №365. – Кастрычнік.

Віцьбіч Ю. Антыбальшавіцкія паўстанні і партызанская барацьба на Беларусі. – Вільня: Gudas, 2006. – 296с.

Воробьев П.С. Именем комсомола: Воспоминания командира отряда «Комсомол» 1-й Минской партизанской бригады. – Мн.: Беларусь, 1984. – 240с.

Гальдер Ф. Военный дневник. 1939-1942: В 3 т.: Пер. с нем. – М.: АСТ, 2002-2003. – Т.2-3.

Галубіцкі А. Шляхі беларускіх дзяцей у вапошнюю вайну // Бацькаўшчына. – 1955. - №24(254) – №34(264).

Галляк Л. Успаміны: У 2 кн. – Б.м. (ЗША): Летаніс, 1982-1983. – Кн.1-2.

Ганько М. Каб сведчылі пра Беларусь: жыццё й дзейнасьць Міколы Ганька. – Мн.: Беларускі Кнігазбор, 2005. – 192с.

Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942-1971: Пер. с нем. – М.: Центрполиграф, 1999. – 427с.

Геніюш Л. Сповідзь. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1993. – 269с.

Грыбоўскі Ю., Козак К. Забытыя жаўнеры Польскага войска ў часы Другой сусветнай вайны: Матэрыялы і ўспаміны. – Мн.: Гістарычная майстерня ў Мінску, 2003. – 190с.

Грыцук В. Мы стваралі сваю Беларусь: жыццё і дзейнасьць Аляксея Грыцука. – Мн.: Мэдысонт, 2007. – 256с.

Гитлер А. Моя борьба: Пер. с нем. – Харьков: Свитовид, 2003. – 704с.

Гудериан Г. Воспоминания солдата: Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 1998. – 656с.

Жамойцін Я. З перажытага // Лёс аднаго пакаленьня / Пад рэд. Я. Мірановіч. – Беласток, 1996. – С.50-170.

Захаров И.К. Война в краю озер. – Мн.: Беларусь, 1973. – 319с.

Зуевич И.Т. Райком в подполье. – Мн.: Беларусь, 1972. – 236с.

Ильинский П. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии (Жизнь Полоцкого округа, 1941-1944 гг.) // Грани. – 1956. - №30. – С.85-122; №31. – С.94-127.

Казанцев А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. – М.: Посев, 1994. – 344с.

Калинин П.З. Партизанская республика. – Мн.: Беларусь, 1973. – 367с.

Калубовіч А. Крокі гісторыі: даследаванні, артыкулы, успаміны. – Мн.: Мастацкая літаратура, 1993. – 283с.

Капустенюк Г.В. Отряд меняет название: Воспоминания партизана-разведчика спецотряда «Боевой» НКГБ БССР. – Мн.: Беларусь, 1990. – 272с.

Касмовіч Д. За вольную і сувэрэнную Беларусь. – Вільня: Gudas, 2006. – 224с.

Катковіч А., Катковіч-Клентак В. Успаміны. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 1999. – 142с.

Кіпель Я. Эпізоды. – Нью Ёрк: Выдавецтва газэты «Беларусь», 1998. – 305с.

Кіпель Я. Былы сябра камітэту Ёласава. Кансалідацыя й нацыянальнае пытаньне // Беларуская воля. – 1948. - №10. – С.1-2.

- Кіпель Я.* 2-гі Усебеларускі Кангрэс // Новае жыццё. – 1952. – Чэрвень-ліпень. – С.1-11.
- Кейтель В.* Размышления перед казнью: Пер. с нем. – Смоленск: Русич, 2000. – 608с.
- Керстен Ф.* Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940-1945 гг.: Пер. с англ. – М.: Центрполиграф, 2004. – 430с.
- Климов И.Ф.* Партизаны Вилейщины. – Мн.: Беларусь, 1970. – 382с.
- Козлов В.И.* Люди особого склада. – Мн.: Беларусь, 1973. – 399с.
- Козлов В.И.* Верен до конца. Мемуары. – М.: Политиздат, 1973. – 416с.
- Колос И.А.* По заданию Центра. Записки разведчика. – М.: Физкультура и спорт, 1991. – 288с.
- Короткевич А.Т.* Обелиск у дороги. – Мн.: Беларусь, 1971. – 184с.
- Кромпади К.Г.* За землю, за волю... На путях Русской освободительной борьбы, 1941-1947 гг. – Сан-Франциско: Глобус, 1980. – 298с.
- Кушалъ Ф.* Спробы стварэння Беларускага войска. – Мн.: БГА, 1989. – 165с.
- Ланевский Г.А.* Начинаясь с подполья. – Мн.: Беларусь, 1991. – 174с.
- Лебедев П.Л.* Мы – алексеевцы: записки партизанского разведчика. – Мн.: Беларусь, 1985. – 413с.
- Ленинов А.К.* Под казачьим знаменем в 1943-1945. Материалы и документы // Кубанец. – 1992. - №2. – С.34-51; №3. – С.49-65; №4. – С.60-76.
- Ливинцев В.И.* Партизанский край: Боевой путь 1-й Бобруйской партизанской бригады. – Мн.: Беларусь, 1982. – 319с.
- Линьков Г.М.* Война в тылу врага. Записки участника партизанского движения в Белорусии. – М.: Госполитиздат, 1959. – 622с.
- Лобанок В.Е.* Партизаны Витебщины в боях за Родину. – Мн.: Госиздат БССР, 1959. – 232с.
- Лобанок В.Е.* В боях за Родину. – Мн.: Беларусь, 1964. – 411с.
- Лобанок В.Е.* Партизаны принимают бой. – Мн.: Беларусь, 1976. – 319с.
- Мазуров К.Т.* Незабываемое. – Мн.: Беларусь, 1984. – 351с.
- Малецкі Я.* Пад знакам Пагоні. – Таронта: Пагоня, 1976. – 198с.
- Мачульский Р.Н.* Страницы бессмертия. – Мн.: Беларусь, 1972. – 287с.
- Мачульский Р.Н.* Люди высокого долга. – Мн.: Беларусь, 1975. – 287с.
- Мачульский Р.Н.* Вечный огонь. Партизанские записки. – Мн.: Беларусь, 1978. – 445с.
- Михайлашев Н.А.* Буря гнева. Записки чекиста. – Мн.: Беларусь, 1971. – 255с.

- Пархута П.* Слоні́мская самаахова // Голас Камбатанта. – 2001. - №1(6) – Вясна.
- Пахомов Н.И.* Витебское подполье. – Мн.: Беларусь, 1969. – 239с.
- Поздняков В.В.* Андрей Андреевич Власов (документы и воспоминания). – Сиракузы, США: Сеятель, 1973. – 488с.
- Попов А.Ю.* 15 втреч с генералом КГБ Бельченко. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 384с.
- Рагуляец.* Беларуска-польскія перамовы ў сакавіку 1944 году // Беларускі Рэзыстанс. – 2005. - №1. – С.98-105.
- Раушинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны: Пер. с англ. – М.: Миф, 1993. – 382с.
- Розенберг А.* Мемуары: Пер. с нем. – Харьков: Див, 2005. – 416с.
- Рамановіч К.* У СБМ я загартуваўся ў спраўднага патрыёта // Наша ніва. – 1997. - №33(94) – 17 лістапада.
- Рамановіч К.* За волю Беларусі. Успамін пра сябе і сваіх сяброў. – Слонім – Мн.: Беларускі Рэзыстанс, 2005. – 116с.
- Сакольскі.* Некаторыя несьціпласці // Беларускі голас. – 1966. – Красавік.
- Сянькевіч В.* 3 успамінаў пра СБМ // Зважай. – 1993. - №2(70).– Красавік.– С.4-5.
- Тябут Д.В.* Сквозь огонь. Записки комбрига. – Мн.: Беларусь, 1979. – 366с.
- Хмара С.* Беларуская Сялянска-Работніцкая Грамада // Беларускі голас. – 1962. - №232. – Красавік.
- Хмара С.* Пад гітлераўцамі // Беларускі голас. – 1970. - №181. – Сакавік.
- Шелленберг В.* Секретная служба Гитлера: Пер. с англ. – К.: Доверие, 1991. – 216с.
- Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение: Пер. с нем. – М.: Посев, 1993. – 448с.
- Юревіч Л.* Жыццё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі. – Мн.: Arche, 1999. – 254с.
- Юревіч Л.* Вырвання бачыны: Да гісторыі Саюза Беларускай Моладзі. – Мн.: Энцыкляпэдыкс, 2001. – 214с.
- Bräutigam O.* So hat es sich zugetragen... Ein Leben als Soldat und Diplomat. – Würzburg: Holzner Verlag, 1968. – 724s.
- Goebbels J.* Tagebücher 1924-1945: In 5 bd. – München: Piper, 1992. – Bd.3-5.
- Herwarth H. v.* Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. – Frankfurt-am-Main: Propyläen, 1982. – 367s.
- Kleist P.* Zwischen Hitler und Stalin. Aufzeichnungen, 1939-1945. – Bonn: Athenäum, 1950. – 344s.

Picker H. Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier 1941-1942. – Bonn: Athenäum-Verlag, 1951. – 463s.

Prawdzic-Szlaski J. Nowogródzczyzna w walce 1940-1945. – Londyn: Oficyna Poetow i Malarzy, 1976. – 283s.

Tak jak pamiętam: AK – Ziemia Konecka i Nowogródzka 1939-1945 / Materiały zebrał i opracował Bojomir Józef Tworzyński. – Łódź: Skrypty Akademii Rolniczo-Technicznej w Olsztynie, 1995. – 259s.

Ze wspomnień żołnierzy AK, Okręgu Nowogródek / Materiały zebrał i opracował Eugeniusz Wawrzyniak. – Warszawa: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1988. – 339s.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

Беларус на варце. Орган штаба Главного опекуна белорусской полиции (Минск). – 1943-1944.

Беларуская (Мінская) газета (Минск). – 1942-1944.

Блокнот пропагандиста. Еженедельный бюллетень пропагандистов РОА (Дабендорф). – 1945.

Бюллетень добровольцев РОА (Дабендорф). – 1944.

Бюлэцень БНП (Германия). – 1942-1944.

Воля народа. Орган КОНР (Берлин). – 1944-1945.

Голос Крыма. Орган Симферопольского городского управления (Симферополь). – 1941-1944.

Для стражников (Бобруйск). – 1943.

Доброволец. Газета войск освободительного движения (Дабендорф). – 1943-1944.

Жыве Беларусь! Орган Центрального штаба СБМ (Минск). – 1943-1944.

За Родину! Военный орган КОНР (Берлин). – 1945.

Заря (Дабендорф). – 1943-1944.

Клич. Еженедельная газета для военнопленных (Берлин). – 1942.

Мозырские известия (Мозырь). – 1943.

Новый путь (Бобруйск). – 1942-1943.

Новый путь. Орган Витебского городского управления (Витебск). – 1941-1944.

Офицерский бюллетень РОА. Орган офицерского корпуса Русского освободительного движения (Дабендорф). – 1943.

Плуг и меч. Издание для жителей оборонных деревень (Минск). – 1943-1944.

Раніца. Орган Белорусского представительства (Берлин). – 1939-1945.

Свободный пахарь. Газета для крестьян освобожденных областей (Витебская область). – 1943.

Material für Funk-Nachrichten (Berlin). – 1943-1944.

Ostpressedienst. Material für russische Zeitungen (Berlin). – 1943-1944.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. – СПб.: Ювента, 2003. – 352с.

Александров К.М. Армия генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945: Материалы к истории Вооруженных сил КОНР. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 256с.

Альтман И.А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941-1945 гг. – М.: Фонд «Ковчег», 2002. – 544с.

Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т. – Мн.: Беларусь, 1984. – Т.1-3.

Армстронг Д. Советские партизаны. Легенды и действительность. 1941-1944: Пер. с англ. – М.: Центрполиграф, 2007. – 493с.

Бадулин А. Германские нацисты и белорусские фашисты создали СБМ, чтобы развратить молодежь // Советская Белоруссия. – 1995. – 6-10 июня.

Бадулин А. «Второй белорусский конгресс». Под Борисовом уже проходили советские пушки, а в Минске кучка негодяев строила замки на песке // Советская Белоруссия. – 1995. – 27-28 июня.

Бадулин А. Фашиствующие националисты из белорусской «рады доверия» на деле были слугами палачей из СС, такова правда // Советская Белоруссия. – 1995. – 9 августа.

Бадулин А. Германские наци создали «Белорусскую краевую оборону» для уничтожения людей // Советская Белоруссия. – 1995. – 25 августа.

Безыменский Л.А. Особая папка «Барбаросса». – М.: Агентство печати «Новости», 1973. – 342с.

Безыменский Л.А. Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. – М.: Вече, 1999. – 432с.

Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 / Под ред. А.А. Кавалени. – Мн.: Belta, 2005. – 540с.

Беттел Н. Последняя тайна: Пер. с англ. – М.: Агентство печати «Новости», 1992. – 253с.

Бонвеч Б. За кулисами «рельсовой войны». Советские партизаны в 1941-1944 гг. // Родина. – 2003. - №7. – С.72-76.

Бройнингс В. Противники Гитлера в НСДАП, 1921-1945: Пер. с нем. – М.: Астрель, 2006. – 397с.

Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т.: Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 1998. – Т.2. – 688с.

Бухгайт Г. Абвер – щит и меч III рейха: Пер. с нем. – М.: Яуза, 2003. – 480с.

Валаханович И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944-1951 гг. – Мн.: Белорусский госуниверситет, 2002. – 144с.

Вежан Я. Першы штурмовы звяз // Пагоня. – 1995. – 2 сакавіка.

Вторая мировая война. Взгляд из Германии: Сб. статей материалов: Пер. с нем. – М.: Яуза; Эксмо, 2005. – 416с.

Гардзіенка А. Вайсковец // Наша ніва. – 2000. - №15(172). – 10-16 красавіка.

Гардзіенка А. Другі ўсебеларускі кангрэс: пад нямецкім кантролем // Наша ніва. – 2000. - №26(183). – 26 чэрвеня – 4 ліпеня.

Гардзіенка А. Беларуская народная самапомач: ад пачаткаў да рэарганізацыі // Спадчына. – 2002. - №1. – С.36-65.

Гардзіенка А. Бэрлін як асяродак беларускага жыцця першай паловы 40-х гг. XX ст. // Запісы БІНІМ. – 2003. - №26. – С. 89-92.

Гелагаеў А. Беларускія нацыянальныя вайсковыя фармацыі ў часе Другога сусветнага вайны. – Мн.: Голас Краю, 2002. – 72с.

Геллер М.Я., Некрич А.М. История России 1917-1995: В 4 т. – М.: Мик; Агар, 1996. – Т.1. – 500с.

Гісторыя Беларусі: У 2 ч. / Пад. рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – Мн.: Універсітэцкае, 1998. – Ч.2. – 464с.

Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования, 1941-1944. Малоизученные страницы истории. – М.: Центрполиграф, 2008. – 477с.

Грыбоўскі Ю. Першы беларускі штурмовы звяз // Беларускі Рэзыстанс. – 2005. - №1. – С.3-6.

Грыбоўскі Ю. Польшка-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941-1944 гг.) // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2006. - №25. – S.116-167.

Гунчак Т. У мундирах ворога // Військо України. – 1993. - №9. – С.6-156.

Данілюк Б. Бог забраў яго зарана // Голас Камбатанта. – 2000. - №2. – Ліпень.

Дерейко И. Від колаборацыі до рэзістансу: дзейнасць 115/62-го украінскага багальону штурманшафту на тэрах Білорусі і Францыі ў 1942-1944 рр. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2003. - №1. – С.179-193.

Диксон Ч., Гейлбрунн О. Коммунистические партизанские действия: Пер. с англ. – М.: Иностранная литература, 1957. – 291с.

Доморад К.И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области. 1941-1944. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – 412с.

Доморад К.И. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941-1944. – Мн.: Навука і тэхніка, 1995. – 254с.

Дробязко С.И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых: Сб. статей студентов, аспирантов, молодых ученых. – М., 1997. – С.127-134.

Дробязко С.И. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. – М.: АСТ, 2000. – 48с.

Дробязко С.И. Русская освободительная армия. – М.: АСТ, 2000. – 64с.

Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945. – М.: Эксмо, 2005. – 606с.

Дуда А., Старик В. Буковинський Курінь в боях за українську державність. 1918-1941-1944. – К. – Чернівці: Український Народний Дім в Чернівцях, 1995. – 272с.

Дубноўскі В. Спроба ўтварэння Беларускага Вызвольнага Цэнтру ў Швэдыі // Дакуманты і факты. – 1957. - №11. – Студзень-сакавік.

Егорычев В.Е. Звонкая песня Громады // Заходні рэгіён Беларусі вочыма гісторыкаў і краязнаўцаў: Зборнік навук. артыкулаў. – Гродна, 2006. – С.165-168.

Ёриш С. ўсевадал Родзька. Правадыр беларускіх нацыяналістаў. – Мн.: Голас Краю, 2001. – 32с.

Ёриш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другога сусветнага вайны // Пагоня. – 1995. - №33, 34, 36, 37.

Ёриш С. Забыты беларускі вайсковы дзеяч // Голас Камбатанта. – 2000. - №5. – Лістапад – снежань.

Ёриш С. Рыгор Зыбайла не загінуў у Францыі, а прайшоў саветскія канцлягеры // Голас Камбатанта. – 2000. - №3. – Жнівень.

Ёриш С. Пра лёс архіва генэрала Езавітова // Беларус. – 2003. - №480. – Студзень.

Ёриш С. Забойства Фабіяна Акінчыца // Беларускі Рэзыстанс. – 2004. - №1. – С.1-7.

Ёриш С., Горбік С. Беларускі супраціў. – Львоў: Б.в., 2006. – 382с.

Жумарь С.В. Оккупационная периодическая печать на территории Белоруссии в годы великой Отечественной войны. – Мн.: Белорусский научно-исследовательский ин-т документоведения и архивного дела, 1996. – 283с.

Загоруйко М.М., Юденков А.Ф. Крах плана «Ольденбург»: (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). – М.: Экономика, 1980. – 376с.

Залесский К.А., Хауссер П. Черная гвардия Гитлера. Ваффен-СС в бою. – М.: Издатель Быстров, 2007. – 640с.

Зверев Ю.В. «Русские» формирования в структуре вооруженных сил нацистской Германии // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць. – Мн., 2002. – С. 29-42.

Зелений З. Українське юнацтво в вирі Другої світової війни. – Торонто: Братство колишніх вояків 1-ої Дивізії Української Національної Армії, 1965. – 280с.

Ивлев И.А., Юденков А.Ф. Оружием контрпропаганды. Советская пропаганда среди населения оккупированной территории СССР, 1941-1944 гг. – М.: Мысль, 1988. – 285с.

Иоффе Э.Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939-1945 гг. – Мн.: Харвест, 2007. – 384с.

Иоффе Э.Г. К вопросу о роли коллаборационистов в катастрофе на белорусской земле // Евреи Беларуси. История и культура. – Мн., 1998. – Вып.3-4. – С.164-178.

Итоги второй мировой войны. Выводы побежденных: Пер. с нем. / Типпельскирх К. фон, Кессельринг А., Гудериан Г. и др. – СПб.: Полигон, 1998. – 634с.

Каваленя А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941 – 1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. – Мн.: Беларускі Дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт, 1999. – 260с.

Каваленя А.А. Молодежная политика германских оккупационных властей // Беларусь в годы Великой Отечественной войны: Сб. статей и материалов. – Мн., 2005. – С.167-175.

Калодка А. Беларуска-польскія суадносіны ў Вялейшчыне падчас нямецкай акупацыі ў 1941-1944 гг. // Зважай. – 1981. – Сакавік. – С.2-4.

Каров Д. Партизанское движение в СССР в 1941-1945 гг. – Мюнхен: Ин-т по изучению СССР, 1954. – 118с.

Кипель В. Деятельность белорусской политической эмиграции в Западной Европе в период между двумя мировыми войнами // Кантакты і дыялогі. – Мн., 1996. - №9. – С.20-25.

Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: национальные и добровольческие воинские формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. – 2001. - №6. – С.60-75.

Клыкоўская Ц. Саюз беларускай моладзі – вяртаньне з забыцця. – Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2004. – 230с.

Клыковская Т. Обреченный эскадрон: в 1942 г. они мечтали создать национальные белорусские войска // Имя. – Мн., 1998. - №173. – 15 октября.

Клыковская Т. Как это было: шаг к проклятию // Имя. – Мн., 1999. - №206. – 24 июня.

Кнатко Г. Новыя факты пра структуру і дзейнасць паліцыі бяспекі і СД на Беларусі і Мінску // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. - №3. – С.24-28.

Козак К.И. Германские оккупационные военные и гражданские органы в Беларуси в 1941-1944 гг.: анализ и итоги потерь // Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы на Беларусі. – Мн., 2006. – С.87-154.

Колесник А.Н. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. – Харьков: Простор, 1991. – 238с.

Командиры второй мировой войны / Авт.-сост. А.Н. Гордиенко: В 2 т. – Мн.: Литература, 1998. – Т.2. – 640с.

Корсак А. «Чтоб не стала планета печальным гетто...». Трагедия евреев Беларуси во время Великой Отечественной войны // Родина. – 2008. - №7. – С.116-119.

Кравченко И. Формы и методы политической работы Компартии Белоруссии в тылу немецко-фашистских захватчиков // Из истории борьбы белорусского народа за Советскую власть и победу социализма. – Мн., 1957. – С.200-234.

Крывашэй Д. Польская супольнасць Беларусі пад час акупацыі // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў. – Мн., 2005. – С.139-148.

Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. 1939-1945. – М.: Вече, 2004. – 464с.

Кульков Е.Н., Мяжков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941-1945. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 479с.

К'яры Б. Штодзённасць за лініяй фронту: Акупацыя, каляборацыя і супраціў у Беларусі (1941-1944 гг.): Пер. з ням. – Мн.: БГА, 2005. – 390с.

К'яры Б. Гісторыя як паслядоўнасць катастроф. Беларускі рэгіён як акупаванае грамадства: 1939-1944/47 // БГА. – 1996. – Т.3. – Сш.2. – С.199-211.

Лавренов С.Я., Попов И.М. Крах третьего рейха. – М.: АСТ, 2000. – 608с.

Літвін А.М. Акупацыя Беларусі (1941-1944). Пытанні Супраціву і калаборацыі. – Мн.: Беларускі кнігазбор, 2000. – 288с.

Літвін А.М. К вопросу о восточных воинских формированиях на Беларуси в годы Великой отечественной войны (1941-1944) // Старонкі ваеннай гісторыі. – 1992. - №1. – С.163-173.

Літвін А.М. Калабарацыя на Беларусі ў час Вялікай Айчыннай вайны // Усебеларуская канфэрэнцыя гісторыкаў. – Мн., 1993. – Ч.1. – С.195-197.

Літвін А.М. Беларуская Краевая Оборона. К вопросу о создании белорусского национального войска в годы Второй мировой войны // Нёман. – 1994. - №4. – С.170-191.

Літвін А.М. Беларуская Самаахова: да пытання стварэння і дзейнасці // Старонкі ваеннай гісторыі. – 1998. - №2. – С.39-72.

Літвін А.М. Кубэ як магільшчык беларускай нацыянальнай ідэі // Наша ніва. – 1999. - №4(125).

Літвін А.М. Украинские полицейские батальоны на территории Беларуси (1941-1944 гг.) // Сторінкі ваеннай гісторыі Украіны: Зб. наук. статей. – 2001. – Вып.5. – С.136-143.

Лялюкоў І. Да пытання аб пранямецкіх і антысавецкіх настроях у БССР перад II сусветнай вайной // БГА. – 2002. – Т.9. – Сш.1-2(16-17). – Снежань. – С.1-6.

Мартыненко Б.А. Нацистские военные преступники в США и других странах НАТО. – К.: Наукова думка, 1988. – 214с.

Марцыноўіч А.А. Хто мы, адкуль мы...: Гіст. эсэ, нарысы: У 2 кн. – Мн.: Польша, 1997. – Кн.2. – 527с.

Міхнюк У., Паўлаў Я. Канстанцін Езавітаў: матэрыялы да біяграфіі // Маладосць. - 1995. - №1. - С.215-219.

Мірчук П. Українська Повстанська Армія 1942-1952. – Львів: Львівська обласна рада Товариства української мови ім. Т. Шевченка, 1991. – 320с.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. – М.: Изографус, 2002. – 800с.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. – М.: Воениздат, 1974. – 387с.

Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сёння: Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 413с.

Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. – Ставрополь: Кавказский край, 1992. – 416с.

Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белоруссии (1941-1944) / Под ред. В.Е. Лобанка и др. – Мн.: Беларусь, 1984. – 271с.

Немецко-фашистский оккупационный режим (1941-1944). Сб. статей / Под общ. ред. Е.А. Болтина. – М.: Политиздат, 1965. – 388с.

Нехатов Ю.Ю. Войска спецназначения во второй мировой войне. – Мн.: Харвест, 2000. – 736с.

Новік А.А. Вытокі Арміі Краёвай // Заходні рэгіён Беларусі вочыма гісторыкаў і краязнаўцаў: Зборнік навук. артыкулаў. – Гродна, 2006. – С.127-130.

Окороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. – М.: Военный ун-т, 2000. – 174с.

Панкратов П.А. «Мрак и туман» // ВИЖ. – 1998. - №3. – С.14-20.

Пануцэвіч В. Кс. Вінцэс Гадлеўскі. Дзяржаўны муж і правядыр народу // Беларуская Царква. – Чыкага, 1965. – №28. – С.50-130.

Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.) / Отв. ред. В.Ю. Русанов. – Жуковский – М.: Кучково поле, 2001. – 464с.

Пленков О.Ю. Третий Рейх. Вермахт, война и немецкое общество: В 2 кн. – СПб.: Нева, 2005. – Кн.1. – 384с.

Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941-1944. – М.: Наука, 1986. – 438с.

Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. – М.: Олма-Пресс, 2003. – 383с.

Раманичев Н.М. Власов и другие // История. – М., 2001. - №34. – С.11-16.

Рамановіч К. Што такое СБМ? // Пінскі веснік. – 1994. – 4 мая.

Раманоўскі В. Саўдзельнікі ў злачынствах. – Мн.: Беларусь, 1964. – 286с.

Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. – М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. – 320с.

Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в вермахте и СС. – М.: Издатель Быстров, 2006. – 640с.

Романько О.В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941-1945. – М.: Вече, 2008. – 432с.

Романько О.В. Белорусская краевая оборона (февраль – июнь 1944 г.). К вопросу о некоторых аспектах немецкой оккупационной политики на территории СССР // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2003. - №39. – С.85-92.

Романько О.В. Комітет визволення народів Росії і Білоруська Центральна Рада (листопад – грудень 1944 р.). До питання про взаємовідносини антикомуністичних національних організацій в роки Другої Світової війни // Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження: Зб. наук. праць. – Донецьк: ДонГУ, 2004. – Т.4. – С.133-135.

Романько О.В. Підрозділи східних легіонів у німецьких збройних силах (1941-1945 рр.) // Український історичний журнал. – К., 2005. - №3. – С.50-61.

Романько О.В. Освободительное движение народов России и украинский вопрос в период Второй мировой войны // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. – К.: Сфера, 2005. – С.111-118.

Романько О.В. Крымско-татарские добровольческие формирования в германских вооруженных силах (1941-1945) // Сторінки воєнної історії України: Збірник наукових статей. – К.: Інститут історії України НАН України, 2005. – Вип.9. – Ч.2. – С.266-287.

Романько О.В. Русское освободительное движение и «еврейский вопрос» в годы Второй мировой войны // Проблеми історії Голокосту: Науковий журнал. – Дніпропетровськ: Пороги, 2006. - №3. – С.109-129.

Романько О.В. Забутий урок Ялтинської конференції // Історичний журнал. – К., 2006. - №6. – С.26-34.

Романько О.В. ОУН і УПА в Другій світовій: боротьба за національне визволення чи громадянське протистояння // Історичний журнал. – К., 2007. - №3. – С.3-11.

Романько О.В. Германское военно-политическое руководство и проблема коллаборационизма советских граждан в годы Второй мировой войны // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2007. - №112. – С.144-147.

Романько О.В. Комуністична та націоналістична течії партизанського руху на території Білорусії (1941-1945): спроба порівняльного аналізу // Мандрівець. – Тернопіль, 2007. - №5. – С.11-16.

Романько О.В. Политический статус советских республик и его эволюция в планах нацистского руководства (1933-1941) // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2007. - №116. – С.63-67.

Романько О.В. Крымско-татарская эмиграция в годы Второй мировой войны и ее сотрудничество с военно-политическим руководством Третьего рейха // Друга світова війна і доля народів України: Матеріали 2-ї Всеукраїнської наукової конференції, м. Київ, 30-31 жовтня 2006 р. – К.: Зовнішторгвидав, 2007. – С.97-109.

Романько О.В. 30-я гренадерская дивизия войск СС (к истории иностранных форми-

ваний в составе германских вооруженных сил) // Сторінки воєнної історії України: Збірник наукових статей. – К.: Інститут історії України НАН України, 2007. – Вип.11. – С.310-319.

Романько О.В. Білоруська еміграція і її взаємовідносини з військово-політичним керівництвом Третього рейху в 1933 – 1941 рр. // Збірник наукових праць Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Серія «Історія та географія». – Харків: Майдан, 2007. – Вип.28. – С.53-62.

Романько О.В. Союз белорусской молодежи как «позитивный элемент Новой Европы». 1943-1945 гг. // Вопросы истории. – М., 2007. - №12. – С.100-110.

Романько О.В. Власовський рух і білоруські національні організації восени 1944 – навесні 1945 рр. // Історичні записки. Збірник наукових праць Східноукраїнського національного університету ім. Володимира Даля. – Луганськ: Б.в., 2008. – Вип.17 (спеціальний). – С.188-195.

Романько О.В. Органы управления на оккупированной территории Белоруссии в 1941-1944 гг. // ВИЖ. – М., 2008. - №4. – С.39-44.

Романько О.В. Белорусские коллаборационистские организации и их роль в немецкой оккупационной политике (1941-1944) // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2008. - №129. – С.127-132.

Романько О.В. Немецкая оккупационная группировка и силовые структуры на территории Белоруссии // ВИЖ. – М., 2008. - №6. – С.23-26.

Рус Г. СД у Баранавічах (1941-1943) у кантэксте лакальнага акупацыйнага рэжыму // БГА. – 1998. – Т.5. – Сш.1(8). – Чэрвень. – С.67-87.

Русак А.В. Союзники гитлеровской Германии в войне против СССР 1941-1945. – К.: Ин-т истории Украины НАН Украины, 1998. – 296с.

Рыбак Н.А. Беларускае антысавецкае падполле ў заходніх абласцях БССР у пасляваенныя гады // Заходні рэгіён Беларусі вочыма гісторыкаў і краязнаўцаў: Зборнік навук. артыкулаў. – Гродна, 2006. – С.131-135.

Селеменов В.Д., Шимолін В.И. Охота на гауляйтера. – Мн.: НАРБ, 2006. – 246с.

Семенов К.К. Войска СС. – М.: Яуза; Эксмо, 2004. – 384с.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 862с.

Сервачынскі І.Ю. Калабарацыянізм на акупаванай тэрыторыі Беларусі (1941-1944) // Весці Беларускага Дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта. – 1997. - №3. – Серыя 3. – С.11-14.

Смірноў М. Дзейнасць савецкай разведкі і контрразведкі супраць нямецкіх спецслужбаў на тэрыторыі Беларусі у 1941-1944 гг. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. - №2. – С.8-13; №3. – С.3-8.

Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. – М.: АСТ, 2002. – 352с.

Солженицын А.И. Двести лет вместе: В 2 ч. – М.: Русский путь, 2002. – Ч.2. – 552с.

Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах. – Мн.: Наука и техника, 1995. – 200с.

Соловьев А.К. Еще раз о послевоенном бандитизме в Беларуси // Беларуская думка. – 1997. - №1. – С.145-151.

Станкевіч Я. Палажэнне ў Лідскай акрузе Генеральнага камісарыяту Беларусі // Летніцкі жыццця беларускай эміграцыі. – 1985. – №28. – С.87-92.

Стук А. Вильгельм Кубе – нацист высокой пробы в роли правителя Белоруссии // Беларуская думка. – 1996. - №5. – С.150-175.

Сямашка Я. Армія Краёва на Беларусі. – Мн.: Беларускае выдавецкае таварыства «Хата», 1994. – 416с.

Толстой Н.Д. Жертвы Ялты: Пер. с англ. – М.: Русский путь, 1996. – 544с.

Томас Н., Кабальеро Хурадо К. Вспомогательные формирования вермахта: Пер. с англ. – М.: АСТ, 2003. – 64с.

Турунак Ю. Людзі СБМ. – Вільня: Gudas, 2006. – 224с.

Турунак Ю. Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі: Пер. з польск. – Мн.: Мэдысон, 2006. – 180с.

Турунак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. – Вільня: Ін-ут беларусістыкі, 2006. – 878с.

Турунак Ю. Падзея невыгадная для усіх // Запісы БНІМ. – 2003. - №26. – С.83-89.

Турунак Ю. Фабіян Акінчыц – правадыр беларускіх нацыянал-сацыялістаў // Беларускі Рэзыстанс. – 2003. - №10. – Сш.1-2(18-19). – Сьнежань. – С.145-161.

Турунак Ю. Саюз беларускай моладзі ў Нямеччыне // Беларускі Рэзыстанс. – 2004. - №11. – Сш.1-2(20-21). – Сьнежань. – С.198-218.

Уильямсон Г. СС – инструмент террора: Пер. с англ. – Смоленск: Русич, 1999. – 416с.

Уильямсон Г. Немецкая военная полиция, 1939-1945: Пер. с англ. – М.: АСТ, 2005. – 61с.

Уорвол Н. Войска СС. Кровавый след. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 352с.

Хармут Л. Жизненное пространство на Востоке: немцы в Белоруссии, 1941-1944 // Нёман. – 1993. - №5. – С.119-160.

Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта: Пер. с нем. – М.: Яуза; Эксмо, 2006. – 352с.

Хацкевич А. Узлы развязывает время. Формирования польской Армии Крайовой на территории западных областей Белоруссии (1943-1944) // Неман. – 1994. - №1. – С.136-150.

Хёне Х. Черный орден СС. История охранных отрядов: Пер. с нем. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 542с.

Хоффманн И. История власовской армии: Пер. с нем. – Париж: Имка-Пресс, 1990. – 382с.

Цанавя Л.Ф. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков: В 2 т. – Мн.: Госиздат БССР, 1951. – Т.1-2.

Чарнаглазава Р.А. Беларуская паліцыя // Беларусь у гады Другой сусветнай вайны: урокі гісторыі і сучаснасць. – Мн., 1995. – С.73-75.

Чувела П. Восполнение потерь сухопутных войск фашистской Германии на советско-германском фронте в 1941-1945 // ВИЖ. – 1984. - №12. - С.62-66.

Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: В 2 кн. – СПб.: Нева, 2003. – Кн.1-2.

Чуев С.Г. Проклятые солдаты. – М.: Эксмо; Яуза, 2004. – 576с.

Чыгрын С. Саюз беларускай моладзі // Ніва. – 1995. - №28. – 9 ліпеня.

Шнэк Ё. Гісторыя БКА // Рокаш. – 1992. - №12. – Ліпень.

Шумейко М.Ф. Военно-политическая обстановка в Белоруссии накануне Великой Отечественной войны // 1941 год: трагическое и героическое. Тезисы межреспубликанской конференции, посвященной 50-летию начала Великой Отечественной войны. 19-21 июня 1991 г. – Мн., 1991. – С.15-21.

Шунков В.Н. Солдаты разрушения. Организация, подготовка, вооружение, униформа ваффен СС. – М.: АСТ, 2001. – 336с.

Яленская І. Арганізацыя самадапамогі на тэрыторыі Брэсцчыны // Весці Акадэміі навук Беларусі. – Серыя гуманітарных навук. – 1998. - №1. – С.66-74.

Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941-1945. – Santa Monica, CA: Rand Corporation, 1982. – 39p.

Andreyev C. Vlasov and the Russian Liberation Movement. Soviet reality and émigré theories. – Cambridge: Cambridge Press, 1987. – 251p.

Armstrong J. Collaborationism in World War II: The Integral Nationalist Variant in Eastern Europe // The Journal of Modern History. – 1968. – September. – Vol.40. – Issue 3. – P.396-410.

Baranova O. Nationalism, anti-Bolshevism or the will to survive? Collaboration in Belarus under the Nazi occupation of 1941-1944 // European Review of History. – 2008. – April. – Vol.15. – Issue 2. – P.113-128.

Benz W. Typologie der Herrschaftsformen in den Gebieten unter deutschen Einfluß // Die Bürokratie der Okkupation: Strukturen der Herrschaft und Verwaltung im Besetzten Europe. – Berlin, 1998. – S.11-25.

Birn R. Die Höheren SS- und Polizeiführer: Himmlers Vertreter im Reich und in den besetzten Gebieten. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1998. – 430s.

Boradyn Z. Armia Krajowa na Nowogródczyźnie i Wileńszczyźnie (1941-1945). – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1997. – 195s.

Boradyn Z. Niemen rzeka niezgody: polsko-sowiecka wojna partyzancka na Nowogródczyźnie 1943-1944. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 1999. – 333s.

Bräutigam O. Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. – Tübingen: Institut für Besatzungsfragen, 1954. – 97s.

Breitman R. Himmler's Police Auxiliaries in the Occupied Soviet Territories // Simon Wiesenthal Center Annual. – Los Angeles, CA, 1990. – Vol.7. – P.23-39.

Buddrus M. Totale Erziehung für den totalen Krieg. Hitlerjugend und nationalsozialistische Jugendpolitik: In 2 bd. – München: Saur, 2003. – Bd.1-2.

Chiari B. Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941-1944. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1998. – 380s.

Chiari B. Deutsche Zivilverwaltung in Weißrußland 1941-1944. Die lokale Perspektive der Besatzungsgeschichte // Militärgeschichtliche Mitteilungen. – 1993. – Bd.52. – H.1. – S.67-89.

Chiari B. Das Schicksal der weißrussischen Juden im „Generalkommissariat Weißruthenien“. Eine Annäherung an das Unbegreifliche // Solidarität und Hilfe für Juden während der NS-Zeit: In 7 bd. – Berlin, 1999. – Bd.3. – S.271-309.

Chiari B. Deutsche Herrschaft in Weißrußland. Überlegungen zum lokalen und historischen Umfeld // Täter im Vernichtungskrieg. Der Überfall und der Völkermord an den Juden. – Berlin; München, 2002. – S.137-159.

Cholawsky Sh. The Jews of Byelorussia during World War II. – Amsterdam: Harwood Academic Publishers, 1998. – 333p.

Cooper M. The Nazi War against Soviets partisans, 1941-1944. – New York: Stein and Day, 1979. – 217p.

Curilla W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weissrussland 1941-1944. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2006. – 1041s.

Dallin A. German Rule in Russia 1941-1945: A Study of occupation policies. – London: Macmillan, 1957. – 695p.

Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Hrsg. vom MGFA: In 9 bd. – Stuttgart – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 1979-2007. – Bd.4, 5, 8, 9.

Dean M. Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Byelorussia and Ukraine, 1941-1944. – New York: St. Martin's Press, 2000. – 241p.

Epstein B. Allies in Resistance: Jews and Belarussians in German-Occupied Minsk // Collaboration and Resistance During the Holocaust: Belarus, Estonia, Latvia, Lithuania. – Bern, 2004. – P.431-458.

Fischer G. Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1952. – 230p.

Frölich S. General Wlassow. Russen und Deutsche zwischen Hitler und Stalin. – Köln: Markus Verlag, 1987. – 403s.

Gasztold T. Nad Niemnem i Oszmianką: z dziejów Armii Krajowej na Nowogródczyźnie i Wileńszczyźnie. – Koszalin: Wydawnictwo "Głos Pomorza", 1991. – 159s.

Gerlach Ch. Kalkulierte Morde: die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland 1941 bis 1944. – Hamburg: Hamburger Edition, HIS Verlag, 1999. – 1232s.

Germany and the Second World War: In 9 vols. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – Vol.4. – 1368p.

Grenkevich L. The Soviet Partisan Movement, 1941-1944: a critical Historiographical analysis. – London: Routledge, 2006. – 368p.

Haberer E. German police and genocide in Belorussia, 1941-1944 // Journal of Genocide Research. – 2001. – Vol.3. – Issue 1. – P.13-29; Issue 2. – P.207-218; Issue 3. – P.391-403.

Hackmann J. Concepts of German Nationalities Policy in Eastern Europe during Second World War: The case of Werner Hasselblatt // Collaboration and Resistance During the Holocaust: Belarus, Estonia, Latvia, Lithuania. – Bern, 2004. – P.95-110.

Heaton C.D. German anti-partisan warfare in Europe, 1939-1945. – Atglen, PA: Schiffer Publishing, 2001. – 444p.

Herzog R. Besatzungsverwaltung in den besetzten Ostgebieten – Abteilung Jugend. – Tübingen: Institut für Besatzungsfragen, 1960. – 118s.

Hesse E. Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfwisungen und Befehle. – Göttingen: Müsterschmidt Verlag, 1969. – 292s.

Hoffmann J. Ostlegionen 1941-1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutsche Heer. – Freiburg: Rombach, 1976. – 197s.

Howell E.M. The Soviet Partisan Movement: 1941-1944. – Washington, DC: Department of the Army, 1956. – 217p.

Ilynytskyj R. Deutschland und die Ukraine 1934-1945: Tatsachen europäischer Ostpolitik: ein Vorbericht: In 2 bd. – München: Osteuropa-Institut, 1958. – Bd.1-2.

Kirchbaum W. The Secret Field Police. Wehrmacht Geheime Feldpolizei Forces in World War II, 1939-1945. – New York: Europa Books, 2008. – 280p.

Krajewski K. Na ziemi nowogródzkiej: “NÓW” – Nowogródzki Okręg Armii Krajowej. – Warszawa: Instytut Wydawnictwo Pax, 1997. – 813s.

Krausnick H., Wilhelm H.-H. Die Truppe des Weltanschauungskrieges: die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938-1942. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1981. – 688s.

Krausnick H. Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppen des Weltanschauungskrieges 1938-1942. – Frankfurt-am-Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1985. – 395s.

Kühnrich H. Der Partisanenkrieg in Europa 1939-1945. – Berlin: Dietz, 1968. – 755s.

Landwehr R. 30.Waffen-Grenadier-Division der SS “Russia Nr.2” or “Weissruthenien” // Siegrunen. – 2002. – Spring/Summer. – Issue 72. – P.30-35.

Littlejohn D. The Patriotic traitors: The History of Collaboration in German Occupied Europe, 1940-1945. – New York: Doubleday, 1972. – 391p.

Littlejohn D. Foreign Legions of the Third Reich: In 4 vols. – San Jose, CA: Bender, 1987. – Vol.4. – 384p.

Lofus J. The Belarus Secret. – New York: Alfred A. Knopf, 1982. – 196p.

Lubachko I. Belorussia under Soviet rule, 1917-1957. – Lexington: University Press of Kentucky, 1972. – 219p.

Lukas R. The Forgotten Holocaust: The Poles under German Occupation 1939-1944. – New York: Hippocrene, 1997. – 358p.

Lumsden R. The Allgemeine SS. – London: Osprey, 1994. – 48p.

Mac Lean F.L. The Cruel Hunters. SS Sonderkommando Dirlwanger. Hitler’s Most Notorious Anti-Partisan Unit. – Atglen: Schiffer, 1999. – 303p.

Madajczyk Cz. Faszyzm i okupację 1938-1945. Wykonywanie okupacji przez państwa Osi w Europie: U 2 t. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1983-1984. – T.1-2.

Michaelis R. Das SS-Sonderkommando Dirlwanger: Beispiel deutscher Besatzungspolitik in Weißrußland. – Berlin: Michaelis, 1999. – 226s.

Michaelis R. Russen in der Waffen-SS. – Berlin: Michaelis, 2002. – 130s.

Mironowicz E. Ruch partyzancki na Białorusi w historiografii białoruskiej i polskiej // Historycy polscy, litewscy i białoruscy wobec problemów XX wieku. Historiografia polska, litewska i białoruska po 1989 roku. – Białystok, 2003. – S.61-66.

Molau A. Alfred Roenberg. Der Ideologie des Nationalsozialismus: eine politische Biographie. – Koblenz: Verlag S. Bublies, 1993. – 194s.

Mulligan T. The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942-1943. – New York: Praeger, 1988. – 206p.

Munoz A.J. Forgotten Legions: Obskure Combat Formations of the Waffen-SS. – New York: Axis Europa, 1991. – 405p.

Munoz A.J. Hitler’s Eastern Legions: In 2 vols. – New York: Axis Europa, 1996-1997. – Vol.1-2.

Munoz A.J. The Kaminski Brigade: A History, 1941-1945. – New York: Axis Europa, 1998. – 64p.

Munoz A.J. The Druzhina SS Brigade: A History, 1941-1943. – New York: Axis Europa, 2000. – 98p.

Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler’s White Russians: Collaboration, Extermination and Anti-Partisan Warfare in Byelorussia, 1941-1944. – New York: Europa Books, 2003. – 512p.

Munoz A.J. Hitler’s Green Army: The German Order Police and their European Auxiliaries, 1939-1945: In 2 vols. – New York: Europa Books, 2006. – Vol.1. – 512p.

Myllyniemi S. Die Neuordnung der Baltischen Länder 1941-1944. – Helsinki: Finnischen Historischen Gesellschaft, 1973. – 308s.

Neulen H.-W. An Deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. – München: Universitas Verlag, 1985. – 518s.

Odegard W., Deeter R. Foreign Volunteers of Hitler’s Germany. – Los Angeles: DO Enterprises, 1968. – 64p.

Okkupation und Kollaboration (1938-1945): Beiträge zu Konzepten und Praxis der Kollaboration in der deutschen Okkupationspolitik / Hrsg. v. W. Röhr. – Berlin: Hühthig, 1994. – 632s.

Piotrowski T. Poland's Holocaust: Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918-1947. – Jefferson, NC: Mac Farland, 1998. – 437p.

Die polnische Heimatarmee: Geschichte und Mythos der Armija Krajowa seit dem Zweiten Weltkrieg / Hrsg. v. B. Chiari und J. Kochanowski. – München: R. Oldenbourg, 2003. – 948s.

Ready J.L. The Forgotten Axis: Germany's Partners and Foreign Volunteers in World War II. – Jefferson, NC: Mac Farland, 1987. – 565p.

Redelis V. Partisanenkrieg. Entstehung und Bekämpfung der Partisanen- und Untergrundbewegung im Mittelabschnitt der Ostfront, 1941 bis 1943. – Heidelberg: Kurt Vowinckel Verlag, 1958. – 152s.

Rein L. Local Collaboration in the Execution of the "Final Solution" in Nazi-Occupied Belorussia // Holocaust and Genocide Studies. – 2006. – Vol.20. – Issue 3. – P.381-409.

Reitlinger G. Ein Haus auf Sand gebaut: Hitlers Gewaltpolitik in Russland, 1941-1944. – Hamburg: Rütten und Loening, 1962. – 543s.

Röhr W. System oder organisiertes Chaos? Fragen einer Typologie der deutschen Okkupationsregime im Zweiten Weltkrieg // Die deutsche Herrschaft in der "germanischen" Ländern 1940-1945. – Stuttgart, 1997. – S.11-45.

Schaller H. Der Nationalsozialismus und die slawische Welt. – Regensburg: Verlag Friedrich Pustet, 2002. – 320s.

Seidler F.W. Die Organisation Todt: Bauen für Staat und Wehrmacht, 1938-1945. – Koblenz: Bernard und Graefe, 1987. – 300s.

Shepherd B. Wehrmacht Security Regiments in the Soviet Partisan War, 1943 // European History Quarterly. – 2003. – October. – Vol.33. – Issue 4. – P.493-529.

Schulte T. The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia. – Oxford; New York: Berg, 1989. – 390p.

Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion: von der totalitären Diktatur zur nachstalinischen Gesellschaft. – Baden-Baden: Nomos, 1986. – 486s.

Smilovitsky L. Antisemitism in the Soviet Partisan Movement, 1941-1944: The case of Belorussia // Holocaust and Genocide Studies. – 2006. – Vol.20. – Issue 2. – P.207-234.

Sorobey R. Ukrainians' Fight for France // World War II. – 2004. – September. – Vol.19. – Issue 5. – P.42-48.

Steenberg S. General Wlassow: der Führer der russischen Befreiungsarmee – Verräter oder Patriot. – Rastatt: Moewig, 1986. – 271s.

Steinberg J. The Third Reich Reflected: German Civil Administration in the Occupied Soviet Union, 1941-1944 // The English Historical Review. – 1995. – June. – Vol.110. – Issue 437. – P.620-651.

Suchcitz A. Dzieje 1 pulku ulanow krechowickich. 1941-1947. – Londyn: Koło Krechowiaków, 2002. – 550s.

Szybieka Z.V. Historia Białorusi: 1795-2000 / Przew. z biał. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2002. – 571s.

Thomas N. Partisan Warfare 1941-1945. – London: Osprey, 1996. – 40p.

Thorwald J. Wen sie verderben wollen. Bericht des grossen Verrats. – Stuttgart: Steingrüben Verlag, 1952. – 606s.

Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecka. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1993. – 285s.

Turonek J. Kwestia białoruska w polityce obozu londyńskiego (1941-1944) // Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. – Wrocław, 1983. – T.XIX. – S.131-158.

Turonek J. Geneza i działalność Białoruskiej Centralnej Rady (grudzień 1943 – czerwiec 1944) // Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. – Wrocław, 1985. – T.XXI. – S.99-120.

Turonek J. Weißruthenien: Zweifrontenkrieg der Ideologien // Anpassung – Kollaboration – Widerstand: kollektive Reaktionen auf die Okkupation. – Berlin, 1996. – S.191-198.

Vakar N.P. Belorussia: The Making of a Nation: A Case Study. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956. – 297p.

Windrow M. The Waffen-SS. – London: Osprey, 1995. – 39p.

ЭНЦИКЛОПЕДИИ И СПРАВОЧНИКИ

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944-1945. Биографический справочник. – СПб.: Русско-балтийский информационный центр «Блиц», 2001. – 360с.

Антысавецкія рухі на Беларусі, 1944-1956 гг.: Даведнік / Пад рэд. А. Дзярновіча. – Мн.: Архіў найноўшай гісторыі, 1999. – 194с.

Беларускі нацыяналізм: Даведнік / Укладальнік П. Казак. – Мн.: Голас Краю, 2001. – 48с.

Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941-1945: Энциклапедыя / Пад рэд. І.П. Шамякіна. – Мн.: Беларуская савецкая энциклапедыя, 1990. – 680с.

Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия / Под ред. М.М. Козлова. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 832с.

Военный энциклопедический словарь / Под ред. С.Ф. Ахромеева. – М.: Воениздат, 1986. – 863с.

Энциклопедія історії України: В 8 т. / Под ред. В.А. Смолія та ін. – К.: Наукова думка, 2003. – Т.1. – 688с.

Ермолович В.И., Жумарь С.В. Огнем и мечом. Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939-1953). – Мн.: Белорусский научно-исследовательский центр документоведения, археографии и архивного дела, 1994. – 107с.

Залесский К.А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. – М.: АСТ, 2003. – 492с.

Залесский К.А. РСХА. – М.: Яуза; Эксмо, 2004. – 384с.

Залесский К.А. СС. Охранные отряды НСДАП. – М.: Яуза; Эксмо, 2004. – 656с.

Залесский К.А. Вермахт. Сухопутные войска и верховное командование – М.: Яуза; Эксмо, 2005. – 656с.

Залесский К.А. НСДАП. Власть в Третьем рейхе. – М.: Яуза; Эксмо, 2005. – 672с.

Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) / Авт.-сост. А.Л. Манаенков и др. – Мн.: Беларусь, 1983. – 765с.

Энциклопедия третьего рейха / Под ред. А. Егзарова. – М.: Локид-Миф, 1996. – 587с.

Dokumente zur Geschichte des Zweiten Weltkrieges in den Staatsarchiven der Republik Belarus. Ein Nachschlagewerk / Hrsg. S.V. Zumar' und andere. – Graz – Wien – Minsk: Selbstverlag des Vereins zur Förderung der Forshung von Volgen nach Konflikten und Kriegen, 2001. – 236с.

The German Police / Ed. by A.J. Munoz. – New York: Axis Europa, 1997. – 442p.

Mitcham S.W. Hitler's Legions. The German Army Order of Battle, World War II. – New York: Stein and Day, 1985. – 540p.

Munoz A.J. The Last Levy: SS Officer Roster, March, 1st, 1945. – New York: Axis Europe, 2001. – 134p.

Nafziger G.F. The German Order of Battle: Infantry in World War II. – London: Greenhill Books, 2000. – 591p.

Nafziger G.F. The German Order of Battle: Waffen SS and Other Units in World War II. – Conshohoken, PA: Combined Books, 2001. – 320p.

Personen Lexikon 1933-1945 / Hrsg. v. H. Weiß. – Wien: Tosa Verlg, 2003. – 509s.

Seidler F.W. Die Kollaboration: 1939-1945. – München; Berlin: Herbig, 1995. – 576s.

Tessin G. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939-1945: In 17 bd. – Frankfurt-am-Main: Verlag E.C. Mittler und Sohn; Osnabrück: Biblio Verlag, 1965-2002. – Bd.4, 5, 8-10, 14.

Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939-1945. Ein Überblick anhand der Feldpostübersicht / Bearb. v. G. Tessin und N. Kannapin. – Osnabrück: Biblio Verlag, 2000. – 773s.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЛИЦАХ, УПОМИНАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ МОНОГРАФИИ

В этом приложении приведены биографические данные только на тех лиц, которые имели непосредственное отношение к процессу создания и использования белорусских добровольческих формирований или соприкасались с ними в период войны. Однако здесь не приведены биографии таких известных деятелей Третьего рейха, как, например, Гитлер, Гиммлер или Розенберг. Они хоть и упоминаются в тексте, но, на наш взгляд, рассказывать о них нет необходимости, так как жизненный путь этих исторических персонажей общеизвестен.

Абрамова (Абрамава), Надежда (Надзея), (апрель 1907 – 18.02.1979), белорусский политический и общественный деятель. В 1920-х гг. работала стенографисткой в Народном комиссариате образования Белорусской ССР. Окончила Минский педагогический институт и Минский медицинский институт. После получения диплома врача и до самого начала войны работала врачом в университетской психиатрической клинике. По некоторым данным в конце 1941 или начале 1942 г. явилась инициатором создания нелегального и небольшого по масштабам «Союза белорусской молодежи». С июня 1943 г. руководитель женской организации СБМ. С июня 1944 г. в эмиграции в Чехии, с 1945 г. – в Германии. После окончания войны сотрудник Института по изучению СССР (Мюнхен), где редактировала журнал «Религия и атеизм в СССР».

Акинчиц (Акинчыц), Фабиан (Фабіян) (20.01.1886 – 7.03 (или 5.03) 1943), белорусский политический деятель, издатель и публицист. До 1917 г. член партии социалистов-революционеров. С 1926 г. один из руководителей Белорусской крестьянско-рабочей громады, председатель ее Виленского комитета. В 1927-1930 гг. в польской тюрьме, откуда был досрочно освобожден. После освобождения стал на пропольские позиции, выступая в печати с публикациями антисоветской направленности. В 1933 г. создал Белорусскую национал-социалистическую партию, ее руководитель и главный идеолог. С 1938 г. – в Германии, руководитель белорусского бюро Министерства пропаганды. В период немецкой оккупации попытался захватить власть в белорусском самоуправлении, внедряя в него своих учеников, которых он готовил в Германии из военнопленных-белорусов. Странник крайнего коллаборационизма с немецкими властями. По некоторым данным виновен в аресте и гибели другого видного белорусского националиста – В. Годлевского (*смотри это имя*). Приговорен сторонниками последнего к смертной казни. Убит в Минске советской террористической группой.

Бах-Зелевски (Bach-Zelewski), Эрх фон дем (Erich von dem) (1.03.1899 – 8.03.1972), один из руководителей СС, СС-обергруппенфюрер и генерал полиции (с 9.11.1941 г.), генерал войск СС (с 1.07.1944 г.). Участник первой мировой войны, командир роты. В 1924 г. уволен из армии за нацистскую пропаганду. В 1930 г. вступил в нацистскую партию, в 1931 г. – в СА. В 1933 г. вступил в СС и возглавил пограничные отряды СС во Франкфурте-на-Одере. С 1934 г. руководитель СС в Восточной Пруссии, затем в Силезии. В 1939 – 1941 г. главный фюрер СС и полиции Юго-Востока (Бреслау). С 1.05 1941 по 21.06.1944 г. главный фюрер СС и полиции «Россия-Центр» (с апреля 1943 г. – главный фюрер СС и полиции «Россия-Центр и Белоруссия»). С 1942 г. уполномоченный рейхсфюрера СС по борьбе с партизанами.

21.07.1943 г. назначен ответственным за разработку операций, а также командующим соединениями по борьбе с партизанами при осуществлении этих операций. Главный руководитель всех соединений при подавлении Варшавского восстания (август-октябрь 1944 г.). После войны несколько раз арестовывался и, наконец, в 1962 г. германским судом был приговорен к пожизненному заключению. Умер в тюрьме Мюнхена.

Бергер (Berger), Готтлоб (Gottlob) (16.07.1896 – 5.01.1975), один из руководителей СС, СС-обергруппенфюрер (с 15.08.1940 г.), генерал войск СС (с 21.06.1943 г.). Участник первой мировой войны, офицер. В СС с конца 1934 г. С 1.01.1940 по 1945 г. возглавлял Главное управление СС – ведущий орган по управлению этой организацией, фактически являлся одним из главных руководителей всей системы СС. С июля 1942 г. личный представитель рейхсфюрера СС и статс-секретарь Имперского министерства оккупированных восточных территорий. С 31.08.1944 г. руководитель антипартизанскими операциями в Словакии. С 31.10.1944 г. командующий резервными войсками и руководитель всей службы по делам военнопленных. 14.04.1949 г. Военным трибуналом в Нюрнберге приговорен к 25 годам тюрьмы, однако уже 16.12.1951 г. освобожден.

Богданович (Бадановіч), Глеб (Глеб) (1913 – 1960-е гг.), белорусский политический и военный деятель, д-р медицины. Сын сенатора В. Богдановича, расстрелянного большевиками в Вилейке в 1941 г. Окончил Белорусскую гимназию в Вильносе и медицинский факультет университета в Вильносе. После начала советско-германской войны работал врачом. С мая 1944 г. офицер БКА, начальник санитарного отдела Штаба БКА. С июля 1944 г. офицер *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. 17 ноября десантировался в районе Вильнюса (Литва). В июне 1945 г. с боем прорвался в Польшу. Жил в районе Белостока, где работал врачом. 14 апреля 1949 г. арестован польской службой безопасности и депортирован в СССР. Осужден, заключение отбывал в Воркуте (Сибирь). После освобождения вернулся в Белоруссию, работал врачом.

Боровец, Максим (псевдоним – Тарас Бульба) (1908 – ?), украинский политический и военный деятель, полковник армии Украинской народной республики. С 1933 г. руководитель подпольной националистической организации Украинское национальное возрождение, действовавшей на Волыни. В 1934 г. арестован и до 1935 г. содержался в польском концлагере Береза Картузская. Летом 1941 г. перешел на территорию СССР, где стал организатором и руководителем украинских националистических групп, более известных как *«Полесская сечь»*. Совместно с белорусскими силами самообороны и при невмешательстве немцев установил контроль над украинским Полесьем. Осенью 1941 г. отказался подчиняться немцам и перешел на нелегальное положение, после чего его силы стали называться *Украинская повстанческая армия* (УПА). В 1942 г. сменил название своих отрядов на *Украинскую национально-революционную армию* (УНРА). Вступил в конфликт с вооруженными формированиями бандеровского крыла Организации украинских националистов (ОУН). Летом 1944 г. УНРА была силой подчинена бандеровской УПА. Арестован немецкими спецслужбами и помещен в концлагерь Заксенхаузен. В конце 1944 г. освобожден и начал активно сотрудничать с немцами: создал парашютно-десантный батальон, который предполагалось забросить на территорию Украины. После войны жил в эмиграции. Создал военную организацию Украинская национальная гвардия. Автор воспоминаний.

Витушка (Вітушка), Михаил (Міхал) (1907 - ?), белорусский политический и военный деятель, генерал-майор (с 1944 г.). Окончил гимназии в Клецке и Вильносе (1930 г.). Учился в Пражском университете и Варшавском политехническом институте. Входил в руководство Объединения белорусских студенческих организаций в Варшаве. В 1939-1940 гг. был начальником советской милиции в Несвиже. В августе 1941 г. один из командиров отрядов белорусской самообороны в Полесье (Западная Белоруссия). Один из организаторов белорусской полиции в Минске, заместитель ее начальника Д. Космовича (*смотри это имя*). В 1942-1943 гг. организовывал белорусские формирования в Брянской, Смоленской и Могилевской областях. В 1942-1943 г. входил в руководство БНС. Майор БКА. Участник 2-го Всебелорусского конгресса. С лета 1944 г. офицер *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. По одним известиям, 17 ноября 1944 г.

десантировался в районе Вильнюса (Литва), а уже 7 декабря 1944 г. был убит в бою с отрядом Красной Армии. По другим известиям, в ноябре 1944 г. под именем Витушки десантировался другой офицер. Сам же Витушка в Белоруссии появился позднее – в 1945 г. Организатор белорусского антикоммунистического партизанского движения в западной и центральной Белоруссии. Начальник Главного штаба БВА. После окончания партизанской борьбы руководил подпольем в Белоруссии и Литве. Позднее перебрался на Запад.

Власов, Андрей Андреевич (1.09.1901 – 1.08.1946), генерал-лейтенант (с января 1942 г.), кадровый офицер Красной Армии, в которую вступил в 1920 г. До 1941 г. прошел всю иерархию армейских должностей и званий до генерал-майора включительно. С сентября 1938 по декабрь 1939 г. военный советник при лидере Китая Чан Кайши. Войну встретил на должности командира 4-го механизированного корпуса. Командовал армией при обороне Киева и в битве под Москвой. 11.07.1942 г. попал в плен к немцам, будучи заместителем командующего Волховским фронтом и временно исполняющим обязанности командующего 2-й ударной армией. Изывил желание сотрудничать с немцами в обмен на поддержку в деле «освобождения России от большевиков». С 27.12.1942 г. «председатель» «Русского комитета» и «главнокомандующий» «РОА», которых фактически не существовало. С 14.11.1944 г. председатель КОНР, а с 28.01.1945 г. главнокомандующий *Вооруженными силами КОНР*. В мае 1945 г. захвачен советскими войсками. ВКВС СССР приговорен к смертной казни через повешение.

Ганько (Ганько), Михаил (Міхась) (1918 - ?), белорусский политический деятель. Перед началом советско-германской войны учился на медицинском факультете университета в Вильносе (1938-1939). В 1939-1941 гг. директор неполной средней школы в Молодеченском районе. Был призван в Красную Армию, попал в плен (декабрь 1941 г.). Из плена был освобожден по ходатайству лидера БНСП Ф. Акинчица. Учился в школе пропагандистов в Вустрау (Германия). С 1942 г. работал в Минске в отделе пропаганды генерального комиссариата «Белоруссия». С 22 июня 1943 г. руководитель (шеф) Главного штаба СБМ, главный редактор журнала «Да здравствует Белоруссия!» (*«Жыве Беларусь!»*). Участник 2-го Всебелорусского конгресса. Был сторонником самого активного сотрудничества с немецкими оккупационными властями. В начале 1945 г. изменил свои взгляды, и стал сторонником идеи так называемой «третьей силы». С конца 1944 г. офицер-пропагандист *Специального десантного батальона «Дальвиц»*, где редактировал журнал «Борец» (*«Змагар»*). После расформирования «Дальвица» в Чехии в мае 1945 г. его след теряется. Есть сведения, что он перебрался в Белоруссию, где сражался в партизанском отряде до 1947 г., после чего эмигрировал на Запад.

Гелда (Гелда), Иван (Іван) (1897 – 1946), белорусский военный деятель. В 1919-1920 гг. воевал против большевиков в армии генерала С. Булак-Балаховича. В 1921-1939 гг. жил в Польше в районе Белостока, где принимал активное участие в белорусском национально-освободительном движении. Активный член Белорусской крестьянско-рабочей громады. Неоднократно арестовывался польскими властями. Спасаясь от НКВД, осенью 1939 г. перешел на оккупированную немцами территорию Польши. В июле 1941 г. вернулся в Белосток. Работал референтом местного Белорусского комитета. С осени 1941 г. член нелегальной Громады. С 1943 г. организатор белорусских отрядов самообороны для защиты от советских и польских партизан. В мае 1944 г. арестован гестапо, как один из самых активных деятелей белорусского национального движения. В конце июня 1944 г. освобожден. С июля 1944 г. в чине майора командир *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. В 1945 г. введен в состав БЦР. В июне 1945 г. арестован НКВД. После судебного процесса в Белостоке приговорен к смертной казни через повешение.

Гиль, Владимир Владимирович (он же Родионов И.Г.) (11.06.1906 – 14.05.1943), подполковник Красной Армии, СС-оберштурмбаннфюрер (вероятно). Уроженец Белоруссии, из рабочих. Член Коммунистической партии (с 1931 г.). В советских вооруженных силах с 1926 г. Окончил Борисоглебско-Ленинградскую кавалерийскую школу и Военную академию им. М.В. Фрунзе. С 22.03.1941 г. начальник штаба 229-й стрелковой дивизии. Летом 1941 г. попал

в плен. Содержался в офицерском лагере в Сувалках (Польша), где стал одним из инициаторов создания Боевого союза русских националистов (БСРН). В июне 1942 г. возглавил 1-ю боевую дружину БСРН. С марта 1943 г. командир *1-го Русского национального полка (затем – бригады) СС «Дружина»*. Его часть оперировала в тыловом районе группы армий «Центр» (главным образом, в Белоруссии) и отличалась чрезвычайной жестокостью по отношению к мирному населению. Летом 1943 г. установил связь с партизанами, и перешел к ним вместе с большей частью бригады. С осени 1943 г. командир *1-й Антифашистской партизанской бригады*. Тяжело ранен в бою с немцами. От полученных ран скончался.

Гинько (Гінько), Иван (Янка) (3.01.1912 – 1980-е гг.), белорусский политический деятель. В 1939 г. окончил Варшавский политехнический институт по специальности инженера-геодезиста. В 1940-1941 гг. работал по своей специальности в Восточной Белоруссии. В 1942-1944 гг. окружной начальник БНС в Глубоком. В 1944 г. недолгое время занимал пост представителя президента БЦР в Слуцке. Лейтенант БКА. Участник 2-го Всебелорусского конгресса. С лета 1944 г. офицер *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. 17 ноября 1944 г. десантировался в районе Лиды (Белоруссия). В декабре 1944 г. арестован НКВД. После судебного процесса в Минске в 1946 г. получил 25 лет концлагерей. В 1956 г. освобожден по амнистии. Остался жить в Сибири. Последние годы жизни сильно болел.

Годлевский (Гадлеўскі), Винцент (Віцэнт) (16.11 (или 16.12).1888 – декабрь 1942), белорусский общественный и политический деятель, публицист, педагог, католический священник. Окончил Виленскую католическую духовную семинарию и Петербургскую католическую духовную академию. Служил викарием при кафедральном соборе в Минске. Делегат 1-го Всебелорусского конгресса (1917 г.), член Совета БНР. Один из основателей и лидеров Белорусской христианско-демократической партии (БХДП). В 1920-е гг. неоднократно арестовывался польскими властями за белорусскую национальную деятельность. В 1936 г. вышел из БХДП и основал националистическую организацию «Белорусский фронт». Главный редактор одноименной газеты, на страницах которой выступал со статьями по идеологии белорусского национализма. В годы второй мировой войны один из организаторов белорусского национального движения сопротивления. В 1940 г. выступил инициатором создания полулегального Белорусского национального фронта и Белорусской незалежницкой партии (БНП). В июне 1941 г. вошел в состав Белорусского национального центра (Берлин). В сентябре 1941 г. переехал в Минск, где возглавил Школьный инспекторат при Генеральном комиссариате «Белоруссия». Член Центрального совета БНС. Пытался создать руководящий центр белорусского сопротивления. 24.12.1942 г. арестован СД и в тот же день расстрелян под Минском.

Готтберг (Gottberg), Курт фон (Kurt von) (11.02.1896 – 9.05.1945), один из руководителей оккупационного режима на территории СССР, СС-обергруппенфюрер, генерал полиции и войск СС (с 30.06.1944 г.). С 1933-1934 гг. на командных должностях в аппарате СС. С 21.07 по 22.09.1942 г. фюрер СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». С 5.07.1943 по 7.08.1944 г. главный фюрер СС и полиции «России-Центр и Белоруссии» (до 21.06.1944 г. занимал этот пост как исполняющий обязанности). Организатор жесточайшего террора против мирного населения Белоруссии. 23.09.1943 г., после убийства генерального комиссара «Белоруссии» В. Кубе (*смотри это имя*), принял на себя исполнение его обязанностей (занимал эту должность одновременно с предыдущей). В конце 1944 г., после эвакуации из Белоруссии, назначен командующим 12-го армейского корпуса СС. Покончил жизнь самоубийством.

Гутько (Гуцька), Иосиф (Язэп) (24.12.1883 – 8.07.1956), белорусский военный деятель. Закончил пехотное училище в Вильно и в августе 1904 г. в чине подпоручика был направлен в 22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк Русской императорской армии. Участник Русско-японской войны 1904-1905 гг. За боевые заслуги был награжден орденами Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В 1909 г. командирован для поступления в Императорскую Николаевскую военную академию. С 23 августа 1916 г. в чине подполковника занимал должность помощника старшего адъютанта отдела генерала-квартирмейстера штаба 9-й армии.

С 1917 по 1939 г. работал адвокатом в Новогрудке. С 15 июля 1942 г. начальник Главного штаба КБС. В мае 1944 г. ему было предложено занять пост начальника Штаба БКА, однако он отказался. С лета 1944 г. в эмиграции: сначала в Западной Германии, а потом в США.

Езовитов (Езавітаў), Константин (Кастусь) (17.11.1893 – 23.05.1946), белорусский политический, общественный и военный деятель, публицист, генерал-майор. Офицер Русской императорской армии, участник Первой мировой войны. Делегат 1-го Всебелорусского конгресса (1917 г.). В феврале 1918 г. белорусский комендант Минска, входил в Совет БНР («военный министр»). В 1918-1921 гг. создавал белорусские антикоммунистические формирования. В 1921-1939 гг. жил в Литве, участвовал в белорусской общественно-политической жизни. Директор Рижской белорусской гимназии. Неоднократно арестовывался литовскими властями за белорусскую национальную деятельность. С декабря 1943 г. в составе БЦР. После эмиграции в Германию возглавил Военный отдел (Главное управление военных дел) при БЦР, «военный министр и главный инспектор белорусских вооруженных сил» (до января 1945 г.). Принимал участие в создании белорусских формирований на территории Германии, а также в организации антибольшевистской партизанской борьбы в Белоруссии. В апреле 1945 г. был захвачен в Германии советскими агентами. Замучен в Минской тюрьме.

Ермаченко (Ермаченака), Иван (Іван) (1894 - ?), белорусский политический деятель. Офицер Русской императорской армии, участник первой мировой и гражданской войны, полковник Белой армии. После окончания гражданской войны эмигрировал в Чехословакию. Один из лидеров белорусской эмиграции в этой стране. С октября 1941 г. президент Центрального совета БНС. Генеральный комендант *Корпуса белорусской самообороны*. За деятельность, не укладывавшуюся в рамки немецких представлений о роли белорусских националистов в оккупационном режиме, смещен с поста руководителя БНС и отправлен обратно в Прагу (весна 1943 г.). В дальнейшем не играл какой-либо значительной роли в деятельности белорусской эмиграции.

Зиглинг (Siegling), Ганс (Hans) (24.02.1912 - ?), СС-оберштурмбаннфюрер и подполковник охранной полиции (с 14.08.1944 г.). Член нацистской партии и СА с 1.03.1930 г. В июле 1932 г. поступил на службу в охранную полицию (к 1939 г. капитан). Участвовал в Польской кампании в составе роты полиции, входившей в одну из айнзатцгрупп. В 1939-1941 гг. начальник полиции порядка в одном из округов Генерал-губернаторства (Польша). С лета 1941 по июль 1944 г. в охранной полиции на оккупированной территории СССР, участник многочисленных антипартизанских операций. Командир 57-го (украинского) батальона «Schuma» (с февраля 1944 г. развернут в 57-й полицейский полк). С июля 1944 г. командир *Бригады вспомогательной полиции порядка*, которая в августе 1944 г. была развернута в *30-ю гренадерскую дивизию войск СС (2-я русская)*. Участник боев во Франции, где был тяжело ранен. С марта 1945 г. командир *30-й гренадерской дивизии войск СС (1-я белорусская)*.

Зыбайло (Зыбайла), Григорий (Рыгор) (15.09.1913 – 15.11.1987?), белорусский политический и военный деятель. Инженер по образованию. Унтер-офицер Польской армии. Участник немецко-польской войны (сентябрь-октябрь 1939 г.). Попал в немецкий плен, откуда вскоре убежал. При переходе немецко-советской границы был задержан советскими пограничниками. В августе 1940 г. завербован НКВД для работы среди белорусских националистов (получил псевдоним «Елкин»). Член нелегальной Белорусской незалежницкой партии (БНП). В 1941-1942 гг. окружной представитель БНС в Слонимском округе. С лета 1943 г. окружной представитель БСП в Минске. С марта 1944 г. окружной начальник *Белорусской краевой обороны* в Глубоком. Участник 2-го Всебелорусского конгресса (1944 г.). С осени 1944 г. Ваффен-оберштурмфюрер *30-й гренадерской дивизии войск СС (2-й русской)*. Перешел на сторону французских партизан (конец 1944 г.). После войны нелегально прибыл в Белоруссию, где был арестован и 21.03.1947 г. осужден на 10 лет лагерей (по другой версии его арест имел место в Берлине 1.06.1946 г.). После освобождения жил в селе под Ивацевичами (Белоруссия). По еще одной версии (менее правдоподобной) был арестован в Марселе польской

контрразведкой и после недолгого следствия расстрелян в 1945 г. Современные белорусские историки утверждают, что во время войны он утратил связь с НКВД и не являлся его агентом в белорусском националистическом Сопротивлении.

Калубович (Калубовіч), Евгений (Аўген) (29.06.1896 – 13.11.1943), белорусский общественный и политический деятель, историк. Окончил Минский педагогический институт. В мае 1930 г. был арестован за принадлежность к белорусской нелегальной антисоветской организации. В 1933 г. вернулся из мест заключения. Работал учителем, затем – сотрудником Народного комиссариата просвещения БССР. В период немецкой оккупации являлся членом БРД и БЦР, возглавлял Белорусское культурное объединение. Участник 2-го Всебелорусского конгресса, на котором выступал с основным докладом. По некоторым данным являлся членом нелегальной Партии белорусских националистов. С лета 1944 г. в эмиграции в Германии. С 1950 г. жил в США. Входил в состав руководства практически всех значительных белорусских эмигрантских организаций. Основатель Белорусской национально-демократической партии. Премьер-министр БНР. Автор многочисленных исторических исследований и воспоминаний.

Кестринг (Kösting), Эрнст (Ernst) (20.06.1876 – 1953), генерал кавалерии (с 1.09.1940 г.). В армии с 1.10.1895 г. Лейтенант с 1.07.1901 г. (5-й кавалерийский полк). С 1.03.1927 г. командир 10-го кавалерийского полка. Подполковник (с 1.05.1927 г.), генерал-майор (с 1.04.1933 г.), генерал-лейтенант (с 1.08.1937 г.). С 1.02.1932 по 30.09.1933 и с 1.10.1935 по 31.08.1941 г. военный атташе при посольстве Германии в Москве. С 1.09.1942 по 30.04.1943 г. политический советник по казакским вопросам при командующем немецкими войсками генерал-фельдмаршале Э. фон Клейсте. С 13.06.1943 г. инспектор «туркестанских» добровольческих формирований. С 1.01.1944 по 4.05.1945 г. генерал-инспектор добровольческих формирований.

Кипель (Кіпель), Ефим (Яўхім) (7.01.1896 – 27.07.1969), белорусский общественный и политический деятель, педагог. Участник Первой мировой войны. После начала Гражданской войны воевал в рядах Красной армии. Участник 1-го Всебелорусского съезда советов (февраль 1919 г.), на котором было провозглашено создание БССР. В 1920-х гг. находился на научной и педагогической работе. Доцент Белорусского государственного университета (Минск), научный сотрудник Белорусской академии наук. Странник «белорусизации» и национального возрождения. Организатор Клуба белорусской молодежи и Объединения студентов Минского университета, которые позднее были закрыты властями. В 1930 г. был арестован по обвинению в белорусском национализме и выслан на 5 лет в город Нолинск (Поволжье). После окончания ссылки был снова арестован и получил еще 5 лет. Наказание отбывал в Байкало-Амурских концентрационных лагерях. В июне 1942 г. вернулся в Белоруссию. С 1942 по 1944 г. работал в Школьном инспекторате Генерального комиссариата «Белоруссия», редактор газеты «Голос деревни» («Голас Вёскі»). С 1944 г. руководитель Научного отдела Белорусского центрального совета. Был избран президентом 2-го Всебелорусского конгресса. С лета 1944 г. в эмиграции в Германии. Выступал за активное сотрудничество с Комитетом освобождения народов России (КОНР). Член Белорусского национального совета КОНР. После окончания войны переехал в США, где продолжил заниматься активной научной и общественной деятельностью. Инициатор создания Объединения белорусских заключенных советских концлагерей. В 1989 г. Верховный суд БССР принял постановление о его посмертной реабилитации.

Космович (Касмовіч), Дмитрий (Дзімітры) (21.09.1909 – 23.04.1991), белорусский военный и политический деятель, генерал-майор (с 1944 г.). Окончил гимназию в Радошковичах (1927 г.). Учился в высших учебных заведениях Бельгии, Польши и Югославии, активист белорусского студенческого движения. В 1931-1934 гг. служил в Польской армии. В 1939-1940 гг. избирался делегатом на сессии Верховного Совета СССР и БССР. В 1940-1941 гг. учился в Минском политехническом институте. Летом 1941 г. организовывал белорусскую полицию в Минске. В 1942-1943 гг. создавал белорусские воинские формирования в Брян-

ской, Смоленской и Могилевской областях. С 1944 г. майор БКА. Участник 2-го Всебелорусского конгресса. С лета 1944 г. в эмиграции в Германии, сотрудник Военного отдела БЦР. С марта 1945 г. офицер *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. После окончания войны жил в Западной Германии, где руководил Военным отделом БЦР. В октябре 1954 г. организовал Белорусский освободительный фронт, редактировал журнал «Борьба» («*Барачыба*»). Представлял белорусское освободительное движение в Антибольшевистском блоке народов и Международной антикоммунистической лиге.

Кубе (Kube), Вильгельм (Wilhelm) (13.11.1887 – 23.09.1943), нацистский партийный и государственный деятель, один из руководителей оккупационного режима на территории СССР, СС-группенфюрер (с 27.01.1934 г.). Окончил Берлинский университет. В 1911 г. вступил в Германскую социалистическую партию. С 1912 г. журналист. Участник первой мировой войны. В 1920-1923 гг. генеральный секретарь Германской национальной партии. С 4.05.1942 г. депутат Рейхстага. В 1927 г. вступил в нацистскую партию. С 2.01.1928 г. гауляйтер Остмарка, а с 6.03.1933 г. гауляйтер Курмарка. С 25.03.1933 г. оберпрезидент Бранденбурга. 29.09.1933 г. вступил в СС. 11.03.1936 г. вышел из СС, а 7.08.1936 г., благодаря интригам рейхслейтера М. Бормана, снят с поста гауляйтера. 17.07.1941 г. назначен генеральным комиссаром «Белоруссии». Осуществлял жесткую оккупационную политику. Убит в результате покушения, организованного советскими спецслужбами.

Кушель (Кушалё), Франц (Францішэк) (16.02.1895 – май 1969), белорусский военный и политический деятель. В 1916 г. окончил пехотное училище в Вильносе. Участник первой мировой войны – штабс-капитан Русской императорской армии. В период с 1917 по 1921 г. участник ряда белорусских антикоммунистических формирований, воевавших на стороне Польши. С 1921 по август 1939 г. капитан Польской армии. С августа 1939 по январь 1941 г. в плену в СССР, где, по некоторым данным, согласился сотрудничать с НКВД. С мая 1942 г. начальник курсов по подготовке офицеров белорусской полиции в Минске. С августа 1943 г. «главный опекун» белорусской полиции. С февраля 1944 г. в чине майора начальник Штаба БКА. С июля 1944 г. в эмиграции в Германии. 28.04.1945 г. в районе Айзенштадта (Чехия) сдался в плен американцам. С 1950 г. в эмиграции в США, где в чине генерал-майора занимал пост «военного министра» при БЦР. Являлся автором нескольких работ по военной истории Белоруссии.

Кюблер (Kübler), Людвиг (Ludwig) (2.09.1889 – 18.08.1947), генерал пехоты (с 1.08.1940 г.; 24.11.1941 г. переаттестован в генералы горно-егерских войск). В армии с 20.07.1908 г. (фаненнокер). 23.10.1910 г. произведен в лейтенанты 15-го Баварского пехотного полка. Участник первой мировой войны. За боевые заслуги награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. С 1919 по 1938 г. на разных должностях в рейхсвере, а затем в вермахте. С 1.04.1938 г. командир 1-й горно-егерской дивизии (неофициальное название дивизии «Эдельвейс»). С 25.10.1940 командующий XLIX горно-егерским корпусом, который в 1941 г. вошел в состав 11-й немецкой армии, действовавшей на южном участке советско-германского фронта. Участник боев за Крым и Севастополь. С 18.12.1941 г. командующий 4-й армией. С 22.07.1943 г. командующий тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр». С 1.10.1943 г. командующий войсками вермахта в зоне Адриатического побережья. С 28.09.1944 г. командующий LXXXVII армейским корпусом. 8.05.1945 г. захвачен в плен югославскими партизанами. 27.07.1947 г. военным судом в Любляне (Словения) приговорен к смертной казни. Расстрелян.

Мальцев, Виктор Иванович (1895 – 1.08.1946), генерал-майор Вооруженных сил КОНР, деятель Русского освободительного движения. В 1919 г. окончил Егорьевскую школу военных летчиков. С 1925 по 1938 г. последовательно являлся: начальником Центрального аэродрома под Москвой, помощником начальника Управления ВВС Сибирского военного округа, начальником ВВС Сибирского военного округа, начальником Туркменского управления Гражданского воздушного флота СССР. С 26 ноября 1936 г. полковник ВВС. 11 марта 1938 г. арестован НКВД, но уже 5 сентября 1939 г. освобожден за недостатком улик и реабилитирован. Демобилизован из Красной Армии и исключен

из рядов Коммунистической партии. В 1939-1941 гг. директор санатория Аэрофлота в Ялте (Крым). После оккупации немцами Крыма перешел к ним на службу. С марта 1942 по июнь 1943 г. начальник городского управления, а затем мировой судья Ялты. В марте 1943 г. подал рапорт о его переводе в распоряжение генерал-лейтенанта А.А. Власова. В 1943-1944 гг. в составе «Восточной» (русской) авиационной группы (Восточная Пруссия). С декабря 1944 г. в чине генерал-майора командующий Военно-воздушными силами КОНР. В апреле 1945 г. сдался в Чехии американским войскам. Выдан в СССР, где после закрытого судебного процесса приговорен к смертной казни через повешение.

Микула (Мікула), Виталий (Віталь) (1913 – 1944), белорусский военный деятель. В 1939 г. окончил артиллерийскую школу в Грудзёнце, поручик Польской армии. Участник польско-немецкой войны (сентябрь 1939 г.). С мая 1942 г. заместитель начальника курсов по подготовке офицеров белорусской полиции (Минск). С декабря 1942 г. в чине капитана офицер связи при *Белорусском батальоне железнодорожной охраны*. В 1943 г. подготовил и издал «Строевой воинский устав». С февраля 1944 г. заместитель начальника Штаба БКА. С лета 1944 г. в эмиграции в Германии. За отказ сотрудничать с русскими офицерами-антикоммунистами убит немцами в концлагере Дахау.

Островский (Астроўскі), Радослав (Радаслаў) (1887 – 1976), белорусский политический деятель. В 1917 г. комиссар Временного правительства в Слуцком округе, участник 1-го Всебелорусского конгресса (1917 г.). Затем примкнул к Белому движению, офицер Вооруженных сил Юга России. После окончания гражданской войны эмигрировал в Польшу. В 1924-1936 гг. директор Виленской белорусской гимназии. Депутат польского Сейма. Стоял на пропольских позициях. В 1941-1943 гг. работал в органах белорусского самоуправления в Брянском, Смоленском и Могилевском округах. С декабря 1943 г. президент БЦР. С июня 1944 г. в эмиграции, где продолжал политическую деятельность, занимая и далее пост президента БЦР. Один из самых влиятельных лидеров белорусской послевоенной эмиграции.

Рогуля (Рагуля), Борис (Барыс), род. в 1920 г., белорусский политический и военный деятель, майор БКА (с 1944 г.). Окончил гимназию в Новогрудке. Участник немецко-польской войны сентября 1939 г. В ходе войны попал в плен, бежал. В 1941 г. был арестован НКВД и чудом избежал расстрела. Член БНП. В 1942-1943 гг. окружной руководитель БНС в Новогрудском округе. В 1943-1944 гг. командир *Новогрудского кавалерийского эскадрона*, который являлся формированием белорусской самообороны. С февраля 1944 г. вместе со своим эскадроном был принят в БКА на правах командира отдельного формирования. Окружной начальник БКА и одновременно представитель БЦР в Новогрудском округе. С июля 1944 г. в эмиграции в Германии. С сентября 1944 г. начальник офицерской школы *1-го Кадрового батальона БКА* в Берлине. С декабря 1944 г. офицер связи с *30-й (белорусской) гренадерской дивизией войск СС*. После окончания войны жил в Западной Германии, где являлся членом Совета Белорусской народной республики. Участвовал в засылке в Белоруссию специальных разведывательных групп. Позднее переехал в Канаду. Работал врачом.

Радько (Родзька), Всеволод (Ўсевалод) (1920 – 1946?), белорусский военный и политический деятель. Окончил польскую гимназию им. А. Мицкевича в Новогрудке (1938), а потом унтер-офицерскую школу в Зомброве. Участник польско-немецкой войны в сентябре 1939 г., попал в плен, откуда в 1940 г. был освобожден. Возглавил Краковский филиал Варшавского белорусского комитета. С весны 1941 г. сотрудничал с абвером. С июля 1941 г. начальник городского управления Витебска. С июля 1942 г. председатель ЦК БНП (оставался во главе партии до своей смерти). Член БЦР, где являлся ответственным за работу с молодежью. С марта 1944 г. в чине лейтенанта командир 15-го батальона БКА. В чине майора политический руководитель *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. Сторонник сближения с движением генерала А.А. Власова. После окончания войны пробрался в Польшу, где был арестован в июне 1945 г. (по другим данным – осенью 1946 г.). В 1946 г. на процессе в Минске приговорен к смертной казни. Получил звание генерал-майора (посмертно) от Совета БНР.

Роткирх-унд-Трах (Rothkirch-und-Trach), Эдвин фон (Edvin von) (род. 1.11.1888), граф, генерал кавалерии (с 1.01.1944 г.). Окончил кадетский корпус. 1.03.1908 г. вступил в 17-й Мекленбургский драгунский полк (лейтенант). Участник первой мировой войны. За боевые заслуги награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. Ротмистр (с 16.09.1917 г.). С 1919 по 1939 г. занимал различные командные должности в рейхсвере и вермахте. С 25.04.1940 г. командир 442-й охранной дивизии. 5.01.1942 г. назначен командиром 330-й пехотной дивизии, которая была переброшена на советско-германский фронт и включена в состав группы армий «Центр». С сентября 1943 г. командующий тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр», а с апреля 1944 г. – командующий войсками вермахта в генеральном округе «Белоруссия» (занимал обе должности одновременно). С 3.11.1944 г. командующий ЛШ армейским корпусом. Участник наступления в Арденнах. 6.03.1945 г. взят в плен американскими войсками. Освобожден из плена 3.11.1947 г.

Сакович (Саковіч), Юлиан (Юльян) (24.08.1906 – 13.06.1943), белорусский общественный и политический деятель. Окончил Белорусскую гимназию в Вильно (Литва), обучался на агрономическом факультете Виленского университета. Член Белорусского студенческого союза (исключен в 1928 г.). Был связан с подпольным коммунистическим движением, за что подвергался преследованиям со стороны польских властей. В 1940 г. был арестован НКВД, однако вскоре был отпущен. После освобождения радикально пересмотрел свои взгляды и стал на позиции белорусского национализма. С лета 1941 г. начальник белорусской полиции Минского округа, сотрудник БНС. Инициатор создания Белорусской народной громады (осень 1941 г.) – одной из организаций белорусского националистического движения Сопrotивления и ее партизанских отрядов. Летом 1943 г. был выслан немцами в Лидский округ. Убит польскими партизанами в селе Васишишки. По одной из версий, это было сделано с молчаливого согласия немцев.

Сажич (Сажыч), Иосиф (Язэп), род. в 1917 г., белорусский политический и военный деятель, генерал-майор. Окончил гимназию в Новогрудке и польскую унтер-офицерскую школу. В 1941 г. создавал отряды белорусской самообороны в западной Белоруссии. Член нелегальной БНП. С 1942-1943 гг. в чине лейтенанта командир одной из рот *Белорусского батальона железнодорожной охраны*, затем в 1943-1944 гг. офицер-пропагандист батальона. С марта 1944 г. офицер БКА. С июня 1944 г. в эмиграции в Германии. Активный участник белорусского национально-освободительного движения. В 1982-1997 гг. – председатель Совета БНР.

Скорцени (Skorzenny), Отто (Otto) (12.06.1908 – 5.07.1975), руководитель диверсионных отрядов СС, СС-штандартенфюрер (с 20.04.1945 г.). Учился в Венском университете. Во время учебы примкнул к нацистскому движению, в 1932 г. вступил в нацистскую партию, а в 1934 г. – в СС. Участвовал в попытке нацистского переворота в Австрии. В 1939 г. переведен в *Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер»*. Участвовал в боевых действиях во Франции, Югославии и на советско-германском фронте. В апреле 1943 г. переведен в распоряжение *Главного управления имперской безопасности (РСХА)*, где в его задачи входило проведение мероприятий по военному, материальному, моральному и политическому саботажу за рубежом. К наиболее известным из проведенных им операций относятся похищение итальянского диктатора Б. Муссолини (сентябрь 1943 г.), захват главы Венгрии М. Хорти (октябрь 1944 г.) и диверсионные операции в тылу американских войск во время немецкого наступления в Арденнах (декабрь 1944 – январь 1945 г.). Участвовал в боевых операциях на Одерском фронте (январь 1945 г.). 15.05.1945 г. арестован американскими войсками. В сентябре 1945 г. предстал перед военным судом, но был оправдан и освобожден. В апреле 1948 г. вновь арестован, но уже через два месяца бежал. Принимал активное участие в создании послевоенных организаций бывших членов СС (например, «Паук», «Одесса» и т.п.). С 1950 г. жил в Испании. Автор воспоминаний.

Соболевский (Сабалеўскі), Юрий (Юры) (24.04.1889 – 26.12.1957), белорусский политический деятель. Активный участник белорусского национального движения. Неоднократно арестовывался польскими, советскими и немецкими властями. В 1943-1943 гг. руководитель

БСП. С декабря 1943 г. второй вице-президент БЦР. С июня 1944 г. в эмиграции в Германии, председатель Коллегии БЦР. Активный сторонник вооруженной антибольшевистской борьбы. В 1950 г. от имени БЦР заключил соглашение с Украинским национальным советом о совместной борьбе против большевизма. Умер при невыясненных обстоятельствах. Похоронен в Мюнхене (Западная Германия).

Сокол-Кутыловский (Сокал-Кутылоўскі), Антон (Антон) (1892 – 1983), белорусский военный деятель. По образованию учитель. Окончил Петербургский университет и Казанское военное училище (1916 г.). Участник первой мировой войны, штабс-капитан Русской императорской армии. Один из лидеров так называемого «Слуцкого восстания», командир Слуцкой бригады (ноябрь 1920 г.). В 1921-1939 гг. православный священник в Новогрудке и Слониме. 19 июня 1941 г. арестован НКВД, бежал. В 1941-1944 гг. школьный инспектор в Ганцевичах, руководитель местной БНС. В декабре 1943 - июне 1944 г. представитель президента БЦР в Ганцевичском округе. Участник 2-го Всебелорусского конгресса. Подполковник БКА. С осени 1944 г. работал в Военном отделе БЦР в Берлине. С марта 1945 г. в чине Ваффенштурмбаннфюрера командир 1-го батальона 30-й (белорусской) гренадерской дивизии войск СС. В апреле 1945 г. сдался в плен американцам, выдан в СССР. В 1947 г. осужден на 25 лет лагерей. В 1958 г. освобожден по амнистии. После освобождения жил в Польше, где и умер.

Станкевич (Станкевіч), Ян (Ян), (15.11.1904 – 12.12.1991) белорусский общественный и политический деятель, ученый. Окончил Виленскую белорусскую гимназию и Пражский университет. Доктор философии (1926 г.). Работал преподавателем в Варшавском и Виленском университетах. Депутат польского Сейма (1928-1930 г.). Летом 1940 г. основал Партию белорусских националистов, а летом 1943 г. – Белорусское национально-демократическое объединение – организации националистического движения Спротивления, которые делали ставку на сотрудничество с польским подпольем. В начале 1944 г. выехал из Белоруссии в Прагу (Чехия). После окончания второй мировой войны жил в США.

Ценнер (Zenner), Карл (Karl) (11.06.1899 – 16.06.1969), СС-бригадфюрер (с 21.06.1941 г.) и генерал-майор полиции (26.09.1941 г.). Участник первой мировой войны. За боевые заслуги награжден Железным крестом 2-го класса. В 1925 г. вступил в нацистскую партию. Один из первых членов СС. 2.04.1930 г. произведен в СС-унтерштурмфюреры. С 1932 по 1941 г. занимал различные посты и должности в СС и полиции. Депутат Рейхстага (июль – ноябрь 1932 г. и с марта 1933 г.). С 14.08.1941 по 22.05.1942 г. фюрер СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». Один из организаторов нацистского террора в этой оккупированной республике. Смещен с должности за потворствование белорусским националистам. С мая 1942 г. (фактически с июня) начальник III (учетного) управления Главного управления СС. Находился на этом посту до мая 1945 г. Попал в плен к французским войскам, а затем был передан британским военным властям. Военным судом приговорен к 5 годам тюремного заключения. Освобожден в 1950 г. В июле 1961 г. суд в Кобленце (Германия) приговорил его за военные преступления на территории Белоруссии к 15 годам тюремного заключения.

Чеботаревич (Чэботарэвіч), Виктор (Віктар) (1906 – 7.10.1963), белорусский политический и военный деятель. Окончил учительскую семинарию в Несвиже. В 1940-1941 гг. поддерживал связь с белорусскими националистическими организациями в Польше. Летом 1941 г. по польскому доносу арестован немцами, но вскоре выпущен. Работал в отделе образования генерального комиссариата «Белоруссия». Член нелегальной БНП. С марта 1943 г. в чине лейтенанта офицер-пропагандист 13-го Белорусского полицейского батальона при СД. С марта 1944 г. в чине капитана начальник офицерской школы БКА в Минске. С июня 1944 г. в эмиграции. После войны жил сначала в Западной Германии, а потом в США (Нью-Йорк). Активный деятель белорусского национально-освободительного движения. Сотрудничал с газетой «Белорусская трибуна» («Беларуская трыбуна») (США). Представлял белорусскую эмиграцию во всемирных антикоммунистических эмиграциях.

Шенкендорф (Schenkendorff), Макс фон (Max von) (24.02.1875 – 6.07.1943), генерал пехоты (с 1.09.1940 г.). Окончил кадетский корпус. 17.03.1894 г. вступил в 47-й пехотный полк (лейтенант). Участник первой мировой войны (последнее воинское звание – майор). После капитуляции Германии на службе в рейхсвере. Командир батальона в 29-м пехотном полку. С 1.04.1923 г. начальник штаба инспектора пехоты. С 1.02.1926 г. командир 8-го пехотного полка. 28.02.1930 г. уволен в отставку в чине генерал-лейтенанта. 26.08.1939 г. вновь призван на службу. С 25.10.1939 г. комендант Познани (Польша). 15.03.1941 г. назначен командующим тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр». Выступал за гуманное отношение к местному населению. Один из главных инициаторов создания «восточных» добровольческих формирований в тыловом районе группы армий «Центр». По некоторым данным являлся участником антигитлеровской оппозиции в вермахте.

Шимана (Schimana), Вальтер (Walter) (12.03.1898 – 12.09.1948), СС-группенфюрер, генерал-лейтенант войск СС и полиции (с 20.04.1944 г.). Окончил австрийский кадетский корпус. В составе австро-венгерской армии участвовал в первой мировой войне. Лейтенант (с декабря 1918 г.). 7.12.1926 г. вступил в нацистскую партию. СА-штандартенфюрер (с 1938 г.). В 1934 г. переведен в охранную полицию (капитан), а 1.04.1936 г. – в жандармерию (майор). С апреля 1936 г. при штабе шефа полиции порядка. 4.09.1942 г. назначен фюрером СС и полиции «Саратова» в подчинении главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр». С декабря 1941 по январь 1942 г. командовал боевой группой 137-й пехотной дивизии. С июля 1942 г. командир одного из полицейских полков на Восточном фронте. С 21.07.1942 по 15.07.1943 г. фюрер СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». С 15.07.1943 г. командир 14-й гренадерской дивизии войск СС (1-я галицкая). С 18.10.1943 г. главный фюрер СС и полиции в Греции. В мае 1945 г. сдался в плен американским войскам. В тюрьме покончил жизнь самоубийством.

Шкелёнок (Шкялёнак), Николай (Мікалай) (1899 – 1946?), белорусский политический деятель. Окончил юридический факультет университета в Вильно (1930 г.). Входил в руководство Белорусского студенческого союза, редактировал журнал «Студенческая мысль» («Студэнцкая думка»). Руководил спортивным отделом Объединения белорусских студенческих организаций. Автор ряда исследований по истории Белоруссии. С июня 1941 г. член Белорусского национального центра (Берлин). С декабря 1943 г. первый вице-президент БЦР, руководил ее отделами пропаганды и прессы. Один из организаторов 2-го Всебелорусского конгресса. С 1944 г. в эмиграции в Германии. Руководитель Коллегии БЦР.

Шнек (Шнэк), Степан (Сьцяпан) (1900 – 24.01.1952), белорусский военный деятель, майор БКА (с 1.01.1945 г.). Окончил Ленинградскую военную академию. Служил в Красной Армии. Перед началом советско-германской войны жил в Слуцке, где преподавал математику и военную подготовку в средней школе. С августа 1941 по февраль 1944 г. начальник белорусской вспомогательной полиции в Слуцке и в Слуцком округе. С февраля 1944 г. окружной начальник БКА в Слуцке. С лета 1944 г. в эмиграции в Германии. 28.11.1944 г. назначен исполняющим обязанности заместителя командира 1-го Кадрового батальона БКА по военной подготовке. После окончания войны жил сначала в Германии, потом во Франции, а в мае 1950 г. переехал с семьей в Австралию. Сотрудничал в газетах «Родина» («Бацькаўшчына») и «Белорусское слово» («Беларускае слова»). Трагически погиб.

Шпорренберг (Sporrenberg), Якоб (Jakob) (16.09.1902 – 06.12.1952), СС-группенфюрер (с 1.01.1940 г.), генерал-лейтенант полиции (с 7.07.1943 г.). В 1919-1920 гг. на службе в рейхсвере. В 1922 г. вступил в нацистскую партию, в 15.12.1925 г. – в СА. 1.08.1929 г. переведен в систему Гитлерюгенда и назначен его руководителем в Дюссельдорфе. 1.10.1930 г. вступил в СС. Занимал различные командные должности в территориальных структурах этой организации. В 1937 г. переведен в СД и назначен инспектором СД и полиции безопасности в Кёнигсберге. С апреля 1938 г. депутат Рейхстага. С 1.10.1939 по 24.07.1940 г. занимал должность главного фюрера СС и полиции области «Рейн», а с 21.06.1940 по 1.05.1941 г. – должность

главного фюрера СС и полиции области «Северо-Восток» (Кёнигсберг). 21.07.1941 г. назначен фюрером СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». 14.08.1941 г. переведен в распоряжение уполномоченного по борьбе с партизанами. Один из ближайших сотрудников рейхскомиссара «Украины» Эриха Коха. Один из организаторов нацистского террора в Белоруссии и на Украине. 16.08.1943 г. назначен на пост фюрера СС и полиции «Люблин», но пробыл на нем недолго. С 21.11.1944 по май 1945 г. фюрер СС и полиции в Южной Норвегии. После капитуляции Германии арестован западными союзниками и впоследствии передан польским властям. Приговорен к смертной казни через повешение.

Шэфер (Schäfer), Карл (Karl) (1892 – 2.11.1943), СС-бригадфюрер и генерал-майор полиции (с 21.06.1943 г.). Один из руководителей немецкой карательной системы на территории СССР. С 7 по 24.04.1942 г. являлся исполняющим обязанности фюрера СС и полиции в генеральном округе «Латвия», а с 25 апреля по 22 мая 1942 г. занимал такую же должность в генеральном округе «Литва». С 22 мая по 21 июля 1942 г. – фюрер СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». 4.10.1943 г. был назначен фюрером СС и полиции в генеральном округе «Днепропетровск», где руководил проведением антипартизанских операций. Убит снайпером во время одной из таких операций.

Шорс (Шчорс), Николай (Микола) (1913 – 22.12.1995), белорусский политический деятель. Окончил медицинский факультет университета в Вильно. В 1935-1937 гг. был председателем Белорусского студенческого союза. 19 июня 1941 г. возглавил созданный в Берлине Белорусский национальный центр. Находился под идеологическим влиянием ксендза В. Годлевского (*смотри это имя*). Был активным деятелем белорусского национального движения. После войны жил в США, где возглавлял ряд белорусских общественно-политических организаций.

Эрлинггер (Ehrlinger), Эрх (Erich) (14.10.1910 – после 1969), СС-оберфюрер (с 9.11.1944 г.) и полковник охранной полиции (с 27.06.1944 г.). Сын бургомистра. Учился в Тюрингенском, Кильском и Берлинском университетах. В 1931 г. вступил в нацистскую партию и СА, СА-штурмбанфюрер (с декабря 1932 г.). 22.06.1935 г. переведен в СС, а уже в сентябре – в СД, где занял пост пресс-секретаря Главного управления СД. С марта по сентябрь 1939 г. начальник оперативной команды, которая действовала на территории Чехии (Прага). После начала Второй мировой войны – в составе 4-й оперативной группы СД, действовавшей на территории Польши. С ноября 1939 по март 1940 – начальник полиции безопасности и СД в округе «Варшава», где руководил массовыми арестами польской интеллигенции и евреев. С марта 1940 г. военный корреспондент при «Лейбштандарте СС Адольф Гитлер». После начала войны с СССР командир специальной команды 1-б в составе оперативной группы «А», действовавшей на территории Прибалтики, Белоруссии и Северной России. С декабря 1941 по сентябрь 1943 г. начальник полиции безопасности и СД в генеральном округе «Киев». 6.09.1943 г. назначен на должность фюрера СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». 1.04.1944 г. отозван в Берлин и поставлен во главе 1-го (кадровые и правовые вопросы) управления РСХА. Инспектор школ СД и полиции безопасности. После капитуляции Германии долгое время скрывался, пока не был арестован властями ФРГ (ноябрь 1958 г.). 20.12.1961 г. приговорен к 12 годам тюремного заключения, однако уже в декабре 1969 г. вышел на свободу.

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АК – Армия Крайова (*Armija Krajowa (пол.); АК*)
- АПА – Внешнеполитическое бюро Национал-социалистической рабочей партии Германии (*Aussenpolitisches Amt (нем.); АПА*)
- БВА – Белорусская освободительная армия (*Беларуская вызвольная армія (бел.); БВА*)
- БГА – «Беларускі гістарычны агляд»
- БГАКФФД – Белорусский государственный архив кино-, фото- и фонодокументов
- БНІМ – Белорусский институт науки и искусства (*Беларускі Інстытут навукі й мастацтва (бел.); БНІМ*)
- БКА – Белорусская краевая оборона (*Беларуская краёвая абарона (бел.); БКА*)
- БНДА – Белорусское национально-демократическое объединение (*Беларускае нацыянальна-дэмакратычнае аб'яднаньне (бел.); БНДА*)
- БНК / КОНР – Белорусский национальный комитет при КОНР
- БНС / КОНР – Белорусский национальный совет при КОНР
- БНП – Белорусская незалежницькая партия (*Беларуская незалежницькая партыя (бел.); БНП*)
- БНР – Белорусская народная республика (*Беларуская народная рэспубліка (бел.); БНР*)
- БНС – Белорусская народная самопомощь (*Беларуская народная самапомач (бел.); БНС*)
- БНСП – Белорусская национал-социалистическая партия (*Беларуская нацыянал-сацыялістычная партыя (бел.); БНСП*)
- БРД – Белорусский совет доверия (*Беларуская рада даверу (бел.); БРД*)
- БСП – Белорусская самопомощь (*Беларуская самапомач (бел.); БСП*)
- БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика
- БЦР – Белорусский центральный совет (*Беларуская цэнтральная рада (бел.); БЦР*)
- ВИЖ – «Военно-исторический журнал»
- ГААРК – Государственный архив Автономной Республики Крым
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГФП – Тайная полевая полиция (*Geheimpolizei (нем.); GFP*)
- КБС – Корпус белорусской самообороны (*Корпус беларускай самааховы (бел.); КБС*)
- КГБ – Комитет государственной безопасности
- КОНР – Комитет освобождения народов России
- МВД – Министерство внутренних дел
- НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь
- НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
- «Оди» – служба порядка (*Ordnungsdienst (нем.); Odi*)
- ОКВ – Верховное командование Вермахта (*Oberkommando der Wehrmacht (нем.); ОКВ*)
- ОКХ – Верховное командование сухопутных войск (*Oberkommando des Heeres (нем.); ОКХ*)
- ОУН – Организация украинских националистов (*Організація українських націоналістів (укр.); ОУН*)
- ПБН – Партия белорусских националистов (*Партыя беларускіх нацыяналістаў (бел.); ПБН*)
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РОД – Русское освободительное движение
- РОА – Русская освободительная армия

- РСХА – Главное управление имперской безопасности (*Reichssicherheitshauptamt* (нем.); *RSHA*)
- СБМ – Союз белорусской молодежи (*Саюз беларускай моладзі* (нем.); *СБМ*)
- СБПБ – Союз борьбы против большевизма
- СД – Служба безопасности (*Sicherheitsdienst* (нем.); *SD*)
- СРМ – Союз русской молодежи
- СС – Охранные отряды (*Schutzstaffel* (нем.); *SS*)
- ПБН – Партия белорусских националистов (*Партыя беларускіх нацыяналістаў* (бел.); *ПБН*)
- УІЖ – «Український історичний журнал»
- УПА – Украинская повстанческая армия (*Українська повстанська армія* (укр.); *УПА*)
- «Хиви» – «добровольный помощник» (*Hilfswilliger* (нем.); *Hiwí*)
- ЦК КПБ – Центральный комитет Коммунистической партии Белоруссии
- ЦШПД – Центральный штаб пратизанского движения
- ВА-МА – Bundesarchiv-Militärarchiv (нем.) – *Федеральный военный архив Германии*
- HSSPf – Höhere SS- und Polizeiführer (нем.) – *главный фюрер СС и полиции*
- HZ - Institut für Zeitgeschichte (нем.) – *Институт современной истории*
- SSPf – SS- und Polizeiführer (нем.) – *фюрер СС и полиции*
- КТБ – Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab) (нем.) – *Дневник военных действий ОКВ*
- MGFA – Militärgeschichtlichen Forschungsamt der Bundeswehr (нем.) – *Управление военно-исторических исследований Министерства обороны ФРГ*
- NARS – U.S. National Archives (англ.) – *Национальный архив США*
- PAJH – Privatarchiv des Dr. Joachim Hoffmann (нем.) – *Личный архив Д-ра Иоахима Хоффманна*
- «Schuma» – Schutzmannschaft der Ordnungspolizei (нем.) – *«вспомогательная полиция порядка»*
- z.b.V. – zur besonderen Verfügung (нем.) – *части специального назначения*

SUMMARY

Oleg V. Romanko

Legions under Pogonya sign. The Byelorussian collaborationist formations in the power structures of Nazi Germany (1941 – 1945)

The complex of questions, related to the problem of Byelorussian military collaborationism in the period of Second World War is examined in a monograph. On the base of vast historical material from the archives of Ukraine, Byelorussia, Russia, Germany and USA the process of organization, preparation and battle using of Byelorussian units and sub-units in composition of police, Wehrmacht and Waffen-SS is retraced.

In the first chapter reasons and conditions of creation of the Byelorussian collaborationist formations through the prism of plans of German military and political management in attitude to this soviet republic are exposed. The place of Byelorussian emigration in this process is considered.

In the second chapter influence of Byelorussian national movement on creation and use of collaborationist units and sub-units is analyzed. The fight of pro-Nazi and anti-Nazi currents in national movement for leading position in this process is shown.

To the Byelorussian collaborationist formations in composition German forces on keeping an order the third chapter of monograph is covered. Use the method of comparative analysis, an author shows the process of organization, preparation and battle using of units of the Byelorussian police, self-defense and prototype of national military powers – the Byelorussian regional defensive.

Finally, about the Byelorussian formations in the structures of armed forces of Nazi Germany speech go in the fourth chapter of monograph. An author analyzed and compared organization preparation and battle using of battle, special and auxiliary units of Wehrmacht and Waffen-SS. Firstly in domestic historiography history of the youth militarized organization Union of the Byelorussian youth and its role in German military efforts is considered.

A book is expected on specialists-historians, teachers of universities and colleges, students and all, who is interested in the problems of history of Second World War.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1	
Причины создания белорусских коллораационистских формирований	37
<i>«Восточные» добровольческие формирования в годы Второй мировой войны</i>	37
<i>Белоруссия в геополитических планах нацистского руководства</i>	49
<i>Белорусская эмиграция в межвоенной Европе</i>	57
<i>Немецкий «новый порядок» на территории Белоруссии: структура и функции</i>	68
Глава 2	
Белорусский национализм и проблема создания коллораационистских формирований	91
<i>Белорусские коллораационистские организации и их деятельность</i>	91
<i>Политическая активность белорусских националистов и позиция нацистского военно-политического руководства</i>	104
<i>Коллораационизм и партизанское движение на территории Белоруссии</i>	122
Глава 3	
Белорусские коллораационистские формирования в полицейских и антипартизанских структурах	145
<i>Части и подразделения полиции</i>	145
<i>Формирования белорусской самообороны</i>	164
<i>Белорусская краевая оборона</i>	181

Глава 4	
Белорусские коллораационистские формирования в Вермахте и СС	204
<i>Разведывательно-диверсионные части</i>	204
<i>Союз белорусской молодежи и вспомогательные подразделения Вермахта</i>	217
<i>30-я гренадерская дивизия войск СС (1-я белорусская)</i>	240
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	255
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	261
ПРИЛОЖЕНИЯ	287
ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	299
SUMMARY	301

Наукове видання

РОМАНЬКО Олег Валентинович

ЛЕГІОН ПІД ЗНАКОМ ПОГОНІ

*Білоруські колабораціоністські формування
в силових структурах нацистської Німеччини
(1941 – 1945)*

Монографія

(російською мовою)

Верстка *З. В. Ерінчек*

Дизайн обкладинки: *Є. В. Мажарова, З. В. Ерінчек*

Підписано до друку 01.12.2008. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнітура Times. Умовн.-друк. арк. 18,1.
Тираж 500 прим.

Видавництво «АнтикВА»
95000, м. Сімферополь, пр. Героїв Аджимушкая, 6, оф. 3.
Тел.: 8(0652)60-02-98. E-mail: antikva07@mail.ru
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
суб'єкта видавничої справи ДК № 2485 від 05.05.2006 р.

Надруковано у СПД «Барановська А. Е.»
95006, м. Сімферополь, вул. Севастопольська, 94